

Ш. Х. Мгои

**Курдский
национальный
вопрос
в Ираке
в новейшее время**

Академия наук Армянской ССР
Институт востоковедения

Ш. Х. Мгои

**Курдский
национальный
вопрос в Ираке
в новейшее время**

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 66.5(5Ир) + 63.3(5Ир)
М40

Редактор издательства
Т. К. ГАРУШЯНЦ

Мгои Ш. Х.

М40 Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 324 с.
ISBN 5-02-016939-0

На базе обширного источниковедческого материала впервые в новейшее время научно излагается история национально-освободительной борьбы иракских курдов.

М 0301050203-066 153-90
013(02)-91

ББК 66.5(5Ир) + 63.3(5Ир)

ISBN 5-02-016939-0

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крах колониальной системы империализма еще не привел к полной ликвидации национального угнетения. В условиях освобождения огромного количества стран из-под колониального ига бесправие и угнетенное положение ряда народов в современном мире — вопиющий анахронизм. Если в одном случае это следствие политики неокOLONиализма, то в другом — выражение политики правящих буржуазно-националистических кругов стран, народы которых в недалеком прошлом сами вели национально-освободительную борьбу.

Оставляя после своего господства нерешенные (или даже искусственно созданные) национально-этнические проблемы, территориальные и иные спорные вопросы, империализм и в современных условиях безуспешно стремится использовать их в своих интересах как рычаг воздействия на политику освободившихся стран. Сами же национально-этнические конфликты тормозят гармоничное развитие данной страны, нередко служат фактором, способствующим утверждению антидемократических диктаторских режимов, разжиганию националистических страстей, что на руку внутренним и внешним реакционным силам.

С этой точки зрения курдская национальная проблема на Ближнем и Среднем Востоке весьма показательна. Эта проблема одна из сложнейших и актуальных не только на Ближнем и Среднем Востоке, но, пожалуй, и во всем мире. Своеобразие внутренних и внешних обстоятельств, обуславливающих запутанный и хронический характер проблемы, до настоящего времени тормозит ее справедливое и демократическое решение.

Национально-освободительная борьба курдов в Ираке — это составная часть национального движения более чем 20-миллионного народа, разделенного между несколькими странами.

Подвергаясь жестокому социальному и национальному гнету, курдские народные массы ведут длительную и упорную борьбу за национальное освобождение во всех частях разделенного Курдистана. Но следует подчеркнуть, что национально-освободительная борьба курдов Ирака отличается в новейшее время

своей длительностью, упорством, а в последние десятилетия и организованностью, и это примечательное явление обусловлено не просто непокорностью и стойкостью борцов за национально-демократические права в Иракском Курдистане — качество, присущее и населению других частей Курдистана. Здесь очевидно, следует принять во внимание два важных обстоятельства:

1. Хотя после первой мировой войны курдский национальный вопрос так и остался неразрешенным, но вследствие упорной и длительной борьбы народных масс Иракского Курдистана хашимитский королевский режим и его английские покровители вынуждены были присоединение Мосульского вилайета (Южного, или Иракского, Курдистана) к Ираку сопроводить оговоркой о том, что это присоединение совершается при условии уважения национальных и культурных особенностей курдского населения. И хотя (как показано в работе) эти обещания иракского правительства и Лиги Наций так и остались неосуществленными, тем не менее национальный дух, национальные идеи и кое-какие возможности (весьма мизерные) развития национальной культуры иракских курдов способствовали подъему и развитию национального движения. Напомним в связи с этим, что в Иране и Турции вообще отрицалось наличие курдского народа как отдельной этнической единицы. В республиканской Турции, например, жестокость правящих кругов этой страны по отношению к борющимся за свои национальные права курдам, не имеет аналогии в мировой практике.

2. В Ираке национально-прогрессивные силы господствующего народа — арабов — раньше и активнее стали поддерживать справедливые цели курдского национального движения. Арабское демократическое движение, особенно в период после второй мировой войны, превратилось в значительную силу и серьезную опору для борющихся за свои национальные права иракских курдов. Такому положению вещей арабские и курдские демократические силы обязаны в первую очередь Иракской коммунистической партии. Она в труднейших условиях не только боролась за удовлетворение социальных нужд трудящихся страны, но и мужественно отстаивала национальные права курдов.

Национальное движение курдов давно превратилось в фактор, влияющий не только на политический климат данной страны, но и региона в целом. И здесь интересно отметить, что характер политики правящих режимов в Ираке на различных этапах развития страны, особенно в республиканский период, нередко проявлялся более рельефно и в ряде случаев скорее, чем в других областях, о неблагополучии дел в стране сигнализировали именно их позиции в национальном курдском вопросе.

Современное состояние курдской проблемы и тем более ее перспективные цели и ожидаемые последствия вводят в движение ряд стран как в регионе, так и вне его. Этим обусловлен

тот повышенный интерес, который проявляется к курдской проблеме в Ираке. Конкретное выражение такого интереса — появление многочисленных работ по курдской проблеме в странах Ближнего и Среднего Востока, а также на Западе.

Легко догадаться, что если часть этих работ отстаивает интересы борющихся курдских масс за национально-демократические права, содержит объективные сведения об этом движении, то другая часть заведомо преднамеренно запутывает историю борьбы курдского народа, с определенными целями противопоставляет интересы борющихся курдов интересам арабов, приписывает этому движению иностранные агентурные корни, сепаратизм, предъявляет и другие вымышленные обвинения.

Наряду с общими чертами национально-освободительной борьбы у курдского национального движения свои специфические особенности, которые вытекают из внутренних и международных конкретно-исторических обстоятельств, в которых ведется эта борьба. Поэтому при освещении борьбы курдов за национально-демократические права на различных этапах приходилось считаться со специфическим характером ряда ситуаций, которые имели собственную логику, и в связи с этим несколько отличаются закономерности периодизации борьбы за национальное освобождение в Иракском Курдистане. В качестве примера можно привести вопрос, пожалуй чаще всего служивший причиной неверных оценок, выводов и заключений о курдском национальном движении. Речь идет о приоритетности социального и национального моментов в национально-освободительной борьбе народов Ирака — арабов, с одной стороны, и курдов — с другой.

История национально-освободительной борьбы различных народов убедительно подтвердила правильность доказанной историей установки о том, что социальные задачи национально-освободительной борьбы выдвигаются на первый план по мере решения национальных задач. Игнорирование этой бесспорной истины и в связи с этим волюнтаризм, проявленный при оценке ряда курдских национально-освободительных выступлений, порой становились причиной необоснованных выводов и заключений.

Поскольку как у нас, так и за рубежом попытка составления цельной истории национально-освободительной борьбы курдского народа в Ираке в новейшее время предпринимается впервые, то автору пришлось приложить немалые усилия для обоснованной периодизации этой истории, характеристики целей и задач курдского национального движения на различных этапах его развития, вскрытия роли социально-экономических факторов, расстановки социально-классовых сил, роли международных обстоятельств и др. Предметом особого внимания был вопрос динамики курдского национального движения, его эволюция, обусловленность поведения курдских национально-демократических партий и организаций, их лидеров конкретными

внутренними и международными условиями. Ключом к этим сложным и порой запутанным проблемам служили основополагающие принципы и теоретические обобщения учения о национально-колониальном вопросе, документы и материалы национальных и демократических партий по различным проблемам национально-освободительной борьбы.

Для выполнения этой задачи неоценима значимость работ советских авторов по истории Ирака новейшего времени и проблемам современного этапа национально-освободительного движения народов, особенно по научно-теоретическому обобщению опыта этой борьбы.

Написание цельной истории курдов и Курдистана — одна из неотложных задач советских курдоведов-историков. Если настоящая работа в какой-то степени послужит достижению этой цели, автор будет считать свою задачу выполненной.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПОСЛЕ РАСПАДА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Неминуемый крах Османской империи обусловил крайнее обострение борьбы между великими державами за захват ее владений. Все усиливающееся влияние германского империализма в Турции, приобретение им концессии на строительство багдадской железной дороги (которая, кстати, проходила и через Курдистан) усугубляли обстановку, особенно англо-германское противоборство. Курдистан же был из тех стран Ближнего и Среднего Востока, которые постоянно фигурировали в планах раздела зон влияния между великими державами.

Значение Курдистана определялось как его природными и сырьевыми богатствами, так и ключевым военно-стратегическим положением. Естественно, что при составлении планов захвата Курдистана каждая из держав принимала во внимание главную причину нестабильности положения в стране — движение курдов, направленное на обретение национальной независимости.

Борьба стран Антанты против Турции — вековой угнетательницы курдов находила благоприятную почву в Курдистане. Но в то же время удовлетворение устремлений курдов на национальную независимость не входило в планы стран Антанты. Соответственно борьба великих держав за овладение Курдистаном в силу сложившихся обстоятельств должна была носить многоплановый и противоречивый характер. Захватнические планы воюющих сторон скрывались разнородными дипломатическими, политическими и другими мерами, призванными внушить народным массам Курдистана идею заботы об их нуждах, о поддержке борьбы за избавление от турецкого деспотического ига.

Судьба Южного (Иракского) Курдистана во многом определялась политикой английского правительства, которое на путях установления господства британского империализма над Ираком проводило хитрую и на первый взгляд противоречивую политику. Поэтому на вопрос о роли, отведенной Великобританией Курдистану, трудно дать однозначный ответ. Игнорирование национальных прав как арабов, так и курдов лежало в основе английской политики. Британская политика по отношению к арабам Ирака, с одной стороны, и к курдам — с другой,

определялась конкретно складывавшимися обстоятельствами и видоизменялась, приобретая то «проарабский», то «прокурдский» оттенок. Важно подчеркнуть, что Англия в своих интересах использовала здесь компонент пресловутой политики «разделяй и властвуй».

С началом первой мировой войны Курдистан стал ареной действий трех воюющих армий — турецкой, английской и русской. Военно-политические власти трех держав предпринимали усилия для использования сил курдов в свою пользу. Младотурецким эмиссарам и немецкой агентуре удалось часть курдов использовать в конфронтации с Россией. Для привлечения курдов на свою сторону широкую деятельность в Курдистане развернула английская агентура. Но многие курды, несмотря на традиционную безинициативность и инертность русских военно-политических властей «на курдском фронте», проявляли прорусские настроения и выражали готовность перейти на сторону русских.

И ход и последствия мировой войны оказались тяжелыми для курдского народа. В условиях войны социально-экономическое положение курдских масс еще больше ухудшилось. «Война 1914—1918 годов,— пишет прогрессивный ливанский историк Юсеф Малек,— принесла курдам, а также другим национальным меньшинствам Турции невиданные бедствия»¹. Турецкие, а с 1918 г. английские оккупационные власти обложили курдское население тяжелыми налогами, размеры которых по сравнению с 1911—1912 гг. удвоились. После оккупации Ирака и Южного Курдистана английские захватчики значительную часть военных расходов покрывали за счет местного населения. В 1917 г. из этих районов было вывезено 117 тыс. т зерна, тогда как даже в довоенные годы, при несравненно большем объеме посевных площадей, страна в состоянии была вывозить не более 90—100 тыс. т². Большая часть этого зерна была вывезена из Мосульского вилайета.

Война, нарушив экономическую жизнь Ирака и Южного Курдистана, нанесла серьезный ущерб интересам всех слоев курдского общества. Значительная часть сельского трудоспособного населения была призвана в ряды армии или использовалась на принудительных работах. В результате размеры посевных площадей резко сократились, к концу войны в Южном Курдистане оставались необработанными около 50 % посевных площадей. Свирепствовал голод. Зимой 1917—1918 гг. в Мосуле умерло от голода около 10 тыс. человек³. По свидетельству очевидцев, когда в 1918 г. английские оккупационные власти вошли в Южный Курдистан, в Сулеймании «трупы умерших лежали на улицах и в покинутых домах... осталась там одна треть населения... Две трети населения окружающих селений покинули свои места или умерли»⁴.

Дальнейшее ухудшение условий социально-экономической жизни стало одной из основных причин недовольства курдских

народных масс, способствовало росту национального самосознания широких слоев курдского общества.

Подавляющую часть населения Мосульского вилайета составляли курды, главным образом оседлые. Предгорные и горные районы заселяли кочевые и полукочевые племена. Как во времена Османской империи, так и после ее распада многие курдские племена (особенно в приграничных районах) входили одновременно в состав Ирана и Турции, Ирака и Ирана. Курды редко считались с установленными между этими государствами границами, и их передвижение носило постоянный характер. Начиная со второй половины XIX в. наблюдался процесс перехода кочевых и полукочевых племен на оседлость.

По вероисповеданию подавляющая часть курдов — мусульмане-сунниты. В Иракском, или Южном, Курдистане проживают курды, не принявшие мусульманство, — езиды. Они живут в основном недалеко от Мосула, в Синджарском районе. Замкнутость образа жизни, отсутствие широко распространенной религиозной литературы, отказ священнослужителей от толкования сути их веры и ряд других моментов окутали ореолом таинственности облик езидов и сущность их веры. Следует считать бесспорным, что с национально-этнической точки зрения езиды — неотделимая часть курдского народа.

Процесс исламизации курдов имел весьма длительный характер и нередко происходил с применением насилия, прямого или косвенного. Показательно, что до настоящего времени часть курдов одного и того же племени (или же известные под одним названием) является мусульманами, а другая — езидами. Общность языка, культуры, обычаев и нравов подтверждают, что курды-езиды и курды-мусульмане составляют один народ. Что касается веры курдов-езидов — езидизма, то, по всей видимости, как отмечал Н. Марр, — это та самая религия, которую курды исповедовали до их исламизации⁵.

Религиозная нетерпимость привела к известному отчуждению между курдами-мусульманами и курдами-езидами. Более того, в ряде случаев езиды подвергались гонениям со стороны курдов-мусульман не меньше, чем со стороны турок и др. Эта неприязнь постепенно ослабевала по мере роста национального самосознания курдов.

Курды-езиды, несмотря на сравнительную малочисленность, долгое время сохраняли свое полунезависимое положение в Османской империи. Ликвидация их полунезависимости примерно совпадает с ликвидацией курдских полунезависимых княжеств. История курдов-езидов знает многочисленные кровавые страницы. Достаточно напомнить, что во время похода турецкого Хафиз-паши в Синджарский район была устроена поголовная резня езидов. В 1894 г. по приказу кровавого султана Абдул-Хамида II турецкий военачальник Фарид Вахаби-паша сжег многие езидские селения на склонах Синджарских гор⁶.

После 1917 г. под влиянием событий, происходящих в Рос-

сии, начался бурный подъем национально-освободительного движения народов Востока. Народные массы Курдистана также активизировали национально-освободительную борьбу против своих поработителей. Как и другие угнетаемые национальные меньшинства Османской империи, курды стремились воспользоваться распадом этой военно-феодальной машины и для национального самоопределения. В этом смысле «первая мировая война и поражение Турции породили новые надежды среди курдского народа»⁷.

Возникновение первого социалистического государства резко изменило ситуацию на мировой арене. Придя к власти, большевистская партия объявила политику мира генеральной линией внешней политики Советского государства. В основу ее был положен ленинский «Декрет о мире» (08.11.1917). «Продолжать эту войну,— гласил Декрет,— из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех изъятия народностей условиях»⁸.

Курдское национально-освободительное движение в этот период происходило в сложнейших международных и внутривосточных условиях. В связи с этим однозначный ответ на ряд вопросов не позволяет всесторонне и правильно охарактеризовать эти выступления. Двойной характер кемалистского движения, например, выражался в том, что, с одной стороны, оно было направлено против империалистических захватнических планов стран Антанты, а с другой — против стремлений народных масс избавиться от социального угнетения и еще больше — против борьбы курдского народа и других угнетенных народов Турции за национальное освобождение. Нахождение национально-освободительного движения в Южном Курдистане между двух огней — реакционного хашимитовского режима и английского империализма, не скупившегося на обещания относительно возможностей для национального самоопределения курдов. И наконец, тот факт, что руководство курдским движением находилось в руках курдской феодальной знати, зачастую проявлявшей непоследовательность и непонимание различных насущных вопросов и задач борьбы, а также сравнительно невысокий уровень сознания участников борьбы за национальные права, — эти и ряд других обстоятельств во многом предопределили неудачи борьбы курдов. Эти же обстоятельства стали поводом для ошибочного истолкования различных сторон курдского движения 20—30-х годов как в Южном (Иракском) Курдистане, так и в других его частях.

Как оценить выступления курдских народных масс в 20—30-е годы, какое место отнести им в системе национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока?

Сложный характер социально-экономических и политических отношений в Курдистане, переплетение старых и новых форм эксплуатации, наличие различных экономических укладов — все это осложняло научное освещение этой борьбы, создавая почву для искажений и ошибочных оценок ряда вопросов истории курдского народа новейшего периода. Так, у ряда авторов борьба курдов, одного из угнетенных народов Турции, расценивается как «феодално-сепаратистская», как «результат подстрекательства стран Антанты».

Для характеристики поставленных вопросов интересны наблюдения В. И. Ленина по национально-колониальному вопросу, о двойственном характере политики и действий национальной буржуазии. В частности, исходным моментом для характеристики курдских национально-освободительных движений рассматриваемого периода может считаться определение понятия «аннексия», имевшее исключительно важное значение для народов Востока, сформулированное в ленинском «Декрете о мире».

Ленин рассматривал как аннексию и захват всякое сохранение иноземного господства над народами, борющимися за свою независимость, независимо от того, когда этот захват совершен. Отсюда вытекает, что давность нахождения курдов под иностранным (турецким) игом никак не могла служить основанием для оправдания претензий кемалистов к курдским районам, что, в частности, нашло выражение у некоторых (в том числе и советских) авторов в формулировке «национальная борьба за сохранение исконно (?!) турецких территорий»⁹.

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насильем, — говорилось в „Декрете о мире“, — если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не представляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насильем»¹⁰. Этот новый в практике межгосударственных отношений подход к вопросам международного права имел огромное значение для судеб угнетенных, подобно курдам, народов Востока, но на практике он не распространился на курдов.

Послевоенные события показали, что удовлетворение в какой-либо форме национальных чаяний курдских масс не входило в планы ни стран Антанты, ни кемалистской Турции, ни, наконец, хашимитского режима в Ираке. Империалистические же державы, в частности Англия и Франция, не только не намерены были выполнять обещания, данные ими национальным меньшинствам Турции об уважении их национальных прав, но и всячески стремились воспользоваться плодами военных операций

против Германии и ее союзницы Турции, с тем чтобы поделить страны Ближнего Востока между собой.

11 марта 1917 г. английский генерал Стенли Мод занял Багдад и обратился к населению Ирака с обращением, в котором говорилось о «верности арабизму и сохранению целостности территории Ирака»¹¹.

Продолжая оккупацию Ирака и Южного Курдистана, английские войска 7 мая 1918 г. заняли Киркук, а через несколько дней Сулейманию¹². В конце октября почти весь Южный Курдистан был оккупирован англичанами. 1 ноября 1918 г., т. е. на следующий день после заключения Мудросского перемирия, английские войска заняли Мосул.

В условиях широкого недовольства курдских народных масс жестоким турецким игом и при наличии бурного стремления курдов к национальной независимости английские оккупационные власти не скупались на щедрые обещания относительно «уважения и признания национальных прав народов Ирака». Желая заручиться поддержкой местного населения, английские захватчики всячески старались уверить его в том, что они «верны своим обещаниям» предоставить народам Ирака право на самоопределение. Устами того же генерала Моды англичане заявляли, что их «цель в этой войне — разгромить врага и изгнать его из этих территорий»¹³. И далее: «Наши армии занимают ваши города и земли не как завоеватели и враги, а как освободители и ваши друзья... Такова воля не только моего короля и народа, но и великих наций»¹⁴.

Следует признать, что в тот период представители курдского освободительного движения наивно верили обещаниям англичан. Так, поверив в обещания английских оккупационных властей об «уважении национальных прав курдов», представители курдских районов Хамавенда и Сулеймании вошли в контакты с англичанами, чтобы договориться о создании самостоятельного временного курдского правительства во главе с шейхом Махмудом Барзинджи¹⁵. Привлекает внимание мнение английского верховного комиссара в Ираке Арнольда Вильсона о причинах, которые заставили «немедленно заняться курдским вопросом». «Союзники, — пишет он, — после перемирия немедленно начали заниматься курдами, имея в виду следующие три важных обстоятельства: вопрос о будущем Мосульского вилайета, населенном в основном курдами; вопрос о других курдских территориях, находящихся севернее Мосульского вилайета, и вопрос о происходящих на иранской территории курдских движениях, которые могли повлиять на исход событий»¹⁶.

Победа в войне Англии и ее союзников и распад Османской империи создали благоприятную почву для появления иллюзий об «освободительной» миссии европейских держав на Ближнем Востоке. «Когда англичане вошли в Ирак, — пишет Амин Саид, — его население по-дружески их встретило и оказывало им поддержку, считая их друзьями и союзниками»¹⁷.

В деле роста политической активности масс значительную роль играли вести о революционных событиях в России. Особую значимость приобрела публикация секретных дипломатических документов царского и Временного правительств после победы Октябрьской революции. В числе опубликованных документов было также и соглашение Сайкса—Пико о разделе Арабского Востока на сферы влияния держав Антанты. Это мероприятие Советского правительства получило большой резонанс. Как пишет курдский историк и общественный деятель Абдель Рахман Гасемлу, «публикуя соглашение Сайкса — Пико и другие секретные договоры, Советское правительство тем самым помогло народам Ближнего и Среднего Востока понять смысл империалистических заговоров»¹⁸.

Привлекает внимание тот факт, что публикация секретных документов царского правительства вызвала известное замешательство в политических кругах Запада. Вероятно, с этим имели определенную связь известные «14 пунктов» президента США В. Вильсона о «свободе и независимости народов». «Каждое территориальное изменение,—демагогически заявлял президент,—должно исходить из интересов того народа, которого оно касается...», а «международная справедливость должна быть такой справедливостью, которая не признает какой-либо привилегии и обеспечивает равноправие всех заинтересованных народов»¹⁹.

По поводу этого заявления президента США тогдашний верховный комиссар Англии в Ираке Арнольд Вильсон высказал следующую любопытную мысль. По его мнению, «14 пунктов» были восприняты как документ, который должен «нейтрализовать воздействие публикации соглашения Сайкса—Пико, осуществленной большевиками в ноябре 1917 г.». Вильсон признавал, что эта публикация вынуждала державы «если не изменить соглашение, то хотя бы дополнить его»²⁰.

Таким образом, опубликовав секретные документы царского и Временного правительств, рабоче-крестьянское государство России разоблачило империалистический характер политики западных держав в отношении угнетенных народов Востока, которые наивно верили обещаниям о предоставлении им возможности добиться признания своих национальных прав. Все это еще больше накалило обстановку и заставило страны-победительницы считаться с создавшейся ситуацией. Нет сомнения, что при проведении своей политики по курдскому вопросу английский империализм не мог не считаться с этим обстоятельством.

Итак, «идя навстречу» пожеланиям курдов, в конце 1918 г. английский офицер, майор Ноэль прибыл в Сулейманию с соответствующей инструкцией британских колониальных властей, суть которой сводилась к тому, чтобы в курдских районах навести порядок, создать у населения впечатление о благосклонном отношении Англии к стремлению курдов к национальной независимости и соответственно — благоприятные условия для

утверждения влияния Англии в этом важном экономическом и военно-стратегическом районе.

В ноябре 1918 г. Ноэль признал шейха Махмуда Барзинджи хукумдаром (правителем) Сулейманийского района. Однако с самого начала ситуация была чревата конфликтами между шейхом Махмудом, с одной стороны, и англичанами — с другой. В то время как шейх Махмуд стремился воспользоваться создавшейся ситуацией и шаг за шагом расширять границы подвластного ему района, чтобы в конечном итоге добиться создания и укрепления независимого курдского государства, англичане рассматривали самоуправление курдов в Сулеймании лишь как тактический шаг для выигрыша времени в сложной борьбе за овладение этим важным районом. Касаясь причин, побудивших англичан заявить о своей «готовности» признать национальные права курдов, Юсеф Малек пишет: «Союзные державы четко сознавали, что и Курдистану необходимо предоставить независимость, к которой стремился курдский народ и которая могла положить конец бесконечным восстаниям»²¹.

Небезынтересно отношение различных слоев курдского населения к обещаниям английских властей о предоставлении курдам национальной автономии. Хорошо осведомленный и находившийся тогда в гуще событий Арнольд Вильсон вынужден был признать, что «подозрительность по отношению к нашим (английским.— Ш. М.) окончательным намерениям продолжала существовать и у нас не было возможности каким-то образом создать атмосферу доверия»²². А другой английский чиновник в Южном Курдистане, Гамильтон, писал: «Шейх (Махмуд Барзинджи.— Ш. М.) по безошибочной восточной интуиции догадывался, что наша политика шатка и изменчива»²³.

Источником конфликтной ситуации была сама форма взаимных связей английских властей и аппарата курдского самоуправления. Ноэль, выполнявший роль политического комиссара при хукумдарстве Махмуда Барзинджи, фактически контролировал всю деятельность последнего, направляя ее в фарватер британской политики в регионе. Это находилось в резком противоречии с интересами широких слоев курдского общества, которые следовали по пути к национальной независимости и самостоятельному развитию.

Английские военные и политические власти, овладев Южным Курдистаном, с самого начала проводили гибкую и хитрую политику. Сознывая важность тесных контактов с наиболее консервативными и реакционными элементами в подвластных им районах, они стали проводить там политику укрепления позиций феодалов и духовенства. В частности, оккупанты осуществили в Ираке аграрную реформу исходя из интересов феодальной верхушки, городских нотаблей и крупных шейхов, которые еще со времен турецкого владычества добились права приобретения племенных земель²⁴. Налоговое бремя стало еще тяжелее. В отличие от турецких властей, которые зачастую не

в состоянии были собрать налоги в ряде арабских и курдских районов, англичане взимали налоги полностью, не отказываясь в необходимых случаях применять оружие и даже авиацию²⁵.

С оккупацией Ирака и Южного Курдистана англичанами фактически вся власть на местах перешла в их руки. Эта власть осуществлялась через так называемых политических офицеров. Одновременно английская администрация старалась создать такое впечатление, будто она учитывает «стремление курдов к национальной независимости», ибо впереди были бурные споры из-за овладения Мосульским вилайетом. Английский империализм пытался привлечь на свою сторону «всех курдов и тем самым облегчить решение Мосульского вопроса»²⁶. Разумеется, немаловажное значение имел и тот факт, что английским вооруженным силам с трудом удавалось сохранять господство над курдскими и арабскими районами, население которых выступало против замены османского ига господством английского империализма²⁷. Наконец, одним из сильных факторов было «влияние освободительных лозунгов Октябрьской революции на курдские народные массы»²⁸. Вот почему английская администрация вынуждена была мириться с фактической самостоятельностью ряда курдских районов.

В октябре 1918 г., как уже было отмечено, политическому офицеру в Сулеймании Ноэлю было поручено создать «приемлемую народом систему правления». Представители курдской верхушки получили на местах права губернаторов, которые, однако, находились под контролем английских властей. Далее англичане замыслили создать некую «Конфедерацию племен Южного Курдистана»²⁹. Британский план создания нескольких курдских автономных районов преследовал определенную цель. Пользуясь распрями и борьбой за власть между отдельными курдскими феодалами и главами племен, англичане стремились фиксировать это раздробление и тем самым наносили большой удар по национально-освободительному движению в Южном Курдистане. Одновременно эта политика была призвана «обеспечить господство Англии над Месопотамией». По этому поводу английский государственный секретарь по делам Индии писал: «Что касается Курдистана, то, по нашему мнению, будет удобно поощрять создание федерации самостоятельных государств... которые могут воевать друг против друга, но не будут вредить Месопотамии». Английский империализм, таким образом, проводил в Южном Курдистане двуличную и коварную политику: с одной стороны, предоставлял курдам право на «самоопределение», с другой — принуждал их к такой форме административно-политического правления, которая оставляла ему возможность свести к нулю это формальное самоуправление в случае необходимости.

Именно в такой обстановке 1 ноября 1918 г. шейх Махмуд Барзинджи был объявлен хукумдаром (правителем) Сулейманийской провинции³⁰, после чего упомянутый выше Ноэль при-

ступил к созданию послушной англичанам системы правления в других курдских районах. Дальнейшие события проливают свет на истинные намерения англичан.

1 декабря 1918 г. британский верховный комиссар в Ираке Арнольд Вильсон прибыл в Сулейманию для встречи с курдскими руководителями. Как явствует из воспоминаний Вильсона, его поездка преследовала цель зондировать антитурецкие настроения курдов, что имело важное значение для Англии, находившейся в то время в конфликте с Турцией. «Курдские лидеры,— пишет он,— меня убеждали, что сельское население силой будет сопротивляться возвращению турок»³¹. Приезд Вильсона в Сулейманию и переговоры с курдскими лидерами вновь подтвердили, что цели английских военно-политических властей, с одной стороны, и лидеров курдского движения — с другой, не совпадали. Но в то же время Махмуд Барзинджи и его окружение наивно верили, что при «британской поддержке» они постепенно смогут расширить границы курдского автономного района, присоединив к нему другие части Курдистана, и таким образом, добиться заветной мечты — создания курдского самостоятельного государства. Махмуд Барзинджи представил верховному комиссару подписанный 40 курдскими вождями документ следующего содержания: «Поскольку правительство Его Величества выразило готовность освободить восточные народы от турецкого угнетения и желает помочь им в приобретении независимости, мы, как представители курдского народа, обращаемся к правительству Его Величества с просьбой предоставить курдскому народу пройти путь мирного развития под британской опекой...»³².

С самого момента создания хукумдарства шейх Махмуд «претендовал на весь Мосульский вилайет и намеревался создать самостоятельное государство»³³. Однако планы создания самостоятельного курдского государства противоречили интересам английских империалистов. Более того, по мере «укрепления своих позиций»³⁴ англичане ограничивали сферу действий Махмуда Барзинджи и сосредоточивали власть в своих руках. Некоторые районы были отторгнуты от подвластной ему и без того небольшой территории, для чего англичане небезуспешно использовали междоусобную борьбу курдского феодально-племенной знати. В конце декабря 1918 г. из Сулеймании Ноэль совершил инспекционную поездку в западные и северные районы Южного Курдистана. В Кой, Ранию и Ревандуз были назначены английские политические офицеры, а «турецкие чиновники отправлены туда, откуда они приехали»³⁵.

Важно отметить, что политика британских оккупационных властей в Южном Курдистане с самого начала обнаруживала свою несостоятельность, и вскоре она вызвала отрицательную реакцию не только широких народных масс, в частности крестьянства, которое страдало от тяжелой налоговой системы и низкого жизненного уровня в целом, но и значительной части «фео-

дально-племенной знати, права которой ограничивались оккупационными властями»³⁶. Ограничение прав представителей феодально-помещичьего класса, до оккупации игравшего важную роль в политической жизни страны, было особенно заметно «в районах Среднего Евфрата и Тигра и Курдистана»³⁷.

Британские колонизаторы не считались с национальными чувствами народа, попирали его достоинство, беспощадно разрушали памятники культуры. «Оккупанты-офицеры, даже высокопоставленные чины, избивали арабских и курдских стариков и детей»³⁸, — пишет арабский историк Махмуд Мусли. Крестьянские массы, которые первоначально наивно верили, что «англичане ограничат деспотическую власть племенных вождей в отношении к ним»³⁹, даже по словам самого А. Вильсона, разочаровывались.

Широкое недовольство масс подтолкнуло британскую администрацию к решению еще больше ограничить права автономного Сулейманийского района. Было решено установить там такой же режим, как и в других оккупированных районах⁴⁰. Это означало, что «самоуправление» курдского района должно было исчезнуть еще до его полного осуществления. Англичане, разумеется, не могли не знать, что этот их шаг вызовет отрицательную реакцию курдов, и для проведения этого мероприятия английский политический комиссар в Сулеймании Ноэль был заменен более опытным Соном, который прекрасно был знаком с жизнью и обычаями курдов, владел курдским языком и вообще считался «знатоком курдских дел».

Тем временем в Сулейманийском районе напряженность усиливалась. Махмуд Барзинджи не мог не замечать, что «самоуправление курдов» все больше носит формальный характер, что он лишен возможности действовать самостоятельно, ибо все важнейшие вопросы решались политическими офицерами.

Весной 1919 г. недовольство народных масс переросло в восстание. В начале апреля 1919 г. началось вооруженное выступление племени гоян против английских оккупационных властей в районе Захо. В это же время восстали курды района Барзан под руководством Ахмеда Барзани⁴¹.

Эти события происходили в период, когда во всех частях Курдистана наблюдался подъем национально-освободительной борьбы и наметились тенденции объединения усилий всех национальных сил для достижения главной цели — создания самостоятельного курдского государства. Курды Иранского и Турецкого Курдистана проявляли живейший интерес к борьбе своих соплеменников в Ираке и готовность помочь им в достижении национального суверенитета. Активную помощь оказывал шейху Барзинджи предводитель авроманцев на территории Ирана — Махмуд-хан Дизли. Это он 20 мая 1919 г. ворвался в Сулейманию, положив начало вооруженному выступлению против британских оккупационных властей. Вслед за тем,

23 мая 1919 г., Махмуд Барзинджи со своими вооруженными отрядами напал на резиденцию английского политического офицера в Сулеймании, Гринхауза, и арестовал его со всем его окружением. Вместо знамени английских оккупационных властей над административным зданием было водружено курдское знамя — зеленое полотнище с красным полумесяцем⁴². Махмуд Барзинджи провозгласил независимость Южного Курдистана, и курдское население в массе поддержало борьбу, оказывая ей посильную моральную и иную поддержку.

Атаки английских колониальных войск были успешно отбиты курдскими повстанцами. Махмуд Барзинджи расширил сферу своего влияния. Его силы дошли до Киркука. По пути к Киркуку в ущелье Таслуджа силы Махмуда Барзинджи разгромили отряд английских вооруженных сил, снабженный современным оружием и бронемашинами. Успехи повстанцев привлекли к движению все новые и новые силы. «Многие колеблющиеся присоединились к Махмуду,— пишет участник событий английский офицер Эдмондс.— Даже на той стороне границы курдские племена Персии восстали против своего правительства, требуя вхождения в состав государства, руководимого шейхом (Махмудом.— Ш. М.)»⁴³.

Английские власти предприняли энергичные меры для ликвидации курдского движения. Эта обязанность была возложена на командующего 18-м военным подразделением Теодора Фрезера. Но вскоре восстание против англичан поднялось и в районе Чемчемал, севернее Сулеймании. Активную помощь Махмуду Барзинджи оказал Мухаммед Джабари, под контролем которого находились 12 селений. В районе Кала Севка восстанием населения 10 курдских деревень руководил Абдула Аскарь⁴⁴.

К сожалению, борьбе курдов за национальную независимость не суждено было увенчаться успехом, и причина тому — не только антикурдская политика западного, в частности английского, империализма, Турции, Ирана и только что образованного иракского государства. Причину эту следует искать и в самом Курдистане. В такой ответственный момент, когда на карту поставлен вопрос о самостоятельности целого народа, важнейшее значение имело единство действий всех национальных сил. Однако даже в этот критический момент своеобразная узкоклассовая борьба ряда курдских феодально-племенных вождей ставилась выше общенациональных идеалов, и в ряде случаев орудием в антинациональных действиях вождей служили крестьянские курдские массы. Эти элементы не раз играли решающую роль в военных операциях против Махмуда Барзинджи и его соратников.

18 июня 1919 г. в районе Дербенде Базиян произошло решающее сражение между войсками Фрезера и силами Махмуда Барзинджи. Превосходство англичан в живой силе и технике, предательство курдского феодала Мушира Хамай Сулей-

мана, который провел англичан окольным путем через перевал в тыл повстанцев, решили исход сражения. Немалое значение имело и то, что Махмуд Барзинджи в самом начале сражения был ранен. Английское 32-е армейское подразделение под командованием Денехина вскоре захватило Сулейманию. Махмуд Барзинджи был арестован и под сильным конвоем отправлен в Багдад. Сопротивление курдских повстанцев было подавлено. Несмотря на то что по основным силам курдов был нанесен решительный удар, английским оккупационным войскам понадобилось не менее «шести недель для подавления сопротивления курдских партизанских отрядов в горах»⁴⁵.

До конца 1919 г. английские воинские подразделения «прочесывали» районы Амадии, Акры и Барзана. Во время столкновений с курдами они несли значительные потери. Несмотря на подавление восстания, положение в Курдистане оставалось напряженным. «Режим ограбления, повсеместного жестокого гнета и принудительного труда», установленный английскими властями, вызывал постоянное недовольство широких масс. Не случайно даже после подавления восстания курдов, 24 августа 1919 г., Департамент по делам Индии в письменном обращении к верховному комиссару Вильсону спрашивал, «не считает ли он целесообразным в данной ситуации отозвать наших служащих... и предоставить курдов самим себе»⁴⁶. Но, как показала жизнь, англичане вовсе не намеревались «оставить курдов». Наоборот, восстание Махмуда Барзинджи послужило удобным поводом для англичан, чтобы пересмотреть зоны их влияния и «расширения территорий, находящихся под непосредственным подчинением Багдада». Теперь речь уже не шла о самоуправлении. Представитель английского правительства по этому поводу заявил в парламенте: «Правительство полностью удовлетворено предварительными мероприятиями „политической администрации“ и не видит необходимости для каких-либо изменений»⁴⁷. Это означало, что ликвидировались даже те половинчатые права на самоуправление курдов, которые были даны им в конце 1918 г.

Таким образом, восстание курдов потерпело поражение, и первая попытка Махмуда Барзинджи достичь самоопределения для Курдистана не достигла цели. Восстание курдов потерпело поражение по следующим причинам: а) хотя оно и приняло широкие масштабы, но не стало общекурдским. Этому мешала раздробленность Курдистана и распри в среде курдской элиты. Даже в самом Южном Курдистане оно было локализовано по нескольким районам; б) разношерстный классовый состав участников восстания и отсутствие четкой политической программы делали борьбу курдов нерешительной; в) курдам приходилось сражаться с многочисленными английскими войсками, оснащенными современной военной техникой, сами же курды были вооружены в основном легким оружием и не имели никакой поддержки извне. К этому следует добавить,

что во время событий 1919 г. в южных и центральных районах Ирака обстановка была спокойной, что давало возможность англичанам свободно действовать в Курдистане.

Несмотря на его неудачу, восстание в Южном Курдистане имело важное значение для подъема курдских национально-освободительных выступлений. Развертывание восстания в Курдистане в момент, когда Ирак только что был оккупирован английскими войсками и в среде населения все еще существовали иллюзии относительно «освободительной роли» стран-победительниц, в известной степени способствовало правильной ориентации народа. Восстание явилось своего рода прелюдией к мощному национально-освободительному движению иракского народа в 1920 г. «Эти выступления играли большую роль в деле дальнейшей борьбы трудящихся масс страны (как курдов, так и арабов) против оккупантов»⁴⁸. Восстание в Южном Курдистане имело «общенациональное значение не только для иракских, но и для иранских курдов, которые присоединились к шейху Махмуду»⁴⁹.

Первый этап борьбы курдов за национальное самоопределение, таким образом, закончился неудачей. Однако впереди было еще немало бурных событий, связанных со стремлениями курдских масс достичь признания своих национальных прав. За так называемым мосульским узлом стояли ряд стран и силы, интересы которых далеко не совпадали. Махмуд Барзинджи, стремившийся использовать противоречия сторон в пользу дела курдов, не только не добился этого, но, допуская ошибки, в известной степени и вредил делу. Некоторые шаги М. Барзинджи носили поспешный, без учета внутренней и международной обстановки характер. Это касается, в частности, выбора момента начала вооруженной борьбы, который был не совсем подходящим.

Восстание курдов внесло изменения в планы английского империализма в Южном Курдистане.

Политика Англии в курдском вопросе имела не простой, но многогранный характер. Дело в том, что, хотя английские оккупационные власти, естественно, враждебно относились к любому проявлению национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе и курдского, наличие «подконтрольного им» курдского национального движения в какой-то степени было им выгодно как средство давления на кемалистскую Турцию и новую иракскую администрацию — в первом случае для решения мосульской проблемы в свою пользу, а во втором — чтобы заставить правящие круги Ирака следовать в фарватере британской политики. Практика, однако, показала, что стремление английского империализма использовать национальное движение курдов в свою пользу было легкой задачей. Действия Махмуда Барзинджи были выражением стремлений широких слоев курдского населения, добивавшихся национального самоопределения. «Курдское националь-

ное движение,— пишет по этому поводу Ирандуст,— на которое рассчитывал лорд Керзон, начало развиваться самостоятельно, преследуя свои собственные цели и совершенно расходясь с линией охраны британских интересов в мосульском вопросе»⁵⁰.

22 августа 1919 г. английский государственный секретарь по делам Индии в телеграмме на имя английского комиссара в Ираке писал: «Британское правительство Его Величества предполагало, что население Южного Курдистана будет верно ему, и по этой причине согласилось на создание автономных зон. Однако оказывается, что такое мнение было необоснованным, ибо население, вместо того чтобы приветствовать британское влияние, настолько недовольно, что для контролирования его действий необходимы стратегические железные дороги»⁵¹. Английские власти не скрывали, что планы строительства железнодорожных линий в Курдистане диктуются прежде всего военными целями. Вот, например, мнение Арнольда Вильсона о целях строительства железнодорожной линии Кизил Рабат—Кифри—Киркук: «Как бы ни была полезна эта линия, быстрее ее строительство диктуется сугубо стратегическими соображениями, как главным фактором сохранения и умирения Южного Курдистана»⁵².

После подавления восстания курдов его лидер шейх Махмуд Барзинджи предстал перед английским военно-полевым судом. По свидетельству очевидцев, он вел себя мужественно. Шейх Махмуд заявил, что английский военно-полевой суд не правомочен его судить, а на суде объявил, что «воевал против англичан по законному праву борьбы за свободу и независимость своего народа, признанному даже союзниками», и что он «жертвовал и будет жертвовать всем на благо курдов и Курдистана»⁵³. Как и следовало ожидать, английские оккупационные власти не приняли во внимание доводы Махмуда Барзинджи, и суд приговорил его к смертной казни. Однако из опасения вызвать нежелательную реакцию курдских народных масс британские власти заменили смертный приговор десятью годами заключения в Индии.

Национально-освободительное движение иракских курдов, направленное против английского империализма и шовинистических кругов Ирака, вызвало усиление национального движения и в других частях Курдистана⁵⁴. В условиях массового недовольства революционные события в Советской России находили здесь благоприятную почву. Поражение интервенции империалистических держав в Советской России вдохновляло арабских и курдских патриотов на борьбу за национальную независимость. И естественно, что «распространение идей большевизма» серьезно беспокоило британские власти в Южном Курдистане. «Семена большевизма,— с тревогой писал один из английских чиновников,— в Месопотамии и Индии распространяются не меньше, чем среди турок»⁵⁵.

Факты показывают, что, несмотря на отдаленность и отор-

ванность Южного Курдистана от Советской России и отсутствие нормальных средств информации, курдское население в ряде случаев было в курсе революционных событий нашей страны, что подливало масла в огонь освободительной борьбы. Об этом свидетельствуют сообщения и письма британских служащих из Южного Курдистана. Так, в конце 1919 г. британский верховный комиссар Вильсон получил от своего подчиненного военно-политического агента Сона письмо, в котором тот с тревогой писал: «Учитывая успехи большевиков в последнее время... нельзя упустить из виду возможность возникновения сложной ситуации в Курдистане»⁵⁶. Далее, касаясь опасности возникновения новых освободительных выступлений курдов и в связи с этим возможностей распространения «идей большевизма», Сон писал из Сулеймании: «Имя и принципы большевизма, к сожалению, становятся известны (преимущественно через газету, издающуюся в Киркуке и получившую значительное распространение)»⁵⁷.

В тот период Ирак был одним из тех опорных пунктов, откуда страны Антанты организовывали интервенцию в Закавказье и Среднюю Азию. Именно поэтому иракский народ — арабы и курды — поражение интервентов в стране Советов рассматривали как поражение своих поработителей. Успехи революционных сил Закавказья вдохновляли иракских патриотов в их борьбе за свою независимость⁵⁸.

УСТАНОВЛЕНИЕ В ИРАКЕ МАНДАТНОГО РЕЖИМА И КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Конец первого этапа борьбы курдов за национальную независимость совпал с составлением новых планов империалистических держав по разделу зон влияния на Ближнем Востоке. В апреле 1920 г. в Сан-Ремо состоялась конференция стран победительниц, которая обсуждала вопрос об определении зон колониального влияния империалистических держав под видом мандата. Решение конференции об установлении мандатного режима Англии и Франции над Ираком, Сирией, Ливаном и Палестиной совершенно ясно показало, что британский империализм далеко не был намерен выполнить свое обещание о предоставлении независимости арабским странам.

Весть об утверждении мандатного режима в Ираке вызвала волну негодования. Был создан специальный комитет, представивший протест английским властям. В ответ английские власти опубликовали декларацию, где указывалось, что мандатная система предполагает создание самостоятельного иракского государства под покровительством Англии, которая берет на себя защиту внешней безопасности и внутреннего спокойствия страны¹. В июне 1920 г. Вильсон совершил поездку в Мосул, Киркук и Сулейманию, всюду заверяя, что курды могут быть спокойны за свои требования.

Эти и последующие заверения британского империализма не успокоили курдских и арабских патриотов и повсеместно среди населения распространялось недовольство. За изолированными выступлениями арабских и курдских масс последовало мощное национально-освободительное восстание. Несмотря на энергичные меры, предпринятые англичанами, восстание, начавшееся 2 июля 1920 г. в Тель-Афаре, быстро распространилось не только в арабских, но и в курдских районах — Киркуке, Сулеймании, Эрбиле и др. Во главе восстания иракцев стояли две организации — «Аль-ахд аль-Ираки» и «Харас аль-Истикляль». Эти организации, возглавляя борьбу за национальную независимость, в то же время выступали против предоставления курдам каких-либо прав национального самоуправления и считали, что «районы, населенные курдами, должны включаться в состав Иракского арабского государства»². Этот момент играл не последнюю роль в настороженном отношении борющихся курдов

к планам и перспективам борьбы арабских националистических сил, что объективно играло на руку английским империалистам. По этой причине программы и требования упомянутых организаций не находили поддержки в Южном Курдистане, где руководство курдским национальным движением, в свою очередь, занимало в ряде случаев противоположную позицию по отношению к борьбе в арабских районах Ирака.

И все же выступления в курдских районах против англичан осложняли положение последних. В середине августа 1920 г., когда оккупанты взяли под свой контроль населенные пункты бассейна р. Дияла, началось вооруженное выступление населения соседних курдских районов. 14 августа восстали курдские крестьяне Кизил Рабата, освободившие свой район от оккупантов. Пламя борьбы распространилось на Ханекин. Повстанцы отрезали основные дороги, по которым прибывали английские военные подразделения из Ирана и районов Южного Курдистана. Описывая картину освободительной борьбы в Ираке, английская пресса в то время отмечала: «Пламя войны перебралось из арабской области в Южный Курдистан. Железнодорожная линия в Кифри находится в руках мятежников, а военные посты в Кифри, Киркуке и Сулеймании висят в воздухе, подобно северной персидской армии, хотя для них еще остается возможность перебраться через Мосул и Багдад...»³. В районах Сулеймании, у Халабджа, восстали племена орамар и дило. Английский гарнизон смог справиться с восстаниями только благодаря поддержке курдского феодала-предателя Бабакры-аги.

Положение оккупационных властей в значительной степени осложнило выступление племени сурчи. Оккупанты решили использовать против восставших в районе Батас наемные отряды, возглавляемые курдскими феодалами-предателями. Однако эти так называемые ополченцы в решающий момент отказались подчиниться воле своих вождей-предателей. Английский капитан Хей вынужден был признать, что его власть в Эрбиле сохранялась исключительно благодаря поддержке курдских феодалов Хуршуд-аги и Ахмед-эфенди. «В окрестностях Мосула возбуждение достигло предела», — констатировала французская газета⁴. Курдские партизанские отряды нанесли по оккупантам чувствительные удары почти во всех районах Южного Курдистана от Захо до Сулеймании⁵. Если бы не отсутствие согласованности между восставшими курдскими районами и не вражда соперничающих курдских феодально-помещичьих кругов, то английским оккупационным властям вряд ли удалось бы выйти из этого положения.

В конце августа и начале сентября восстание в Ираке достигло своего апогея. «Власти сохраняли связь между Багдадом и Курдистаном только благодаря радио и самолетам»⁶. Не случайно, что в то время с критикой политики британского правительства выступали даже буржуазные печатные органы Англии.

Характерны в этом отношении следующие слова в «Морнинг пост»: «Если правительство когда-либо было само повинно в создании таких обстоятельств, из которых нет никакого выхода, то это именно месопотамская авантюра»⁷.

Как бы проливая свет на истинные причины бурных событий в Курдистане, ряд органов британской печати подчеркивали самостоятельный характер борьбы курдов, тем самым опровергая версии об «иностранных агентурных корнях» движения. Примечательно в связи с этим следующее замечание одной английской газеты от 24 августа 1920 г. Она писала: «Трагизм положения приобретает несколько комический характер... при мысли о том, что главной нашей задачей является желание подчинить нашим законам народ, который совершенно ясно доказал нам, что он в них не нуждается»⁸.

В конце концов британские колонизаторы, используя несогласованные действия арабских и курдских борцов за национальное освобождение и увеличив численность своих войск до 30 тыс., смогли все же подавить основные очаги антиимпериалистической борьбы. Но несмотря на свое поражение, восстание 1920 г. в Ираке все же имело большое значение для судеб народа страны. Оно заставило колонизаторов отказаться от намерений полной колонизации Ирака. Что касается участия курдских масс в этой борьбе, то его значение определяется прежде всего тем, что оно способствовало росту национального и классового самосознания курдов.

После событий 1920 г. в Южном Курдистане характер освободительной борьбы несколько изменился. Наметилось дальнейшее ослабление связи между выступлениями арабской части страны, с одной стороны, и курдской — с другой. Этому были свои причины.

Подобно кемалистскому движению в Турции, иракские буржуазно-помещичьи силы, возглавившие антиимпериалистическую борьбу иракского народа, отрицательно реагировали на выдвижение национальными меньшинствами требований о признании их права на национальное самоопределение. Этот узел арабско-курдских отношений был, как уже говорилось, небезуспешно использован англичанами. После событий начала 20-х годов в Ираке события в Арабском Ираке и Южном Курдистане несли уже определенный отпечаток этой ситуации, что выражалось в следующем. Хотя Ирак не добился независимости, компромиссное соглашение британских колонизаторов с руководителями страны о создании иракского арабского госаппарата и формах его управления в какой-то степени утихомирило страсти в арабских районах. Но этот же факт вызвал совершенно противоположную реакцию в Курдистане. Борясь в основном против господства английского империализма, курдские национально-демократические силы одновременно все больше сталкивались с упорным нежеланием иракского королевского режима признать за курдами их национальные права

Проблема Мосульского вилайета, или курдский вопрос, сразу приобрела международный характер, ибо исход этой борьбы интересовал ряд правительств как соседних стран, так и стран вне региона. Борьба курдов за национальное освобождение проходила в сложной обстановке, в которой справедливые цели движения использовались великими державами и реакционными ближне- и средневосточными государствами как прикрытие их антинародных целей. Как это часто бывало, курды и их проблема стали разменной монетой в международных интригах упомянутых сил.

Пользуясь «своими правами победителей», империалистические державы, прежде всего Англия, стремились осуществить захватнические планы. И для достижения этих целей английский империализм использовал не только плоды своей победы в войне, но и недовольство национальных меньшинств варварским османским игом. Этот момент в известной степени касался также и курдов.

Как раз к этому времени относятся и двурушнические обещания кемалистов признать национальные права курдов. Но затем, закрепив свои позиции, кемалисты резко изменили свою политику в курдском вопросе: их обещания относительно уважения национальных прав курдов были преданы забвению. В дальнейшем турецкие правящие круги цинично отрицали даже существование курдов как отдельной этнической единицы и необходимость предоставления им хотя бы прав внутреннего самоуправления.

15 марта 1921 г. в Каире по инициативе английского министра колоний Уинстона Черчилля была проведена конференция, на которой обсуждался ряд вопросов, касающихся Ирака. Особое место занимал вопрос о «курдских областях, находящихся в пределах подмандатной территории». По курдскому вопросу было принято решение, для которого характерны двусмысленность, неопределенность и, главное, возможность широкого маневрирования для английских колониальных властей в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств. Эта неопределенность и двусмысленность ярко выражена в последней фразе решения, касающейся мер по осуществлению желаний курдского населения в отношении «его будущего присоединения к Ираку или отделения от него»⁹. Как нетрудно заметить, последняя формулировка оставляла в зависимом положении от английских колонизаторов не только курдов, борющихся за признание своих национальных прав, но и новообразованный иракский режим, который должен был своим «примерным поведением» и преданностью англичанам заслужить право присоединения Мосульского вилайета к Ираку.

На конференции было решено провозгласить Ирак подмандатным королевством во главе с проанглийски настроенным эмиром Фейсалом аль-Хашими. Для успокоения борющихся курдских масс было принято дополнительное заявление о том,

«что курдским вопросом будет заниматься сам верховный (английский.— Ш. М.) комиссар»¹⁰.

23 июня 1921 г. эмир Фейсал прибыл в Ирак. 21 июля административный совет Ирака провозгласил его королем страны. И только после этого (!) данное решение было поставлено на «плебисцит». Интересно отметить, что хотя в плебисците участвовала в основном верхушка населения страны, тем не менее решение это дополнялось различными предложениями. В частности, выдвигалось требование об эвакуации иностранных (британских) вооруженных сил. Ряд районов потребовал в течение трех месяцев созвать учредительное собрание¹¹.

Широкие слои населения Южного Курдистана решительно выступали против утверждения хашимитской проанглийской династии. «Избрание» Фейсала королем и передача «национальной» власти в руки сторонников «Аль-ахд аль-Ираки», отрицающих всякую форму признания национальных прав курдов, справедливо расценивались борющимися курдскими массами как свидетельство игнорирования их национальных идеалов. Результаты «плебисцита» ясно показали разницу настроений, господствующих, с одной стороны, в арабских районах Ирака, а с другой — в курдских. Расхождение было очевидным. Так, если в арабских районах Ирака в ряде случаев голосование в пользу кандидатуры Фейсала сопровождалось требованием о выводе иностранных войск из Ирака, то картина в Курдистане была иная. В Мосуле, где в то время курды составляли большинство, в общем решение было одобрено, правда, с оговоркой, что «должны быть уважены права курдов и других нацменьшинств»¹². В Киркуке население высказалось против кандидатуры Фейсала, за отсрочку голосования на год и образование курдского правительства. В Сулеймании плебисцит был просто бойкотирован. Население отвергло всякую форму присоединения к Ираку¹³. Более того, шейх Кадыр—брат Махмуда Барзинджи вместе с представителями антианглийски настроенных сил — арабами и курдами — открыто призвал народ не только бойкотировать плебисцит, но и потребовать возвращения Махмуда Барзинджи и создания автономного района под его предводительством.

Явно фальсифицируя результаты плебисцита, британские колониальные власти объявили, что «в пользу провозглашения Фейсала королем Ирака проголосовало 96% опрошенных»¹⁴. Фальсификация была очевидной. Об этом в дальнейшем писали даже представители самой английской администрации. Лонгригг, например, прямо писал, что эти результаты «вряд ли могли быть достоверными»¹⁵.

В условиях широкого недовольства в Ираке, в частности в Южном Курдистане, была произведена коронация Фейсала. Весьма примечателен тот факт, что на этой церемонии не присутствовал ни один представитель из Курдистана. «Он был коронован тайно на площади среди бараков,— пишет английская

„Дейли геральд“.— Присутствовала группа британских руководителей и его сторонников. За его спиной стоял отряд британских пехотинцев со штыками в руках. Это символично. Трон Фейсала не опирается на свободное волеизъявление народа, а создан исключительно благодаря штыкам британского гарнизона. Фейсал, король-марионетка,— любезный, слабый человек и удобный стать исполнителем воли Черчилля и его сторонников»¹⁶.

После коронации Фейсала англичане приступили к формированию государственного аппарата. К этому делу были привлечены те феодалы, шейхи и другие элементы, которые «доказали свою верность британской опеке». Вместо прежних вилайетов страна была разделена на ливы, во главе которых были поставлены мутасафиры. Прежние политические офицеры стали «советниками», но именно они продолжали решать все более или менее важные вопросы.

Утверждение хашимитской династии и образование «национального иракского госаппарата» имели двоякое значение для британских колонизаторов. Этот шаг в некоторой степени утихомирил страсти среди арабской части населения. Формально был поставлен конец военному оккупационному режиму. Государственный аппарат был образован из числа «национальных арабских сил». Английское правительство облегчило себе жизнь, ибо опиралось на поддержку преданных ему феодалов и шейхов, у которых, естественно, было больше возможностей внушить арабским массам идею «национальной независимости», «национального характера» созданного госаппарата. Что касается Курдистана, то здесь страсти еще более накалялись. Широкие слои курдского населения убеждались, что ни новый королевский режим, ни британский империализм не намерены предоставлять курдам право на национальное самоопределение и, таким образом, они по-прежнему будут лишены законных национальных прав.

«Панарабистские планы хашимитского монарха,— пишет французский историк Б. Вернье,— глубоко беспокоили курдское меньшинство»¹⁷. Вот почему в Южном Курдистане положение продолжало оставаться весьма напряженным. На ирано-иракской границе курды-авроманцы во главе с Махмуд-ханом находились в постоянном вооруженном конфликте с английскими властями. В районе Шахризур «местное население выгнало всех английских чиновников, которые хотели установить и взимать налоги»¹⁸.

В январе 1921 г. английская пресса опубликовала официальное сообщение британского военного министерства о «начале новых беспорядков в Курдистане»¹⁹. В это же время в районе Рании многие курдские селения отказались уплатить налоги и готовились к вооруженному выступлению. Недовольство охватило и Ревандузский округ. Здесь вооруженные отряды курдских крестьян заставили англо-иракские силы покинуть район.

События на турецкой границе встревожили британские власти, которые в спешном порядке направили туда вооруженный отряд численностью более 1 тыс. человек²⁰. Еще больше обострилось положение в районе Рании. Английские карательные отряды постоянно «прочесывали» эти районы.

Курдская проблема стояла остро и стала причиной постоянной нестабильности положения в стране. Касаясь внутривосточной обстановки в Ираке, «Дейли геральд» писала: «Если мы выполнили свое обещание и дали Месопотамии самоуправление, то давно наши войска должны были быть выведены отсюда, оставляя после нас свободное арабское государство, связанное с нами дружбой и общими интересами. Однако мы должны оставлять там наши войска, для того чтобы удержать на троне короля-марионетку... И нас постоянно сопровождают беспорядки, кровопролитие и огромные расходы...»²¹.

Положение в Южном Курдистане превратилось в сложную проблему для англичан не только вследствие борьбы курдов. Как уже отмечалось, кемалистская Турция, ободренная победой над греками в сентябре 1921 г., готовилась активизировать свои действия на Мосульском фронте. Кемалисты не скрывали намерений вернуть себе бывшие владения Османской империи. В отношении арабских стран эти планы выглядели нереальными. Поэтому кемалисты развернули энергичную деятельность по захвату Южного Курдистана. Дипломатические действия турок сопровождались военными акциями. Осенью 1921 г. их вооруженные отряды неоднократно вторгались в пограничные районы Мосульского вилайета. Вскоре они заняли Кой-Санджак, стали угрожать Акре и направились к Амадии.

Турецкая агитация распространяла среди курдского населения слухи о «скорейшем прибытии турецких войск» и вела пропаганду в пользу «присоединения Мосульского вилайета к Турции»²². Все эти действия турецких властей возглавлял полковник Али Шафиг, известный под кличкой «Ёз Демир» («Железный»). Весной 1922 г., в момент вторжения турецких «иррегулярных отрядов» в Южный Курдистан, восстали крестьяне ряда районов Чемчемала. В Сулеймании местное население несколько раз восставало с требованием освободить Махмуда Барзинджи и возвратить его в Сулейманию. Вопреки стараниям вождя племени пиджар Бабакар-аги, желавшего выступить на стороне англичан, члены его племени начали вооруженную борьбу против англичан. В начале сентября 1922 г. английские войска вынуждены были оставить Ранию.

Во время этих бурных событий представитель восставших курдов Ахмед Таки отправился за помощью в Иранский Курдистан. Английские колониальные власти были в панике. Их представитель Эдмондс в докладе, отправленном на имя генерала Голдсмита, отмечал, что «это может служить сигналом, чтобы и другие (курды.— Ш. М.) начали действовать против нас»²³. Создавшейся ситуацией поспешили воспользоваться тур-

ки. Турецкие вооруженные отряды начали быстро углубляться в различные районы Южного Курдистана. Вскоре они захватили Ревандуз и создали там органы управления. Вторгшиеся в Южный Курдистан турки стали грабить местное население и терроризировать его. Аналогичное критическое положение создалось и в районах Навдашта, Пиждара, Шуарта и др.

Против восставших курдов английские власти направили ВВС. Английские эскадрильи бомбили районы восстания, одновременно подбрасывая туда небольшие карательные отряды. Однако, по свидетельству участника этих операций Эдмондса, действия английских ВВС хотя и принесли большие бедствия мирному населению, но не достигли намеченных целей. «Я не знал,— пишет он,— что воздушные операции в горных районах не приводят к желаемым результатам. Я связывал большие надежды с бомбежкой Ревандуза. Однако был разочарован, когда стали известны результаты. Многие бомбы не попали в цель»²⁴. Зато проникшие в английскую прессу сообщения о варварской бомбежке восставших курдских районов вызвали возмущение английской прогрессивной общественности. Критические высказывания можно было прочесть даже на страницах буржуазных газет, которые прежде не раз выступали с утверждениями о «цивилизаторской» миссии Англии в этих районах. «Последнее время,— писала газета „Таймс“,— наши самолеты в течение трех дней подвергали жестокой бомбежке курдские деревни. Это ли называется управлением курдами? Неужели эта безумная политика и впредь будет продолжаться?»²⁵.

В конце июля 1921 г. на территории Иранского Курдистана было созвано «совещание курдских лидеров, участники которого выразили решимость продолжать борьбу за признание своих попорненных прав»²⁶. Позже небезызвестный Эдмондс с сожалением отмечал, что ему «не удалось убедить генеральный штаб разбомбить место проведения совещания», где, по его словам, «присутствовала и турецкая миссия».

Ни увеличение численности английских карательных отрядов, ни поддержка проанглийских курдских вождей типа Бабакр-аги и непримиримого врага турок Сеид Таги не могли существенно изменить ситуацию в пользу англичан. Осенью 1922 г. положение англичан еще больше осложнилось. Пользуясь антианглийским движением в Южном Курдистане турки все больше активизировали свои действия. В сентябре их силы вплотную подошли к Сулеймании. Английские войска оставили свои позиции и отступили к Эрбилу и Киркуку. «Это было похоже на бегство и унижало престиж Великобритании»,— признавал Эдмондс. В Сулеймании, Киркуке и других районах Курдистана положение англичан было не из легких. Многие английские чиновники и офицеры покинули эти районы и на самолетах прибыли в Багдад.

Таким образом, в 1922 г. ситуация в Южном Курдистане привлекла к себе внимание не только британского империализ-

ма и недавно созданного монархического режима Хашимитов, но и кемалистской Турции. Кемалисты использовали все средства для успешной борьбы за Мосульский вилайет. В частности, распространялись листовки с призывом к «священной войне» против-англичан. В одной из таких листовок говорилось: «Сыновья одной религии должны стремиться к единству, которое предписывает им Османское государство. Пусть доставит Аллах победу тем, кто, подобно всем, сражается и проливает кровь за веру, и пусть падет проклятье на голову тех, кто продал свою религию англичанам, и на головы Фейсала и его приспешников»²⁷. Кемалисты не скупились на разного рода обещания курдам, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе против Англии.

В создавшейся сложной ситуации английским колониальным властям необходимо было найти выход из тупика. Англичане стояли перед дилеммой: или заставить Южный Курдистан безоговорочно войти в состав только что созданного иракского государства (что с военной точки зрения было связано с определенными трудностями, а с политической — было в то время еще нецелесообразным), или пойти на компромиссное соглашение с курдами, предоставив им право на самоуправление, чтобы поставить конец нескончаемым волнениям, устранить трудности и приобрести выгодные аргументы в продолжающемся споре с Турцией относительно Мосульского вилайета.

Обстоятельства заставили англичан остановиться на последнем варианте. Конкретным выражением этой политической линии было создание в Сулеймании Совета, в котором 8 мест из 12 занимали курды. Хотя этот Совет призван был создать всего лишь видимость «уважения прав курдов» и практически был лишен каких-либо полномочий, тем не менее даже при таком его положении англичане стремились не допустить вхождение в его состав представителей курдов, известных своими патристическими взглядами и преданностью делу освобождения родного народа. Англичане поступили так, в частности, с выдающимся патриотом, курдским публицистом и общественным деятелем Рафиком Хильми²⁸.

Чуть позже английские власти решили все-таки вернуться к планам предоставления курдам частичного самоуправления. В планах англичан первоначально в качестве главы автономного курдского района фигурировал Сейид Тага — непримиримый враг турецкого господства, тесно связанный с англичанами. Однако в конечном итоге выбор пал на Махмуда Барзинджи, хотя хорошо была известна его неприязнь к англичанам. Английские власти остановились на кандидатуре М. Барзинджи потому, что только его авторитет и влияние могли сделать его хозяином положения и создать возможности для выдворения турок из Южного Курдистана.

М. Барзинджи перевели из Индии в Кувейт. По пути из Кувейта в Сулейманию, в Багдаде, он встретился с членами пра-

вительства — верховным комиссаром и королем Фейсалом. Во время бесед стороны договорились, что курдский лидер наведет порядок в Курдистане и приостановит вторжение турок. Ему, как и раньше, было обещано создать автономный курдский район. Известный курдский историк Камаль Музхар Ахмед приводит следующие подробности пребывания Махмуда Барзинджи в Багдаде: «Во время своих бесед с членами правительства, и в особенности с верховным комиссаром и королем Фейсалом, шейх сумел убедить их, что дает согласие положить конец недовольству, царящему в Курдистане, а также турецкой пропаганде. Последующие события показали, что все это шейх сделал для того, чтобы англичане успокоились и разрешили ему вернуться в Сулейманию»²⁹. Как явствует из дальнейшего развития событий, М. Барзинджи тогда уже вошел в контакты с турками, дабы «получить их поддержку» в борьбе против англичан. На наш взгляд, даже с учетом совокупности тогдашних политических обстоятельств, в частности факта противоборства кемалистской Турции с Англией, надежды М. Барзинджи обеспечить хотя бы на время «поддержку» турок были необоснованными, ошибочными и в известной степени наносящими вред борьбе курдов за национальное освобождение.

«Флирт» лидера курдского движения с турками позволил раскрыть подлинное лицо английских властей, их подлое и двуличное поведение в вопросе о судьбах борющихся многострадальных курдских масс. Узнав о контактах лидера курдского автономного района с турками, «англичане совершенно откровенно заявили о своих истинных намерениях в курдском вопросе». В одном из годовых отчетов, представленных мандатным правительством в комитет по мандатам при Лиге Наций, говорится, что, когда шейх Махмуд вернулся в Багдад, «ему были даны смехотворные заверения в том, что, в случае если он сконцентрирует вокруг себя курдские национальные чувства, ему будет оказана всяческая поддержка со стороны британского и иракского правительств»³⁰.

В такой сложной, полной противоречий и интриг англичан, турок и иракских правителей обстановке М. Барзинджи приступил к выполнению своих обязанностей как глава курдского автономного района. Если ко всему этому добавить неопытность самого шейха Махмуда, ряд его поспешных, не взвешенных шагов, то станет ясной обреченность дела курдской автономии.

14 сентября 1922 г. Махмуд Барзинджи был назначен председателем выборного Совета Сулеймании, или, как его называли, хукумдаром (правителем). Был обнародован состав курдского правительства.

В целом ряде работ (в том числе и у некоторых советских авторов 20—30-х годов) распространено неверное мнение о том, что поскольку за этим назначением, как мы уже видели, стояли англичане, то Махмуд был «исполнителем воли британ-

ских колонизаторов». Такая точка зрения ошибочна. Из изложенного выше нетрудно заключить, что руководство автономным курдским районом было поручено англичанами М. Барзинджи в известной степени вынужденно, по существу, вопреки их желанию. Англичан к этому шагу толкала описанная выше ситуация. Это подтверждается многочисленными фактами и высказываниями английских деятелей того времени. Лонгригг, например, отмечает, что «англичане под давлением событий и вынужденно пошли на этот шаг»³¹. Арабский буржуазный автор, известный своими правонационалистическими взглядами, Махмуд ад-Дурра, которого никак нельзя подозревать в симпатиях к Махмуду Барзинджи и его борьбе, признает, что, «не находя иного выхода из создавшейся ситуации, англичане вынужденно привезли из Индии Махмуда, чтобы тот правил в Сулеймании»³². То же самое мы читаем у Гамильтона, который пишет, что в то время «только он (шейх Махмуд.— Ш. М.) был в состоянии подчинить себе этот район как его традиционный вождь»³³. Не меньший интерес в связи с этим представляет мнение английской газеты «Таймс». Отмечая, что шейх Махмуд мог доставить новые хлопоты англичанам, ибо он не собиравшись превратиться в исполнителя их воли, эта газета писала: «Решение о возвращении шейха Махмуда в Сулейманию было единственной ошибкой Перси Кокса на протяжении всей его деятельности на Ближнем Востоке»³⁴.

Все сказанное, однако, не дает еще основания для категорического утверждения, что назначение М. Барзинджи было исключительно «вынужденным шагом» британских властей в Ираке. Этим шагом англичане стремились еще создать иллюзию уважения ими национальных прав курдов, что было немаловажным фактором в их споре с Турцией о Мосульском вилайете. Кроме того, создание «национального курдского очага» давало англичанам возможность оказать нажим на иракское правительство, чтобы оно согласилось с кабальными условиями англо-иракского договора 1922 г.

Заметно активизируя свою деятельность вокруг проблемы Мосульского вилайета, кемалисты, в свою очередь, стали говорить «о братстве турок и курдов», о признании национальных прав курдов и даже «о необходимости создания курдского государства под эгидой Турции»³⁵.

Все эти шаги английских властей, иракского режима и кемалистов были продиктованы всего лишь тактическими соображениями. Англия, Турция и иракский режим шли на обещания курдам, чтобы не упустить шансы в борьбе за Мосульский вилайет. Следует, однако, заметить, что обреченность борьбы курдов за национальное освобождение во многом была обусловлена расстановкой социально-политических сил в самом Курдистане. Хотя идея национальной независимости была популярной среди всех слоев Курдистана, когда конкретно вставал вопрос об усилиях для осуществления этой цели, лидеры курдского на-

ционального движения были не в состоянии объединить силы всех слоев в борьбе за осуществление общенационального идеала. Главной помехой продолжала оставаться борьба между феодально-племенными вождями за власть и сферы влияния. Усилия М. Барзинджи по созданию центральной власти воспринимались этими элементами враждебно. Кроме того, национально-демократические силы в Южном Курдистане, борющиеся за национальное самоуправление, были недостаточно организованны. Основную массу борющихся — курдских крестьян — характеризовал недостаточно высокий уровень классового и национального самосознания. Ведя борьбу за национальное самоопределение, крестьянство в то же время нередко использовалось феодально-племенной верхушкой в борьбе против попыток Махмуда Барзинджи создать ядро будущего курдского государства.

Таким образом, администрация М. Барзинджи в Сулеймании действовала в сложнейших внутренних и внешних условиях, которые и предопределили судьбу борьбы курдов за создание основ национальной государственности.

В октябре 1922 г., как уже отмечалось, после переговоров в Багдаде с англо-иракской стороной и заверений о том, что границы «автономного района будут ограничены районом Сулеймании, Махмуд Барзинджи, сопровождаемый иракскими офицерами и политическим комиссаром Ноэлем, прибыл в Сулейманию»³⁶. Прибытие М. Барзинджи было воспринято с большим воодушевлением. Эдмондс отмечает, что «его принимали с ликованием». Многие курдские лидеры через своих представителей изъявили готовность «войти в состав курдского государства»³⁷. Эдмондс привез в Сулейманию совместное англо-иракское заявление, в котором, в частности, говорилось: «Британское правительство Его Величества и иракское правительство признают право курдов, проживающих в пределах Ирака, образовать курдское правительство и надеются, что курдские силы как можно быстрее придут к соглашению о формах и границах деятельности этого правительства и пришлют уполномоченных делегатов в Багдад для обсуждения с делегациями британского правительства Его Величества и иракского правительства вопросов экономического и политического характера»³⁸.

Было образовано правительство автономного района в следующем составе: шейх Кадыр (брат шейха Махмуда) — премьер-министр и главнокомандующий армией; Абдул Керим Алаке — министр финансов; Мустафа-паша Ямульки — министр просвещения; шейх Хама Гариб — министр внутренних дел; Салех Заки Сахбекран — министр обороны; Ахмед-баги Фатах-бег — министр таможи; Хамагаи Аврахман-ага — министр общественных работ; Хаджи-мала Саид — министр юстиции; Сидик аль-Кадри — генеральный инспектор Курдистана³⁹.

Новое правительство Южного Курдистана приступило к выполнению своих обязанностей. Курдский язык был объявлен

официальным. Были выпущены свои марки, денежные знаки, стала налаживаться работа по организации народного образования и др. Некоторое время продолжала издаваться газета «Банги Курдистан». Затем стали выходить «Умеди истикляль» («Надежда независимости») и «Рожи Курдистан» («Солнце Курдистана») ⁴⁰.

Правительство Южного Курдистана было составлено из представителей феодально-помещичьих слоев. Тем не менее оно объективно отвечало прогрессивному развитию Курдистана. Помимо того что новый национальный управленческий аппарат создавал благоприятные условия для экономического и культурного развития Курдистана, следует еще иметь в виду, что новая обстановка ускоряла кристаллизацию общественно-политических сил. В этой обстановке борьба крестьян и других трудовых слоев курдского общества могла войти в новое русло, а ее острие — направиться против «своих» угнетателей, что, естественно, привело бы к социально-политическим изменениям и способствовало бы внутреннему развитию Курдистана. Таким образом, борьба широких масс Курдистана за национальное самоопределение даже в форме королевской власти в то время объективно и исторически была прогрессивной и справедливой, ибо социальный характер каждого движения определяется не только тем, кто им руководит, но и тем, каков объективный результат его развития, каким целям оно объективно служит.

Провозглашение самоуправления Южного Курдистана совпало с заключением англо-иракского договора (октябрь 1922 г.). Условия этого договора имели кабальный характер для Ирака ⁴¹. Он был призван узаконить политическое и экономическое господство Англии. Поэтому этот договор вызвал широкое недовольство в Ираке. С критикой его выступили даже те силы, которые занимали лояльную позицию по отношению к британскому господству. В Багдаде возмущенные массы избили тех депутатов иракского парламента, которые проголосовали за этот договор ⁴².

Договор вызвал недовольство также и в Курдистане. Третья статья договора, касающаяся «свободы совести и равноправия национальностей», не могла удовлетворить курдские национальные силы, стремившиеся к национальному самоопределению. Договор обходился молчанием самоуправление курдов. Планы и намерения курдского правительства и политика британских колонизаторов и марионеточного иракского правительства были диаметрально противоположными. В то время как курдские национальные силы связывали большие надежды с превращением хукумдарства в Сулеймании в основу объединенного курдского государства, англичане вынашивали планы ликвидации автономного курдского района.

Для намерений курдских национальных лидеров характерно заявление, опубликованное в печатном органе автономного района «Банги Курдистан». В нем, в частности, отмечалось, что «ка-

бинет министров (автономного района.— *Ш. М.*) — временный орган», он будет действителен до тех пор, пока верховный комиссар, «как он обещал», не объединит все ливы и каза Курдистана, расположенные в «Киркуке, Эрбиле, Захо, Акре, Амадии, Дхоке, Салахии, Ханекине и других областях Курдистана», под властью шейха Махмуда. А тогда депутаты от всех областей и установят «постоянные органы»⁴³.

К сожалению, этим целям курдских национальных сил не было суждено осуществиться. Главным препятствием на этом пути в то время был английский империализм и иракский режим.

В конце 1922 г. правительство Махмуда Барзинджи послало своих представителей в Багдад для обсуждения вопросов, связанных с курдской автономией. Однако англо-иракская сторона законные требования курдских лидеров относительно самоуправления курдов сочла «чрезмерными», и переговоры зашли в тупик. Таков же был и исход переговоров представителей сулейманийского правительства Товфик бека, Абд ар-Рахман-аги, Изет-бек Джафа и Мустафа-паши с Эдмондсоном. «Я был удивлен,— цинично пишет Эдмондс,— что они (представители курдов.— *Ш. М.*) выступали как члены временного курдского национального правительства»⁴⁴.

Курдскому правительству, таким образом, предстояло решить ряд сложных внутренних и внешних трудностей. Подстрекаемые англичанами, курдские племенные вожди, в свою очередь, создавали большие трудности на пути организации национального управленческого аппарата. Отдавая должное военнополитическим мероприятиям Махмуда Барзинджи по использованию имеющихся возможностей для достижения целей курдской национальной борьбы, в то же время следует отметить, что англо-иракско-турецкие разногласия и противоречия им были использованы не лучшим образом. Как уже отмечалось, для некоторых шагов Махмуда и его правительства были характерны поспешность и односторонность.

Убедившись в том, что англичане могут поступить с ним так же, как в 1919 г., Махмуд Барзинджи стал искать союзников в своей антибританской борьбе. Таковыми в той ситуации он считал кемалистов. Однако уже тогда лидеры курдского движения должны были заметить, что обещания кемалистов относительно поддержки курдов в их национальной борьбе были чистойшей демагогией. Уже тогда нередко были случаи конфронтации курдов не только с англичанами, но и с турками.

Как уже было отмечено, заигрывания Махмуда то с англичанами, то с турками были продиктованы конъюнктурой того времени, и в связи с этим являются беспочвенными утверждения Гурко-Кряжина, Павловича, Курдоглы и ряда других авторов⁴⁵, представляющих Махмуда Барзинджи исполнителем воли то британских, то турецких властей. Правда, эту точку зрения разделяют не все. «Что касается Мосула,— писал, например, советский востоковед Ирандуст,— то английской поли-

тике и здесь пришлось сделать поворот от намечавшейся линии. Курдское национальное движение, на которое рассчитывал лорд Керзон, начало развиваться самостоятельно, преследуя свои собственные цели, и совершенно расходится с линией охраны британских интересов в мосульском вопросе»⁴⁶. Аналогичную мысль высказывает и Лахути: «Курдское национальное движение оказалось настолько сложным и самостоятельным, что англичанам не удавалось использовать его в своих целях»⁴⁷.

Из докладов и донесений английских властей того времени в Ираке следует, что Махмуд Барзинджи намеревался войти в контакты не только с турками, но и с иракскими арабами для борьбы против британских колонизаторов. Так, командующий штабом британских воздушных сил в Ираке Сальмонд в своем донесении министру воздушных сил в Лондоне от 22 мая 1923 г. отмечал, что курды действуют «совместно с арабскими националистами в Ираке с целью поднять одновременно всеобщее восстание»⁴⁸.

По словам Ирандуста, в то время «перед англичанами открывалась перспектива образования сплошного национального фронта из арабов, курдов и турок. Такое положение было, конечно, невыносимо для английского штаба, и Шейх Махмуд был вызван для объяснений в Багдад»⁴⁹. Махмуд был предупрежден, что «в своих отношениях как с арабским Ираком, так и с британскими властями он должен быть в роли подчиненного»⁵⁰.

Шейх Махмуд отказался от поездки в Багдад. После этого английские военно-воздушные силы были посланы против курдов. 16 февраля 1923 г. английский верховный комиссар в Ираке провел совещание с участием представителей военных и гражданских властей для обсуждения плана действий против курдского автономного района. Было решено, что в случае отказа Махмуда Барзинджи приехать в Багдад будут предприняты меры пропагандистского характера (сбрасывание листовок с самолетов над Сулейманией об отстранении шейха от занимаемой должности и др.), а затем начнется широкая военная кампания против курдов.

3 марта 1923 г. началась бомбежка Сулеймании. Махмуд Барзинджи призвал народ к «священной войне против английских империалистов». Сулеймания и соседние районы подверглись варварскому обстрелу. Англичане в первую очередь старались взять под стражу М. Барзинджи и его оружие. Именно для этого была предпринята интенсивная бомбардировка Сулеймании. Во избежание разрушений в городе и жертв среди мирного населения М. Барзинджи со своими сторонниками оставил Сулейманию и стал вести партизанские бои в горных районах.

Ведя вооруженную борьбу против англичан, М. Барзинджи в то же время предпринимал усилия для привлечения новых отрядов к национально-освободительной борьбе. Однако эти старания лидера курдского движения не привели к ощутимым

результатам, и этому в большой степени помешали его противники — курдские реакционные феодалы и духовенство. Последние с целью дискредитации М. Барзинджи распространяли слухи о том, будто он является агентом английских властей. Не случайно, например, что некоторые вожди из Иранского Курдистана предложение представителей Махмуда присоединиться к борьбе иракских курдов ответили, что они «стремятся к независимому Курдистану, но без англичан»⁵¹.

Ходом борьбы М. Барзинджи интересовались и турецкие власти. Однако «курдская карта» постепенно теряла свое значение для турок. Добившись успеха в борьбе против стран-победительниц, кемалисты резко изменили свое отношение к курдам и их борьбе. Они не только отказались от своих первоначальных обещаний, но и предприняли энергичные меры против распространения освободительной борьбы курдов. Турецкие власти развернули целую кампанию против движения, возглавляемого М. Барзинджи⁵². В Турецком Курдистане карательные отряды начали террор против сторонников движения М. Барзинджи.

Во время этих бурных событий, в марте 1923 г., английский верховный комиссар в Ираке Перси Кокс представил на утверждение английского правительства документ — «Англо-иракский договор и вопрос о будущем Ирака». Идя навстречу желаниям иракского королевского режима, английские власти «решили Сулейманию также присоединить к Ираку», лишь с формальной оговоркой, что «там (т. е. в Сулеймании) должна быть утверждена уважающая национальные права курдов администрация»⁵³.

В конце марта и апреле 1923 г. английские оккупационные войска развернули широкие действия против курдов и взяли под контроль большую часть Курдистана. 5 мая командование английскими войсками отдало приказ, в котором, в частности, говорилось: «Главная задача военного подразделения в Кое — восстановить действия местных органов власти и создать благоприятные условия для взятия Сулеймании. С этой целью войска отправятся из Киркука. После взятия Сулеймании по мере необходимости будут развернуты небольшие стычки с целью дискредитировать шейха Махмуда и для его поражения. Одновременно будут караться те племена, которые сотрудничают с врагом»⁵⁴.

В середине мая 1923 г. английские вооруженные отряды при помощи отрядов курдских феодалов-предателей заняли Сулейманию. Однако, воспользовавшись благоприятной ситуацией, М. Барзинджи в июне вновь овладел Сулейманией, но вскоре был вынужден снова оставить ее. После этого шейх продолжал вести партизанские бои, не давая покоя англичанам. Британский верховный комиссар направил Махмуду записку, в которой подчеркивалось, что если он своими действиями помешает деятельности англо-иракских властей в районах Рании, Кала-Ди-

за, Чамчамала, Халабджи, Кара-Дага и Мавата, то против него будут применены самые суровые меры⁵⁵.

В это время правительство Ирака готовилось к проведению выборов в учредительное собрание. Поэтому английские власти и иракское правительство пошли на хитроумный шаг. Для успокоения курдских народных масс «Англия и Ирак пришли к соглашению, что иракское правительство выступит с заявлением о проведении доброжелательной политики по отношению к курдам». И вот в середине июля совет министров Ирака выступил со следующим заявлением: 1) правительство Ирака не намерено назначать в курдские районы иракских должностных лиц, за исключением технических специалистов; 2) оно не намерено также принуждать население этого района использовать арабский язык в официальном делопроизводстве; 3) в курдских районах будет обеспечена свобода религиозных общин⁵⁶. Одновременно с обнародованием приведенного заявления значительные англо-иракские воинские контингенты были сосредоточены для подавления сопротивления Махмуда Барзинджи. Стало совершенно ясно, что заявление было сделано по тактическим соображениям и с целью разъединения курдских национальных сил. Судя по всему, упомянутое заявление не нашло отклика в курдских массах. Махмуд Барзинджи готовился к сражению с англо-иракскими силами в районе Сулеймании. Курдские отряды из Халабджи, Кара-Дага и других районов выразили готовность сражаться вместе с силами Махмуда против своих угнетателей. «Верховный комиссар,— отмечает Эдмондс,— был в курсе этих приготовлений и стал интенсивно готовиться к нападению на Сулейманию»⁵⁷.

16 августа 1923 г. Сулеймания вновь подверглась варварскому обстрелу английских ВВС. В числе жертв было множество женщин, стариков, детей. Натянутые отношения кемалистской Турции с Англией не помешали вступлению турок в борьбу против курдского национального движения. Зимой 1923 г. Турция увеличила численность своих войск на границе с Мосульским вилайетом. В армию были призваны мужчины до 38 лет. В районы предполагаемых действий были посланы пресловутые «суды независимости» для борьбы с дезертирством. Более того, турецкое правительство заключило с правительством Ирана соглашение «Об обеспечении защиты тыла и флангов во время военных операций в Южном Курдистане»⁵⁸. Об антикурдских действиях кемалистской Турции в то время «Заря Востока» писала: «Турция предприняла ряд мероприятий для ликвидации самоуправления Курдистана»⁵⁹.

Враждебные действия империалистических стран и реакционных кругов на Ближнем и Среднем Востоке против национальной борьбы курдов явились большим уроком для последних. Кроме того, события в Курдистане происходили в то время, когда во многих странах Востока распространились слухи о революционных событиях в России. Радикальные обществен-

ные преобразования в Советской России, провозглашение идеи равноправия всех народов не могли не привлечь внимание лидеров курдских борцов за национальные права. Несмотря на отдаленность Южного Курдистана от страны социалистической революции, на отсутствие средств информации и весьма низкий уровень грамотности среди курдов, последние, как явствует из документов и материалов того времени, были в курсе революционных событий в России. То, что прогрессивные деятели курдского национального движения связывали большие надежды со Страной Советов, подтверждается историческими письмами лидера движения Махмуда Барзинджи к Советскому правительству. Так, 20 января 1923 г. через советского консула в Тебризе лидер курдского движения обратился к Советскому правительству с письмом, в котором, в частности, говорилось: Когда в 1917 г. весь мир услышал голос истинной свободы, об освобождении народа от когтей известного преступника и тирана, все угнетенные народы и нации земного шара горячо приветствовали этот голос и поднялись на борьбу за свободу, мечтая об осуществлении своих чаяний и требований и надеясь на благородство и доброжелательность русского народа. Что же до наших прав, то из большинства газет известно, что англичане, жаждущие чужой крови, обрушили на курдский народ огнестрельное оружие и бомбы, не щадя ни женщин, ни детей. Это случилось в 1919 г., т. е. 4 года назад. Но когда поработенный курдский народ хотел в Сулеймании претворить в жизнь свои законные права и требования, то, к несчастью курдов, внутреннее положение славного Советского государства было таково, что не позволило ему следить за положением зарубежных поработенных и угнетенных народов.

Это продолжалось до тех пор, пока сильный русский народ не показал своей доброжелательности и дружеского отношения и не обнаружил, хвала Аллаху, своей силы и величия. Поработенный курдский народ имеет честь просить о следующем.

Весь народ Южного Курдистана очень склонен к дружбе со славным Советским государством, он готов на любые жертвы ради этой дружбы, готов поддержать ее морально и материально. Вместе с тем мы со своей стороны ставим главным условием официальное признание наших законных прав. И чтобы показать мировому общественному мнению наши отношения, увеличить нашу мощь и авторитет, ослабив мощь противника, наша сторона нуждается в пушках, пулеметах, самолетах, оружии и боеприпасах. Подробности вам сообщит в устной форме командующий конницей полковник Рашид-афанди и мой личный секретарь Ариф-афанди.

Мы надеемся, что наконец будут осуществлены законные национальные права курдского народа, которому незамедлительно будет протянута рука дружбы и братства — дружбы, братства и союза с вами, чего мы очень и от всего сердца желаем»⁶⁰.

Лидер курдского движения далее подчеркнул, что борющиеся за национальное освобождение курды считают русский народ естественным союзником в своей справедливой борьбе и что от этого союза зависит судьба движения. В продолжение этой мысли далее в письме говорилось: «Вам известно все о перемирии и о том, против кого была направлена наша революция в Южном Курдистане. Вам известно также об отношении соседних государств ко всему этому. Разумеется, невозможно написать вам обо всех наших мероприятиях, так как между нами и Советским государством, на которое мы надеемся и которое считаем нашей опорой, до сих пор не установлены дипломатические отношения. Но я могу сказать одно: весь курдский народ считает русских освободителями Востока и поэтому готов связать свою судьбу с их судьбой. Сейчас единственное, что занимает наши мысли,— это проблема оказания нам поддержки. Курдский народ с нетерпением ожидает установления дипломатических отношений между нашими двумя сторонами. Если эти отношения будут установлены и осуществится сотрудничество между нами — такое сотрудничество, о котором я мечтаю, тогда наш народ будет свободен. Надо сказать, что если это славное событие совершится, то все наши усилия и борьба будут вписаны в историю золотыми буквами.

Мелик Курдистана Махмуд»⁶¹.

Письмо шейха Махмуда Барзинджи Советскому правительству является важнейшим историческим документом, проливающим свет на характер курдского движения, его ориентации, на понимание его руководителями сложной политической конъюнктуры. Тексты этого и последующих писем дают основание сделать некоторые заключения.

Лидер курдского движения и его окружение считали первую в мире страну социализма естественной союзницей угнетенных народов, ведущих борьбу против империализма и внутренней реакции. Обращает на себя внимание та часть письма, где шейх Махмуд подчеркивает освободительную миссию русского народа по отношению к угнетенным народам Востока, одним из которых был курдский народ. Наконец, вопрос об отношении «соседних стран к курдскому движению», который затрагивается в письме, не оставляет сомнений в том, что лидеры курдского движения отчетливо понимали, что не только иракский королевский режим, но и турецкие и иранские правящие круги всеми мерами будут мешать борьбе курдов за национальное освобождение, ибо курдский вопрос в равной степени затрагивал и их интересы.

В связи с этим нетрудно понять, что контакты шейха Махмуда, например, с кемалистами могли быть продиктованы только тактическими соображениями. В общем же лидер курдского движения в то время не видел другой силы, могущей помочь курдам в их нелегкой борьбе против своих угнетателей, кроме Советской России. К сожалению, это и другие об-

ращения шейха Махмуда к Советскому правительству остались без ответа.

После взятия Сулеймании англичанами шейх Махмуд продолжал партизанские бои, одновременно стараясь привлечь внимание мировой общественности к событиям в Южном Курдистане. В середине 1923 г., находясь в Иране, Барзинджи вновь обратился к Советскому правительству с письмом, датированным 10 июня 1923 г. В нем он писал: «С начала мировой войны мы, жители Южного Курдистана, неоднократно требуем от англичан удовлетворения наших национальных требований. Однако английские войска и самолеты продолжают разрушать нашу страну, убивать людей, а нам не дают возможности даже выразить нашу жалобу и недовольство. Начиная с 1922 г. английские власти при помощи своих войск прилагают все усилия, чтобы насильно присоединить Южный Курдистан к Арабистану. После оккупации Курдистана англичане не считаются ни с какими законами. Ради гуманизма просим послать беспристрастную делегацию, чтобы она смогла лично увидеть угнетение и разрушения англичан»⁶². Письмо было подписано рядом лидеров курдского движения⁶³.

Третье письмо Махмуда Барзинджи, адресованное Советскому правительству, опубликовано 27 июля 1923 г. «Давление английских войск изо дня в день возрастает,— говорилось в нем.— Все население Курдистана подвергается бомбежке и нападению войск. Приблизительно 200 семейств под давлением вражеских сил эмигрировало из Сулеймании. Десятки людей, взятые в плен, немедленно отправлены в Багдад. Разграблено огромное количество имущества. Таким образом, страна подвергнута разорению. Просим правосудия и... справедливости против такого гнета»⁶⁴.

Письма и обращения лидера курдского движения к Советскому правительству являлись выражением надежд борющихся курдов, связанных со страной социализма, доказательством того, что лидеры курдского движения считали Советский Союз единственным государством, для которого помощь и поддержка угнетенных народов в их справедливой борьбе являлись интернациональным долгом. Касаясь значения этих исторических документов, центральный печатный орган Демократической партии Курдистана в специальном номере, посвященном Октябрьской революции, отмечал, что письма шейха Махмуда, адресованные Советскому правительству, «являлись свидетельством откликов Октябрьской революции в Курдистане, а также подтверждением того, что курдский народ, как один из народов, борющихся за свою независимость, высоко оценивал влияние и роль Советского Союза в борьбе за свободу и самоопределение наций»⁶⁵.

В 1924—1925 гг. шейх Махмуд с переменным успехом продолжал вооруженную борьбу против британского империализма и иракского королевского режима. 19 июля 1924 г. воору-

женные отряды шейха вновь заняли Сулейманию, что дало повод для новых варварских налетов английских ВВС на курдские города и села. К концу 1925 г. англичане посредством безжалостных карательных акций смогли умиротворить Южный Курдистан.

Все годы борьбы курдов как Турция, так и английские колониальные власти стремились использовать нерешенную курдскую проблему в своих целях. Военные действия в Южном Курдистане происходили в момент, когда Англия, Турция и новообразованное иракское правительство развернули бурную политическую и дипломатическую деятельность по овладению Мосульским вилайетом. И только сами курды не имели возможности участвовать в переговорах о Мосульском вилайете даже в роли наблюдателей.

19 мая 1924 г. в Константинополе была созвана конференция по мосульской проблеме. До этого на Лозаннской (1923 г.) конференции кемалистская Турция смогла освободиться от обязанности выполнять условия Севрского договора, который, безусловно, наносил удар по интересам турецкого государства, ибо объективно служил захватническим целям стран Антанты. Однако нельзя сбрасывать со счетов то объективное обстоятельство, что стремление империалистических держав распространить свое господство на входившие в состав Османской империи страны, в свое время захваченные Турцией и не являвшиеся собственно турецкими территориями, не давало права кемалистской Турции вновь установить свое господство над ними, в том числе и над Курдистаном. К сожалению, кемалистской Турции удалось «узаконить» возврат ряда нетурецких территорий, что, как показало время, весьма отрицательно сказалось на судьбах этих народов. В нашей литературе этот вопрос в ряде случаев, к сожалению, получил неверное, однобокое освещение. Дело в том, что, осуждая политику аннексий держав Антанты, ряд авторов впадает в другую крайность, выступая в пользу возвращения всех старых владений тем государствам, которые до этого владели ими. Так, Турции фактически приписывалось право владеть Курдистаном, Западной Арменией и другими на том основании, что эти территории до войны входили в ее состав. Такая постановка вопроса противоречит ленинской трактовке понятия «аннексия». Ленин, в частности, говорил: «Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов, в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, *когда это насильственное присоединение совершилось, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно удерживаемая в границах данного государства нация*»⁶⁶ (курсив наш.— Ш. М.).

Курдистан, как известно, был завоеван Турцией мечом и

огнем. Курды не только выступали против кровавого турецкого ига, но и вели упорную и непрерывную борьбу за свое национальное освобождение. Поэтому претензии кемалистов на Мосульский вилайет, равно как и сохранение большей части Курдистана в составе Турции, не имели никакого оправдания. Ошибка авторов⁶⁷, оправдывающих претензии Турции на ее бывшие владения, совершенно очевидна и в свете других работ В. И. Ленина по национальному вопросу. В. И. Ленин рассматривал как аннексию и захват всякое сохранение иноземного господства над народами, борющимися за свою независимость. Курдский народ находился именно в таком положении, и его борьба была направлена именно против этого иноземного ига. «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насильем,—говорилось в ленинском „Декрете о мире“,—если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решать без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насильем»⁶⁸. Парадоксально, что эта установка не распространялась на курдов и их освободительное движение. Советское правительство было на стороне Турции в ее антикурдской борьбе.

Проходил шестой год оккупации Южного Курдистана, а положение там все еще оставалось тревожным и нестабильным. В начале 1924 г. сохранялись причины, заставлявшие курдов вести упорную борьбу против своих угнетателей. Вокруг Мосульского вилайета продолжалась борьба, никто из участников которой не считался с мнением и интересами курдов, составлявших абсолютное большинство на спорной территории.

Кемалисты до последнего момента старались добиться «восстановления бывших прав» над Южным Курдистаном. Характерны в этом отношении слова Мустафы Кемаля, произнесенные в середине 20-х годов: «Мосул — турецкий, и ничто не может этого изменить, даже штыки. Мы хотим весь бывший вилайет Мосул, по обоим берегам Тигра, мандатным он будет или не мандатным — не имеет значения, но мы никогда не откажемся от этой точки зрения...»⁶⁹.

И после Лозаннской конференции планы и интересы противоборствующих сторон по-прежнему сталкивались друг с другом, хотя уже можно было заметить одно обстоятельство, которое фактически объединяло их — желание избавиться от национально-освободительной борьбы курдского народа. Уже в начале конференции было ясно, что делегации Англии и Турции вряд ли могут прийти к какому-либо соглашению по данному вопросу. В то же время в Багдаде обсуждался вопрос об англо-

иракском договоре, который Англия, воспользовавшись создавшейся ситуацией (на конференции в Константинополе, выступая в роли «защитницы интересов Ирака», Англия взамен этого потребовала незамедлительного принятия договора), ловко провела через иракский парламент. Во время одобрения договора иракским парламентом из 110 его членов присутствовали только 69, и при этом 9 депутатов при голосовании воздержались⁷⁰. Так что английскому верховному комиссару пришлось сильно нажать на иракский парламент, чтобы утвердить договор. При этом делалась ставка на Мосульский вилайет: Англия угрожала, что в случае отказа от утверждения договора она не поддержит Ирак в вопросе о судьбе Южного Курдистана (Мосульского вилайета)⁷¹.

Еще не обретя независимости, буржуазно-помещичьи круги Ирака проявляли нетерпимость к законным национальным устремлениям курдов, стремясь насильственно присоединить к Ираку Мосульский вилайет. Иракский парламент в июне 1924 г. проголосовал за договор — с поправкой о немедленном пересмотре договора после ратификации в случае, если Мосульский вилайет будет исключен из состава Ирака⁷².

Широкие слои населения Южного Курдистана выступали против договора, который не содержал ничего утешительного для них. Еще в 1923 г. они объявили бойкот парламентским выборам. По сообщению английской газеты «Таймс», во время обсуждения договора в иракском парламенте отсутствовали представители Киркука и Сулеймании⁷³.

Как уже говорилось, правительство Ирака добивалось приложения к договору о том, что весь договор будет считаться приемлемым лишь в случае, если Мосульский вилайет останется в составе Ирака. Англичане, ссылаясь на формальную невозможность (поскольку вопрос еще подлежал обсуждению в Лиге Наций), не включали это положение в договор. Но верховный комиссар Генри Добс в письменной форме взял на себя обязательство, согласно которому после утверждения договора Англия будет продолжать усилия по присоединению Мосульского вилайета к Ираку. В свете изложенного было ясно, что конференция в Константинополе была обречена на провал.

Добиваясь присоединения Мосульского вилайета к Ираку, ни Англия, ни монархический режим Хашимитов «никогда не прислушивались к требованиям курдов о национальном самоуправлении»⁷⁴. Поскольку Англия и Турция не пришли к окончательному соглашению по вопросу о Мосульском вилайете, в соответствии со вторым и третьим пунктами Лозаннского договора спорный вопрос был переведен на обсуждение Лиги Наций. В сентябре 1924 г. совет Лиги Наций в качестве предварительного шага решил провести демаркационную линию на турецко-иракской границе. Однако это не устранило беспокойной обстановки на границе, и каждая из сторон неоднократно представляла в Лигу Наций протесты о нарушениях границы

другой стороной. Совет Лиги Наций решил направить в Мосульский район специальную комиссию для сбора соответствующих экономических, этнических и других необходимых данных. Этот доклад призван был стать основой для урегулирования конфликта. В состав комиссии вошли Вирсе (из Швеции, председатель комиссии), бывший премьер-министр Венгрии, юрист и географ Комс Телеки и бельгийский полковник в отставке Боулис. После посещения столиц соперничающих сторон — Лондона и Анкары — комиссия посетила Южный Курдистан, или, как говорили тогда, Мосульский вилайет.

Обращал на себя внимание весьма характерный факт. Комиссия Лиги Наций начала свою работу в момент, когда широкие массы в Южном Курдистане вели упорную борьбу за признание своих национальных прав. Несмотря на это, курды не имели возможности довести до комиссии свои требования. Кроме того, в вопросе о национально-этническом составе спорной территории выявились большие разногласия. Турция, Англия и Ирак — каждая из этих стран со своей стороны представляла такие данные, которые искусственно завышали или занижали численность той или иной этнической группы с целью аргументации в пользу перехода вилайета под свой контроль. Несмотря на разноречивость в вопросе об этническом составе вилайета, все стороны сходились в вопросе о том, что курды составляют абсолютное большинство населения. Тем не менее курды не имели своих представителей ни в Лиге Наций, ни в ее специальной комиссии по мосульскому вопросу.

В том же, 1925 г. комиссия Лиги Наций закончила свою работу и представила объемистый доклад⁷⁵. Следует отметить, что доклад этот содержал ряд объективных данных, которые в отличие от английских или турецких давали возможность составить более или менее правильное представление о вилайете. Однако эти данные относились в основном к вопросам экономического характера. Что касается национальных и политических аспектов спорного вопроса, то комиссия не вышла за пределы тех рамок, которые были определены кругами, господствовавшими в Лиге Наций.

В главном вопросе, волнующем курдов, комиссия Лиги стояла на позициях игнорирования их национальных прав. В докладе ни одним словом не упоминалась кровопролитная борьба курдов за свои национальные права. Комиссия фактически просто преследовала цель «обосновать» переход вилайета либо к Турции, либо к Ираку, находившемуся под господством Англии. Ни первый, ни второй варианты «решения», естественно, не могли удовлетворить борющихся курдов. Национально-освободительная борьба, антиимпериалистические, равно как и антитурецкие, настроения курдских масс в докладе были представлены всего лишь как «рост национального самосознания курдов» (второй пункт доклада комиссии)⁷⁶. В окончательном заключении комиссии подчеркивалось, что спорная территория

может быть присоединена к Ираку с условием, что: 1) Ирак останется под мандатом Лиги Наций еще 25 лет; 2) *курдским районам должно быть предоставлено право иметь административный аппарат, составленный из курдских чиновников, а курдский язык должен считаться официальным языком района*" (курсив наш.— Ш. М.).

Эти оговорки, призванные хотя бы частично удовлетворить требования курдов, не беспокоили ни Англию, ни иракское правительство. «Доклад комиссии Лиги Наций,— писала одна английская газета,— в Багдаде был воспринят очень спокойно... Большинство населения убеждено, что Мосул перейдет к Ираку...»⁷⁸. Борющиеся же курды в вопросе о своих национальных правах не могли рассчитывать ни на какую сторону.

В момент, когда борьба за Мосульский вилайет была в разгаре, в Турецком Курдистане начались бурные события. Здесь поднялось мощное восстание против кемалистской деспотии. Восстание, возглавленное шейхом Саидом и доктором Фуадом, приняло широкие масштабы. Однако восстание курдов, которому никто не оказал поддержки, жесточайшим образом было подавлено кемалистами, которые тогда именовались «борцами за национальную свободу». Турецкие карательные силы не только подавляли восстание, но и предпринимали меры для предотвращения контактов между двумя частями Курдистана на иракско-турецкой границе.

25 июля 1925 г. в Багдаде по инициативе курдских патриотов был организован 10-тысячный митинг, участники которого гневно протестовали против зверств кемалистов по отношению к восставшим курдам и мирному населению⁷⁹. На митинге присутствовали не только курды, но и арабы, персы, армяне и др. Участники митинга приняли резолюцию, в которой отмечалось: «Курды восстали против турок для признания своих законных национальных прав. В ответ на эти законные требования турки предприняли беспрецедентные в истории зверства против курдов. Избранный на этом митинге комитет, выражая волю участников этого мероприятия, выражает свое возмущение против кровавых репрессий в Турецком Курдистане. Он обращает внимание цивилизованного мира на эти события и просит Лигу Наций создать комиссию для вмешательства и прекращения кровавого террора против нашего народа»⁸⁰.

Многие курды из Турции нашли убежище у своих соотечественников в Южном Курдистане, где тем временем продолжались волнения. Любопытно, что в это время центр антианглийских выступлений временно переместился в район Синджара, населенный курдами-езидами. Первоначально англичанам удалось найти общий язык с лидерами езидов, и положение в районе было спокойно. Однако вследствие бесчинств оккупантов, игнорирования национально-религиозных прав езидов недовольство их переросло в вооруженное выступление. Здесь, несомненно, большую роль сыграл также и рост антиимпериалисти-

ческой борьбы народных масс в других районах Южного Курдистана. Методы подкупов и уговоров применяемые англичанами не подействовали.

Восстанием курдов-езидов 1925 г. руководил Дауд-ага. Только благодаря действиям ВВС англичанам удалось умиротворить этот район.

В начале сентября 1925 г. Лига Наций приступила к обсуждению Мосульского вопроса. На первом же заседании Лиги начались острые трения между английской и турецкой делегациями. Турецкие правящие круги и пресса цинично стремились «обосновать мысль о том, что не только Мосульский вилайет, но и Ирак юридически принадлежит Турции»⁸¹.

Турецкая делегация требовала принятия такого решения, которое обеспечило бы переход Мосульского вилайета к Турции, в противном случае она грозила прекратить переговоры. Вопрос о Мосуле, как уже было сказано, обсуждался в момент, когда кемалисты мечом и огнем подняли национально-освободительное выступление турецких курдов. Турки теперь говорили о курдах и их проблеме совершенно другим тоном. Турецкая пресса откровенно писала, что в Турции курдского национального вопроса нет, что «курдский вопрос искусственно создан англичанами»⁸².

Рост национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы курдского народа серьезно беспокоил правящие круги республиканской Турции. В связи с этим примечателен факт, что в новейшее время на всех этапах развития национально-освободительной борьбы курдов Турция выступала в качестве инициатора антикурдских заговоров и сделок. Показательно в свете сказанного и следующее. Хотя турецкие правящие круги жестоко подавили восстание курдов 1925 г., возглавленное шейхом Саидом, однако с целью создать общий фронт против курдских освободительных выступлений Турция в Лиге Наций выступила с предложением вернуть ей Мосульский вилайет, «а взамен она согласилась бы отдать Ираку провинцию Дияла, которая нужна была для орошения долины Евфрата. Взамен этого должен быть заключен договор о взаимных гарантиях (против курдских выступлений.— Ш. М.) между Турцией, Ираком, Персией и Англией»⁸³.

Несмотря на «твердость позиций» турецких правящих кругов, у них вряд ли были надежды на возврат Мосульского вилайета. Вероятно, это было одной из причин того, что «Турция крайне была недовольна затяжкой решения этого вопроса и решением передать вопрос на рассмотрение Гаагского Международного суда»⁸⁴. Французское правительство, добившееся в то время выгодных экономических позиций в кемалистской Турции, выступило на стороне последней.

Итак, Лига Наций так и не вынесла решения по обсуждаемому вопросу, и он был передан Международному суду в Гааге. Теперь Англия стремилась до вынесения решения Междуна-

родным судом «урегулировать» в Ираке курдскую проблему. На этом пути продолжали существовать большие трудности. Англо-иракские вооруженные силы все еще продолжали борьбу против вооруженных партизанских отрядов шейха Махмуда, когда 25 сентября 1925 г. начались волнения в районах Зибара, Захо и Акры⁸⁵. Протестуя против налоговой политики и бесчинств местных чиновников, вооруженные курдские отряды в районе Захо во главе с Абдуль Керимом столкнулись с английскими войсками. Иракское правительство и английский верховный комиссар объявили повстанцам десятидневный срок для капитуляции, взамен пообещав амнистию участникам восстания.

Внутренняя обстановка в турецкой и иракской частях Курдистана, обсуждение Мосульского вопроса на международном уровне, естественно, привели к тому, что положение в районе Мосула вновь резко обострилось. Турция и Англия сосредоточили большие контингенты войск в этом районе. После обсуждения этого вопроса на заседании правительства Турция сосредоточила отряды тяжелой артиллерии на 15-километровом участке вдоль Дарданелл⁸⁶. Согласно сообщениям прессы, тогда «в каждую минуту ожидалось закрытие Дарданелл»⁸⁷. В том же, 1925 г. иракское правительство «создало специальные военные подразделения на границе Северного Курдистана»⁸⁸.

Привлекает внимание тот факт, что вооруженные подразделения, сосредоточенные вдоль турецко-иракской границы (район стыковки Северного и Южного Курдистана), использовались, с одной стороны, для подавления восстания шейха Саида в Турции, а с другой — для ликвидации сопротивления сторонников Махмуда Барзинджи в Ираке. Так Англия и Турция, находившиеся в остром противоборстве за овладение Мосульским вилайетом, в вопросе борьбы против курдского национально-освободительного движения находились в фактическом союзе.

С начала 1926 г. наметился некий спад в освободительном движении в Южном Курдистане. Тем не менее англичане не сбрасывали маски сторонников «учета национальных прав курдов». Совет министров Ирака по требованию британского верховного комиссара выступил с заявлением, согласно которому «должно быть поощрено введение курдского языка в учреждениях и школах курдских районов. В курдских районах должны быть назначены курдские должностные лица»⁸⁹. Одновременно англичане вошли в переговоры с шейхом Махмудом. Тем самым они стремились создать благоприятные условия для принятия Лигой Наций окончательного решения в пользу англо-иракской стороны.

11 марта 1926 г. Совет Лиги Наций решил окончательно установить так называемую Брюссельскую линию, которая стала границей Мосульского вилайета и Турции. Как и на Лозаннской конференции, когда «Керзон, по существу, заключил сделку с турками за счет курдов»⁹⁰, англичане «не забыли кур-

дов». Совет Лиги Наций одновременно принял решение, в котором отмечалось, что вопрос о курдских районах, вошедших в состав Ирака, переходит под контроль постоянной комиссии Лиги по делам мандатов⁹¹. Это, конечно, было пустым обещанием, призванным ввести в заблуждение борющийся народ.

Как нетрудно заметить, присоединение Мосульского вилайета к Ираку было подготовлено всем ходом развития послевоенных событий. Оно стало выражением политики стран-победительниц относительно Турции. Хотя при этом были игнорированы национальные права курдов, тем не менее следует подчеркнуть, что это присоединение было сопровождено оговоркой о том, что правительство Ирака должно учесть национальные права курдов, признать в курдских районах официальным курдский язык, вести преподавание в курдских школах на родном языке и т. д. Это было отражено, как уже отмечалось, как в решении Совета Лиги Наций, так и в официальных заявлениях представителей Англии и Ирака. Забегая вперед, отметим, что, хотя монархический режим Ирака и его английские покровители никогда не намеревались выполнить данные ими курдам обещания, тем не менее объективность требует констатировать ту разницу, которая была между положением курдов в Ираке и в Турции. В то время как в Ираке, несмотря на политику национального угнетения курдов, оставались некоторые лазейки (хотя и мизерные) для сохранения и функционирования национальных очагов курдской культуры, в кемалистской Турции курды подвергались дикому национальному угнетению. Турция стала единственной страной, где беспардонно отрицалось существование целого народа. В Лозанне по настоянию турок курды были вычеркнуты из числа национальных меньшинств Турции. Официальная турецкая пропаганда утверждала, что в Турции нет ни курдов, ни курдской проблемы. На основании этого все курдские национально-освободительные выступления подавлялись с беспрецедентной жестокостью. Более того, правительство Турции взяло на себя пресловутую роль координатора всех антикурдских акций правящих кругов стран, разделивших Курдистан.

**БОРЬБА ЗА МОСУЛЬСКИЙ ВИЛАЙЕТ
И КУРДСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС**

Присоединением Мосульского вилайета к Ираку британский империализм поставил точку на одном из этапов своей «курдской политики». Этот акт был совершен в нарушение прав курдов на самоопределение и в ущерб их национальным интересам. Вполне естественно, что новый раздел Курдистана еще больше усложнил социально-экономическое и политическое положение курдов. Все это создало новые большие преграды на пути обретения курдами национальной независимости. «Проблема Мосульского вилайета,— пишет французский востоковед Серж Гантнер,— таким образом, была решена вопреки желаниям курдского народа и в ущерб его национальным интересам»¹. Продолжая свою мысль, С. Гантнер указывает на причины, которые привели к такому исходу событий: «Причины этого присоединения очевидны. Мосульский район богат нефтью, и Англия была уверена, что в конечном итоге ее нефтяные интересы лучше будут обеспечены, если Мосул будет связан с государством, руководимым семьей Хашимитов, ибо шейх Махмуд показал свою непокорность»².

Роль британского империализма в судьбах Мосульского вилайета привела к такому положению вещей, когда и после окончательного решения Лиги Наций по этому вопросу в руках британских военно-колониальных властей оставалась возможность активного вмешательства в «арабо-курдские» дела Ирака. Колониальная политика Англии (применение пресловутого принципа «разделяй и властвуй») имела хитроумный механизм. Находящийся под мандатом Англии Ирак должен был быть «благодарным» ей за присоединение Мосульского вилайета. И действительно, в какой-то степени британский империализм этим актом укрепил свои позиции в Ираке. Однако Альбион не упустил из рук и другой фактор вмешательства во внутренние дела Ирака. По расчетам британского империализма, курды в условиях монархического режима и проведения по отношению к ним политики игнорирования их национальных прав и ассимиляции должны быть вынуждены рассматривать страну-мандатора — Англию как «защитницу их интересов» или как нечто вроде арбитра, что, в свою очередь, обуславливало «постоянную боязнь иракского правительства курдской опасности...». По поводу этой коварной и двурушнической британской

политики прогрессивный английский историк Майкл Брукс пишет: «Разумеется, имперские дипломаты не думали предоставить населению автономию в таком важном районе, как Мосул (т. е. Южный Курдистан.— Ш. М.). Однако эта идея должна была заставить центральное правительство Ирака задуматься над этим»³.

Таким образом, вопрос о судьбах Мосульского вилайета был решен прежде всего в интересах английского империализма. Прав был И. Левин, который писал: «Интересы английского империализма и нефтяных трестов требовали включения в Ирак районов с курдским населением, где идея вхождения в состав арабского государства (к тому же находящегося под контролем Англии) не пользовалась никакой популярностью»⁴. Это, конечно, не имело значения для английских колонизаторов. Более того, Ирак со своими нерешенными внутренними проблемами становился легкой добычей английского империализма, ибо «объединение арабов и курдов в одно государство под властью арабских помещиков и буржуазии не могло не вызвать длительные конфликты и борьбу, которые вполне соответствуют интересам английского империализма: иракские помещики знают, что сохранение курдской области за Ираком может быть обеспечено только при поддержке Англии; угнетение курдов привязывает Ирак к колеснице английского империализма. С другой стороны, английский империализм пытается разыгрывать роль защитника курдов от арабских властителей Ирака, используя курдский вопрос для вмешательства во внутренние дела „независимого“ Ирака»⁵.

Решение Лиги Наций фактически не внесло какого-либо изменения в положение вещей. Оно, по существу, «узаконило» те шаги, которые уже были предприняты английскими правящими кругами. Там, где нужно, ими были предприняты меры, призванные к «сглаживанию» разногласий с Турцией. Несмотря на имеющиеся разногласия с кемалистами, англичане заключили «вторую сделку» с ними — против курдских освободительных выступлений. Закулисные переговоры привели к согласованным планам антикурдского характера. Обращает на себя внимание следующий факт. В апреле 1926 г., перед выездом из Лондона, британский верховный комиссар в Ираке Генри Добс, отвечая на вопрос о будущем иракских курдов, заявил: «Нет и быть не может речи о курдской независимости... Турция может быть уверена, что, хотя Лига Наций рекомендовала учитывать национальные особенности курдов, вопрос о курдской независимости никогда не возникнет»⁶.

Это заявление апологета британского империализма было не только его мнением. Оно полностью отражало гнусную антикурдскую суть политики английского империализма, которая вместе с действиями других великих держав и реакционных режимов Ближнего и Среднего Востока стала причиной неопи-
сываемых страданий курдского народа.

После жесткого подавления восстания шейха Саида Турция уже не могла пользоваться «курдской картой». Поэтому начиная со второй половины 20-х годов Турцию больше занимала идея создания совместного фронта заинтересованных стран против «курдской угрозы». Заявление Генри Добса призвано было успокоить Турцию в этом вопросе.

Вместе с применением силы английские власти и правящие круги Ирака, как уже было отмечено, стали использовать по отношению к курдам «мирные средства». В 1926 г. премьер-министр Ирака в парламенте заявил: «Мы обязаны признать национальные права курдов»⁷. Правительство объявило, что в Курдистане курдский язык будет признан как официальный, в курдских ливах будут назначены курдские чиновники, судьи, учителя⁸. В 1926 г. премьер-министр Ирака по указке своих английских советников поручил всем министерствам «руководствоваться» указанием о том, что в курдских провинциях будет осуществлена политика, учитывающая национальные права местного населения. Привлекает внимание торжественное заявление короля Ирака Фейсала I. «Каждый верный иракец,— говорил он,— должен убедить своих братьев, чтобы те мирно жили под иракским знаменем... Это обеспечит всем нам всеобщее счастье...»

В это время шейх Махмуд не представлял большой угрозы, и англо-иракские должностные лица приступили к выполнению своих обязанностей в Курдистане. После решения Лиги Наций по мосульскому вопросу иракское правительство и британский верховный комиссар старались создать впечатление, что они выполняют рекомендации Лиги Наций и национальные особенности курдов принимаются во внимание (в правительстве один министерский пост предоставлялся курду, устанавливалась квота депутатов от Курдистана и др.)⁹. Но, несмотря на это, англичан все же беспокоил тот факт, что шейх Махмуд со своими немногочисленными сторонниками находился в районе Пенджвина. Новые столкновения курдских сил с англо-иракскими отрядами не принесли желаемых результатов. Летом 1927 г. английские официальные лица предложили шейху прекратить сопротивление. Видя, что со своими малочисленными сторонниками он не добьется успеха, шейх Махмуд прекратил борьбу.

Курдское национально-освободительное движение, не получившее никакой помощи и раздираемое внутренними противоречиями, пережило спад. Народные массы после долгой кровопролитной борьбы были охвачены чувством пессимизма. Экономика курдских районов была разрушена. Сам шейх Махмуд не действовал, да и не мог действовать с прежней энергией и настойчивостью. В конце 1926 и начале 1927 г. между шейхом Махмудом и англичанами начались переговоры сначала в Курдистане (в селе Хурмал), а затем в Багдаде. Условия соглашения, которые касались скорее лично шейха Махмуда и положения его семейства, сводились к тому, что лидер курдов полу-

чал определенные гарантии личного благополучия с условием, что он должен был жить вне Сулеймании и не заниматься политикой. В дальнейшем англичане отвергли требование шейха Махмуда предоставить права самоуправления хотя бы району Пенджвина, где он жил. Вооруженный конфликт, вспыхнувший из-за этого, ни к чему не привел, и шейх Махмуд был вынужден согласиться с теми условиями, которые диктовали ему англо-иракские хозяева. Однако даже после этого положение в Курдистане нельзя было считать спокойным. Во второй половине 1927 г. волнениями был охвачен район Ревандуза, происходили стычки между племенами хамавенд и балан, с одной стороны, и англо-иракскими силами — с другой.

В это время волнениями был охвачен район Барзана. Движением здесь руководил глава одного из влиятельных семейств Южного Курдистана — шейх Ахмед Барзани¹⁰. Требования восставших сводились к следующему: улучшение экономического положения населения, строительство дорог, признание прав самоуправления курдских районов. Попытки англо-иракских вооруженных сил подавить движение не увенчались успехом. Англичане прибегали к испытанному методу: они стали использовать против барзанцев соперничавших с шейхом Ахмедом курдских феодалов. При этом они распространяли слух, будто бы Ахмед Барзани выступает проповедником какой-то новой религии¹¹. В результате всех этих действий и подкупа проанглийски настроенных курдских феодалов англичанам удалось в основном подавить и это восстание. Однако и после его подавления положение в Иракском Курдистане нельзя было считать спокойным. Продолжались партизанские бои, которые носили упорный характер. Касаясь роли Ахмеда Барзани в организации новых выступлений, Ст. Лонгригг пишет: «...шейха войной и восстанием пахло, и он продолжал оставаться опасной личностью»¹².

В конце марта 1928 г. состоялась встреча Ахмеда Барзани с британским административным инспектором. При этом были приняты некоторые реформы, на которых настаивал шейх¹³. В результате в областях Эрбиль и Мосул положение несколько улучшилось. Для периода 1927—1930 гг. в целом были характерны разрозненные локальные выступления курдов против хашимитского режима и его английских покровителей. Относительное спокойствие было использовано правительством для укрепления своих опорных пунктов в Курдистане. Было увеличено число полицейских постов, военных подразделений, приводились в порядок дороги. Все эти мероприятия преследовали военно-стратегические цели.

Хотя Мосульский вилайет был включен в состав Иракского государства с оговоркой, что «правительство Ирака должно считаться с национальными особенностями курдов» эта и другие «рекомендации Лиги Наций» с самого начала игнорировались правящими кругами Ирака. Широкое недовольство и выступ-

ления курдов стали предметом обращения шести курдских депутатов к премьер-министру. В их докладной записке говорилось, что правительство медлит с выполнением распоряжений Лиги Наций. «В ней содержались также требования об увеличении ассигнований на образование в курдских областях, о выработке единой административной формы управления в Иракском Курдистане и увеличении ассигнований на общественные нужды Курдистана»¹⁴. Однако эти и другие неоднократные требования курдов оставались без внимания, ибо подлинное признание национальных прав курдского народа не входило в планы реакционного хашимитского режима и его английских покровителей. Более того, упорный и длительный характер курдских выступлений со второй половины 20-х годов побудил правительства разделивших между собой Курдистан стран и их империалистических покровителей предпринять совместные меры против «курдской угрозы». С этой целью названные силы в ряде случаев, игнорируя свои противоречия, предпринимали совместные меры против курдских движений. Такой характер носил, в частности, «Договор о дружбе и сотрудничестве», заключенный между Ираком и Турцией 22 октября 1926 г. в Тегеране¹⁵. Некоторые пункты этого договора четко указывали на направленность против освободительных выступлений курдов. В частности, 5-й и 6-й пункты договора констатировали, что договаривающиеся стороны обязуются не допускать на своих территориях деятельность таких организаций и группировок, которые могут нарушить мир и безопасность другой стороны¹⁶. В 6-м пункте говорилось: «В целях обеспечения спокойствия и безопасности жителей приграничных зон обе договаривающиеся стороны будут принимать все меры, необходимые для того, чтобы положить конец преступным действиям и происшествиям, которые могут нанести ущерб миру обеих стран и которыми занимаются племена, живущие на прилегающих к границе территориях...»¹⁷. В этом деле особо усердствовала кемалистская Турция.

Турецкие правящие круги, «проигравшие битву за Мосул», теперь уже считали возможным «позабыть» свои разногласия с Англией и Ираком и заключить договор, обеспечивающий их и другую сторону от «курдской опасности». И вот 5 июня 1926 г. в Анкаре был заключен такой договор между Англией, Ираком и Турцией. В связи с затрагиваемыми нами вопросами представляют интерес те части договора, которые касались курдских освободительных выступлений. «Турецкие и иракские власти,— говорилось в нем,— откажутся от всяких сношений, имеющих официальный или дипломатический характер, с главарями, шейхами или иными членами племен, гражданами другого государства, находящимися в данное время на территории другого государства.

Они не будут терпеть в пределах пограничной зоны каких-либо организаций пропаганды или собраний, направленных против одного из обоих государств»¹⁸. Совершенно ясно, что речь

тут идет о курдах, ведущих национально-освободительную борьбу, об их деятелях и организациях, которые, избегая преследований, могли перейти границу одного из государств, разделивших Курдистан. Эти антикурдские шаги весьма заметно осложняли положение курдских национальных сил, ведущих освободительную борьбу. Таким образом, жестокое социальное и национальное угнетение — главные причины, приведшие в движение широкие слои курдского населения, — сохранялось, и к нему прибавлялись теперь внешнеполитические заговоры. Вследствие этого постоянная напряженность в Южном Курдистане была характерным явлением. Широкое недовольство курдских масс политикой хашимитского режима и британских колониальных властей толкнуло на публичные выступления даже тех курдских деятелей, которые обычно занимали примирительную позицию по отношению к политике Лондона и Багдада по курдскому вопросу.

Так, в начале 1929 г. четыре курдских депутата иракского парламента представили премьер-министру и верховному комиссару следующие требования: 1) создать новую лигу на севере с Дохуком в качестве административного центра; 2) отчислять ежегодно 20% национального дохода на развитие курдских районов; 3) ввести обязательное обучение на курдском языке; 4) вывести правительственные войска из Иракского Курдистана (за исключением полицейских сил); 5) включить в состав иракского правительства двух курдских представителей¹⁹.

По мере приближения срока истечения английского мандата напряженность в Курдистане возрастала. Заключение нового договора между Англией и Ираком вновь накалило обстановку. Своеобразие ситуации, вызванной этим актом, заключалось в том, что каждая из трех сторон — английский империализм, иракские правящие круги и борющиеся за свои национальные права курды — каждая преследовала свои цели, которые не только не совпадали, но были противоположны. Англия форсировала действия в пользу создания такой ситуации, при которой и после мандата она смогла бы пользоваться теми же военно-политическими и экономическими привилегиями, которыми она пользовалась в стране после окончания войны. При этом британские империалисты не собирались упустить из рук «курдскую карту» как фактор воздействия на иракское правительство, как возможность сделать его уступчивым.

Иракские правящие круги в целом, естественно, стремились к большей независимости, к избавлению от «английской опеки», что находило широкую поддержку народных масс, национально-демократических сил. Однако, борясь против влияния английского империализма, иракские буржуазно-националистические силы в то же время отказывали курдам в аналогичных правах. «Арабо-курдский антагонизм» весьма искусно использовался британским империализмом для достижения своих целей.

Что касается курдских национально-патриотических сил, то

их положение было весьма тяжелым. Оно характеризовалось наличием ряда трудностей как внутреннего, так и международного характера. Недавние турецко-английские и турецко-иракские противоречия, которыми так или иначе могли воспользоваться борющиеся курды, отошли на второй план или исчезли. Освободительные выступления курдов теперь уже наталкивались на труднопреодолимые преграды, созданные не только английским империализмом, но и «вставшим на ноги» реакционным буржуазно-помещичьим режимом Багдада. Более того, считая «курдскую опасность» проблемой, с которой в перспективе нельзя было не считаться, турецкие и иракские правящие круги, как уже говорилось, прямо или косвенно участвовали в подавлении курдских освободительных выступлений. Это обстоятельство делает понятной ту небезуспешную игру, которую британские колонизаторы вели с лидерами курдского движения. Понимая, что собственными силами, без помощи извне практически невозможно добиться национального освобождения, лидеры курдского движения, не получавшие никакой внешней поддержки, все еще наивно или вынужденно возлагали надежды на страну-мандатарий, Англию. Кроме того, сам шейх Махмуд видел, что существует антагонизм между планами английского империализма и самого Ирака, и пытался использовать эти противоречия в своих целях по достижению курдской автономии. Но фактически скорее их использовали в своих целях британские власти. События, развернувшиеся после договора 1930 г., вкладывались в рамки такого механизма.

Еще до заключения договора курдским национально-демократическим силам стало известно, что предполагаемый договор не содержит никаких статей о правах курдов в Ираке. Объяснения на этот счет английских властей носили циничный характер. Предав забвению все свои обещания и гарантии, данные курдам в период мосульского кризиса, британские колониальные власти заявляли, что договор заключается между двумя дружественными и независимыми государствами и никакое из них не может диктовать свою волю по тем или иным внутренним вопросам.

Подписанный 30 июня 1930 г., договор защищал прежде всего интересы британского империализма. Арабские прогрессивные круги рассматривали его как средство сохранения британского господства в новых условиях. Что касается курдских деятелей, то они после опубликования текста договора один за другим слали петиции в Лигу Наций. Для разрядки обстановки в Курдистан были отправлены английские и иракские должностные лица, которые вновь старались убедить курдов в своей верности когда-то данным им обещаниям, которым теперь никто не верил.

О том, что национальные права курдов будут уважены, что курдский язык станет официальным языком страны и т. д. вновь делали публичные заявления заместитель премьер-министра

Джафар ал-Аскари, заместитель верховного комиссара и другие. Эти заявления, однако, не разрядили обстановку. После совещания с участием короля Фейсала, британского верховного комиссара и премьер-министра Ирака кабинет министров до заключения договора, 10 апреля 1930 г., опубликовал заявление, в котором говорилось о подготовке законопроекта, предусматривавшего объявление курдского языка официальным в Курдистане. Тактический характер этого шага стал очевидным, когда после одобрения парламентом этот закон так и остался невыполненным. Заместитель премьер-министра Джафар ал-Аскари, специально прибывший в Сулейманию для успокоения масс, был встречен бурными протестами против политики обмана и шантажа. Во время встречи с курдами один из присутствовавших обратился к ал-Аскари со следующими словами: «Мы не обманываемся подобными словами, и слезами не заставить нас забыть о нашей свободе и независимости: смерть или независимость и свобода»²⁰.

В Ираке началась подготовка выборов в парламент, который должен был утвердить англо-иракский договор. Дело заключалось в том, что кабинет Нури Саида в то время не имел большинства в парламенте, и, таким образом, ратификация договора могла провалиться, тем более что сам Нури Саид не скрывал, что главной целью его прихода к власти являлась ратификация англо-иракского кабального договора. Для выполнения этой миссии летом 1930 г. Нури Саид обратился к Фейсалу со специальным письмом, в котором говорил о необходимости распустить находившийся в то время в отпуске парламент и назначить выборы в новый парламент.

Поскольку и в новом договоре совершенно четко игнорировались требования курдских национально-демократических сил, в Курдистане началась волна протеста против продолжавшейся антикурдской политики британского империализма и его иракских приспешников. В различных городах Курдистана проводились митинги и демонстрации, участники которых гневно осуждали планы английских империалистов и иракского режима. Особенно бурный характер события приняли в Сулеймании.

6 сентября 1930 г. всё население Сулеймании и соседних районов единодушно объявило бойкот парламентским выборам. У резиденции мутасарифа состоялся митинг с лозунгами «Долой империализм», «Свободу Курдистану»²¹. События развивались быстро. Когда стало ясно, что полиция не в состоянии положить конец выступлениям курдов, в город были введены войска. Полиция и воинские отряды обстреляли мирное население. Было устроено настоящее побоище курдских борцов за национальные права. Около двух десятков курдов было убито, многие ранены.

День 6 сентября вошел в историю курдов как «рожа раш» («черный день»). События 6 сентября резко накалили обстановку. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, Махмуд Бар-

зинджи решил вновь поднять знамя вооруженной борьбы. Из пограничного района Ирана шейх Махмуд прибыл в Ирак.

В письме, направленном участниками курдского движения в Лигу Наций в связи с событиями в Сулеймании, говорилось: «Ни для кого не является секретом тот факт, что в происходящих в Сулеймании событиях повинны исключительно арабские власти и что первый выстрел, из-за которого был убит арабский солдат, произвел арабский офицер. За этим последовала преднамеренная расправа с нашими мужчинами, женщинами и детьми»²².

Весть о кровавых событиях в Сулеймании быстро распространилась по всему Южному Курдистану. Начались стихийные выступления курдов. Подъем освободительной борьбы в Курдистане в момент, когда обстановка в самом Ираке была неспокойной, встревожил Англию и иракское правительство. Курдские борцы в некоторых районах нанесли поражение первым карательным отрядам иракских войск. Однако англичане сумели использовать эту сложную ситуацию в подвластном Ираке в своих целях. Неудачи иракских войск в борьбе с курдскими повстанцами британские власти использовали в качестве «доказательства необходимости» присутствия английских сил в стране как верного средства пресечения «курдской угрозы». Маскированные налеты английских ВВС принесли новые бедствия многострадальному курдскому народу.

30 октября 1930 г. Махмуд Барзинджи и курдский офицер, майор Махмуд Джевдет направили в Лигу Наций обращение. «Мы, нижеподписавшиеся,— говорилось в обращении,— представители курдской нации в Ираке просим довести до сведения Лиги Наций это наше заявление о том, что мы больше не в состоянии выносить условия, которые навязывает нам арабское правительство. Мы непрерывно страдаем от беззакония и преследований и не можем отговорить наших соплеменников от активных действий против арабских поработителей.

Поскольку британское правительство нам не помогает, мы вынуждены действовать сами, однако мы хотим предупредить британское правительство, что шаги, предпринимаемые нашими племенами, никак не направлены против него. Мы всегда стремились к дружбе с Англией, однако встретили холодное пренебрежение.

Во имя интересов гуманизма мы должны показать всему миру, что древняя и гордая курдская нация, а также и другие угнетенные национальные меньшинства в Ираке будут защищены от дальнейших надругательств. Мы надеемся, что во время грядущих событий Британия сохранит свой нейтралитет по отношению к нам и не будет действовать против наших справедливых стремлений»²³.

Если бы не многолетняя борьба шейха Махмуда с английскими колонизаторами и не его ненависть к британским властям, насильно присоединившим Южный Курдистан к Хашимит-

скому королевству, можно было бы заподозрить лидера курдского движения в симпатиях к британским властям, в преступном служении правящим кругам страны, которые несут главную ответственность за послевоенную трагическую участь, постигшую курдов. Политическая ситуация исследуемого времени дает основание полагать, что осторожное и даже благосклонное отношение лидеров борющихся курдов к Англии было продиктовано, очевидно, положением, в котором они находились. Было совершенно ясно, что в это время обескровленная страна курдов была не в состоянии собственными силами освободиться от ига поработителей, которые при необходимости оставляли в стороне свои противоречия и сообща действовали против курдских борцов за национальные права. Исходя из этого, можно предположить, что своим мягким и благосклонным тоном в отношении Англии курдские лидеры стремились по крайней мере добиться нейтрального отношения Англии, которая имела доминирующую позицию в Лиге Наций. Могло это случиться? Конечно нет! Все дело в том, что лидеры курдского движения и сам Махмуд Барзинджи находились в безвыходном положении и ошибочно допускали такую возможность.

Как всегда, жалоба и просьба борющихся курдов остались без внимания. Империалистическим державам, в руках которых Лига Наций была игрушкой, было не до нужд курдов.

Восстание в Южном Курдистане принимало хотя и не угрожающий, но затяжной характер. В нескольких операциях иракских карательных отрядов против курдов, как уже говорилось, приняли участие английские ВВС. Иракские и британские власти, долго не желавшие сообщать что-либо о событиях в Курдистане, в конце 1930 г. были вынуждены начать публиковать материалы с «курдского фронта»²⁴.

В конце 1930 г. и начале 1931 г. между курдскими повстанцами и англо-иракскими силами произошел ряд сражений. Понесшие большие потери курды продолжали борьбу. 26 января 1931 г. иракские войска и полицейские отряды направились в район Хурмалу с целью воспрепятствовать распространению восстания. В начале февраля правительство уже публично сообщало о «сражениях в Курдистане». Силы шейха Махмуда были не в состоянии добиться успеха в борьбе с многочисленными и хорошо оснащенными английскими карательными отрядами. Иракское королевское правительство в публиковавшихся сообщениях особо акцентировало роль британских вооруженных сил в подавлении сопротивления курдов, тем самым подчеркивая необходимость «союза с Британией».

В марте 1931 г. было опубликовано сообщение за подписью Фейсала о «курдском фронте», в котором, в частности, говорилось: «С 3 по 17 января английские вооруженные силы девять раз совершали разведывательные полеты над позициями восставших сил шейха Махмуда. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, результаты этих полетов были весьма

хорошими. 17 января командующим английскими ВВС в Киркуке был назначен новый британский офицер. Эти отряды ВВС до 21 января подвергали повстанцев бомбардировке»²⁵. В том же сообщении отмечалось, что через месяц Ирак получит от Англии еще пять военных самолетов для налетов на курдские районы.

Событиям в Южном Курдистане выказывали сочувствие и поддержку жители других частей Курдистана. В ряде случаев курды из Турции, Ирана и Сирии оказывали и материальную помощь своим соплеменникам в Ираке. Привлекают внимание в этой связи сообщения, появившиеся в газетах в 1931 г. «Сирийские курды,— сообщала пресса,— используют каждый повод для оказания помощи своим соплеменникам. Недавно в одной большой мечети они читали молитву в честь погибших у могилы Салах ад-Дина Эйюби, произносили речи, собирали средства для борющихся курдов и обратились к повстанцам с вдохновляющими призывами»²⁶.

Обеспокоенное национальной борьбой курдов в Ираке, турецкое правительство обратилось со специальным меморандумом к правительству Ирака — «О недостаточной охране границ». В нем отмечалось, что иракские курды переходят границу и оказывают помощь своим соотечественникам в Турции. «При этом курды,— говорилось в меморандуме,— стремятся совершать диверсии в пользу сил курдов в районе Арарата, обреченных турками»²⁷.

Несмотря на значительные силы, брошенные иракским правительством против шейха Махмуда, возглавляемое им движение приняло упорный и затяжной характер отчасти из-за того, что национально-освободительное движение развернулось одновременно и в Турецком и Иранском Курдистане. Турецкие правящие круги были весьма обеспокоены размахом национально-освободительного движения курдов. Они настоятельно требовали от багдадских правителей «уничтожения курдов еще до весны... Совершенно очевидно, что под сильным давлением и угрозой Турции Ирак предпринимает чрезвычайные меры для обезоружения и подавления курдских отрядов в горах Мосула. Однако все эти попытки пока тщетны...»²⁸.

Весной и летом 1931 г. курдские повстанцы нанесли несколько ощутимых ударов по карательным отрядам иракских войск. Во время одной из схваток в горах Авромана курдские повстанцы, оставив на поле боя несколько десятков убитыми, под давлением англо-иракских сил отступили в направлении Иранского Курдистана. Однако здесь их ожидали иранские вооруженные отряды. «Стало ясным,— ссылаясь на сообщения иностранных информационных агентств, писала армянская газета „Арач“,— что в предстоящие дни вооруженные отряды Персии и Ирака будут объединяться для уничтожения курдских повстанцев»²⁹. Узнав о неудаче, постигшей повстанцев, несколько курдских племен, намеревавшихся присоединиться к восстанию, воздер-

жались от этого. В Ираке начались массовые аресты среди тех, кто симпатизировал повстанцам.

Еще в конце мая 1931 г. поступили сообщения об аресте многих курдов в Сулеймании. Привлекает внимание сообщение о том, что по обвинению в причастности к планам создания «курдского государства за счет турецких, персидских и иракских территорий вместе с курдами было арестовано и некоторое число армян и ассирийцев, которых подозревали в связях с движением курдов»³⁰.

Во время этих бурных событий шейху Махмуду стало известно, что единственный путь его отступления, ведущий к деревне Пиран на границе Ирана, перекрыт иранскими вооруженными силами. Координируя с ними свои действия, иракские карательные отряды усилили давление на повстанцев.

Судьба движения курдов, возглавленного Махмудом Барзинджи, была предрешена. Сообщая подробности капитуляции шейха Махмуда, английская «Таймс» отмечала, что он предложил в середине мая 1931 г. встретиться с английской стороной. Ему было дано разрешение, и он из Пирана прибыл в Пенджвин. Его встречали мутасариф и английский капитан Холт, секретарь британского верховного комиссара по восточным делам. Шейху и его семье гарантировали безопасность. Лидер курдского движения отказался от сопровождения на своем пути в Сулейманию.

Характерно отношение курдского населения к прибытию своего лидера: «Местное население проявляло большое сочувствие к шейху Махмуду, а жители города вышли на улицы, чтобы приветствовать его...»³¹. Во избежание «новых неприятностей» англо-иракские власти решили изолировать лидера освободительной борьбы. Вся эта операция была совершена за короткий срок. Из Сулеймании в сопровождении английского офицера шейха Махмуда самолетом доставили в Багдад, а затем в г. Ур на юге страны. Легендарный вождь курдского национального движения шейх Махмуд вынужден был провести остаток жизни в ссылке, в г. Самарра.

«Быстрый перевод шейха Махмуда из Курдистана,— писала „Заря Востока“,— свидетельствует о том, какой он наводит страх на империалистических угнетателей, даже будучи арестованным. Встреча, оказанная населением Сулеймании шейху Махмуду, является лучшим свидетельством того, что ненависть к британскому империализму и решимость антиимпериалистической борьбы остается в сердцах народов, населяющих Ирак»³².

Таким образом, новая волна курдской национально-освободительной борьбы кончилась неудачей.

Среди причин, обусловивших поражение очередного выступления курдов за национальные права, можно выделить главные:

1. Невысокий уровень экономических и общественно-политических отношений в Курдистане, следствием которого были: отсутствие единства действий всех курдов — борцов за нацио-

нальное освобождение и тесно связанное с ним отсутствие коллективного руководителя борьбы — партии, выступающей с революционно-демократической программой, способной заинтересовать, поднять на борьбу самые широкие слои курдского общества. (Вспомним в связи с этим, что в ряде случаев определенную роль в исходе борьбы против сил шейха Махмуда играла курдская реакционная феодально-помещичья верхушка и духовенство.)

2. Большое превосходство англо-иракских карателей над курдами в живой силе и технике.

3. Активное вмешательство Турции и Ирана в борьбу против курдского освободительного движения, лишившее последнее не только поддержки соплеменников из этих стран, но и вообще контактов с внешним миром, что не могло не осложнить и без того трудное положение курдских борцов.

Касаясь антикурдских мероприятий кемалистской Турции, газета «Айреник» писала: «Восстание курдов (в Ираке.— *Ш. М.*) пугает Турцию больше, чем Ирак...»³³. А «Заря Востока» так комментировала действия иранских и иракских правящих кругов по объединению усилий в борьбе против курдов: «Эпопея шейха Махмуда имеет еще одну поучительную сторону. Она показала открытое сотрудничество персидских властей с британскими властями против антиимпериалистической борьбы»³⁴.

Опыт борьбы курдов за национально-демократические права убедительно показал, что достижение национального самоопределения невозможно без установления демократического строя во всем Ираке. Поэтому начиная с 30-х годов все больше усиливались тенденции объединения усилий борющихся масс курдов с борьбой арабов и национальных меньшинств Ирака против английского империализма и марионеточного королевского режима.

**НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ
ПОСЛЕ ОТМЕНЫ АНГЛИЙСКОГО МАНДАТА**

Несмотря на поражение многочисленных выступлений курдов во главе с шейхом Махмудом, они оставили глубокий след в Курдистане. Освободительная борьба в большой степени помогла курдским массам узнать своих подлинных врагов, способствовала дальнейшему развитию процесса национальной консолидации.

В свете сказанного не вызывает удивления тот факт, что даже после поражения курдских движений начала 30-х годов и ухода Махмуда Барзинджи с арены освободительной борьбы положение в Южном Курдистане никак нельзя было считать стабильным. И как ни странно, материалы и сообщения об этом можно почерпнуть из британской и иракской официальной печати, которая всячески старалась изобразить ситуацию в стране в розовом свете. Вот что писала, например, английская «Таймс»: «Капитуляция шейха Махмуда еще не означает ликвидации курдской опасности». И далее: «Отношение населения Курдистана, проявленное к шейху Махмуду, когда его взяли в Багдад, является лучшим свидетельством того, что восстание является симптомом недовольства его соотечественников, которое не будет устранено его изоляцией»¹.

В 1932 г. истек срок английского мандата. Разумеется, британский империализм не допускал и мысли об уходе из Ирака и о предоставлении стране возможности независимого развития. Он стремился использовать все средства для сохранения своих позиций в Ираке. В этом плане курдский вопрос не мог не быть использован британскими колонизаторами и в дальнейшем. По мере приближения срока окончания мандата в Англии все чаще стали поговаривать о курдской проблеме. Королевский режим и буржуазно-националистическая идеология правящих кругов Ирака, всецело отрицавшие необходимость признания национальных прав курдов, объективно облегчали задачу британского империализма по сохранению Ирака под своим господством. Здесь в полной мере проявился коварный, двурушнический характер политики британского империализма, посредством которой он осуществлял свои антинародные акции на Ближнем и Среднем Востоке.

Британская пресса, предпочитавшая хранить молчание да-

же во время бурных событий в Курдистане, теперь все чаще стала затрагивать курдский вопрос, чтобы напомнить иракскому режиму, что ему есть над чем задуматься. Находившиеся всецело под влиянием западных империалистических держав, мандатная комиссия Лиги Наций и Совет Лиги опубликовали заявление, содержащее пустые фразы о том, что «они сознают желательность защиты интересов курдов и других национальных меньшинств Ирака, когда срок мандатных полномочий Англии будет истекать»².

Если британский империализм использовал наличие нерешенного курдского национального вопроса для сохранения своего господства в Ираке, то другие империалистические державы проявляли намерение воспользоваться вопросом о национальных меньшинствах для приобретения возможности проникновения в страну. На этой почве между империалистическими державами шла закулисная борьба. Проявлением ее были те «проекты урегулирования вопросов нацменьшинств в Ираке», которые вызвали трения между союзниками, в частности между Англией и Францией.

Согласно одному из этих неофициальных проектов, в Ираке постоянно должен был находиться комиссар Лиги Наций, в функции которого входило бы «контролирование политики иракского правительства по отношению к неарабам». Английское правительство решительно выступило против этого плана. При этом свое возражение британские дипломаты обосновывали не заботой о сохранении своего господства в Ираке, а тем, что этот проект не только «рассматривался бы иракским правительством как нарушение его суверенитета, но и стал бы причиной разного характера жалоб — действительных или мнимых — и фактически поддержал бы сепаратистские стремления»³.

Другой неосуществленный проект «разрешения проблем нацменьшинств в Ираке» предусматривал создание в Северном Ираке «специальных районов для курдов, ассирийцев и других неарабов». Британские правящие круги отвергли и этот проект. По мнению британской официальной прессы, это предложение практически «нереально как по географическим, так и по административным соображениям».

Было, таким образом, совершенно ясно, что британский империализм старается сохранить в своих руках «карту о курдах и национальных меньшинствах в Ираке», не желая поделить роль арбитра в этом вопросе с другими западными державами, экономическое и политическое противоборство с которыми в этом районе носило постоянный характер. И здесь британские колониальные власти учитывали еще один момент. Дело в том, что иракский королевский режим в целом покорно подчинялся диктату Англии, поэтому не было никакой необходимости из-за «национальных проблем» портить с ним отношения.

Срок английского мандата истек, но ни в политическом, ни

в экономическом положении Ирака не произошло никаких существенных изменений. Это касалось также и курдов, и национальных меньшинств. После подавления массовых курдских национально-освободительных выступлений 20-х годов и укрепления режимов стран, разделивших Курдистан, в Ираке в отношении курдов стали проводить более жесткую политику. Этого политического курса придерживались как Ирак, так и Англия. Все «гарантии» относительно уважения прав курдов и национальных меньшинств оказались фикцией. Поэтому после отмены английского мандата начались новые освободительные выступления курдов.

Британский империализм играл подлую роль и в судьбах многострадального ассирийского меньшинства. Война и ее последствия сыграли в этом трагическую роль. Вынужденно покидая свои родные места в Турции и Иране, ассирийские массы — беженцы прибыли в Ирак в конце 1918 г. Первоначально английские военно-политические власти разместили их в местечке Баакуба. Находясь в положении беженцев, ассирийцы были фактически в полной зависимости от англичан. Английская «опека», которой пользовались ассирийцы, дорого обошлась им. Вскоре были образованы ассирийские батальоны, которые нередко использовались английскими властями против выступлений арабов и курдов. (В начале 20-х годов главенствующую роль в делах иракских ассирийцев играла Сурьма-ханум, сестра Мар-Шимуна Бенъямина, предательски убитого в 1918 г. одним из курдских лидеров — Симко.)

Желание ассирийцев добиться официального признания своих национальных прав не привело к каким-либо результатам. Их многочисленные обращения в Лигу Наций оставались без внимания. «Использование ассирийцев для установления равновесия сил между курдами и арабами, а также для подавления их национально-освободительного движения в дальнейшем ухудшило отношения между ассирийцами, с одной стороны, и курдами и арабами — с другой»⁴. Немало конфликтных ситуаций возникало из-за земельных участков, занимаемых ассирийцами в курдских районах. Как нетрудно заметить, в большинстве случаев эти конфликты создавались руками англичан, которым выгодна была нестабильность положения в Ираке. В середине 30-х годов подлую роль в резне ассирийцев сыграл иракский генерал, курд по национальности, Бекр Сидки.

В дальнейшем, в процессе долгой и кровопролитной борьбы ассирийские массы все больше убеждались в общности своих интересов с интересами борющихся за национально-демократические права курдов и арабских прогрессивных сил, против общего врага — английского империализма и королевского режима Ирака.

С начала 30-х годов районом наиболее частых выступлений курдов за национальные права был район Барзана. Еще во времена Османской империи барзанцы отличались непокорностью

и фактически пользовались полунезависимым положением. В течение «1928—1931 гг. в Барзана постоянно наблюдалось брожение». В момент, когда восстание Махмуда Барзинджи уже шло на спад, знамя освободительной борьбы было поднято в Барзана. В марте 1931 г. в Барзана и прилегающих к нему районах начались волнения среди курдского населения. После нескольких карательных экспедиций, предпринятых против курдов иракскими властями и англичанами в июне 1931 г., представители английских властей посетили Барзанский район, встретились с руководителем восставших курдов Ахмедом Барзани и от имени иракского правительства предложили прекратить восстание⁵. Ультимативное требование правительства было отвергнуто, и в июле того же года после приготовлений Ахмед Барзани решил дать бой англо-иракским силам.

В район Барзана отправились крупные иракские вооруженные отряды и английские ВВС. Подстрекаемый английской агентурой, курдский феодал шейх Рашид Брадост также выступил против сил Ахмеда Барзани. Несколько кровавых сражений не принесли успеха карателям. Искусно используя методы партизанской войны, повстанцы разгромили батальон иракской армии. Отряд иракской армии, дошедший до самого Барзана, как отмечает Лонгригг, «потерпел поражение и практически избежал поголовного разгрома только благодаря вмешательству английской военной авиации»⁶.

Высокопоставленные английские чиновники понимали, что главной силой подавления курдских освободительных выступлений являлись английские ВВС⁷, которые расправлялись с курдами жестоко, не щадя мирное население, даже детей и стариков. Как правило, районы действия Ахмеда Барзани подвергались интенсивной бомбардировке с использованием бомб замедленного действия; даже скот уничтожали с воздуха⁸. Затишье, наступившее в зимнее время, кончилось весной 1932 г., и военные действия между карательными экспедициями правительства и англичан и борющимися за признание национальных прав курдами возобновились с новой силой.

Позиция английских военных властей во время нескольких сражений в Курдистане дает повод для размышлений. Дело в том, что, борясь против курдских повстанцев, англичане в то же время несколько раз своим «невмешательством» довели дело до поголовного разгрома иракских вооруженных отрядов, тем самым «лишний раз доказывая», что даже с точки зрения «усмирения непокорных курдов присутствие британцев в Ираке весьма необходимо».

К сожалению, беспримерный героизм борющихся курдов и их преданность делу национального освобождения не могли еще обеспечить успеха в их справедливой борьбе. Восстание, возглавленное Ахмедом и Мустафой Барзани, происходило сразу после поражения выступлений Махмуда Барзинджи. Оно носило локальный характер, что весьма отрицательно отразилось

на его ходе и развитии. Иракским войскам в их антикурдских операциях помогали британские ВВС. Кроме того, в энергичные действия против курдских патриотов включились иранские и особенно турецкие власти. Курды воевали отчаянно, являя примеры мужества и беспримерного героизма. Подтверждением тому тот факт, что, несмотря на плохую вооруженность, отсутствие современных средств ведения вооруженной борьбы, в апреле 1932 г. курды сбили два английских самолета⁹. Однако силы противоборствующих сторон были слишком неравны, а вмешательство английской военной авиации склонило чашу весов на сторону иракских войск. Как сообщал в мае 1933 г. багдадский корреспондент французского журнала, 10 тыс. иракских солдат и полицейских смогли справиться с Ахмедом Барзани лишь при помощи английской авиации¹⁰. На завершающем этапе борьбы против курдов в нее особенно активно включились турки. В официальном сообщении британского министерства колоний, опубликованном в июне 1932 г., подробно говорилось о поражении курдских повстанцев и позиции турецких властей. «В телеграмме, направленной английскими должностными лицами министерству колоний,— говорилось в сообщении,— утверждается, что 22 июня шейх Ахмед сдался *сотрудничавшим с войсками Месопотамии турецким силам*»¹¹ (курсив наш.— Ш. М.). Через несколько дней «любезничания» в Турции с Ахмедом Барзани он был арестован, а с его сторонниками расправились методами, характерными для действий турецких властей в их борьбе против участников курдских освободительных выступлений. По свидетельству Юсефа Малека, 100 соратников Ахмеда Барзани без суда и следствия были повешены. Этот варварский акт турецких властей по отношению к курдским борцам за национальные права был осуществлен на том смехотворном «основании», что «когда-то, 18 лет назад, они будто бы совершили какие-то преступления в Ираке, который в то время считался частью Османской империи»¹².

Новые столкновения между курдами и вооруженными силами Ирака начались после того, как, поверив объявленной правительством амнистии, курды стали возвращаться из Турции, и тогда их лидеры были вероломно схвачены на границе иракской полицией. Уйдя в горы, курды со своими лидерами начали партизанские бои. Однако силы их были подорваны. Под натиском иракских войск и контролем английских ВВС, во враждебном кольце стран, разделивших их родину, курдские борцы за национальные права практически могли рассчитывать только на себя. После упорных боев курдские повстанческие отряды во главе с Мустафой Барзани и его братом Мухаммедом Садыком вынуждены были капитулировать¹³.

В подавлении этих освободительных выступлений, как уже отмечалось, все более активную роль играла Турция. Несмотря на то что кемалистская Турция не была заинтересована в стабильности внутривосточной ситуации в Ираке, после мощ-

ных освободительных выступлений 20—30-х годов она быстро перешла в один лагерь с иракским режимом для ведения совместных антикурдских действий. Однако почти все сходится во мнении о том, что решающим фактором подавления курдских восстаний в Ираке в указанный период была английская авиация. Обращает на себя внимание мнение, высказанное проанглийски настроенной дашнакской газетой «Арач»: «Курдские восстания, происходившие два года тому назад, также были подавлены преимущественно благодаря вмешательству английских сил (ВВС.— *Ш. М.*). В противном случае шейх Махмуд из Сулеймани и особенно шейх Ахмед Барзани не только были бы трудно подчиняемыми силами, но и могли бы подавить сопротивление арабских войск и подвергнуть опасности сам Багдад»¹⁴. Согласно сообщению той же газеты, во время подавления восстания Ахмеда Барзани англичане перебросили в Ирак из Египта новые вооруженные подразделения британских ВВС¹⁵.

Жестокость английских колониальных властей по отношению к курдским повстанцам, их лицемерие и двурушничество были источником настоящего бедствия для угнетенного курдского народа.

Поражение курдских освободительных выступлений 20—30-х годов было большим ударом по борьбе курдов за национальную независимость. «Многочисленные восстания шейха Махмуда, выступления Ахмеда Барзани, непрекращавшиеся в течение десятилетий бои, карательные экспедиции и бомбардировки — все это разорило народ, привело к гибели или изгнанию многих лучших, энергичных его сынов, к упадку и запустению хозяйства в целых районах»¹⁶.

Ударты, нанесенные британским империализмом, иракскими, турецкими и иранскими правящими кругами по национально-освободительному движению курдского народа, привели к тому, что в середине 30-х годов, с началом крестьянских выступлений против иракского правительства, борьба иракских курдов не имела прежнего размаха. Это дало возможность правительству сравнительно легко расправиться с антиправительственными и антифеодальными выступлениями в центральных и южных районах Ирака.

Одной из характерных черт политики британских колониальных властей в Ираке с начала 30-х годов (когда они утвердились в Ираке и создали там послушный режим) был постепенный отход от заигрывания не только с курдами, но и с ассирийцами. Это, естественно, привело к новым конфликтам. Обманутые обещаниями относительно предоставления им «независимости», ассирийцы открыто выступили против английских властей. Характерны в этом отношении события 1932 г., когда в июле отряды ассирийцев, служивших на базах британских ВВС, начали вооруженное восстание против властей, требуя гарантий в том, что иракское правительство после вступления страны в Лигу Наций признает их национальные права.

И в это же время официальная пресса Великобритании была полна материалами о «расцвете Ирака», о благополучии дел во внутренней жизни этой страны. В опубликованном накануне вступления Ирака в Лигу Наций заявлении говорилось, что иракское правительство «признает права национальных меньшинств, всем жителям Ирака предоставляя право на жизнь, свободу и вероисповедание...»¹⁷. Во всей этой кампании привлекает внимание один момент. Британские органы печати не упускали повода, чтобы лишний раз напомнить иракскому режиму о роли англичан в устранении курдской опасности. «Прогресс Ирака к полной самостоятельности был очень быстрым,— писала „Таймс“.— Два года назад предпринимались энергичные меры для укрепления королевского режима. И даже 12 месяцев тому назад была под вопросом задача о том, шейх Ахмед и ага или король и министры будут править Барзаном...»¹⁸.

После вступления Ирака в Лигу Наций 6 октября 1932 г. король Гази в официальном заявлении «выражал благодарность Великобритании за оказанную поддержку». Теперь уже ничего не говорилось о курдской проблеме. Представленные в ноябре 1932 г. в мандатную комиссию Лиги Наций петиции курдов и ассирийцев об уважении их национальных прав были игнорированы.

Вступлением в Лигу Наций Ирак, по идее, должен был обрести полную независимость. Однако эта независимость была фикцией. Фактически в положении страны не произошло существенных изменений. Англия продолжала пользоваться всеми прежними правами в Ираке. «Необходимо понять,— писала „Дейли геральд“,— что с военной точки зрения мы остаемся в Ираке. Мандат кончился, однако вместо этого есть договор (1930 г.— Ш. М.). Ирак вступает в Лигу Наций, однако Великобритания из Ирака не уйдет»¹⁹. В этой же статье газета открыто писала, что английские ВВС в Ираке должны нести ответственность за «усмирение мятежных племен», т. е. курдов.

Иракское правительство предприняло меры для предотвращения новых выступлений в Курдистане. Премьер-министр лично объездил курдские районы для «восстановления порядка». Правительство обещало увеличить число школ и больниц в Курдистане²⁰.

В середине 30-х годов, как уже отмечалось, усилилась борьба крестьянских масс Среднего Евфрата и ряда других районов Ирака против феодального режима и его британских покровителей. В Курдистане в этот период сильного движения не наблюдалось. Однако почти повсеместно происходили национально-освободительные выступления, которые хотя и носили локальный характер, но тем не менее играли какую-то роль в общей антимонархической, антиимпериалистической борьбе.

Летом 1934 г. произошло вооруженное выступление курдских крестьян в районах, пограничных с Ираном. Иракское прави-

тельство направило в эти районы войска. Во время подавления выступления 45 человек погибли, несколько сот было ранено. Характерно, что после этого иракское правительство «в спешном порядке вооруженные отряды отправило в Персию»²¹. Но не успели хашимитский режим и английский империализм подавить евфратские восстания, как знамя борьбы вновь было поднято барзанцами. Организовав несколько вооруженных отрядов, «доблестный борец за свободу курдского народа»²² Халил Хошави напал на полицейские посты и изгнал из района Барзана представителей власти и полицейских. Восставшие курды требовали автономных прав для Южного Курдистана.

Несмотря на то что иракское правительство в это время уже подавило восстания в районах Среднего Евфрата, оно оказалось не в состоянии самостоятельно сломить сопротивление курдов. После переговоров между представителями правительств Ирака и Турции вооруженные отряды последней включились в борьбу. «Совместные силы турецких и иракских войск двинулись на повстанцев. Основные силы курдов были уничтожены еще в декабре 1935 г., тогда же были схвачены и повешены 12 руководителей восстания. Но лишь после восьми месяцев героической борьбы, весной 1936 г., восстание курдов было подавлено полностью. Халиль Хошави был захвачен в плен и расстрелян в марте 1936 г.»²³.

Одной из главных причин неудач курдских освободительных выступлений была их разрозненность. И на этот раз, когда началось восстание в районе Барзана, знамя освободительной борьбы было поднято и курдами-езидами в Синджаре. К сожалению, между этими двумя восставшими курдскими районами не было связи.

Непосредственным поводом для восстания курдов-езидов было решение правительства распространить всеобщую воинскую повинность на курдов-езидов. Во главе восстания последних стоял Дауд ад-Дауд. Несмотря на малочисленность и весьма плохое вооружение, восставшие курды-езиды стойко сдерживали атаки карательных иракских войск. На нескольких участках они разгромили правительственные отряды, часть которых спаслась бегством. Но в декабре 1935 г., во время решительного сражения, курды-езиды потерпели поражение, оставив на поле боя 100 человек убитыми. Как всегда, правительство Ирака жестоко расправилось с курдскими борцами за национальное освобождение. Пять руководителей восстания были повешены, 378 активных борцов сосланы на каторгу или брошены в тюрьмы. Сам Дауд ад-Дауд бежал в Сирию. В Багдаде также были вынесены смертные приговоры участникам восстания. «Были казнены не только езиды, но и айсоры. Все смертные приговоры были приведены в исполнение немедленно»²⁴. Согласно сообщению бейрутской газеты «Сири», условия суда над участниками восстания своей поспешностью скорее напоминали «не судопроизводство, а расправу». Газета отмечала также, что

«и на этот раз невинные люди, по всей видимости, стали жертвой политического фанатизма».

После 1936 г. вплоть до барзанского восстания 1943 г. в Иракском Курдистане не отмечалось освободительных выступлений крупного масштаба, но местные стычки с представителями властей и военными носили постоянный характер. Несмотря на это, положение в Иракском Курдистане никогда нельзя было считать стабильным. Национально-демократические силы Южного Курдистана оказывали посильную помощь и поддержку освободительным выступлениям в Турецком Курдистане.

Курдская нерешенная проблема все больше беспокоила правящие круги стран, разделивших страну курдов. Эта проблема в равной степени беспокоила как иракское, так и турецкое и иранское правительства. Правящие круги этих стран перешли к организованной борьбе против национально-освободительного движения курдского народа. На передний план они ставили задачу совместной борьбы против «курдской угрозы». К числу таких мероприятий относится Саадабадский пакт 1937 г., заключенный между Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном. 7-я статья этого договора, в частности, предусматривала совместные меры против «вооруженных банд, обществ или организаций, которые ставят задачу низвергнуть существующие учреждения и которые могут нарушить порядок или безопасность в какой-либо части другой страны за линией границы».

Антикурдские военно-политические меры правящих кругов стран, разделивших Курдистан, таким образом, принимали все большую целенаправленность. Преемственный характер этой политики теснейшим образом был связан с остротой курдской национальной проблемы. Как стало ясно впоследствии, проведению этого политического курса не мешали противоречия между этими государствами по другим вопросам, ибо все они, равно как Англия, а в дальнейшем и США, были едины в своем стремлении подавить очаги национально-освободительного движения курдского народа на Ближнем и Среднем Востоке.

БОРЬБА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА ЗА САМОУПРАВЛЕНИЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Годы второй мировой войны в Иракском Курдистане характеризовались напряженностью и дальнейшим ухудшением социально-экономического положения курдов. Со времени присоединения Мосульского вилайета к Ираку, как уже было показано, правящие круги страны проводили дискриминационную политику по отношению к курдскому населению. Пагубные последствия этой политики иракского правительства и его английских покровителей в Курдистане проявились во всех областях жизни народа — политической, экономической, социальной, культурной¹.

Политическая дискриминация в Курдистане дополнялась целым рядом мер, наносивших ощутимый удар по экономическим интересам курдских трудящихся, в частности крестьян. Характерным примером может служить политика правительства по табаководству. В поисках новых источников дохода правительство с начала второй мировой войны ввело государственную монополию на выращивание табака в курдских районах, являющихся основными производителями данной культуры. Эта мера резко снизила доходы крестьян-табаководов и вызвала широкое недовольство. Но это ничуть не смутило правительство, которое открыто пренебрегало национально-политическими и экономическими интересами курдских масс.

В годы войны в городах Ирака были учреждены специальные «секретные бюро», в задачи которых входила борьба против оппозиционных настроений в среде арабской и курдской общественности. «Секретные бюро» особенно усердствовали в Курдистане, где борьба национально-демократических сил за улучшение социально-политического положения расценивалась как «подрывная деятельность», а ее участники самым жестоким образом карались.

Как правило, иракские правящие круги на нужды социального и культурного развития курдских районов выделяли незначительные ассигнования. В годы войны эти мизерные средства еще больше сократились. В Ираке в целом цены на промышленные товары возросли по сравнению с довоенным периодом на 700%. Поскольку в Курдистане правительство проводило дискриминационную политику, то здесь положение населения было еще тяжелее. Например, в Киркуке хлеб стоил в четыре раза дороже,

чем в Багдаде. Продовольственная проблема была крайне острой, особенно в горных районах Курдистана, где возможности сельскохозяйственного производства весьма ограничены. Как писала газета «Иттихад аш-Шааб», здесь «царили бедность, болезни, жестокий террор»². «Среди чиновников-арабов, присланных из Багдада и Басры в Иракский Курдистан, процветала коррупция»³. Несмотря на многолетнюю кровопролитную борьбу, национальные требования курдов оставались без внимания. В Иракском Курдистане в 1945 г. функционировало всего около 30 начальных и 2 средние школы (исключая центры провинций)⁴. Преподавание велось в основном на арабском языке.

Экономические условия в Курдистане были тяжелыми. Основную тяжесть экономических трудностей несли крестьяне. Как уже отмечалось, в горных районах Курдистана даже по высоким ценам невозможно было приобрести продовольственные и промышленные товары. К экономическим причинам недовольства народных масс прибавлялись политические. Игнорирование национальных прав курдов, коррупция и бесчинства арабских чиновников в Курдистане, неуважительное отношение к национальным обычаям — все это переполнило чашу терпения.

Широкое недовольство масс в Курдистане готово было перерасти в открытое выступление против антинародного режима. В этих событиях ведущую роль призваны были сыграть Мустафа Барзани и его сторонники, которые после подавления восстания 30-х годов находились в ссылке. Лидеры восстания, находясь под усиленным надзором иракских властей, испытывали материальные лишения. Власти часто меняли места их ссылки (Мосул, Насирия, юг страны — Агджалар, Кифри, наконец, Сулеймания). Установленное переселенцами денежное пособие систематически снижалось и было низведено к 1943 г. до 30 филсов в день, сумма, явно недостаточная даже для полуголодного существования⁵.

В это время развернула свою деятельность курдская национальная организация «Хива», основанная в 1939 г. прогрессивными курдскими офицерами. Находясь в Сулеймании, М. Барзани установил контакты с членами «Хивы» и с их помощью осуществил план побега в Барзанский район, где начал подготовку к восстанию. С целью восполнения недостатков в оружии, конфискованном иракскими властями после восстаний 1932 и 1935—1936 гг., Барзани пытался установить связи с некоторыми соседними курдскими лидерами. Однако многие из них были связаны с монархическим режимом и отрицательно реагировали на планы восстания против правительства.

Весной 1943 г. Барзани разработал план, согласно которому нехватка оружия должна была быть восполнена за счет полицейских постов в близлежащих районах. К лету 1943 г. «число захваченных полицейских постов в районах Ширвани Мазен и Мерга Сур достигло 21»⁶. В условиях сильного недовольства населения политикой правительства призывы к вос-

станию нашли широкий отклик. Однако во избежание излишнего кровопролития руководство движением попыталось сначала пойти по пути мирного решения конфликта. В специальном письме в Багдад М. Барзани потребовал от правительства уделить внимание повышению жизненного уровня народа, улучшить дело образования и здравоохранения в стране, и особенно в курдских районах⁷.

Эти требования были отклонены правительством, которое, в свою очередь, предприняло некоторые меры с целью предотвратить восстание. В частности, шейх Ахмед Барзани и другие барзанские руководители были переведены на юг, в г. Хилла. Через шейха Ахмеда правительство Нури Саида направило Мустафе Барзани письмо с требованием немедленной капитуляции. В противном случае оно пригрозило подавить движение силой⁸.

Помимо организации «Хива» в годы войны в Курдистане действовали национально-прогрессивные организации: «Рзгари» («Свобда»), «Шорыш» («Революция»), «Екети хабат» («Единство борьбы») и др. Деятельность этих организаций способствовала значительному повышению национального самосознания курдов и их организованности в борьбе за социальные и национальные права. Барзани обратился за поддержкой ко всем демократическим силам Курдистана. «Хива» заявила о полной солидарности с Барзани, направив многочисленные заявления и письма правительству и в посольства великих держав в Багдаде⁹.

Заручившись поддержкой демократических и национальных организаций, восставшие развернули вооруженные действия. Об успехах восстания свидетельствует тот факт, что «ежедневно к повстанцам присоединялось 40—50 человек»¹⁰. Присланные в район восстания крупные полицейские силы «наголову были разбиты повстанцами»¹¹. Вслед за этим повстанцы уничтожили колонну правительственных войск в районе Мерга-Сур.

Правительство Ирака с одобрения английских властей направило Мустафе Барзани послание с требованием покинуть территорию Ирака. Требование это было подкреплено угрозой английского посла в Багдаде оказать поддержку иракской армии в установлении «порядка на севере страны»¹². Угрозы не подействовали. Движение курдов за автономные национальные права принимало серьезный характер.

Обеспокоенные ходом развития событий в Курдистане, английские колониальные власти предприняли меры «с целью предотвратить дальнейшие потери»¹³. Они направили в район Диалы подразделение индийских колониальных войск¹⁴. Параллельно с мерами военного характера англичане пустили в ход политику дипломатического маневрирования. В частности, британский посол в Ираке подчеркивал союзнические связи Англии с антигитлеровской коалицией и обещал после окончания войны с Германией способствовать разрешению вопроса об автономии курдов в Ираке.

Судя по дальнейшему ходу событий, курдские повстанцы не придали большого значения обещаниям английских властей, которые после присоединения Мосульского вилайета к Ираку не раз обманывали борющиеся курдские массы. К концу 1943 г. повстанцы достигли значительных успехов, увеличилось число их сторонников, расширилась территория, находящаяся под их контролем. Теперь уже ограниченные военные силы были не в состоянии сломить сопротивление курдов, и правительство прибегло к мерам более широкого масштаба¹⁵.

С целью привлечь на свою сторону в борьбе против повстанческого движения часть курдской верхушки правительство Нури Саида предоставило пост министра без портфеля Мустафе Маджиду, представителю той части курдов, которая шла на компромисс с багдадскими властями в ущерб национальной борьбе курдов. Правительство намеревалось использовать Мустафу Маджида в качестве своего «посредника» в переговорах с повстанцами.

Первые военные столкновения кончились победой курдов, захвативших к тому же значительные военные трофеи¹⁶. Убедившись в бесперспективности планов быстрой ликвидации курдского восстания, правительство Нури Саида пошло на «уступки» с целью выиграть время. Предварительно правительство назначило в курдские районы в качестве офицеров связи Амина Ревандузи, Иззат Абдуль Азиза и Азиза Шамзини, активных членов «Хивы», на которых была возложена задача подготовки почвы для переговоров¹⁷.

Экономические трудности, недостаток оружия и желание найти мирные пути решения курдского вопроса принудили М. Барзани вступить в переговоры с правительством. В конце декабря 1943 г. в Мегра-Суре состоялась встреча офицеров связи с Барзани, который от имени руководителей восстания выдвинул следующие условия прекращения огня: 1) создание специального административного района, включающего курдские города Киркук, Эрбиль, Сулейманию, Ханекин и Дохук; 2) назначение в каждом министерском кабинете курда для управления курдским районом; 3) назначение помощником каждого министра курда; 4) признание курдского языка официальным; 5) проведение экономических реформ в Курдистане¹⁸.

Как показали дальнейшие события, признание национальных прав курдов, как и прежде, не входило в планы ни английских властей, ни иракских правящих кругов. Затея с переговорами была тактическим шагом для выигрыша времени и затем ликвидации курдского автономистского движения. Доказательством тому была затяжка переговоров.

7 января 1944 г. Мустафа Маджид прибыл в район восстания. После недельных переговоров была достигнута первая договоренность о том, что шейху Ахмеду и другим барзанским руководителям будет разрешено вернуться в Барзан, а сам Мустафа Барзани приедет в Багдад в знак своей благонамерен-

ности; правительство откроет в Барзане школы, улучшит экономическое положение района¹⁹.

Нетрудно заметить, что, несмотря на положительное значение этих требований, они все же носили ограниченный характер и касались лишь Барзанского района. Деятельность ряда национально-демократических организаций в Курдистане, успехи повстанческого движения и тот важнейший факт, что правительство, в течение долгого времени игнорировавшее требования курдов, село за стол переговоров с ними, дали толчок активизации политической жизни в Курдистане. Пожалуй, это было главной причиной того, что в окончательном соглашении между руководителями восстания и правительством содержались требования, касающиеся всего Иракского Курдистана:

1. Территории, захваченные повстанцами, остаются под их контролем.

2. Все арестованные в связи с событиями на севере освобождаются.

3. Повстанцы сохраняют оружие, в том числе захваченное в боях.

4. Курдистан должен быть снабжен промышленными и продовольственными товарами на справедливых принципах; правительство обязано выполнить требование восставших курдов о ликвидации монополии и снятии ограничений на производство табака.

5. Управление курдскими районами переходит в руки курдов.

6. В области культуры и просвещения Иракский Курдистан получает автономные права.

7. Иракское правительство выделяет средства для строительства школ и больниц в Курдистане²⁰.

Было увеличено также число офицеров связи (до семи): генерал Баха ад-Дин в районе Сулеймании, подполковник Амин Ревандузи — в Ревандузе, майор Иззет Азиз Ахмед — в Барзане, капитан Фуад Ареф — в Кале Дизе, капитан Маджид Али — в Амадии, капитан Мустафа Хошнав — в Бле, капитан Шамзиди Саид Азиз — в Мерга-Суре²¹.

Хотя правительство предприняло некоторые шаги для удовлетворения требований курдов (снятие ограничений на производство табака, снабжение курдских районов и др.), в целом соглашение оставалось неосуществленным. В феврале 1944 г., после пребывания в течение некоторого времени в Багдаде, М. Барзани во избежание ареста или акта террора покинул столицу. Положение стремительно обострялось. Нури Саид в сопровождении Мустафы Маджида вынужден был в марте 1944 г. совершить поездку в Курдистан. «В публичных выступлениях в Киркуке и Эрбиле Нури Саид восхвалял патриотизм и мужество курдского народа, подчеркивал свое курдское происхождение и „искреннее желание“ удовлетворить справедливые требования курдов»²².

В начале июня 1944 г. Нури Саид подал в отставку. Новый

кабинет сформировал Хамди аль-Пачачи. Смена правительственного кабинета и быстрое ухудшение положения в Курдистане никак не дают основания считать Нури Саида приверженцем политики урегулирования курдской проблемы, а его уход — выражением его несогласия с шовинистической политикой Багдада в отношении курдов. Даже после ухода с поста премьер-министра Нури Саид продолжал активно участвовать в выработке политики по отношению к курдам, а дальнейшие антикурдские мероприятия предпринимались с его ведома и при его участии. Англичане и иракские правящие круги готовились нанести решающий удар по курдскому движению. По поводу же некоторых уступок повстанцам Лонгригг прямо пишет: «Уступки, сделанные Молле (М. Барзани.— Ш. М.), должны были исчезнуть посредством затяжек и провалов»²³. Хотя правительство еще не приступило к военным мерам против курдов, последние все больше убеждались в бесперспективности мирного решения вопроса. Для координации всех действий борющихся курдов в феврале 1945 г. был создан Комитет свободы во главе с М. Барзани и семью офицерами, бежавшими в район восстания. Комитет свободы образовал свои низовые организации во всех районах восстания. Им были объявлены цели курдского движения, разработана программа действий. Предусмотренные Комитетом свободы меры имели важное значение для решения курдского вопроса. Например, комитет считал необходимым объединение усилий всех курдских прогрессивных организаций и сил, доведение до сведения мировой общественности правды о положении курдов, создание регулярной армии для отстаивания прав курдского народа²⁴. Комитет свободы проделал значительную работу по обеспечению поддержки курдскому движению. «Созданная незадолго до этого партия „Шорш“ объявила о полной поддержке восстания... Организация „Хива“ на своей конференции в Багдаде 10 февраля 1945 г. решила усилить связи с районами восстания, направив туда одного из своих активных членов — Мухаммеда Кудси»²⁵.

Беспокойство в официальных кругах Ирака усилилось после развертывания демократического движения в Иранском Курдистане. «Страх перед возможным объединением барзанцев с движением в Азербайджане (Иранском) побудило нас быстрее уничтожить Барзан»²⁶, — признавался впоследствии министр обороны Ирака.

Правительство Хамди аль-Пачачи проводило двурушническую политику. С одной стороны, оно посылало посредников к Мустафе Барзани, будто бы для мирного решения вопроса, с другой — предпринимало различные меры военного характера с целью насильственного решения курдской проблемы. Интенсивная переброска военных подразделений в Курдистан не осталась незамеченной. В ответ на военные приготовления правительства М. Барзани и его соратники предприняли соот-

ветствующие меры самозащиты. В частности, район восстания был разделен на три фронта — восточный, западный и южный, которыми соответственно руководили Мустафа Хашнав и Мухаммед Кудси, Иззет Абдуль Азиз и Абдуль Хамид Бакыр, Сулейман Барзани.

Комитет свободы во главе с М. Барзани развернул энергичную деятельность для мобилизации сил народа. К сожалению, усилия Комитета свободы и его руководителя, направленные на обеспечение совместного выступления всех курдских районов, не имели большого успеха. Этому сильно мешали пережитки феодально-патриархальных отношений, что находило свое выражение, с одной стороны, в сильном влиянии курдской феодальной верхушки, выступавшей против национально-демократического движения, и с другой — в сравнительно низком классовом самосознании курдского крестьянства.

Одним из важнейших моментов в автономистском движении курдов данного периода было то, что его руководители все больше убеждались в неотделимости курдского вопроса от проблемы завоевания демократических прав для всего иракского народа. Выражением этого факта являлись, в частности, неоднократные обращения курдского руководства к арабскому населению. С таким обращением к арабской общественности руководители курдского движения обратились еще до начала военных действий. В нем говорилось: «Правительство скрывает правду и распространяет лживые сведения... Курды хотят больше школ, больниц и аптек, новых дорог, свободы мнения, ликвидации нищеты в Курдистане и т. д. Правительство же в ответ на эти требования народа направило армию, чтобы штыками навязать ему свою волю»²⁷.

М. Барзани и его соратники возлагали большие надежды на поддержку прогрессивных сил арабов. По этому поводу в обращении отмечалось: «Мы гордимся своими арабскими братьями и обращаемся в первую очередь к тем здравомыслящим людям, которые понимают правду... Наши арабские друзья должны знать, что между нами нет и не может быть враждебности»²⁸.

Политический реализм руководителей курдского движения подтверждается заключительными словами этого документа: «Вы должны знать, что перед нами стоят одинаковые проблемы... Ирак — наша общая родина. Вы должны разделить с нами горести и радости»²⁹.

Курдские лидеры распространяли свои заявления и среди дипломатических миссий в Багдаде. В них они описывали положение курдского народа, разоблачали двурушническую политику английского империализма в курдском вопросе.

Разъяснительную работу среди курдского населения в это время развернула секция Иракской компартии в Курдистане. В начале 1945 г. ее печатный орган газета «Азади», издававшаяся в подполье на курдском языке, опубликовала программное заявление коммунистов о курдском национальном вопро-

се — «Хартию курдского народа». В подготовке этого важнейшего документа принимал участие Генеральный секретарь ИКП Юсеф Сальман Юсеф — Фахд. В Хартии отмечалось, что важнейшим условием успеха борьбы против империализма, внутренней реакции является единство арабов и курдов, что независимость страны может быть достигнута лишь путем всенародной борьбы; необходимо создать такое правительство, которое будет отражать чаяния народа, устранил те законы и декреты, которые противоречат интересам народа. Курдскому народу, как утверждалось в Хартии, должно быть дано право для свободного волеизъявления, создания политических и общественных союзов, издания газет и журналов на родном языке; богатства страны должны быть использованы для повышения благосостояния народа; земля должна находиться в руках тех, кто ее обрабатывает; необходимо создать сельскохозяйственные профсоюзы и их посредством отстаивать интересы крестьянства, защитить их от посягательств спекулянтов и банкиров, добиться принятия трудового кодекса, закона о социальном обеспечении.

Хартия содержала требования улучшения работы по народному образованию в Курдистане, создания курдского высшего учебного заведения, средних и начальных школ для мальчиков и девочек. В этом документе ставилась задача урегулирования налогов, в частности установления их на справедливых принципах. Вместе с рядом других требований социально-политического характера в Хартии ставилась задача обеспечения «в Курдистане свободы для этнических меньшинств и их вероисповедания». «Хартия курдского народа» была первым программным документом ИКП по национальному вопросу. Она сыграла немалую роль в деле роста политической сознательности борющихся масс Курдистана.

Крах германского фашизма дал толчок энтузиазму угнетенных народов, в том числе и курдского, в их справедливой борьбе за удовлетворение национально-демократических требований. Однако все надежды борющихся курдов наталкивались на твердое нежелание Англии и ее иракских приспешников пойти на какие-либо уступки. В результате в момент окончания второй мировой войны противоречия между англо-иракской стороной и курдами резко обострились. Стороны расценивали результаты войны с различных точек зрения. Если курды возлагали некоторые надежды на обещания англичан о предоставлении им автономных прав, то иракские правящие круги с одобрения и при поддержке Англии решили поставить конец «проблеме севера» силой оружия.

Вследствие политики экономической блокады, проводимой правительством, «население Курдистана стало испытывать острый недостаток в продуктах и одежде»³⁰. Намерение правительства решить курдский вопрос насильственным путем было очевидным. В июле 1945 г. правительство сконцентрировало в райо-

нах Захо, Амадии, Акры и Ревандуза более половины состава регулярной армии и полиции общей численностью 25 тыс. человек³¹. В конце июля начались стычки курдов с полицейскими постами.

В начале августа 1945 г. правительство приняло решение о наступлении. При этом оно демагогически заявляло о необходимости «оккупировать район Барзана с тем чтобы правительство смогло создать школы, больницы и другие учреждения, в которых нуждается район»³².

М. Барзани и другие руководители движения одновременно с организацией сопротивления правительственным войскам предприняли шаги для привлечения внимания мировой общественности к событиям в Курдистане. В заявлении Барзани, адресованном посольству великих держав в Багдаде, говорилось: «В то время как я пишу Вам это письмо, женщины и дети деревень этого района гибнут от бомб иракского правительства. Поэтому прошу сообщить вашим правительствам о происходящих событиях, противоречащих Атлантической хартии, согласно которой каждый народ имеет право на самоопределение. Ваши державы не должны позволить иракской диктатуре продолжать свой произвол»³³.

Наступательными операциями иракских войск против курдов руководил английский генерал Рентон. Его 25-тысячной армии Барзани противопоставил всего около 5 тыс. бойцов. Иракская армия была подкреплена несколькими воздушными эскадрильями. Кроме того, правительство использовало против сил Барзани некоторых реакционных курдских феодалов и их наемников.

7 августа 1945 г. иракская армия начала большие наступательные операции в районе Ревандуза с целью разделить Южный Курдистан на две части и облегчить задачу ликвидации восстания. Однако повстанцы разгромили четыре подразделения иракской армии, а 20 августа взяли в плен и разоружили еще одно подразделение.

Несмотря на превосходство правительственной армии в технике и живой силе, курдские отряды нанесли ряд серьезных поражений иракским частям. В ожесточенных боях, имевших место в начале сентября, правительственные войска, наступавшие из Акры и Ревандуза, понесли большие потери и были отброшены из горных районов. Укрепив свои позиции, Барзани готовился к атаке на г. Эрбиль. Положение иракских военных подразделений было нелегким.

Правительство отдавало себе отчет о том, что повстанцы угрожают не только Эрбилю, но и нефтеносным центрам Киркуку и Мосулу. К тому же первые успехи курдских повстанцев послужили толчком для увеличения их сторонников, тем более что руководство восстанием большое внимание уделяло разъяснению целей курдского национального движения. Некоторые слои арабского населения постепенно освобождались от влия-

ния националистической пропаганды и начинали понимать, что борьба курдов не противоречит арабским интересам, что они борются за создание «объединенного курдско-арабского фронта борьбы против иностранных и местных угнетателей, за подлинную независимость и демократическое развитие как курдской, так и арабской части страны»³⁴.

Восставшие курды придавали большое значение пропаганде. Представители курдского движения продолжали распространять листовки и прокламации, призывавшие весь иракский народ к совместной борьбе против королевского режима и его покровителей — британских империалистов. «Мы признаем и уважаем права арабов, — говорилось в одной из листовок, — их борьбу за освобождение от ига империализма, за достижение подлинной независимости. Мы, курды, должны вместе с арабским народом плечом к плечу сражаться за свержение реакции, диктатуры и империализма»³⁵. Повстанцы обратились к английским властям с требованием не вмешиваться во внутренние дела страны и в конфликт между курдами и правительством.

Невзирая на призывы повстанцев и убедившись, что восстание принимает угрожающий характер и уже угрожает Киркуку, английские власти перешли к решительным действиям. В результате 28 сентября 1945 г. ценой немалых жертв иракским войскам удалось спасти окруженные повстанцами правительственные силы. Как и в 20—30-е годы, варварские действия против курдских повстанцев и беззащитных курдских городов и деревень начали английские военно-воздушные силы. Согласно сообщению иракского министра обороны, английское правительство «подарило» Ираку 31 военный самолет. Об операциях англо-иракских вооруженных сил против курдов Лонгригг пишет: «Армия тремя колоннами двинулась в район восстания, а воздушные силы бомбардировали повстанцев, их сторонников и имущество»³⁶.

Иракские войска, действовавшие против повстанцев, были подкреплены танковыми подразделениями. Более 50 курдских населенных пунктов были снесены с лица земли³⁷. «Английские летчики подвергли обстрелу из пулеметов беззащитных женщин, детей, стариков и даже скот»³⁸. Представитель повстанцев в Бейруте от имени Барзани распространил заявление, в котором отмечалось: «Иракская армия использует тяжелую артиллерию и военно-воздушные силы для уничтожения курдских деревень, беззащитных женщин, детей и стариков»³⁹.

Иракская коммунистическая партия в это время развернула энергичную деятельность в защиту курдского движения и его целей. В условиях репрессий и преследований со стороны властей она доводила до сознания иракского народа истинное положение вещей, а также мысль об общности интересов арабского и курдского народов в борьбе против внутренней реакции и империализма. В распространенном заявлении ЦК ИКП отмечалось: «Империалистические маневры, которые в послед-

нее время выявились в экспедиции против Барзани, весьма обширны. Они охватывают курдские районы Ирака и Ирана. Английские колонизаторы подстрекают иракское правительство против курдов Ирана и иранское правительство — против курдов Ирака с определенной целью — укрепить свое империалистическое господство»⁴⁰. Компартия призвала немедленно прекратить военные действия в Курдистане и предоставить демократические права всему иракскому народу. Однако «черный режим» выбрал путь решительного искоренения всяких оппозиционных настроений в Курдистане. Ликвидация восстания курдов была первым шагом к этой цели.

Королевский антинародный режим стремился привлечь к борьбе против курдского национально-демократического движения некоторые соседние страны, заинтересованные в ликвидации «очага курдской оппозиции». Стал функционировать пресловутый антикурдский альянс. «С целью предотвратить возможность перехода повстанцев на турецкую территорию был установлен контакт с правящими кругами Турции. В результате визита иракского регента в середине сентября в Турцию турецкое правительство закрыло свою южную границу». Кроме того, с целью предотвратить распространение восстания, Турция сосредоточила значительное количество войск в кавказской зоне»⁴¹. В горных районах, где действия иракских войск были малоэффективными, основной силой против восставших стали наемные отряды реакционных курдских феодалов.

25 сентября 1945 г. в 24 км от Барзана развернулись решающие бои. В результате повстанцы прорвали окружение и отступили. «В начале октября 1945 г. правительственными силами удалось захватить Бле, Гали Баланда, Аркуш и ряд других районов близ Зебара. 6 октября в Багдаде официально было объявлено о захвате Барзана и понесенных повстанцами огромных потерях»⁴².

Силы противоборствующих сторон были слишком неравны. «Активное участие в военных действиях английской авиации,— пишет А. Федченко,— закрытие правительством Турции турецко-иракской границы, значительное превосходство иракских частей в численности и вооружении, наконец, подкуп министром внутренних дел Ирака Мустафой аль-Умари ряда вождей курдских племен и использование этих племен против повстанцев — все это предредило исход борьбы»⁴³.

Положение было таково, что дальнейшие столкновения с правительственными войсками и наемными отрядами могли привести лишь к бессмысленным большим потерям, и Барзани принял единственно правильное решение — отступить в Иранский Курдистан, где в то время развернулась национально-освободительная борьба иранских курдов.

Около 10 тыс. курдов, в том числе дети, женщины и старики, в тяжелейших условиях отступили к иракско-иранской границе. Тысячи людей стали жертвами голода и холода.

Таким образом, очередное национально-освободительное восстание курдов Ирака потерпело поражение.

Неудача его была обусловлена следующими причинами:

1. Хотя восстание достигло значительного размаха, оно не стало общекурдским. Не все районы Иракского Курдистана приняли в нем участие.

2. Несмотря на усилия ИКП и руководителей восстания, направленные на совместную борьбу против королевского режима и его английских покровителей, связь между борьбой арабских народных масс и восставших курдов была весьма слабой. Это давало возможность правительству сосредоточить все внимание на ликвидации курдского восстания.

3. Правительству удалось подкупить реакционных курдских феодалов и вовлечь их в борьбу против повстанцев. Здесь, несомненно, известную роль сыграло все еще низкое классовое и национальное самосознание курдских крестьян, что давало возможность феодально-племенным вождям использовать их в целях, противоречащих их же классовым и национальным интересам. Касаясь роли курдских феодалов-предателей в подавлении восстания, Лонгригг и Стоукс пишут: «Причина неудачи восстания Барзани заключается в том, что правительство политическими и финансовыми средствами привлекло на свою сторону соплеменников Барзани»⁴⁴.

4. Несомненно, важнейшую роль в развернувшемся конфликте сыграло несравненное превосходство англо-иракских вооруженных сил.

Восстание было ликвидировано, но положение в Курдистане, как и прежде, оставалось напряженным. В отдельных местах даже продолжались стычки между курдами и правительственными вооруженными силами. В апреле 1946 г. такое столкновение произошло, например, в районе Барзана. А позднее правительство отправило двухтысячный отряд в Эрбиль, а также в Мосульский, Киркукский и Сулейманийский районы для сохранения порядка⁴⁵.

Иракское правительство предприняло меры для предотвращения новых выступлений в Курдистане. Премьер-министр лично объездил курдские районы для «восстановления порядка». Правительство обещало увеличить число школ и больниц в Курдистане⁴⁶.

Однако все это было ширмой, за которой скрывалось намерение правительства жестоко расправиться с курдскими национально-прогрессивными силами. В Эрбиле был образован военный трибунал, который вынес безжалостные приговоры участникам восстания. 35 человек, в том числе Мустафа Барзани, шейх Ахмед Барзани, семь офицеров иракской армии и другие, были заочно приговорены к смертной казни, 80 человек — к различным срокам тюремного заключения⁴⁷. Деятельность всех прогрессивных организаций в Курдистане была запрещена. При малейшем подозрении в симпатиях к участникам курд-

ского движения студентов, рабочих, врачей и служащих исключали из вузов и увольняли с работы.

Несколько активных участников восстания, бывших офицеров иракской армии, приговорили к смертной казни через повешение. Герои курдского восстания шли на эшафот мужественно. Когда активного участника восстания, капитана Мустафу Хошнава привели к виселице, обращаясь к палачам, он гордо заявил: «Палачи, скажите вашим хозяевам, что за мою кровь будет отомщено! Я не верю в вашу силу... Я горжусь сознанием того, что мое имя не будет забыто моими соотечественниками и будет стоять в ряду тех, кто отдал свою жизнь за величие и счастье Курдистана»⁴⁸. А вот слова майора Иззета Абдуль Азиза: «Дерево свободы полито моей кровью и кровью моих товарищей. Хочу надеяться, что оно скоро расцветет и принесет родине свободу и счастье! Смерть империалистам и их подлым слугам!»⁴⁹. Мужественно и гордо пошли на эшафот также капитан Хейрулла Абдуль Керим и лейтенант Махмуд Кудси.

За несколько часов до приведения смертного приговора в исполнение, курдские патриоты написали историческое письмо, обращенное к родному народу:

«Дорогие курдские братья!

Это письмо мы пишем через час после того, как нам было объявлено о смертном приговоре. Братья! Когда мы пишем вам это письмо, подавленная игом империализма наша жизнь будет продолжаться еще 14 часов, после чего веревка палачей сожмет наше горло.

Братья! Мы безгранично рады и горды сознанием того, что беззаветно выполнили наш священный долг перед нашим бо-
рущимся народом.

Призываем вас быть сплоченными, укрепляйте ваши ряды и смело, самоотверженно боритесь против угнетающего нашу страну империализма. Тем самым вы освободите все народы и национальности, страдающие в его тисках.

Братья, невежество — наш заклятый враг. Всеми силами боритесь против него! Наша мученическая смерть лучшее свидетельство продолжающейся борьбы за освобождение курдской нации.

Вы обязаны бороться за вашу честь и родину. Освобождение нашего народа неизбежно!

Братья, даже смертоносные виселицы не в состоянии поколебать нашу веру в окончательную победу.

Мы, борцы за свободу, не жалели силы и энергии для спасения нашего родного народа. Достоверное свидетельство этого — наше нахождение здесь, перед виселицей!

Вперед, к единству, к свободе!

Да здравствуют курды, да здравствует Курдистан!»⁵⁰.

Подавление восстания курдов иракское правительство считало своей большой победой. Регент Абдул Иллах специальным указом поздравил армию. Некоторые курдские феодалы-

предатели, участвовавшие в подавлении восстания, были награждены орденом «Рафидайн» («Двуречье»), справедливо названным курдским поэтом «орденом позора»⁵¹.

После подавления барзанских восстаний, все антикурдские мероприятия иракского правительства, как и раньше, предпринимались при участии или с одобрения английских властей. Касаясь вопроса о позиции Англии и других западных держав относительно антикурдских мероприятий, издававшийся в Бейруте журнал «Балкан э Муаен Орьян» писал: «Западные державы поддерживают все те мероприятия, которые предпринимают деспотические режимы Анкары, Багдада и Тегерана в борьбе против курдов»⁵².

Поражение восстания курдов было большим ударом по всему демократическому движению в стране. За ним последовал разгул реакции. Феодално-помещичьи силы усилили эксплуатацию трудовых масс.

Крестьяне, участвовавшие в восстании или симпатизировавшие ему, подверглись гонениям. Часто их лишали и без того небольших участков земли, даже крова. Так, по свидетельству журнала «Хетав», Ахмед-ага из племени зебари до июльской революции 1958 г. использовал крестьян — участников восстания на принудительных работах, заставляя их иногда по двое суток бесплатно работать на перевозках сена, дров и т. д. Долгое время правительство не разрешало в районе восстания, особенно в Амадии, выращивать табак.

Однако восстания 1943—1945 гг., хотя и потерпели поражение, сыграли значительную роль в росте национального самосознания курдов. Выдвинутые руководителями восстания лозунги о совместной борьбе против империализма и внутренней реакции становились все более популярными как среди арабов, так и среди курдов. К тому же причины, приводившие к национально-освободительным выступлениям курдов, не были устранены. Этим и объясняется сохранение беспокойной обстановки в Курдистане и в последующий период.

УЧАСТИЕ КУРДОВ В АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ ИРАКСКОГО НАРОДА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Поражение наиболее агрессивных сил империализма — фашистской Германии и милитаристской Японии — во второй мировой войне дало новый толчок национально-освободительной борьбе угнетенных народов. Как и в других регионах мира, на Ближнем и Среднем Востоке движение угнетенных народов, в том числе курдов, приняло массовый и более организованный характер. Этот процесс сопровождался ростом авторитета Советского Союза, популярности идей социализма в целом. Национально-освободительная борьба народов Ближнего и Среднего Востока реально превращалась в составную часть революционного процесса в регионе и в мире.

Именно этим фактором было обусловлено возрастающее беспокойство ведущих империалистических держав и их союзников в этом регионе. Страницы послевоенных официальных изданий изобилуют материалами, выражающими беспокойство западных держав и реакционных ближне- и средневосточных режимов по поводу национально-освободительных и демократических движений в регионе и роста влияния социалистических стран. Из множества примеров выделим характерные слова знатока ближневосточных дел английского генерала Спирса. «Удивительно,— писал он,— что доктрина коммунизма распространяется в арабских странах, где все религиозные учения, все историческое прошлое являются его отрицанием. Русское влияние растет, в то время как наше все больше ослабевает»¹.

По мере роста размаха национально-освободительной борьбы империалистическая пропаганда все чаще стала поднимать шумиху о некоей «причастности коммунистов и Москвы» ко всем «беспорядкам» в указанной зоне. Все это делалось для того, чтобы, во-первых, опорочить в глазах общественности национально-освободительную борьбу народов региона, в том числе курдов, и, во-вторых, найти оправдание политике, направленной на сколачивание агрессивных военно-политических блоков. Начиная с 1946 г. при активном участии Англии Турция и Ирак предприняли шаги для создания военно-политического блока, направленного в первую очередь против национально-освободительной борьбы в регионе. В 1946—1947 гг. был обра-

зован так называемый Ближневосточный блок с участием Англии, Ирака, Турции и Трансиордании. Однако усилия Англии включить в состав этого блока другие арабские страны не увенчались успехом. Этот блок был направлен «против национально-освободительного движения в странах Ближнего Востока»². Важно отметить также, что между объединенными в блоке странами помимо общих обязательств был заключен ряд двусторонних соглашений. Как стало известно, двустороннее соглашение между Турцией и Ираком³ было направлено против курдского национально-освободительного движения.

Курдская национальная проблема была предметом беспокойства как для Англии, так и для ее ближневосточных партнеров. Об этом свидетельствуют ряд материалов того времени. Так, по мнению официальных кругов Англии, одной из «опасных точек» на Ближнем и Среднем Востоке послевоенного периода являлся Курдистан. Отмечая, что в связи с создавшимся положением на Ближнем Востоке приобретает особую актуальность вопрос Курдистана, английская «Уорлд Ревью» писала в 1946 г.: «Руководители курдского движения стремятся к освобождению всех курдов, а это означает вовлечение всех нефтеносных районов в Курдистан, что невыгодно (курсин наш.— Ш. М.) Англии и ее союзникам»⁴.

Вопрос о координации совместных действий против курдского национально-освободительного движения стал предметом интенсивного обсуждения сразу после подавления восстания курдов в 1943—1945 гг. и начала национально-демократического движения в Иракском Курдистане.

28 февраля 1946 г. Нури Саид прибыл в Анкару с целью выработки совместного плана борьбы против курдского национально-демократического движения. Привлекает внимание мнение французского автора Лусьена Рамбу по поводу роли Нури Саида в этой антинародной проанглийской сделке: «Трудно было найти лучшего дипломата, который мог бы вести переговоры по этому вопросу... По происхождению он курд иракской национальности и неоднократно был министром иностранных дел: кстати, это признак того, что курды заслуживают своих соседей. Наконец, он англичанин в политике... В Анкаре будет говорить не курд и не иракец, а, по-видимому, англичанин»⁵.

Переговоры в Анкаре велись в условиях секретности. Однако антикурдская направленность турецко-иракского двустороннего соглашения стала достоянием общественности по различным каналам. Представляют интерес сообщения прессы разных стран. Так, корреспондент английской газеты «Дейли Мейл» в Иерусалиме в том же, 1946 г. писал, что «необходимость заключения соглашения такого характера вытекала из факта распада Саадабадского пакта», а также из курдского национального вопроса, который «представляет большую опасность для мира на Среднем Востоке»⁶. Так турецко-иракское антикурдское соглашение стало частью Ближневосточного блока.

Усилия, направленные против курдского национально-освободительного движения, прикрывались разговорами о «совместном использовании вод р. Тигр». Достойн упоминания диалог, состоявшийся между Нури Саидом и любопытствующими журналистами. В марте 1946 г. в анкарской гостинице «Анкара Палас» во время пресс-конференции один из журналистов задал Нури Саиду следующий вопрос: «Не могли бы Вы, господин министр, прокомментировать сообщения, согласно которым дополнительные соглашения при недавно заключенном выше договоре относятся к совместным мероприятиям турок и иракцев против курдов, ибо они разрешают вооруженным силам двух стран во время преследования курдов беспрепятственно переходить границы договаривающихся стран»⁷. По свидетельству присутствующих журналистов, Нури Саид был буквально не в состоянии скрыть свое негодование и «свирепым взглядом» отрицал такой характер упомянутого соглашения, что, разумеется, не соответствовало действительности. Брожение в Курдистане продолжалось. И хотя борьба курдов за удовлетворение национально-демократических прав в данный момент не велась в форме вооруженного восстания, она тем не менее была предметом пристального внимания «черного режима» в Ираке и его опекунов. Об этом свидетельствуют, в частности, меры, предпринятые против курдов и их движения.

В начале 1947 г. правительство Ирака ввело военное положение в приграничных с Ираном курдских районах. Действие всех гражданских законов было приостановлено, и обязанности по «сохранению спокойствия и порядка» были возложены на командующего войсками северного района страны⁸. Но несмотря на все мероприятия правительства, в различных районах Курдистана происходили митинги, собрания, демонстрации, участники которых (в основном учащаяся молодежь) выдвигали национально-демократические требования. Особенно отличались жители Сулеймании, которые в числе других требований ставили вопрос об объявлении амнистии участникам восстания 1945 г. Полицейские силы жестоко расправились с участниками демонстраций, прежде всего с коммунистами. Волна террора прокатилась по всему Ираку. В начале 1947 г. в Багдаде полицейские арестовали свыше ста коммунистов-арабов и курдов, в том числе Генерального секретаря ЦК ИКП Юсефа Сальмана. Аресты были произведены в ряде других арабских и курдских районов⁹.

Для «установления порядка» в стране в 1947 г. пост главы правительства вновь занял Нури Саид. По тактическим соображениям он «выразил готовность» сотрудничать с различными партиями, обеспечив их участие в правлении страной, и провести «свободные выборы». В действительности положение в стране не изменилось. Аресту подверглись также профсоюзные деятели. Парламентские «свободные выборы» были проведены в условиях напряженности, особенно в Курдистане. Как и преж-

де, острие террора официальных властей было направлено против коммунистов, которых обвиняли и в «подстрекательстве курдских сепаратистских движений». Помимо террора против Коммунистической партии Ирака было выдвинуто вымышленное обвинение в том, что она якобы «является филиалом сионистской организации». В 1947 г. на пресс-конференции Нури Саид заявил, что «компартия материальную помощь получает от сионистов». С аналогичной клеветой выступила газета «Аль-Вади», по сообщению которой, «компартия получает средства от сионистской организации Палестины», «80 процентов компартии составляют евреи»¹⁰ и т. д.

Новоизбранный иракский парламент, который состоял «в основном из крупных землевладельцев, шейхов и торговцев»¹¹, призван был одобрить идею о заключении нового договора с Англией, против которого выступали самые широкие слои арабов, курдов, представители национальных меньшинств. Условия договора, которые стали известны после опубликования его проекта, почти ничем не отличались от кабальных условий англо-иракского договора 1930 г. Поэтому, когда в январе 1948 г. в прессе появился этот проект, против него выступили не только левые силы, но и многие либеральные и даже консервативные партии и организации. Против Портсмутского договора решительно выступили курдские национально-демократические силы, борьбой которых в условиях подполья руководила Демократическая партия Курдистана, образованная из разрозненных курдских организаций в августе 1946 г.

Если широкие слои арабов возмущали в основном кабальные условия упомянутого договора, выражавшиеся, в частности, в подчинении Ирака Англии в политической, социально-экономической и военной областях, то для курдских национально-демократических сил помимо этого серьезным мотивом для недовольства был тот факт, что договор этот призван был еще раз фиксировать бесправное положение курдов.

Газета «Азади», орган секции ИКП по Курдистану, разоблачив антинародную сущность нового договора, призвала курдские массы к решительной борьбе против него. В различных районах Курдистана прошли демонстрации и митинги, участники которых выступили под лозунгами решительной борьбы против английского империализма, за вывод английских войск из Ирака. «В Сулеймании,— был вынужден признать Лонгригг,— демонстранты восхваляли русских... и выражали ненависть к англичанам. Они выгнали из города одного английского учителя и сожгли английские учреждения»¹². Антиимпериалистические демонстрации произошли также в Киркуке, Мосуле и Эрбиле. Борьба против Портсмутского договора стала одной из блестящих страниц совместных действий арабов, курдов и национальных меньшинств Ирака против империализма и внутренней реакции¹³.

Поскольку антиимпериалистическими настроениями была

охвачена также и часть военнослужащих, правительство первоначально не рискнуло выставить против демонстрантов войска. В дальнейшем в нескольких районах вместе с жандармерией были введены в действие несколько военных подразделений. «В сельских районах Аммары, Эрбиля, Самавы, Шамие и Патры танки открыли огонь по крестьянам»¹⁴. В самом Багдаде произошли настоящие бои между демонстрантами и войсками, введенными в город в последний момент.

Создавшееся критическое положение в Багдаде привело к падению правительства Салеха Джабра. Исполнитель воли английского империализма, махровый враг демократического движения Ирака Нури Саид спасся бегством в Турцию. Касаясь событий 1948 г. в Ираке и курдских районах и отставки правительства Салеха Джабра, один английский журнал писал: «Правительство Салеха Джабра, подписавшее 15 января Портсмутский договор с Англией, пало после кровавой битвы на мосту в центре Багдада — битвы, во время которой погибло 32 демонстранта и неизвестное количество полицейских... Это положение не ограничило столицей. „Улица“ господствовала в курдской столице Сулеймании, Северном Ираке, Эрбиле, нефтеносных городах Киркуке и Мосуле»¹⁵.

В конце 1949 г. пост главы правительства вновь занял Нури Саид, в задачу которого входило «восстановление порядка». В стране начался разгул реакции. Тюрьмы и концентрационные лагеря наполнились рабочими, студентами, крестьянами. Появились виселицы. И на этот раз Нури Саид и его клика основной упор делали на борьбу против демократов. «В настоящее время,— писала английская газета „Крисчен сайенс монитор“,— Ирак возглавляет борьбу за искоренение коммунизма в арабских странах. Недавно премьер-министр Нури Саид к списку чрезвычайных мер добавил еще один декрет... согласно которому осужденные коммунисты будут лишены иракского гражданства и изгнаны из страны»¹⁶.

В тяжелых условиях подполья Иракская компартия возглавила борьбу арабских и курдских масс, национальных меньшинств (айсоров, туркмен, армян и др.), направленную на достижение демократических свобод для иракского народа, на признание национальных прав курдов. Правительство жестоко расправлялось с коммунистами за их поддержку национально-демократической борьбы курдов. «Иракская коммунистическая партия активно поддерживает курдское национальное движение»,— как бы оправдывая антикоммунистический террор в Ираке, отмечал лондонский «Форин рипорт»¹⁷.

Бесчеловечные условия, в которых находились арестованные коммунисты и демократы, стали предметом обсуждения за пределами Ирака. «Недавно стало известно,— сообщал бейрутский журнал „Балкан э Муайен Орьян“, что соответствующей комиссии ООН будет вручен протест по поводу ужасных условий, царящих в тюрьмах и концлагерях Ирака. В тюрьме „Нукрат

ас-Сальман“ беременных женщин и малолетних детей подвергают жесточайшим полицейским пыткам. Раненые и больные брошены в холодные и сырые камеры без всякого присмотра». По свидетельству того же источника, во время допросов арестованных подвергали жестоким пыткам, «вырывали их волосы, избивали мешками с песком, поливали то теплой, то холодной водой»¹⁸.

Антидемократическая истерия царила в армии. Во всех армейских подразделениях создавались органы, в задачу которых входил сбор информации о политических убеждениях каждого солдата и офицера. В результате из армии удалялись все сколько-нибудь преданные национальным интересам страны солдаты и офицеры. «Офицерский состав пополнялся из предателей иракского народа, карьеристов, связывавших свою судьбу с английским империализмом»¹⁹.

В феврале 1949 г. по настоянию руководства режима и невидя на широкую волну протеста в ряде стран мира была учинена расправа над лидерами ИКП. После повторного суда были казнены генеральный секретарь ИКП Юсеф Сальман — Фахд, члены Политбюро ЦК ИКП Заки Басим, Хусейн аш-Шабби.

Но несмотря на жестокие репрессивные меры, ИКП мужественно отстаивала права курдов на национальное самоопределение, а в ряде случаев возглавляла их выступления, придавая им организованный характер. Можно с уверенностью сказать, что в тяжелых условиях Ближнего и Среднего Востока ИКП показала блестящий пример борьбы за решение национального вопроса, который имеет особо важное значение для этого пестрого региона. В программном заявлении ИКП начала марта 1953 г. о национальном вопросе отмечалось, что партия считает своей важнейшей задачей вести последовательную борьбу за удовлетворение национальных требований курдов и других национальных меньшинств Ирака.

Позиция ИКП в курдском вопросе четко была зафиксирована в докладе представителя ИКП на конференции коммунистических и рабочих партий стран, находящихся под британским колониальным игом, в апреле 1954 г. ИКП заявила тогда, что она выступает за национальное самоопределение курдов вплоть до государственного отделения. А в апреле 1956 г., на II национальной конференции, партия приняла решение, в котором гневно осуждала агрессивную, антинародную деятельность Багдадского пакта, направленного против курдского народа. «Багдадский пакт,— отмечалось в этом решении,— призван увековечить раздел Курдистана, он направлен против курдского народа». Главным условием успеха борьбы арабов и курдов, отмечалось далее в документе, является единство борьбы этих двух основных народов. Поэтому необходимо бороться как против арабского шовинизма, так и против узкого национализма в курдском национальном движении. Компартия разоблачала

совместные ирано-иракские действия против курдов в районах Джаванруд и Башдар. В марте 1957 г. секция ИКП по Курдистану призвала официально признать национальный праздник курдского народа — Ноуруз. Важной частью деятельности партии была ее работа в курдских массах с целью повышения классового и национального самосознания народа, роста понимания того, что достижение национальных требований невозможно без теснейшей связи с борьбой арабов, а также национальных меньшинств Ирака против империализма и реакции, за демократию и социальный прогресс.

50-е годы характеризовались энергичными действиями империалистических держав по созданию агрессивных военно-политических блоков, направленных против Советского Союза и национально-освободительного движения народов Ближнего Востока. При этом Англию постепенно вытесняли в данном регионе Соединенные Штаты Америки. Иракский королевский режим теперь уже вынужден был кроме своего старого опекуна считаться и с волей США, которые играли ведущую роль в военно-политических делах стран — сателлитов региона.

После провала усилий США и Англии в деле создания так называемого Средневосточного командования империалистические державы приступили к осуществлению планов организации военно-политического агрессивного блока со сравнительно ограниченным количеством стран-членов. Выбор будущих членов планируемого блока носил неслучайный характер. Он был обусловлен антинародным характером правящих режимов предполагаемых членов пакта и особенно заинтересованностью этих режимов искоренить демократическое и национально-освободительное движение в своих странах и в регионе в целом.

Создание военно-политического блока готовилось поэтапно. В сентябре 1954 г. в Ирак прибыл американский высокопоставленный офицер Генри Ван-Ормер. Правительство Ирака поручило ему возглавить «контролирующую группу военных советников» для приема оружия, поступавшего из США, и обучения пользования им²⁰. Вслед за тем Нури Саид и Фейсал отправились в Лондон. В Ираке было объявлено, что цель их поездки — пересмотр англо-иракского договора 1930 г., срок которого истек в 1957 г. В действительности в Лондоне обсуждался вопрос о присоединении Ирака к Турецко-Пакистанскому военному союзу. В октябре 1954 г. Нури Саид побывал в Турции, а в январе 1955 г. Багдад посетила турецкая делегация во главе с премьер-министром Аднаном Мендересом. 24 февраля 1955 г. был заключен Багдадский пакт, к которому помимо Ирака и Турции присоединились также Англия, Иран и Пакистан. Пакт в основном был направлен против СССР и социалистических стран и национально-освободительного движения народов региона. Это подтверждается как документами пакта, так и его практическими действиями.

Говоря о направленности пакта против национально-осво-

бодительных движений в регионе, следует подчеркнуть, что основным фактором, объединившим Ирак, Турцию и Иран, было курдское национально-освободительное движение. В ст. 1 пакта говорилось, что «помимо общих обязательств возможно заключение двусторонних соглашений между его отдельными участниками»²¹. Любопытно, что этот пункт был включен специально по настоянию Турции. Именно для борьбы против курдского движения Турция имела двустороннее соглашение с Ираком (1946 г.); теперь она хотела заключить подобное соглашение и с шахским режимом Ирана²². Обращает на себя внимание также ряд сообщений о том, что в Багдадском пакте имелись секретные статьи, согласно которым войска стран-участниц в случае необходимости имели право использовать военные аэродромы и территорию других участников пакта. Вполне возможно, что об этих секретных статьях ничего не было известно даже иракскому парламенту²³. Согласно сообщению «Эко Иран», секретные статьи предусматривали «совместные действия военных подразделений Ирана, Турции и Ирака для защиты северных границ Азербайджана, а также Курдистана»²⁴. Хотя США были представлены в пакте в качестве «наблюдателя», они активно участвовали в его деятельности и направляли ее. «США взяли на себя обязательства по защите северных (!) границ Ирана. В январе 1956 г. в Багдаде в военном комитете пакта американский генерал Маклюр сделал доклад о своей поездке по Иранскому Азербайджану, Каспийскому побережью, Хорасану, Курдистану и Лурестану»²⁵.

В апреле 1956 г., во время второй встречи премьер-министров стран — членов Багдадского пакта в Тегеране, США по предложению совета Багдадского пакта стали членом Комитета по борьбе с подрывной деятельностью²⁶. В июне 1957 г. США уже принимали участие в работах военного комитета пакта. Присутствие США в этих комитетах оправдывалось «необходимостью защищать территориальную целостность стран — участников пакта от угрозы коммунистической агрессии»²⁷. Судя по терминологии, а также вымышленным обвинениям, предъявленным курдскому национально-освободительному движению, речь шла о курдах и их национальной борьбе.

Говоря об антикурдской направленности Багдадского пакта, нелишне обратить внимание на заявление тогдашнего министра иностранных дел Ирака Фадль аль-Джамала. Оправдывая заключение Багдадского пакта, он говорил, что вооруженные силы арабских стран не смогли бы прийти на помощь Ираку для защиты его северо-восточных границ и те военные обязательства, которые, по мнению правителей Ирака, «не могли взять на себя арабские страны, обязались выполнять Турция, Иран и Англия, которые имели и эту возможность, и заинтересованность»²⁸.

Несмотря на секретный характер ряда статей и положений

Багдадского пакта, иракская общественность была в целом в курсе целей этого агрессивного блока. В этом деле заметную роль играли демократические силы региона. На страницы прессы нередко проникали материалы, раскрывающие также и антикурдский характер пакта. Например, согласно сообщению хорошо осведомленного бейрутского журнала «Балкан э Муайен Орьян», в ответ на отрицательную реакцию курдов на заключение Багдадского пакта, правящие круги стран — участниц этого блока начали готовить «репрессивные мероприятия против курдов как в турецко-иракских, так и в ирако-иранских приграничных районах»²⁹. Группа полицейских и военных из Ирака отправилась в Анкару для разработки плана совместных действий против курдов. Иракские власти сделали смехотворное заявление о том, что указанные шаги носят характер «культурных мероприятий», причем был даже создан «центр по изучению курдского языка», который назывался «Клуб прогресса курдов».

Такое объяснение прозвучало как насмешка. «Если Багдад искренне хочет развить курдскую культуру, — писал „Балкан э Муайен Орьян“, — он должен прекратить борьбу против курдских школ в Иракском Курдистане. Однако же лучше судьбу культуры не поручать диким иракским полицейским, объектом действий которых являются в первую очередь коммунисты, курдские коммунисты (это само собой разумеется), однако также и курдские националисты и просто курды, чья единственная вина заключается в том, что они называются курдами»³⁰.

В конце 1956 г. в Багдаде, Киркуке, Сулеймании произошли массовые митинги, участники которых требовали отставки правительства Нури Саида и выхода Ирака из Багдадского пакта. По обвинению в «участии в беспорядках» многие арабские и курдские деятели были брошены в тюрьмы. «С момента заключения Багдадского пакта иракский народ подвергается беспрецедентному террору»³¹, — читаем на страницах прессы того времени.

Багдадский пакт еще больше привязал Ирак к агрессивному курсу империализма и реакционных кругов Ближнего и Среднего Востока. Это подтвердилось рядом практических действий «черного режима». В частности, правительство Нури Саида в угоду Англии и ее союзников послало на Бахрейн иракские войска для подавления антибританских волнений на нефтяных предприятиях. Во время тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта английские самолеты, базирующиеся на иракских аэродромах, бомбили мирные города Египта. Так шаг за шагом раскрылась антинародная и реакционная сущность блока. Не случайно, что в Курдистане борьба против Багдадского пакта носила массовый характер. Целые полтора года широкие массы Курдистана применяли самые различные формы борьбы — демонстрации, митинги, забастовки, — требуя выхода Ирака из Багдадского пакта и отставки правительства Ну-

ри Саида. В районах Среднего Евфрата, Эрбиля, Сулеймании начались крестьянские восстания. Восставшие направили в Багдад делегации с петициями, которые подписали более 10 тыс. человек, требуя землю и свободу, отставку Нури Саида, выхода Ирака из агрессивного пакта. Борьба против Багдадского пакта принимала решительный характер. Киркукские рабочие взорвали нефтепровод и здание английского консульства. В Мосуле студенты на большой демонстрации гневно осудили тройственную агрессию против Египта³². В грандиозную антиимпериалистическую манифестацию превратились похороны видного деятеля курдского, национально-освободительного движения шейха Махмуда Барзинджи в Сулеймании. 20-тысячный митинг прошел под лозунгом «Долой Нури Саида!», «Долой Багдадский пакт!».

Официальная пресса западных держав не раз представляла Ирак в качестве «примера внутривосточной стабильности и порядка». Действительность опровергала эти утверждения. Правящий «черный режим» переживал глубокий кризис, и его нежизнеспособность была очевидной для тех, кто трезво оценивал обстановку.

Парламентские выборы в апреле 1958 г. еще больше разоблачили режим Нури Саида — Фейсала в глазах общественности. Выборы прошли при грубейшем вмешательстве властей. Многие продажные элементы прошли в парламент по заранее составленным спискам. В том же апреле 1958 г. в Ираке была предпринята попытка государственного переворота. Характерно, что теперь уже в числе оппозиционеров было немало военных. Было арестовано 192 офицера, но конец «черного режима» приближался.

Было совершенно очевидно, что массового недовольства арабов, курдов, национальных меньшинств политикой монархического режима еще недостаточно для его свержения. Многолетний опыт борьбы, конкретные условия страны диктовали, что для избавления от реакционного империалистического режима необходимо: а) объединение разрозненных оппозиционных сил в единый фронт, б) привлечение на его сторону патристически настроенной части армии, в частности офицеров, как ударной силы при решающих схватках с правящим режимом.

В осуществлении этих задач были заинтересованы многие партии и организации. Однако решительным и последовательным проводником их была Иракская коммунистическая партия. Усилия правящих кругов Ирака, направленные на сохранение режима Нури Саида, оказывали уже обратное действие: усиление репрессивных мер фактически ускоряло падение «черного режима». Уместно привести слова одного деятеля курдского национально-освободительного движения: «Кто бы ни были они — курды или некурды, коммунисты или некоммунисты, все подвергнуто неопишущему террору. Однако было бы ребячеством подумывать, что так будет продолжаться всегда»³³.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1958 г. В ИРАКЕ
И ПОЗИЦИЯ КУРДСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ

В условиях подъема национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке империалистические державы и реакционные правящие режимы региона все больше выступали единым фронтом. Их совместные действия, выражением которых были, с одной стороны, реакционные военно-политические блоки, а с другой — тесно связанное с этим сосредоточение усилий по искоренению освободительных и демократических движений, весьма заметно осложняли задачу прогрессивных сил. В этих условиях идея объединения всех революционных и демократических сил приобрела особую значимость. Создание объединенного союза оппозиционных сил Ирака становилось решающим условием успешной борьбы против империализма и внутренней реакции. Идея создания такого союза в виде национального фронта была выдвинута, как уже говорилось, Генеральным секретарем ЦК ИКП Фахдом еще в середине 40-х годов. Разногласия и противоречия оппозиционных партий страны в создавшихся условиях отодвигались на второй план.

В условиях, когда объединение прогрессивных партий и организаций стало настоятельной необходимостью, идея создания единого фронта национально-патриотических сил Ирака все больше прокладывала себе путь. Инициатором этого важнейшего дела была Иракская коммунистическая партия. Переговоры и контакты между патриотическими партиями, особенно интенсивные после поражения ноябрьского восстания 1956 г., привели к созданию в феврале 1957 г. Фронта национального единства (ФНЕ). В него входили ИКП и партии Баас и Истикляль. Были приняты программа и устав фронта, избраны руководящие органы — Высший национальный комитет (ВНК) и Высший организационный комитет (ВОК). Уже 9 марта ВНК опубликовал свое первое заявление, программу и устав ФНЕ. В этих документах, которые нелегально распространялись как в Ираке, так и за границей, подробно излагались цели и задачи ФНЕ¹.

Создание ФНЕ было событием исключительной важности. Впервые в истории Ирака различные политические партии на основе совместной демократической, антиимпериалистической платформы выразили готовность бороться за установление республиканского строя, за выход Ирака из агрессивное Багдад-

ского пакта и проведение политики позитивного нейтралитета, за предоставление народу демократических свобод, освобождение политзаключенных и т. д. Однако в программных документах ФНЕ обходились молчанием ряд важных социально-экономических проблем, а также национальный (курдский) вопрос. И хотя ИКП всегда выступала с требованием радикальных социально-экономических преобразований и за разрешение курдского национального вопроса, в данном случае, исходя из конкретной ситуации, она не настаивала на включении таких требований в документы ФНЕ, чтобы тем самым не вызвать раскола в его рядах, поскольку буржуазно-националистические партии — члены фронта (Баас и Истикляль) выступали против этих требований. ИКП выдвигала свою программу-минимум: освобождение страны от империалистического ига и местной реакции.

Какова была позиция курдской демократической общественности, в частности ДПК, по отношению к ФНЕ? ДПК, как и ИКП, действовала тогда в глубоком подполье. Многие ее руководящие деятели, в том числе лидер партии Мустафа Барзани, находились либо за пределами страны, либо в тюрьмах. Это, безусловно, отрицательно влияло на активность партии. Несмотря на негативную позицию ФНЕ по курдскому вопросу, ДПК все же выступала в поддержку требований фронта патристических сил. Руководство ДПК после создания Фронта заявило о полной поддержке программы и действий Фронта и в дальнейшем, вплоть до революции 14 июля, координировало свои действия с ним через Иракскую коммунистическую партию. Для отношения национальных сил Курдистана к ФНЕ характерен тот факт, что не только левые силы, но даже ряд либеральных помещиков Курдистана выразили готовность в случае необходимости предоставить Фронту вооруженные отряды. Разумная позиция, занятая ДПК в отношении ФНЕ, объясняется тем, что партия придавала огромное значение совместной арабо-курдской борьбе, убедившись на практике в невозможности признания национальных прав курдов в Ираке в какой-либо форме без свержения проимпериалистического режима Хашимитов.

Политическая ситуация в Ираке в то время была такова, что единственным методом избавления от «черного режима» могла быть вооруженная борьба. В этой связи исключительную важность представлял вопрос о позиции, которую займет армия в предстоящей схватке. Как мы видели, все освободительные демократические выступления как в курдских, так и в арабских районах Ирака подавлялись армией. Последняя была создана и обучена английскими военными специалистами главным образом для «поддержания порядка» в стране и «прежде всего для карательных экспедиций против курдов, то и дело поднимавшихся на борьбу за свои национальные права»².

По мнению Пьера Росси, «главное содержание истории Ирака 1930—1955 гг. заключалось в том, что армия постепенно перешла на сторону народа»³. Высший национальный комитет ФНЕ установил контакты с армейской нелегальной организацией «Свободные офицеры», созданной в 1954 г. Этот факт имел огромное политическое значение. Создавались реальные условия для решающей атаки на «черный режим», в которой ударную роль должна была сыграть армия.

События, развернувшиеся накануне революции 14 июля, ускорили крушение «черного режима» в Ираке. Под предлогом предотвращения «угрозы коммунистического проникновения» правящие круги США, Англии и Турции готовились к агрессивным действиям против Сирийской республики. На совещании в Стамбуле, состоявшемся в конце августа 1957 г., обсуждался «разработанный в США вероломный план, согласно которому страны Багдадского пакта должны были совместно нанести удар по Сирии... Главную роль при благосклонной позиции Ирака призвана была играть Турция»⁴. «Черный режим» совершал, таким образом, предательский акт в отношении соседней арабской страны.

В это же время было задумано создание «арабской федерации» с участием стран с монархическими режимами — Ирака, Иордании и Саудовской Аравии. После слияния 14 февраля 1958 г. Сирии и Египта в Объединенную Арабскую Республику была опубликована совместная декларация хашимитских королей Фейсала II и Хусейна об образовании Ирако-Иорданского арабского союза. Следует отметить, что, несмотря на известные недостатки новообразования, ОАР имела антиимпериалистический характер и потому ее создание поддерживалось прогрессивной общественностью в арабских странах, в то время как Ирако-Иорданский союз был призван противостоять прогрессивным силам на Ближнем Востоке и тем самым объективно служил интересам империализма и внутренней реакции. Вскоре объектом агрессии этой организации стал Ливан, где развернулась борьба народных масс против проимпериалистического режима Шамуна.

Во многих работах буржуазных авторов по истории Ирака новейшего периода утверждается, что «революция 14 июля» была «полной неожиданностью» как для королевского режима, так и для его империалистических покровителей⁵. С этим можно согласиться лишь с большой оговоркой. Разумеется, бесспорен факт, что о самой революции, о конкретном плане ее осуществления не знали ни режим Нури Саида — Фейсала, ни англичане. По соображениям конспирации конкретный день свершения революционного переворота не был известен даже ряду членов руководящих органов Фронта национального единства. Но конкретный план и день начала революции — это лишь одна сторона вопроса. Другая же — несомненное наличие революционной ситуации в стране и неизбежность социального взрыва, при-

званного покончить с обреченным историей проимпериалистическим монархическим режимом.

Было широко известно, что в Ираке накануне революции существовала сильная оппозиция народных масс — арабов, курдов, национальных меньшинств. Утверждение о «неожиданности» иракской революции, служит фальсификации западной буржуазной историографией истинных причин революции, представлению ее делом рук группы армейских офицеров, лишь впоследствии получивших поддержку народа и его прогрессивных партий и организаций. Даже у такого автора, как Пьер Росси, который в основном объективно освещает вопросы, связанные с «революцией 14 июля», и приводит богатый фактический материал, читаем, что «революция 14 июля» была совершена группой «таинственных офицеров»⁶. И далее: «Революция была подготовлена свободными офицерами и их знакомыми из числа националистов, без учета их партийной принадлежности»⁷.

Как ни парадоксально, многочисленные факты, подтверждавшие наличие в монархическом Ираке взрывоопасной ситуации, приводятся в трудах тех же западных буржуазных авторов, которые умаляют роль масс в революции 14 июля. Например, В. Лакёр в своей книге «Советский Союз и Ближний Восток», написанной, как и другие его труды, в антикоммунистическом духе, вынужден констатировать, что «кипящая революционная атмосфера окружала правительство Нури Саида в 1958 г. как внутри, так и за пределами Ирака»⁸.

О наличии сильной оппозиции в Ираке и об опасном развитии событий знали и англичане, и столпы королевского режима, в частности Нури Саид. В начале 1958 г., когда не только в самом Ираке, но и во многих арабских странах доминировало широкое недовольство «черным режимом» и его империалистическими покровителями, британский «Форин офис» весьма серьезно ставил вопрос об устранении «своего верного друга Нури Саида от управления страной, с тем чтобы избежать худших последствий»⁹. Не менее интересен вопрос о настроениях в самих иракских правящих кругах. Здесь царила атмосфера недоверия, понимания бесперспективности проводимой политики. Накануне революции Фадыль аль-Джамаль, бывший премьер и бывший министр иностранных дел, оставил Ирак и устроился в Бейруте в качестве наблюдателя. Ближайший соратник Нури Саида Халиль Канна тоже оставил политику. По утверждению некоторых иностранных наблюдателей, сам Нури Саид будто бы вынужден был признать, что «закключение Багдадского пакта было ошибкой»¹⁰.

3 июня 1958 г., после долгого пребывания в Лондоне, Нури Саид возвратился в Багдад. Судя по всему, его приезд был связан с предстоящей конференцией стран — членов Багдадского пакта, которая должна была выработать план совместных действий по подавлению антиимпериалистического движения в

Иордании и Ливане. Еще до сессии правительство Шамуна через Фадыль аль-Джамала, находившегося в Ливане, официально обратилось к Ираку за военной помощью. Иракское правительство дало на это свое согласие. Решение Ирака было одобрено также Лондоном и Стамбулом, где переговоры вели соответственно Нури Саид и Абдул Иллах. Составленный и одобренный в Лондоне и Вашингтоне, план подавления антиимпериалистических выступлений в Ливане окончательно должен был быть утвержден на совещании стран — участниц Багдадского пакта, назначенном на 14 июля 1958 г. в Стамбуле.

13 июля до поздней ночи в королевском дворце Рихаб шел пышный банкет в честь отъезда в Стамбул Фейсала II, Нури Саида и Абдул Иллаха. В багдадском аэропорту заканчивались приготовления самолета, который должен был доставить иракскую делегацию в Турцию. В это же время командиры 19-й и 20-й бригад Третьей дивизии иракской армии, расположенных неподалеку от Багдада, в Бакубе, полковники Абдель Керим Касем и Абдель Салам Мухаммед Ареф получили приказ отправиться в Иорданию. Но одновременно офицерский состав бригад во главе с Касемом и Арефом получил указание организации «Свободные офицеры» воспользоваться удобной ситуацией, с тем чтобы занять Багдад и свергнуть проимпериалистический режим. Об этом решении было сообщено Высшему национальному комитету ФНЕ, который одобрил его и обещал оказать поддержку революционным частям¹¹.

14 июля в три часа ночи революционно настроенные армейские части вошли в Багдад, перешли мост Фейсала, заняли радиоцентр и центральный телеграф. К пяти часам утра развязалась недолгая перестрелка между повстанцами и отрядами, охранявшими королевский дворец. Начальники охраны — офицеры-курды подполковник Тага Бамарни и лейтенант Мустафа Абдула — не оказали сопротивления и сами присоединились к подразделениям Арефа и Касема.

Фейсал II и Абдул Иллах были убиты. Король Фейсал был похоронен, а убитого Абдул Иллаха разгневанный народ повесил на фасаде здания министерства обороны, «там, где в 1942 г. в присутствии Нури Саида и Абдул Иллаха был казнен Салах эд-Дин ас-Сабах»¹².

Утром 14 июля багдадское радио сообщило радостную весть: «Говорит Иракская Республика! Сегодня день победы и славы. Враги бога и народа убиты и выброшены на улицу... Будем едины в борьбе за свержение империалистов и их агентов!»¹³. Восторженный народ вышел на улицы. Здание английского посольства было сожжено.

Палачу иракского народа Нури Саиду на этот раз не удалось уйти от возмездия. Главнокомандующий армией получил сведения о том, что Нури Саид скрывается в одном из домов багдадского квартала Баб аль-Шарки. Туда немедленно были направлены войска, и начались поиски. Переодевшись в

женское платье, Нури Саид пытался бежать в Иран, но был схвачен и расстрелян бывшим его адъютантом Вафси Тахером¹⁴.

Первым революционным актом было образование первого республиканского правительства. Пост премьер-министра и главнокомандующего армией занял Абдель Керим Касем. В числе новых министров были два курда — Махмуд Салих Махмуд (министр здравоохранения) и Мустафа Али (министр юстиции)¹⁵. На основании одного из первых декретов республиканского правительства был образован Высший государственный совет, в состав которого вошли генерал Наджиб Руббаи, лидер партии Истикляль Мухаммед Махди Кубба и губернатор Эрбиля курд по национальности Халед Нахшабанди¹⁶. Введением в состав совета Нахшабанди правительство демонстрировало свою готовность признать национальные права курдов в Иракской Республике.

Революция была поддержана абсолютным большинством иракского народа — арабами и курдами. Победу июльской революции с энтузиазмом восприняли и представители национальных меньшинств — айсоры, армяне, туркмены и др. Они совершенно справедливо считали, что революция открывает новую страницу в отношениях между различными национальностями Ирака. Представители национальных меньшинств приняли деятельное участие в организации защиты молодой республики.

По призыву Иракской коммунистической партии и Демократической партии Курдистана широкие слои населения Курдистана встали на защиту новой арабо-курдской республики. Во время решающей схватки в Багдаде курдские демократические силы отрезали попытки лиц из местной администрации и некоторых офицеров-роялистов организовать сопротивление новому режиму. В Сулеймании трудящиеся отстранили роялистов от власти и сами контролировали положение до прихода представителей республиканского режима. Для успеха революции важнейшее значение имел тот факт, что сразу после переворота представители ДПК прибыли в Киркук, в штаб революции, и заявили о решительной солидарности народных масс Курдистана с руководством республики.

Позиция Демократической партии Курдистана в отношении нового, республиканского режима была изложена в ее специальном заявлении от 16 июля 1958 г. Этот документ был принят на чрезвычайном пленуме ЦК ДПК, состоявшемся в Киркуке. Пленум партии единодушно высказался за самую активную поддержку революции, за ее углубление и наметил действенные меры по защите и укреплению республиканского строя¹⁷.

Определяя свою позицию, ДПК исходила из того, что судьбы арабского и курдского народов Ирака неразрывно связаны и что «усиление освободительного движения арабского народа и его победа, освобождение Ирака от отжившего свой век не-

нависшего королевского режима и создание свободного республиканского строя являются гарантией признания прав курдского народа»¹⁸. Исходя из этого, пленум постановил «приложить все свои силы для построения новой жизни — счастливой и свободной, для равенства арабского и курдского народов...»¹⁹ и уведомил республиканское правительство, что «отдает все свои силы и средства в распоряжение руководителей этой славной революции и мобилизует всех своих членов на защиту Иракской Республики, на борьбу против империализма, со всеми заговорами»²⁰.

17 июля курдская делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК ДПК Ибрагимом Ахмедом встретила с премьером республиканского правительства Касемом и выразила свою готовность оказать всемерную поддержку новому режиму. Американский публицист Форстер Хэйли, посетивший в конце июля Иракский Курдистан, писал: «Северный Ирак поддерживает новый режим. Здесь напряженность меньше, чем в Багдаде».

Представляют интерес встречи Хэйли с разными лицами в Курдистане, которые он устраивал, очевидно, с целью выяснить отношение курдов к новому режиму. «Военный губернатор северной части страны, — писал он, — энергично подчеркнул, что со времени переворота 14 июля, который сверг монархию, в его районе не было никаких волнений». От себя Хэйли добавил: «Несомненно, в самом Киркуке и на его окраинах, а судя по сообщениям, также и в Мосуле и Сулеймании, и на огромных сооружениях „Ирак петролеум компани“ не произошли события, которые противоречили бы его заявлению»²¹. «Один курдский деятель, — пишет далее Форстер Хэйли, — заявил, что люди, приходящие с гор, говорили ему, что все курды поддерживают революцию. Группа, которую называли исполнительным комитетом Курдской партии (ДПК. — Ш. М.), отправила телеграмму военному губернатору Северного Ирака с выражением лояльности»²².

Революция 14 июля по своему характеру была буржуазно-демократической, антиимпериалистической. При активной поддержке и давлении демократических сил республиканское правительство уже в первые дни революции пошло на осуществление некоторых мер по демократизации жизни в стране. 26 июля 1958 г. была провозглашена временная конституция Иракской Республики. В этом документе впервые за все годы существования иракского государства декларировалось равноправие курдского народа с арабским. Ст. 3 временной конституции гласила: «Арабы и курды рассматриваются как партнеры, и их национальные права в рамках единого Ирака гарантируются конституцией»²³. В дальнейшем, после выхода партий Баас и Истикляль из ФНЕ, необходимость признания национальных прав курдов подчеркивалась также и в измененной программе ФНЕ. В этом документе, обнародованном на массовом митинге в Багдаде 25 ноября 1958 г., говорилось:

«Фронт национального единства находит, что само существование Ирака основывается на сотрудничестве всех граждан, уважении их прав, сохранении их свободы. Он рассматривает арабов и курдов как равноправных партнеров на единой родине, признает их национальные права в рамках иракского единства и будет способствовать осуществлению этих прав»²⁴.

ФНЕ считал одной из важнейших своих задач содействовать осуществлению равноправия курдов с арабами, а также уважения национальных прав национальных меньшинств Ирака. Ст. 4 устава ФНЕ констатировала: «Фронт национального единства будет способствовать укреплению братских связей между арабами и курдами, а также с другими национальными меньшинствами — туркменами, айсорами, армянами и др.»²⁵. Принцип единства и равноправия арабов и курдов в Иракской республике нашел свое отражение в новом гербе страны, где два скрещенных меча символизировали арабско-курдский союз.

Иракское правительство осуществило ряд практических мер по реализации зафиксированных в конституции прав курдов на равноправное положение в новой республике. Легально стали издаваться курдские газеты и журналы. Демократическая партия Курдистана фактически пользовалась правом свободной деятельности по всей стране. При министерстве просвещения был создан «департамент для организации учебно-воспитательной работы в Курдистане»²⁶. В школах курдских районов предусматривалось введение обучения на курдском языке. В уставе ФНЕ говорилось, что необходимо «по всему Ираку в университетах и школах включить в программу изучение курдской истории и литературы, а также курдского языка во всех школах Ирака»²⁷.

15 июля правительство Касема заявило об отказе от участия в работе сессий и комиссий Багдадского пакта. «Представители Ирака перестали участвовать в заседаниях Совета Багдадского пакта. Штаб-квартира пакта была опечатана; а работа его военной комиссии и комиссии по борьбе с подрывной деятельностью — запрещена»²⁸. Одновременно правительство заявило о выходе Ирака из Арабской федерации. Новое правительство республики обязалось придерживаться во внешней политике принципов Устава ООН и решений Бандунгской конференции, т. е. проводить политику нейтралитета и сотрудничества с другими государствами на основе равенства и взаимной выгоды.

Курдские демократические силы горячо одобрили намерение правительства выйти из пресловутого Багдадского пакта. Английский историк Дерк Киннен, касаясь значения этого факта, писал: «Выход Ирака из Багдадского пакта воодушевил курдов и укрепил их веру в новый режим»²⁹.

17 июля правительство приняло важное решение об освобождении политических заключенных и о восстановлении их в гражданских правах. Руководители Иракской коммунистиче-

ской партии, казненные палачами Нури Саида в 1949 г., были реабилитированы посмертно. 20 июля был обнародован декрет об амнистии группы деятелей, преследовавшихся при старом режиме. В самом начале списка стояли фамилии двух виднейших представителей курдского национально-освободительного движения — шейха Махмуда Барзинджи (посмертно) и Ахмеда Барзани³⁰. 10 сентября 1958 г. было издано особое постановление об амнистии участников курдского освободительного движения 1943—1945 гг. во главе с Мустафой Барзани. В ответ на телеграмму М. Барзани, в которой он приветствовал провозглашение «славной молодой Иракской Республики» и выражал желание приехать на родину, иракский премьер передал по телеграфу в посольство ОАР в Праге просьбу помочь Барзани вернуться на родину. Во всех иракских газетах были опубликованы благодарственные телеграммы и письма Мустафы Барзани и других лидеров курдского национально-освободительного движения, находившихся за пределами Ирака. Абдель Керим Касем в ответном письме заверил, что «Мустафа Барзани и его соратники встретят теплый прием на родине». Во время встречи с одной из курдских делегаций, касаясь вопроса о курдских политэмигрантах, Касем заявил: «Мне трудно какого-либо сына нашей страны, например Мустафу Барзани, видеть в изгнании... Слава Аллаху, ныне факторы, разделяющие нас, устранены и нам остается только счастливо жить в этой большой стране, в нашей молодой республике единой семьей»³¹.

В сентябре 1958 г. Касем принял делегацию курдских студентов Ирака и Сирии, которая от имени студентов-курдов и всей демократической молодежи Курдистана выразила твердую решимость защищать арабо-курдскую республику и ее прогрессивные мероприятия. В ответной речи Касем отметил, что он считает этот день одним из самых счастливых дней своей жизни, ибо он «встречается со своими курдскими братьями, которые представляют неотделимую часть иракского народа». «Наши сердца,— заключил премьер,— наполнены взаимным доверием и добрыми намерениями»³². Багдадская газета «Аль-Джумхурия», близко стоящая к официальным кругам, в то время писала: «Курды, которые наравне с арабами участвовали в борьбе за свободу и независимость Ирака, могут быть уверены, что их положение всегда будет соответствовать положению арабской части населения»³³.

Широкую поддержку и одобрение получили внешнеполитические шаги правительства Иракской Республики, направленные на развитие отношений с СССР и другими социалистическими странами. Заняв непримиримую антиимпериалистическую линию во внешней политике, правительство Касема заявило о своем намерении сотрудничать с прогрессивными силами мира, в первую очередь со странами социалистического лагеря.

Советский Союз и страны социализма вместе с прогрессив-

ными силами на Арабском Востоке твердо стали на позиции решительной поддержки республиканского режима в Ираке. 16 июля 1958 г. глава Советского правительства направил правительству Иракской Республики телеграмму, в которой говорилось: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик, неизменно руководствуясь принципами самоопределения народов и глубоко уважая справедливые национальные устремления народов Ирака, настоящим заявляет о своем официальном признании правительства Иракской Республики»³⁴.

В ответной телеграмме Абдель Керим Касема выражалась благодарность за поддержку, готовность развить отношения, решимость «защищать независимость Ирака и внести вклад в дело укрепления мира и установления дружественных отношений со всеми миролюбивыми государствами»³⁵.

Победа июльской революции в Ираке и провозглашение его правительством политики позитивного нейтралитета были ощутимым ударом по ближневосточным планам и позициям США, Англии и их союзников. После провала суэцкой авантюры против Египта июльская революция была первым большим событием, которое совершилось в условиях нового подъема антиимпериалистической борьбы на Ближнем и Среднем Востоке. Революция в Ираке нанесла сокрушительный удар по империалистической политике вовлечения арабских стран в агрессивные военные блоки. При старом режиме Ирак был «вотчиной» британской дипломатии. «В Багдаде сходились все нити британской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке»³⁶. С победой июльской революции британский империализм лишился возможности использовать Ирак для осуществления своих экспансионистских планов в этом важном районе мира. Это в равной мере относилось и к американскому империализму, который посредством Багдадского пакта и различных двусторонних соглашений со старым режимом, в частности при помощи «доктрины Эйзенхауэра», стремился вытеснить своих английских соперников и монопольно владеть браздами военно-экономических дел на Ближнем и Среднем Востоке. Хорошо охарактеровала значение июльской революции в этой связи одна канадская газета, которая писала, что революция в Ираке нанесла «смертельный удар по политическому порядку, который был установлен на арабском Ближнем Востоке после первой мировой войны и который сохранился в еще более рахитичном состоянии до этого года... Происходящие там события свидетельствуют о жестоком поражении Англии и Соединенных Штатов. Доктрина Эйзенхауэра и Багдадский пакт потерпели полный провал. Сейчас похоже на то, что ни пакта, ни доктрины, ни военных мероприятий, проведенных в соответствии с ними, не было достаточно для того, чтобы спасти Ирак»³⁷.

Не менее удачно охарактеризовала значение революции 14 июля лейбористская газета «Трибюн». Комментируя причи-

ны ненависти иракских масс к британскому империализму, она писала: «Почему первым актом восставших явилось сожжение английского посольства в Багдаде? — *Потому что на протяжении 40 лет здесь находилась действительная власть* (курсив наш.— Ш. М.). Иракский народ штурмовал Бастилию»³⁸. Революция 14 июля была также призвана положить конец пресловутой «курдской» политике Англии, суть которой всегда сводилась к тому, чтобы в случае необходимости использовать нерешенную курдскую проблему в своих интересах (политика «разделяй и властвуй»).

Рождение Иракской Республики с не меньшей враждебностью было встречено ближневосточными членами Багдадского пакта — Турцией и Ираном, на что имелись веские причины. Во-первых, победа июльской революции наглядно показала нежизнеспособность военно-политических блоков типа Багдадского пакта, и иракский народ дал хороший пример того, как можно решительно порвать с империалистической политикой. Народы Турции и Ирана на примере Ирака могли учиться с большей уверенностью, полагаясь на свои силы, решительно бороться против агрессивных военных блоков. Во-вторых, провозглашение равноправия курдов с арабами могло послужить «плохим» примером для курдов в Турции и Иране, где они продолжали подвергаться жестокому национальному и социальному гнету. Не случайно в турецкой официальной прессе впоследствии Касем прямо обвинялся в «раскрепощении курдской проблемы»³⁹. Естественно, что правящие круги обеих стран беспокоил тот факт, что Ирак из страны, боровшейся вместе с ними против «курдской опасности», превратился в страну, где происходили демократические преобразования и создавались реальные условия для предоставления курдам права национальной автономии в пределах страны.

Таким образом, Иракская Республика оказалась в кругу враждебно настроенных стран, поддерживаемых к тому же империалистическими кругами Соединенных Штатов Америки и Англии. Особенно враждебную позицию по отношению к Иракской Республике заняли турецкие правящие круги. Июльская революция перемешала карты турецкого правительства. Участвуя в системе Багдадского пакта, Турция имела свои собственные цели. Багдадский пакт нужен был ей не столько для «предотвращения угрозы с севера», сколько для подавления национально-освободительной борьбы на Ближнем Востоке и в собственной стране, а кроме того, Турция стремилась не допустить объединения и усилия арабских стран, поддерживающих законные претензии Сирии на Александреттский санджак⁴⁰. Вхождение в Багдадский пакт монархического Ирака, его притязания на Сирию порождали разлад между арабскими странами, что устраивало правящие круги Турции, не желавшие расставаться с санджаком.

Итак, новому режиму угрожали с разных сторон. Выступая

14 июля 1958 г. по Иорданскому радио, король Хусейн заявил: «Наша хашимитская династия тверда, как скала, и останется непоколебимой под натиском сил зла и атеизма...» Хусейн объявил себя главой уже не существующей Ирако-Иорданской федерации и обратился к Англии и США с просьбой оказать ему помощь.

Английское правительство немедленно откликнулось на просьбу Хусейна. 16 июля в Иордании был высажен крупный десант английских парашютистов. Премьер-министр Макмиллан доложил английскому парламенту об этом постфактум, причем пытался объяснить это тем, что просьба Иордании о «помощи» была получена спустя несколько минут после окончания прений в английском парламенте по вопросу о положении на Ближнем Востоке. Однако все это было ложью, все было специально подстроено, чтобы английское правительство быстро приняло решение об отправке войск в Иорданию. Весьма характерно, что английский премьер, «не успевший» получить санкцию от парламента, успел посоветоваться с Вашингтоном и получить оттуда полное одобрение⁴¹. Правительственные круги Англии и США были охвачены настоящей паникой. По утверждению государственного секретаря США Даллеса, «опасности проистекают из-за наличия там могущественных, добивающихся перемен и приведенных сейчас в движение сил, которые коммунизм стремится активизировать и направлять». «Эти перемены,— с тревогой заявил Даллес,— приведут к нашему уничтожению, если мы будем безучастно наблюдать события»⁴².

О большом беспокойстве правящих кругов США по поводу событий в Ираке свидетельствует тот факт, что в американской печати поднимался даже вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР и другими социалистическими странами в качестве превентивной меры против «коммунистического проникновения на Ближний Восток». Такая акция, по мнению газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн», послужила бы предупреждением Кремлю о том, что Запад отдает себе отчет в подрывной политике коммунистов и готов применить «международный карантин»⁴³. Естественно, что шумихой о «коммунистическом проникновении на Ближний Восток» западные державы, и прежде всего США и Англия, хотели оправдать свои агрессивные акции против молодой Иракской Республики и освободительного движения ливанского народа. 15 июля 1958 г. по просьбе президента Ливана Шамуна в Бейруте высадились 1500 американских морских пехотинцев. В тот же день министерство обороны США сообщило, что оно подтверждает отправку военных транспортных самолетов на одну из европейских авиационных баз⁴⁴. 16 июля с согласия турецкого правительства на военно-воздушной базе в Адене приземлилось большое число американских военных самолетов, доставивших туда войска⁴⁵. Касаясь вопроса о высадке американских войск в Ливане, а английских — в Иордании, одна из авторитетных американ-

ских газет писала: «Ирак—это все. Ливан—ничего. Высадка американских войск в Бейруте бесполезна, если одновременно не разрешится большая иракская проблема. В последние мучительные дни не Ливан, а Ирак был предметом всех мучительных заседаний английского и американского правительств»⁴⁶.

Англо-американские империалисты и их ближневосточные партнеры выступали против Иракской Республики единым фронтом. После высадки американских морских пехотинцев в Бейруте министр иностранных дел Англии Сельвин Ллойд заявил в палате общин, что «английское правительство полностью поддерживает действия американцев»⁴⁷. «Не может быть никакого сомнения,—писала английская „Дейли экспресс“,—что ни Англия, ни США не могут не реагировать на вызов, брошенный их общим интересам. От английского правительства ожидают, что оно выполнит свой долг в Ираке полностью и своевременно»⁴⁸.

На открывшемся (теперь без участия представителей «черного режима») совещании членов Багдадского пакта в Стамбуле в спешном порядке разрабатывались совместные меры по ликвидации республиканского режима в Ираке и восстановлению там старых порядков. Турецкие вооруженные силы были приведены в боевую готовность, отменены отпуска и увольнения, частям, расположенным близ границы Ирака и Сирии, было приказано в любой момент быть готовыми к выступлению.

17 июля 1958 г. турецкий министр иностранных дел Фатин Зорлу заявил: «Турция готова всеми средствами оказать помощь англо-американским действиям на Ближнем Востоке»⁴⁹. Агрессивные мероприятия против Иракской Республики санкционировались турецкими официальными кругами. «Мы полностью поддерживаем прибытие английских сил в Иорданию,—заявил турецкий министр иностранных дел,—мы надеемся, что они далее продвинулись к Ираку. Если они это сделают, Турция окажет им помощь»⁵⁰.

Разумеется, было бы ошибочным полагать, что в агрессивных действиях против Иракской Республики Турция являлась лишь слепой исполнительницей планов американско-английских правящих кругов. У правительства Турции были собственные цели в отношении Ирака. Как свидетельствуют факты, турецкие правящие круги были намерены при благоприятном для них исходе событий восстановить свое бывшее господство над Иракским Курдистаном (Мосульским вилайетом), в частности над его нефтеносными районами.

Для отторжения от Ирака нефтеносного района Киркука турецкое правительство намеревалось использовать «против нового багдадского правительства 500-тысячное турецкое национальное меньшинство в Северном Ираке», которое, по словам Зорлу, «нуждалось только в руководстве»⁵¹. В Турции вполне серьезно поговаривали даже о том, что «для защиты своих (?! — Ш. М.) интересов в Киркуке Турция готова проводить са-

мую активную политику»⁵². В это время в Турции до того увлеклись экспансионистскими планами, что стали говорить не только о «судьбе мусульманских братьев в Ираке, но и об освобождении (?! — Ш. М.) 50 миллионов мусульман, находящихся в зависимом положении в России»⁵³.

В этой сложившейся на Ближнем Востоке ситуации, когда каждую минуту можно было ждать вмешательства во внутренние дела Ирака империалистических держав и их ближневосточных партнеров, в поддержку молодой республики и справедливого дела арабов и курдов решительно выступил Советский Союз.

16 июля правительство СССР опубликовало специальное заявление о положении на Ближнем Востоке, в котором разоблачались агрессивные действия империалистических держав против арабских стран. «...Программные заявления правительства республики Ирак, отвечающие стремлениям иракского и всех других арабских народов,—говорилось в заявлении,—встречают единодушную поддержку как в арабских государствах, так и во всех миролюбивых странах, которые считают создание республики всецело внутренним делом народа Ирака.

Такое развитие событий на Ближнем Востоке явно не устраивает колониальные державы, которые восприняли создание Иракской Республики с нескрываемой враждебностью. Тотчас началась лихорадочная деятельность в Вашингтоне, Лондоне и Анкаре»⁵⁴.

С решительной поддержкой интересов арабских, в том числе и иракского, народов выступила советская делегация в Совете Безопасности ООН⁵⁵. Представитель Англии в Совете Безопасности Диксон вынужден был подтвердить, что «английские парашютные войска высадились... в Иордании для оказания поддержки действий короля Хусейна, направленных на то, чтобы сокрушить иракских повстанцев и отвоевать обратно эту ключевую для Запада ближневосточную страну»⁵⁶. Разоблачая агрессивные планы американского и английского империализма в отношении Ирака, представитель СССР в Совете Безопасности заявил: «Официальные заявления, сделанные в Вашингтоне, не оставляют сомнения в том, что интервенция американских войск в Ливане—это лишь первый шаг в колониальной войне против народов Арабского Востока. Следующим шагом является военное вмешательство США и Англии в дела Ирака»⁵⁷.

О своей решимости поддержать Иракскую Республику Советское правительство заявило и 18 июля. В этом заявлении было указано, что «Советский Союз не будет оставаться безучастным к актам неспровоцированной агрессии в районе, прилегающем к его границам, и он должен будет принять необходимые меры, диктуемые интересами безопасности Советского Союза и сохранения всеобщего мира»⁵⁸.

Поддержка республиканского режима Советским Союзом но-

сила последовательный и решительный характер. 24 июля Советское правительство направило турецкому правительству памятную записку, в которой предостерегало Турцию от вооруженного вмешательства в дела Арабского Востока, в частности Иракской Республики. «Советское правительство,— говорилось в этом документе,— считает своим долгом предупредить правительство Турции о тяжелой ответственности за возможные последствия в развязывании военного конфликта в этом районе»⁵⁹.

Для предотвращения военного конфликта на Ближнем Востоке важнейшее значение имело предложение Советского правительства о созыве совещания глав правительств СССР, США, Англии, Франции и Индии при участии генерального секретаря ООН для выработки «конкретных рекомендаций по прекращению военного конфликта на Ближнем Востоке», с тем чтобы Совет Безопасности ООН рассмотрел их с участием представителей арабских стран. По этому вопросу глава Советского правительства обратился к главам правительств США, Англии и Индии со специальными посланиями⁶⁰. В одном из своих выступлений он заявил, что «мы сделаем все возможное, чтобы недавно родившаяся Иракская Республика укрепилась»⁶¹.

В конце июля 1958 г. угроза военного вмешательства во внутренние дела Ирака несколько ослабла, и положение нового режима упрочилось. За короткий срок правительство республики было признано не только Советским Союзом и социалистическими странами, но и многими государствами «третьего мира». К концу августа 1958 г. республиканское правительство Ирака официально было признано уже 57 странами, в том числе Англией и США⁶². Акт военного вмешательства во внутренние дела Ирака, таким образом, не совершился, и основная заслуга в этом принадлежит миролюбивым силам, и главным образом Советскому Союзу. Большое значение имела также широкая поддержка республиканского режима абсолютным большинством иракского народа — арабами, курдами, айсорами, туркменами. Курдские демократические силы как в самом Курдистане, так и за его пределами решительно выступили против планов вмешательства во внутренние дела Ирака, Турции и Ирана.

В одном из документов Иракской коммунистической партии роль курдов в июльской революции характеризуется следующим образом: «Национальная революция 14 июля явилась плодом совместной длительной борьбы арабов, курдов и других национальных меньшинств. Курдский народ принимал активное участие в подготовке, защите и развитии революции, без чего победа была бы невозможной». И далее: «Курдский народ вместе с арабским народом принимал самое деятельное участие в ликвидации империалистических заговоров против республики...»⁶³.

Победа революции 14 июля стала возможной благодаря со-

лидарности широких слоев арабского и курдского народов, их решимости покончить с проимпериалистическим режимом. «Июльская революция,— говорится в одном из решений ЦК ИКП,— явилась результатом борьбы этих двух народов (арабов и курдов.— Ш. М.) за свободу и демократические права»⁶⁴. В борьбе против деспотического режима принимали участие не только трудовые массы, но и революционно настроенная интеллигенция, либеральные помещики и офицеры — курды. В этой связи большой интерес представляет тот факт, что членами тайной патриотической организации «Свободные офицеры» были также и курды. Курдский автор из Ирака А. Суджади в книге «Курдские восстания и курды Ирака» приводит фамилии четырех курдов — членов организации «Свободные офицеры»: генерала Фауда Арефа, полковников Фаттаха Шали и Абдель Джамалия, капитана Мустафы Абдуллы⁶⁵. Принимая офицеров-курдов в члены тайной организации, ее руководители тем самым стремились привлечь на свою сторону курдские демократические силы, что имело важное значение для успеха революции.

Прогрессивные мероприятия правительства Касема находили полную поддержку со стороны демократических сил Курдистана. В первые дни революции, когда в любую минуту ожидалось военное вмешательство со стороны членов Багдадского пакта, ДПК вместе с Коммунистической партией Ирака развернула активную деятельность по организации защиты завоеваний революции. Центральный комитет Демократической партии Курдистана послал специальную телеграмму в Организацию Объединенных Наций, в которой отмечалось, что «курдский народ поддерживает июльскую революцию». Этот шаг был принят руководством ДПК для того, чтобы помешать империалистическим кругам использовать в своих агрессивных целях «обязательства, данные в свое время Лиге Наций, об уважении национальных прав курдского народа»⁶⁶.

ИКП и ДПК особое внимание уделяли пропаганде совместной арабо-курдской борьбы за осуществление задач июльской революции. Даже несмотря на то что уже после революции в политике иракского правительства проявилась тенденция игнорирования национальных прав курдов, демократические силы Курдистана всеми средствами боролись за последовательное осуществление общеиракских демократических преобразований. «Мы убеждены,— писал по этому поводу орган ДПК газета „Хабат“,— что укрепление демократического строя есть верный политический курс для признания национальных прав курдского народа в пределах государства, под управлением которого находятся курдские районы»⁶⁷.

Во временной конституции республики было зафиксировано равноправие арабов с курдами, но руководители нового режима при поддержке буржуазно-шовинистических элементов стремились извратить смысл этого пункта конституции. Через день

после принятия временной конституции, 17 мая 1958 г., в Багдад прибыла курдская делегация, которая имела встречу с руководителями правительства. Выступая от имени курдского народа, она выразила твердую решимость защищать завоевания революции, но в то же время обратила внимание на реакционную сущность идеи «иракского единства» в той ее форме, при которой курды были лишены национальных прав⁶⁸. Практическое осуществление равноправия курдов с арабами рассматривалось как решающий фактор укрепления демократического строя в Ираке. «В таком случае,— отмечалось в заявлении делегации,— мы закроем все лазейки перед империализмом и его агентами и покажем пример подлинной дружбы народов, живущих при свободном демократическом режиме»⁶⁹.

В условиях непрекращающихся империалистических угроз в адрес Ирака сотрудничество всех политических партий и группировок страны стало настоятельной необходимостью. В этой области энергичную деятельность развернула и ДПК. 27 июля по ее инициативе в Багдаде состоялась встреча лидеров ДПК, Баас и Истикляль. На совещании лидеры этих партий выразили свое намерение всемерно содействовать укреплению союза между арабами и курдами. (На этой встрече присутствовал также лидер общеарабской организации партии Баас Мишель Афляк, прибывший из Сирии⁷⁰.)

Республиканское правительство, возглавляемое Касемом, в начале своей деятельности опиралось на широкую поддержку демократических сил арабов и курдов. Этим обуславливались многие важные революционно-демократические шаги правительства, предпринятые им после 14 июля. Так, по настоятельному требованию ИКП, ДПК и других прогрессивных партий и организаций Касем издал декрет о создании отрядов народного сопротивления, численность которых все возрастала, достигнув к началу ноября 1958 г. примерно 30 тыс. человек⁷¹. Силы народного сопротивления были новым и весьма важным явлением в политической жизни Ирака. Они сыграли важную роль в отражении угрозы империалистического вмешательства во внутренние дела страны и в ликвидации антиреспубликанских заговоров. Отряды народного сопротивления испытывали влияние ИКП и ДПК.

Кроме фактически легально действовавших ИКП, ДПК, НДП и других партий в первые месяцы революции в Ираке «возникли либо вышли из подполья и пополнили свои ряды массовые общественные, профессиональные и культурные организации — сторонников мира, крестьянские союзы, комитеты защиты республики, Генеральный союз студентов, Лига защиты прав женщин, Демократический союз молодежи, а также курдские общественно-политические организации — Союз курдских учителей, Союз курдской молодежи и др.»⁷².

Демократические мероприятия правительства Касема, в частности провозглашение равноправия курдов с арабами, были

поддержаны прогрессивными курдскими силами не только в Ираке, но и за его пределами. Например, третья конференция Ассоциации курдских студентов в Европе в своих документах приветствовала революцию в Ираке и выражала готовность содействовать пропаганде задач июльской революции⁷³. В резолюции четвертой конференции Ассоциации, состоявшейся в 1959 г. в Вене, говорилось: «Конференция полностью поддерживает республиканский режим в Ираке, его демократические мероприятия под руководством генерала Абдель Керим Касема и призывает правительство решительно продолжать политику борьбы против империализма и внутренней реакции, особенно против феодальных элементов»⁷⁴. Деятельность европейской Ассоциации курдских студентов в пользу Иракской Республики положительно была оценена в Багдаде. Официальные власти в Багдаде отправили ответную телеграмму, в которой выразили благодарность «за поддержку политики правительства»⁷⁵. Курдские демократические силы как в самом Курдистане, так и за его пределами решительно выступали против планов вмешательства Турции и Ирана во внутренние дела Ирака⁷⁶.

В октябре 1958 г. в Ирак из эмиграции вернулся лидер курдского национально-освободительного движения Мустафа Барзани⁷⁷. Ему был оказан восторженный прием. Для встречи с лидером курдского освободительного движения в Багдад прибыли десятки делегаций как из Курдистана, так и из арабских районов Ирака. Улицы Багдада были переполнены людьми. У гостиницы «Семирамис отель», где остановился М. Барзани, несколько дней подряд проходили митинги. Барзани заявил в одном из своих выступлений: «Друзья, разрешите передать вам пламенный привет от имени ваших братьев курдов, которые долгие годы находились в эмиграции. Я приветствую вашу славную победу. Мы вернулись, чтобы трудиться с нашими братьями и защищать нашу родину... Все курды готовы умереть за республику»⁷⁸. 7 октября Касем принял Мустафу Барзани и сопровождающих его курдских лидеров. В тот же день состоялась встреча Барзани с председателем и членами Высшего государственного совета Ирака.

Внимание, оказываемое Барзани, рассматривалось курдами как свидетельство готовности признать национальные права курдов. Характерно, что это обстоятельство сильно беспокоило правящие круги Турции и Ирана. В связи с этим иранская газета «Эттелаат» писала: «Иранские эксперты выразили удивление по поводу хорошего приема, оказанного президентом ОАР Насером Барзани по возвращении его из эмиграции. Они выразили некоторое беспокойство, но в то же время заявили, что отказываются верить в то, что Ирак возродит автономное курдское движение»⁷⁹ (курсив наш.— Ш. М.).

В начальный период своей деятельности правительство Касема осуществило ряд мер по улучшению положения трудящихся. Были снижены цены на основные продовольственные

товары, установлен восьмичасовой рабочий день, повышен официальный минимум заработной платы (на промышленных предприятиях на 40 и для сельскохозяйственных рабочих — на 10%)⁸⁰. Важнейшее значение имело изменение налоговой системы. При королевском режиме основной формой налогов были косвенные, которые тяжелым бременем ложились на плечи трудового населения. Они были заменены прямыми налогами. Был введен подоходный налог, который стал рассматриваться как одно из важнейших средств уменьшения неравномерности доходов различных социальных слоев. Был введен и налог на наследство⁸¹. Особое значение имело постановление правительства о ликвидации Закона о племенах, способствовавшего сохранению господства феодалов и шейхов племен. Все эти мероприятия имели огромное значение для укрепления республиканского режима, для его развития по пути демократии и социального прогресса.

Ирак представлял собой отсталую аграрную страну, поэтому многое зависело от того, какую позицию займет республиканское правительство в аграрном вопросе. Крестьянство (арабское и курдское) составляло 70% населения страны и нещадно эксплуатировалось при монархическом режиме владельцами земель. До революции как в экономической, так и в политической жизни Ирака господствующее положение занимали феодалы, помещики, которые являлись главной опорой королевского режима и внешних империалистических сил. Иракский автор Джафар Хайят отмечал, что в социально-экономических отношениях иракской деревни «сохранились первобытнообщинные правопорядки»⁸². Как в южных и центральных районах Ирака, так и в Курдистане огромное количество крестьян вообще не имело земли или владело неплодородными землями. Феодалам и помещикам, составлявшим всего 1% населения страны, принадлежало 75% обрабатываемой земли, причем самой плодородной⁸³.

До революции в Ираке насчитывалось примерно 3500 крупных помещичьих владений, которым принадлежало более 19 млн. донумов (1 донум = $\frac{1}{4}$ га) земли, а 194 487 беднейшим крестьянским семьям — менее 2,7 млн. донумов⁸⁴. В то же время ни британские империалисты, ни класс феодалов и помещиков ничего не предпринимали для полного использования земельных угодий страны. В результате в Ираке огромные земельные площади не обрабатывались: по всему Ираку из 20 млн. га земли, пригодной для обработки, обрабатывались только 7 млн. га, из них орошались 4,4 млн. га⁸⁵. Такое положение являлось результатом в первую очередь господства феодально-помещичьих отношений в деревне и низкого уровня механизации сельского хозяйства. До революции так обстояло дело и в Курдистане. Иракский автор Шакир Хасбак приводит следующие данные о соотношении обрабатываемых и необрабатываемых земель (кв. км) в дореволюционном Курдистане⁸⁶.

Лива	Общая площадь земель	Обрабатывае- мые земли	% обрабаты- ваемых земель
Сулеймания	9 552	3 551	37
Эрбиль	18 170	4 557	25
Киркук	20 376	5 743	28
Мосул	29 770	29 058	98

Как видно из приведенных данных, во всех курдских ливах, за исключением Мосула, несмотря на то что большая часть курдских крестьян была безземельной или малоземельной, под посевами находилось всего 25—37% земли⁸⁷. Касаясь вопроса о низком уровне механизации и мелиорации в Курдистане, Хасбак пишет: «Курдский крестьянин всегда страдает от стихийных бедствий больше, чем арабский крестьянин. Он нуждается и в финансах, и в зерновых и постоянно находится в долгах»⁸⁸.

Одна из специфических особенностей землевладения в Курдистане заключалась в том, что в отличие от арабских районов здесь преимущественно преобладало мелкое землевладение. Согласно данным 1952 г., в Багдадской ливе, например, всего было 3023 земельных участка. Их средний размер равнялся 102 га. В Сулеймании соответственно 17 628 и 110, Киркуке — 7409 и 118, Мунтафике — 2502 и 177, Куте — 1531 и 272. А в Амаре эти цифры достигали рекордных размеров: во всей губернии было 483 земельных участка, средний размер которых составлял 1721 га⁸⁹.

Приведенные цифры свидетельствуют, что, за исключением Багдадской ливы, во всех других арабских ливах средний размер земельных участков был больше, чем в Курдистане. Уоринер по этому поводу пишет: «Один крупный земельный собственник в Мосуле имеет 20 деревень, общая площадь которых составляет примерно 20 тыс. донумов земли; в южной части страны его владение не считалось бы крупным»⁹⁰. Действительно, в 1957 г. в ливе Сулеймании из 21 760 хозяйств только 100 владели участками свыше 2 тыс. донумов. В то же время в ливе Эрбиль из всех 17 626 хозяйств примерно 260 попадали под действие аграрной реформы 1958 г.⁹¹

О крайней отсталости сельского хозяйства в арабских и курдских районах Ирака свидетельствует тот факт, что при королевском режиме его доля в общем национальном производстве составляла всего 24%, хотя в этой отрасли было занято абсолютное большинство всего трудоспособного населения страны⁹².

Как в арабских, так и в курдских районах Ирака широко была распространена практика аренды земли. Весь урожай распределялся пропорционально между землевладельцем и арендатором. Доля крестьянина от полученного урожая зависела от традиционно установленных условий. Они были различными в

разных районах Ирака. Широко была распространена также практика двойной аренды, когда богатые землевладельцы, живя в городе, передавали свое хозяйство управляющим-серкалам, у которых уже арендовали землю крестьяне. Отмечая, что при таких условиях не было заинтересованности в повышении урожайности земли, английский журнал писал: «Кем бы он ни был (землевладелец.—Ш. М.), он прежде всего старается получить как можно больше дохода при наименьших затратах. Земля ему ничего не стоит, так как ему не приходится платить ни арендной платы, ни поземельного налога, поэтому и нет никакого стимула получить максимальный урожай с единицы площади»⁹³.

Различные официальные английские издания, которые обычно восхваляли Ирак и рекламировали его как пример «подлинного прогресса на Ближнем Востоке», нередко вынуждены были признать факт существования в нем порочной системы земельных отношений. Как отмечал только что цитировавшийся журнал, в Ираке, несмотря на то что официально большая часть земли принадлежала государству, фактически не менее 80% ее находилось в руках частных лиц в порядке постоянной безвозмездной аренды у государства. Земля обрабатывалась и урожай убирался издольщиками под наблюдением управляющих, которые сами получали вознаграждение в форме доли урожая. Доля, полученная рабочим, устанавливалась обычаем в каждой местности и иногда не превышала 35% урожая. Сельскохозяйственный рабочий бывал доволен, когда ему удавалось работать в течение 100 дней в году⁹⁴.

Ужасающая картина положения крестьян в арабских и курдских районах раскрывается в книге прогрессивного иракского экономиста Мухаммеда Али Зарки «Национальная экономика Ирака»⁹⁵. Зарка пишет, что иракский крестьянин подвергался жесткому социальному гнету, в результате чего и речи не могло идти о гармоничном и всестороннем развитии сельскохозяйственного производства. «Подавляющее большинство крестьян в нашей деревне,— отмечает он,— находясь под непосредственной властью феодалов, не получает самого необходимого для поддержания своего физического существования. Крестьяне работают в невероятной тяжелой обстановке, в которых никакая человеческая энергия не была бы в состоянии удовлетворить алчность деревенского старосты и шейха, их жажду к наживе...»⁹⁶.

В курдских районах все еще действовал старый османский закон о деловом принципе урожая. Курдские ага и беки, являясь традиционными вождями племен, злоупотребляя земельными законами, регистрировали обширные площади на свое имя и получали повышенную земельную ренту.

Об остроте земельного вопроса в Курдистане свидетельствует и тот характерный факт, что здесь у крупных помещиков земли было в 3,5 раза больше, чем у всей бедноты⁹⁷.

Нетрудно заключить, что при таком положении в сельском хозяйстве Ирака немислимо было развитие всей экономики страны. Прежде всего были необходимы радикальные аграрные преобразования. Не случайно сразу после ликвидации угрозы интервенции республиканское правительство приступило к осуществлению аграрной реформы. Правительство заявило, что целью ее является ликвидация феодализма, повышение жизненного уровня народа и увеличение сельскохозяйственно-го производства⁹⁸.

Закон об аграрной реформе был обнародован 30 сентября 1958 г. Он установил максимум земельной собственности как для помещиков, так и для крестьян. Каждый помещик имел право владеть не более 1000 донумов (250 га) орошаемой или 2000 донумов (500 га) богарной земли⁹⁹. Как видим, земельный максимум, установленный законом, был слишком высок, ибо даже в случае полного осуществления реформы площадь, оставляемая помещику, примерно в пять раз превышала бы размеры крупного крестьянского землевладения.

Главным фактором, определившим половинчатый характер реформы, было то, что ее осуществление оказалось в руках национальной буржуазии, которая, будучи сама тесно связана с деревней, не пошла на радикальное решение аграрной проблемы. Помещикам предоставлялось право выбора лучших земель. Земли сверх максимума подлежали отчуждению с условием выплаты в 20-летний срок компенсации, равной полной цене земли или части ее в зависимости от ее юридической категории (100%) — земли «мульк», 75% — «тапу», 50% — «ляз-ма» плюс 3% годовых¹⁰⁰.

О нерешительной политике правительства в области аграрных преобразований свидетельствует и тот факт, что «комитет по подготовке проекта закона установил в два раза меньший максимум (125 га орошаемой и 250 га богарной земли), но правительство, включавшее представителей буржуазных партий Фронта, отклонило проект»¹⁰¹. Компартия, ДПК и другие левые силы страны считали, что максимум земельной собственности для помещиков (500 га на богарных землях и 250 га — на орошаемых) был очень высоким, так что даже в случае полного осуществления реформы лишь 30% безземельных крестьян смогли бы получить землю. Помещики же получали еще другие денежные средства в виде компенсации, в частности за отчуждение у них насосов оросительных и дренажных сооружений.

Таким образом, Закон об аграрной реформе не ликвидировал крупное землевладение, а всего лишь ограничил его. К тому же одним из наиболее ощутимых недостатков аграрной реформы было то, что даже если бы (при полном ее осуществлении) часть крестьян получила землю, то условия выкупа и годового процента тяжелым бременем легли бы на плечи крестьянства вообще и беднейшего в особенности. В. И. Ленин

по этому поводу писал: «Крестьянам только тогда принесет сколь-нибудь серьезную пользу аграрное преобразование, если они получат землю без выкупа. Выкуп был бы новой петлей на шее крестьянства...»¹⁰².

За счет отобранных у помещиков излишков земель крестьянин мог получить на себя и свою семью от 30 до 60 донумов орошаемой земли и от 60 до 120 донумов богарной¹⁰³. В первую очередь землю получали арендаторы или издольщики, а затем — малоземельные крестьяне данного района.

Закон об аграрной реформе предусматривал также создание сельскохозяйственных кооперативов, в которые могли быть приняты крестьяне, получившие землю по распределению, а также те, кто имел землю еще до реформы, но при условии, что их владения не превышали максимального размера участков членов кооператива. Создание сельскохозяйственных кооперативов было новым шагом в практике иракской деревни и, несомненно, имело прогрессивное значение. Однако необходимо отметить, что заинтересованность правительства в создании кооперативов была продиктована не одним только желанием увеличить сельскохозяйственное производство и улучшить положение крестьян. Кооперативы были наиболее удобным инструментом выкачивания сельскохозяйственных налогов и средств, затраченных, в частности, на проведение аграрной реформы.

Аграрные преобразования призваны были прежде всего покончить с господствующим положением в деревне феодально-помещичьих сил, ликвидировать препятствия на пути развития сельскохозяйственного производства и тем самым обеспечить рост благосостояния трудящихся, и в первую очередь крестьян. Поэтому прогрессивные силы Ирака во главе с Коммунистической партией, несмотря на существенные недостатки закона, одобрили его в целом. В то же время они требовали ввести в Закон об аграрной реформе некоторые важные изменения. Компартия выступила, например, с требованием «резко сократить компенсации, выплачиваемые крестьянами помещикам, исключить из числа получающих компенсации тех крупных помещиков, которые были национальными предателями или их агентами»¹⁰⁴. Это требование поддержала и ДПК. Компартия выступила также против того, чтобы денежные суммы, выплачиваемые помещикам за изъятие у них земельных излишков, взимались с крестьянства вообще и с беднейшего крестьянства в особенности¹⁰⁵. В дальнейшем Компартия выдвинула требование о снижении земельного максимума с 1000 донумов до 200 на поливных и с 2000 до 400 донумов на богарных землях¹⁰⁶. Сокращение максимального размера землевладения до 200 донумов на поливных и 400 — на богарных землях высвободило бы 7 380 455 донумов земли и обеспечило бы таким образом земельными участками еще 120 тыс. крестьянских семей, или примерно 500 тыс. человек¹⁰⁷.

Одним из серьезных недостатков Закона об аграрной ре-

форме было игнорирование в нем специфических условий Курдистана. Как отмечалось выше, в курдских районах Ирака аграрный вопрос имел не менее острый характер, чем в арабских. Несмотря на это, Закон об аграрной реформе фактически очень мало затрагивал интересы курдских феодалов и помещиков, поскольку размеры земельных владений в Курдистане были меньше, чем в центральных и южных районах страны. В результате безземельные и малоземельные крестьяне в Курдистане имели незначительные шансы получить землю.

Об остроте аграрного вопроса и его важнейшем значении в политической жизни Курдистана свидетельствует тот факт, что и Коммунистическая партия Ирака, и Демократическая партия Курдистана в своих программных документах значительное место отводили требованиям изменения Закона об аграрной реформе, в том числе учета специфических условий Курдистана. Так, ДПК включила в свою программу специальный пункт о внесении изменений в Закон об аграрной реформе, в котором говорилось: «Поскольку земельный вопрос в Курдистане имеет свои особенности, которые не учтены законом сельскохозяйственных реформ, мы выступаем за его изменение, с тем чтобы он обеспечил всем крестьянам Курдистана разумный минимум земли, с одной стороны, а с другой — искоренение феодальных отношений»¹⁰⁸. По подсчетам центрального органа ДПК, газеты «Хабат», в курдских ливах (в частности, в Сулеймании и Эрбиле) Закон об аграрной реформе мог затронуть менее 1% помещичьих владений¹⁰⁹. Даже при полном осуществлении реформы в ливе Сулеймания, например, землю получили бы всего 8% крестьян¹¹⁰.

При установлении максимальных размеров земельных владений правительство не учитывало также того, что земли в каждом районе Ирака различны и по плодородию, и по ценности для выращивания на них разных культур. Поэтому и доходы, получаемые с этих земель, были неодинаковыми. Внимательное изучение этого вопроса выявляет интересную картину. Закон об аграрной реформе оставлял владельцу орошаемой земли в два раза меньше донумов, чем владельцу богарной, условно считая, что продуктивность орошаемой земли в два раза больше богарной. Этот принцип, как отмечала газета «Хабат», «не совсем точно отражал истинное положение вещей». Дело в том, что в некоторых районах страны, особенно в Курдистане, орошаемые земли по продуктивности превышали богарные не в два раза, как считалось при составлении закона об аграрной реформе, а в три-четыре раза¹¹¹. Более того, в районах Акры, Шейхана и ряде других продуктивность орошаемых земель превышала богарные примерно в шесть-восемь раз¹¹². Таким образом, правительство могло бы установить значительно более низкий уровень земельного максимума, благодаря чему можно было высвободить новые земельные участки и увеличить число курдских крестьян, получивших землю.

И этим еще не исчерпывается вопрос о специфических условиях землевладения в Курдистане. Здесь, как было отмечено, преобладает суходольная система земледелия на богарных землях. Однако в этом районе существуют две различные категории земли, отличающиеся и по методам орошения: орошаемая и полурошаемая. В Курдистане полурошаемые земли согласно Закону об аргарной реформе были отнесены к категории богарных, и владельцы земель этой категории получали возможность сохранить в своих руках большие площади полурошаемых земель под видом богарных. Разница же между их продуктивностью была существенной, так как полурошаемые земли фактически давали урожай почти такой же, как земли, отнесенные к категории орошаемых.

И еще, ограничение каждого владения по закону касалось лишь одного лица. Такое ограничение позволило многим помещичьим семьям на основе документа «Тапу» владеть землей, во много раз превышающей максимальные размеры. Нередки были случаи, когда помещик до издания закона распределял свои земли между членами семьи участками, которые были меньше установленных законом¹¹³.

«В Курдистане необрабатываемые земли достигают больших размеров,—говорилось в программе ДПК,—поэтому необходимо посредством мелиорации и орошения сделать их пригодными к обработке и распределить между крестьянами, которые не имеют земли или имеют ее в размере меньше минимума, предусматриваемого законом»¹¹⁴. ДПК также считала необходимым «организовать помощь крестьянам в части снабжения семенами и химическими удобрениями, с тем чтобы дать им возможность улучшить и разнообразить сорта, предоставить им долгосрочные льготные займы, избавляющие крестьян от грабежа ростовщиков, а также организовать крестьянские кооперативы для продажи сельскохозяйственных продуктов, покупки товаров широкого потребления и необходимых орудий производства, в которых нуждался крестьянин»¹¹⁵. Поскольку животноводство является одной из важнейших отраслей сельскохозяйственного производства в Курдистане, ДПК выступила за ликвидацию всех феодальных льгот и привилегий в этой отрасли и за создание широких возможностей для развития животноводства.

В аграрной программе ДПК важное место отводилось вопросам табаководства. Выдвигалось требование изменить закон, ограничивавший права курдских крестьян-табаководов, установить такие цены на табак, которые соответствовали бы интересам табаководов и развитию производства этой культуры в целом. Намечался также ряд конкретных мер, направленных на развитие табаководства. Аналогичные требования выдвигались и в области лесного хозяйства в Курдистане.

Обосновывая преобразования в сельском хозяйстве Курдистана, ДПК выдвинула следующие основные требования:

«1. Внести изменения в закон об аграрной реформе с таким расчетом, чтобы максимальные размеры земельной собственности на богарных и орошаемых землях соответственно составляли 500 и 200 донумов.

2. Конфисковать земли всех тех феодалов, которые заняли враждебную позицию по отношению к республиканскому строю и которые сотрудничают с реакционными империалистическими силами. При конфискации таких земель компенсацию не выплачивать.

3. Произвести коренные изменения в государственном аппарате, в административных и полицейских органах. Деятельность этих органов приспособить к требованиям революции и аграрной реформы.

4. Ускорить распределение земель между крестьянами. Увеличить размеры земельных участков, выделяемых крестьянам, до 200 донумов (вместо 120) на богарных землях и 100 донумов (вместо 60) на орошаемых».

Аграрная программа ДПК, несомненно, исходила из интересов широких крестьянских масс Курдистана и укрепления республиканского строя. Следует также отметить, что по вопросам аграрных преобразований многие требования ДПК совпадали с требованиями Компартии Ирака. Но, подчеркивая прогрессивный характер аграрной программы ДПК, необходимо отметить и ее недостатки. В вопросе о снижении размеров земельного максимума для помещиков ИКП и ДПК занимали идентичные позиции. Что же касается вопроса о распределении среди крестьян отобранных у помещиков земель, то здесь имело место расхождение в позициях. Как было отмечено, ДПК требовала, чтобы новые земельные участки, высвобождаемые в результате предполагаемого снижения земельного максимума для помещиков, были использованы для увеличения земельных участков крестьян на орошаемых и богарных землях соответственно до 100 и 200 донумов.

ИКП стояла на иной позиции, которая, по существу, лучше учитывала конкретные условия земельной проблемы в Ираке и его курдских районах и отвечала интересам крестьянства вообще и беднейшего крестьянства в частности. Согласно аграрной программе иракских коммунистов, земли, высвобожденные в результате осуществления аграрной реформы, должны были быть использованы не для увеличения максимальных размеров земельных участков для крестьян, получивших землю, как этого требовала ДПК. Исходя из конкретных условий страны, иракские коммунисты требовали, чтобы были установлены низкие максимальные размеры земельных участков, с тем чтобы землю получило как можно большее количество крестьян.

Политика ИКП, бесспорно, была более благоразумной и целесообразной. Поскольку как в арабских, так и в курдских районах Ирака в данных условиях размеры земли, пригодной для обработки, были не так уж велики, только при осуществле-

нии программы компартии можно было обеспечить наибольшее количество крестьян землей. Это тем более важно для Курдистана, где общая площадь обрабатываемых земель была невелика. «Предоставление части крестьян больших участков при сохранении крупного землевладения,— писал по этому поводу известный деятель ИКП Заки Хайри,— приведет к тому, что в некоторых губерниях, например в Сулеймании, землю получит незначительное количество крестьян»¹¹⁶.

Таким образом, программа ДПК по аграрному вопросу имела два существенных недостатка. Первый: согласно программе ДПК, крестьянин мог получить столько земли, сколько можно было обработать лишь с применением наемного труда и использованием сельскохозяйственных машин. И второй: в тех условиях, в частности в Курдистане, практически было бы очень трудно разрешить проблему обеспечения крестьян землей, ибо в случае предоставления каждому крестьянскому хозяйству 100 и 200 донумов земли, большая часть безземельных и малоземельных крестьян лишилась бы возможности получить землю. На богарных землях, которые составляли основную часть всех земель в Курдистане, земельный максимум для помещиков в пять раз превышал участки зажиточных крестьян. Между тем даже «в случае полного осуществления закона 50% крестьян Мосульской ливы, 60% — Киркукской, 65% — Эрбиля и 85% — Сулеймании остались бы по-прежнему безземельными»¹¹⁷.

Таким образом, аграрная реформа 1958 г. в Ираке была ограниченной и вопреки утверждению, что имеет целью ликвидацию феодализма, последний не ликвидировала, но лишь ограничила. В этом состоял ее главный недостаток.

Критикуя половинчатость реформы и выдвигая свои, более радикальные предложения, Иракская компартия и ДПК в то же время не отвергали правительственную программу аграрных преобразований. Иракская коммунистическая партия «не считала закон достаточно радикальной мерой, но, выступая в его поддержку, учитывала, что в стране, где национальная буржуазия тесно связана с крупной земельной собственностью и феодальными методами эксплуатации, а промышленная буржуазия еще слаба, радикальная реформа неосуществима руками самой буржуазии»¹¹⁸. Иракская коммунистическая партия и Демократическая партия Курдистана поддерживали Закон об аграрной реформе в тех рамках, которые нашли свое выражение в Законе от 30 сентября 1958 г. в качестве первого шага на пути решения аграрного вопроса.

Коммунистическая партия Ирака вместе с ДПК и НДП приложила максимальные усилия к тому, чтобы добиться создания крестьянских союзов. Следует отметить, что ИКП еще до революции развернула энергичную работу среди крестьян. По инициативе Фронта национального единства и его местных органов был создан ряд подпольных крестьянских организаций,

которые «играли значительную роль в подготовке революции 14 июля»¹¹⁹. Пользуясь возможностями фактически легальной деятельности, ИКП и ДПК добились большого успеха в деле организации крестьянских союзов. Десятки таких союзов были организованы и в Курдистане.

Союзы становились школой борьбы крестьянства. ИКП и ДПК через крестьянские союзы доводили до сознания курдских крестьян истину, что признание национальных прав курдов в Иракской Республике неразрывно связано с общедемократическим развитием страны, с успешным решением социально-экономических задач, в первую очередь с решением аграрной проблемы. При этом особое внимание уделялось организации совместной борьбы арабских и курдских крестьян против их общего врага — класса крупных землевладельцев, который являлся опорой внутренней реакции и внешних империалистических сил. В течение сравнительно короткого времени крестьянские союзы превратились в огромную политическую силу, «а их деятельное участие в осуществлении аграрной реформы в первый год революции придало ей характер подлинно демократического, революционного преобразования»¹²⁰. В течение нескольких месяцев после революции 14 июля и в политической и в экономической жизни Ирака произошли многие позитивные сдвиги, которые до революции были невозможными в течение целых десятилетий.

Особый подъем политической активности различных слоев населения — рабочих, крестьян, интеллигенции, национальной буржуазии и даже либеральных помещиков — наблюдался в Иракском Курдистане. Огромным стимулирующим фактором в этом деле была перспектива предоставления курдам национальной автономии в пределах республики. Первые шаги в этом направлении хотя и были нерешительными, но внушали доверие. ИКП и ДПК в основных вопросах развития революции и путей осуществления курдской автономии занимали идентичные позиции. Вскоре после революции руководство Демократической партии Курдистана заявило, что оно «будет идти по пути решительного сотрудничества с Иракской коммунистической партией, Национально-демократической партией, с другими демократическими организациями, решать свои разногласия с ними на братской основе»¹²¹.

В Курдистане огромной популярностью пользовались две партии — ИКП и ДПК. Поэтому успех революционно-демократического движения народных масс в этом районе во многом зависел от их сотрудничества. Последнее же, в свою очередь, было одним из важнейших условий успеха демократической борьбы не только в Курдистане, но и во всем Ираке.

Свержение «черного режима» в Ираке было исторической победой, достигнутой совместными усилиями патриотических сил арабов, курдов, национальных меньшинств. Однако борьбе иракского народа за коренное изменение старых порядков

ков, проведение последовательных преобразований в социально-экономической сфере страны не суждено было развиваться по легкому пути. Борьба прогрессивных сил Ирака за решение указанных проблем, как и следовало ожидать, носила длительный и упорный характер. В этом длительном и сложном процессе важное значение имела позиция демократических патриотических сил Курдистана.

РОЛЬ КУРДСКИХ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ В ЗАЩИТЕ И УПРОЧЕНИИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ

Вскоре после революции 14 июля в рядах политических сил, входящих в ФНЕ, выявились значительные расхождения по вопросам дальнейшего развития страны. В еще большей степени это относилось к курдской проблеме. По мере активизации революционно-демократических сил и усиления тенденции углубления социально-политических преобразований все сильнее давала о себе знать непоследовательность: тактика национальной буржуазии Ирака носила двойственный характер, это было связано с ее классовой природой, особенностями ее исторического развития.

Правительство Касема, представлявшее до середины 1962 г. интересы национальной буржуазии, выстояло под натиском империализма и внутренней реакции благодаря всемерной поддержке становившихся все более авторитетными левых демократических сил, которые не были просто пассивными помощниками республиканского правительства в проведении прогрессивных социально-политических преобразований. ИКП, ДПК, левое крыло НДП и другие прогрессивные организации активно воздействовали на политику правительства, и это воздействие становилось важнейшим фактором развития Ирака по пути подлинной демократии, социального прогресса, разумного решения проблемы национальной автономии курдов. Однако такое развитие противоречило политическим целям и намерениям иракских правонационалистических сил. Правительство Касема стояло перед дилеммой — либо сотрудничать с левыми демократическими силами и, опираясь на них, вести страну по пути осуществления целей национально-демократической революции, в комплексе которых одно из ведущих мест занимал вопрос о курдской автономии, либо пойти на компромисс и сговор с консервативными и реакционными силами, выступавшими против осуществления радикальных изменений в политической и экономической жизни страны, что означало на деле отказ от принципов и целей июльской революции. Этот вопрос с особой остротой встал перед иракской национальной буржуазией и правительством Касема уже весной 1959 г. Они со все возрастающим страхом смотрели на усиление левых сил.

Тогда и в самом правительстве Касема определились две группировки. Одну возглавлял Касем, другую Ареф¹. В то время как Касем и его сторонники, исходя из реального положения в стране, склонны были пойти на временное сотрудничество с левыми силами и тем самым осуществить хотя бы минимальную программу социально-политических преобразований, группировка Абдель Салам Арефа решительно выступала против такого курса. Касема поддерживали ИКП, ДПК, НДП и большинство членов правительства, патриотически настроенные круги национальной буржуазии и многие офицеры иракской армии во главе с Фадилом Махдави.

Конечно, было бы неверно обвинять Абдель Салам Арефа и поддерживавших его юнионистов, баасистов и партию Истикляль в намерении пойти на длительный союз с внешними империалистическими силами и внутренней реакцией. Но эта группировка прежде всего стремилась предотвратить рост влияния левых сил, не допустить, чтобы курдам были предоставлены какие-либо автономные права.

Таким образом, по вопросу о дальнейшем развитии июльской революции, последовательного осуществления ее принципов развернулась борьба между революционными силами, возглавляемыми Иракской коммунистической партией, с одной стороны, и наиболее умеренными силами национальной буржуазии — правыми баасистами и партией Истикляль, а также юнионистами и поддерживавшим Арефа офицерством — с другой.

Один из иракских правонационалистов, Халдуни аль-Хасри, в своей книге «Революция 14 июля и правда о коммунистах Ирака», в главе «Наше 14 июля и их 14 июля», очень метко охарактеризовал политическое положение в Ираке после революции. Он указывает, что после свершения июльской революции позиция компартии, часто поддерживаемая ДПК, в вопросах о дальнейшем развитии революции резко отличалась от позиции буржуазных правонационалистов. «С первого же дня революции между нами — арабскими националистами в Ираке и коммунистами Ирака — развернулась борьба. Почему? Да потому, что наша точка зрения на эту революцию *коренным образом отличалась от их точки зрения*. Мы считали ее продолжением и финалом всех революций нашего великого народа, финалом всей его длинной кровопролитной борьбы... Однако наше 14 июля полностью отличалось от их 14 июля, ибо *иракские коммунисты... считали революцию 14 июля не конечным моментом, а лишь началом*»² (курсив наш. — Ш. М.).

Правые силы во главе с Арефом, выступая против политического курса Касема в первый период революции, в то же время понимали, что расстановка политических сил и ситуация в стране сложилась не в их пользу. Поэтому для осуществления своих политических целей они встали на путь заговоров и агитации за осуществление популярного в то время лозунга объединения арабских стран на антиимпериалистической осно-

ве. Иракские правонационалисты решили пойти по пути сирийских баасистов, которые путем объединения с Египтом рассчитывали приостановить рост влияния демократических сил, в частности Сирийской компартии.

Ареф и его сторонники через свою газету «Аль-Джумхурия» призывали к немедленному объединению Ирака с ОАР и одновременно с первых дней революции выступали против одного из ведущих принципов июльской революции — признания равноправия курдов, конкретной формой осуществления которого должна была стать внутренняя автономия. 16 августа 1958 г. Абдель Салам Мухаммед Ареф, выступая в Мосуле, заявил: «С этого момента в нашей стране нет больше реакционеров, нет классов, нет привилегий. Существует *один народ, одна нация* (курсив наш.— Ш. М.), одна партия, настоящее братство и равенство всех, кто будет служить республике»³. А уже 19 августа 1959 г. Ареф отверг просьбу Ибрагима Ахмеда и других лидеров ДПК об официальном признании Ноуруза национальным праздником курдов⁴.

18 июля 1958 г., во время своей встречи с Насером в Дамаске, Ареф заявил, что он и его сторонники выступают за немедленное присоединение Ирака к ОАР. Группа Арефа имела значительное влияние среди армейских офицеров, которые благосклонно относились к идее арабского единства, конкретной формой которого считали, как и Ареф, объединение с ОАР. За немедленное объединение Ирака с ОАР выступал также представитель партии Истикляль Рашид Али Гайлани. Касем, однако, весьма болезненно реагировал на планы объединения с ОАР, поскольку сам был не прочь играть главную роль в деле арабского единства.

Что касается Гайлани, то он, «аплодируя Касему, в то же время давал понять, что сам является самым лучшим кандидатом на пост президента Иракской Республики». После революции Гайлани немедленно покинул Каир, где он находился в эмиграции, и по дороге в Багдад, в Дамаске, заявил: «На пути полного арабского единства Ирак станет иракской губернией ОАР под руководством вождя арабов — Насера». Борьба между правительством Касема, поддерживаемым коммунистами, ДПК и НДП, и группой Арефа, поддерживаемой баасистами, юнионистами и партией Истикляль, сразу приняла острый характер. 11 октября, после пятичасовой бурной беседы с Касемом, проходившей в присутствии курдского министра, генерала Фуада Арефа, Абдель Салам Ареф вынужден был согласиться со своим назначением послом Ирака в Бонне⁵.

Однако и после изгнания Арефа из страны противники Касема не сложили оружия. Убедившись, что большинство как в арабских районах, так и в Курдистане поддерживает правительство Касема, партия Истикляль, юнионисты и баасисты стали на путь организации заговоров. В начале ноября 1958 г. баасисты инспирировали антиправительственные выступления

в Багдаде, Мосуле и Киркуке. В Киркуке, например, заговорщики спровоцировали выступление туркмен. Участники этих выступлений требовали возвращения в Ирак полковника Арефа и немедленного объединения Ирака с ОАР.

В такой ситуации Демократическая партия Курдистана правильно оценила обстановку и вместе с ИКП стояла на позиции всемерной поддержки правительства Касема. Она исходила при этом из того, что, во-первых, режим Касема был более прогрессивным, чем режим ОАР. И во-вторых, что при слиянии Ирака с ОАР курды составят в объединенном государстве незначительное меньшинство и им будет труднее добиваться национальной автономии.

В ответ на вылазки правонационалистов ИКП и ДПК организовали массовые демонстрации в поддержку правительства Касема.

3 ноября неожиданно в Багдаде стало известно о самовольном возвращении Арефа. Появление Арефа в Багдаде свидетельствовало о готовящемся заговоре против правительства. По пути Ареф останавливался в Каире, где тайно был принят Насером.

Пользуясь поддержкой арабских и курдских демократических сил, Касем решил ускорить события. 4 ноября он вызвал Арефа, и после бурной беседы тот был арестован офицерами военной полиции. Из состава правительства были выведены министры-юнионисты Джабер Омар, Фауд Рикаби и др. Затем были изолированы и другие организаторы заговора. Уступая настойчивым требованиям ИКП, ДПК и НДП, Касем закрыл рупор правых сил — газету «Аль-Джумхурия».

Опираясь на поддержку левых сил, Касем в то же время со страхом смотрел на рост их влияния. С целью укрепить свою власть он повысил на 10 динаров в месяц жалованье офицерам; денежное довольствие солдат также было увеличено (на 1,5 динара). Другим декретом предусматривалось увеличение жалованья всем государственным служащим и полицейским, а задно и рабочим, получающим меньше 10 динаров в месяц.

После ликвидации заговора Арефа (10 ноября 1958 г.) представители Иракской коммунистической партии и Демократической партии Курдистана подписали «Пакт сотрудничества»⁶. Пакт предусматривал координацию усилий двух партий для «защиты завоеваний революции 14 июля, совместной борьбы против заговорщиков и предоставления курдскому народу права национальной автономии в пределах Иракского государства»⁷.

К этому времени относится и попытка ИКП укрепить Фронт национального единства, путем включения в его состав новых демократических сил, в частности Демократической партии Курдистана, вместо фактически вышедших из фронта представителей партий Баас и Истикляль.

6 декабря 1958 г. в Ираке был раскрыт новый заговор, главным организатором которого являлся Рашид Али Гайлани. Заговор поддерживали те же силы, что выступали вместе с Арефом. 8 декабря Рашид Али Гайлани и другие организаторы заговора были арестованы. Как и Ареф, новые заговорщики обвиняли правительство Касема в «отходе Ирака от арабизма», говорили об угрозе «курдского сепаратизма» и о «коммунистической угрозе». Бейрутский журнал «Аль-Ахд», защищавший группировку Арефа и Гайлани, писал: «Во времена Нури Саида никто ни разу не говорил, что иракский народ состоит из арабов и курдов. Тогда Ирак считался арабским и все»⁸.

Антиправительственный заговор в Ираке поддерживали внешние империалистические силы. Многие факты говорили «о прямой причастности организации Багдадского пакта к... антиреспубликанскому заговору, в котором объединились довольно разношерстные силы империализма и реакции»⁹.

В условиях бурного подъема демократического движения в арабских и курдских районах Ирака шовинистические взгляды осуждались широкими слоями народа. 27 декабря 1958 г. в Багдаде начался судебный процесс над заговорщиками. Председатель народного трибунала, пламенный патриот республики Фадыл Махдави обвинил заговорщиков в измене целям июльской революции. Он так и заявил на суде: «Ареф обвиняется в измене целям июльской революции, ибо объединение с какой-либо арабской страной до обеспечения арабо-курдского единства — это измена духу иракской революции»¹⁰. Суд приговорил Арефа и Гайлани к смертной казни, но одновременно было объявлено решение Касема о помиловании обвиняемых и замене казни длительным тюремным заключением.

Ни Иракская коммунистическая партия, ни Демократическая партия Курдистана в принципе не были против арабского единства и конкретных шагов в этом направлении. Однако при этом они совершенно справедливо требовали, чтобы такое объединение совершилось на подлинно демократической, антиимпериалистической основе, при обязательном учете конкретных исторических, экономических и иных условий каждой страны. Компартия выступала против планов правонационалистических и реакционных сил, которые хотели путем объединения свести к нулю демократические завоевания народа, укрепить фронт реакционных сил. Что же касается курдов, то совершенно естественно, что они выступали за такое объединение, которое гарантировало бы признание их национальных прав и положило бы конец национальному гнету.

Первые атаки внешних империалистических сил и внутренней реакции на молодую Иракскую Республику были успешно отражены. В конце 1958 г. угроза военного вмешательства империалистических держав и их союзников из числа ближневосточных стран больше не существовала. Однако при-

чины, побудившие эти страны занять враждебную позицию в отношении Ирака сохранялись. Изменив свою тактику, внешняя реакция стремилась теперь повлиять на ход развития политических событий в Ираке путем организации выступлений антиреспубликанских и реакционных сил, вербуя себе агентов главным образом среди арабских и курдских феодалов и помещиков. К концу 1958 г. произошла окончательная перегруппировка политических сил в Иракской Республике, 14 июля 1958 г. совместно выступивших против королевского режима. Известное охлаждение в отношениях Ирака с ОАР давало правонационалистическим силам основание надеяться в случае необходимости на поддержку последней.

Правительство Касема в это время поддерживало большинство народа Ирака и курдские демократические силы находились в первых рядах защитников республики и ее правительства. Но хотя Касем обезвредил первые заговоры и нанес удар по группе Арефа и поддерживавшим его силам, последние не сложили оружия и использовали любые средства в своей антидемократической и антиправительственной деятельности. Были предприняты попытки организовать антиправительственные выступления и в Курдистане. Здесь контрреволюционные силы различными провокационными мерами стремились создать атмосферу недоверия между Касемом и Барзани. В Иракском Курдистане развернули свою деятельность турецкая и иранская агентура.

Турецкие власти через своих агентов особенно усердствовали в районе Киркука. Здесь действовала реакционная пантюркистская организация Туран, которая при прямой поддержке турецких властей выступала против демократических сил района, особенно курдских¹¹. 10 января 1959 г. в спровоцированном столкновении между туркменами и курдами в небольшом городке Кепри в районе Киркука были убиты и ранены несколько человек. Вслед за этой провокацией имели место попытки организовать волнения в других районах ливы Киркук. Иракская компартия и ДПК энергично помогали республиканским властям в пресечении беспорядков и дали достойный отпор провокационным вылазкам «туранистов».

11 февраля 1959 г. Касем принял Мустафу и Ахмеда Барзани. Во время этой встречи курдские лидеры заявили, что ДПК и все патриотические силы Курдистана по-прежнему решительно поддерживают политический курс правительства и «отдают все силы для осуществления целей июльской революции»¹². 3 марта 1959 г. правительство приняло важное решение о посмертной амнистии казненных иракскими властями в 1947 г. четырех героев курдского восстания 1943—1945 гг. — Иззета Абдуль Азиза, Мустафы Хошнава, Хейруллы Керима и Мухаммеда Махмуда Кудси¹³. Посмертная реабилитация курдских офицеров — героев барзанского восстания была воспринята курдами с большим энтузиазмом. Этот акт давал основание по-

лагать, что правительство выполнит свое обещание о курдской автономии.

В конце 1958 — начале 1959 г. общая политическая обстановка в Ираке благоприятствовала росту влияния арабских и курдских демократических сил, что вызывало яростное сопротивление правых. Последние усилили свою антинародную деятельность, главным образом благодаря нерешительной политике правительства Касема.

В начале марта 1959 г. юнионисты, баасисты, партия Истикляль и другие оппозиционные силы решили дать новый бой правительству Касема, а вместе с тем и левым силам, главным образом ИКП и ДПК. В новом заговоре фактически единым фронтом с оппозиционными силами против любой формы признания национальных прав курдского народа выступили: сторонники монархического режима, чиновники госаппарата, феодалы и помещики, недовольные аграрной реформой, обойденные высокими постами при новом режиме военные и другие реакционеры всех мастей¹⁴. Заговорщики избрали местом своего выступления г. Мосул и его окрестности. Выбор этот не был случайным. Отсюда легче было в случае необходимости получить помощь извне. Кроме того, заговорщики намеревались использовать в своих целях национальную и религиозную разношерстность района. Момент для заговора также считался благоприятным: 26 января 1959 г. в Карачи открывалась сессия совета Багдадского пакта, на которой обсуждался вопрос «о политическом положении на Среднем и Ближнем Востоке, в частности положение в Ираке, а также вопрос о заключении двусторонних военных соглашений между США и членами Багдадского пакта — Турцией, Ираном и Пакистаном»¹⁵.

Заговорщики знали, что правительство Касема имеет много сторонников, главным образом среди левых сил. Но был очевиден и другой момент — все активнее против него выступали реакционные силы. Кроме того, левые политические партии, поддерживающие правительство, совсем недавно вышли из подполья и еще не успели укрепить свои позиции в новых, легальных условиях. Стадию формирования переживали и профсоюзы. Время работало на заговорщиков: чем раньше они смогут нанести удар, тем лучше. В это время в Москве находилась иракская правительственная делегация во главе с министром экономики Ибрагимом Куббой, которой был оказан хороший прием. Было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Иракской Республикой, которое имело важнейшее значение для развития экономики Ирака и ликвидации последствий империалистического господства¹⁶.

Правонационалисты и реакционеры с нескрываемой враждебностью воспринимали шаги иракского правительства по сближению с социалистическими странами. Проимпериалистические элементы считали, что этот курс правительства приведет не

только к росту авторитета социалистических стран, в частности Советского Союза, но и усилит позиции демократических сил в арабских и курдских районах.

Большие надежды заговорщики возлагали на помощь вождя племени шаммар шейха Аджиля и шейхов того же племени аль-Хабис и аль-Хаки, ярых врагов республиканского режима. Доставка помощи и военного снаряжения заговорщикам осуществлялась через сирийский железнодорожный пункт Тель-Кочек. Поставляемое оружие и снаряжение распределялось среди шаммаров и других поддерживающих их лиц. Командир 5-й бригады иракской армии, полковник Абдель Ваххаб Шавваф и его приближенные были тесно связаны с баасистами и группой Арефа. Они враждебно воспринимали санкции правительства Касема против оппозиции, оказывали сопротивление демократическим преобразованиям в этом районе, и это являлось одной из главных причин того, что «до марта 1959 г. в Мосульской провинции не была начата даже подготовка к проведению аграрной реформы»¹⁷.

Заговор готовился тщательно. Пьер Росси приводит следующие подробности подготовки этого антиправительственного выступления: «Круг заговорщиков был широк, настолько широк, что было бы неосторожностью назвать всех его участников... Четыре военных подразделения страны в определенный час должны были перейти к действиям. Главной фигурой в этом деле считали главнокомандующего 2-й дивизии в Киркуке, генерала Низима Табакчали. Первым должен был выступить его подчиненный Абдель Ваххаб Шавваф. Примеру последнего должны были последовать войсковые части в Дивании, а затем багдадские подразделения под командованием полковников Тахера Яхьи, Рифата аль-Хадж Сири и Абдуль Латифа аль-Дарраджа. Последние должны были изолировать Касема или в случае необходимости уничтожить его...»¹⁸.

Судя по всему, Касем знал о готовившемся заговоре или по крайней мере он не был для него неожиданностью. Об этом свидетельствует тот факт, что еще до начала выступления заговорщиков, 5 марта, Касем отдал приказ о приведении всей армии в состояние боевой готовности.

По разрешению правительства Национальный совет сторонников мира Иракской Республики решил провести в марте в Мосуле дни борьбы за мир. Предпринимая этот шаг, Национальный совет, опираясь на активную поддержку Иракской коммунистической партии, Демократической партии Курдистана и других левых партий и организаций, намеревался продемонстрировать силу и решимость иракского народа — арабов, курдов, национальных меньшинств — последовательно бороться за претворение идей июльской революции. Мероприятия Национального совета сторонников мира носили мирный характер и по замыслу его организаторов должны были проводиться под лозунгом сплочения всех прогрессивных сил иракского народа.

6 марта в Мосуле собрались представители иракской общественности из Багдада, Киркука, Сулеймании, Эрбиля и других районов страны. В мосульской манифестации сторонников мира приняло участие около 250 тыс. человек, главным образом из Иракского Курдистана¹⁹. 6 марта десятки тысяч людей различных национальностей собрались на стадионе Баб-Синджар и приняли резолюцию в поддержку прогрессивного внутреннего и внешнеполитического курса правительства Касема. Иракские сторонники мира резко осудили двусторонние договоры об «обороне», подписанные Соединенными Штатами Америки с Ираном, Турцией и Пакистаном, видя в них угрозу независимости Ирака. В принятой резолюции содержалось также требование «немедленного выхода Ирака из агрессивного Багдадского пакта»²⁰.

7 марта заговорщики начали действовать. В центре Мосула баасисты и юнионисты при поддержке воинских частей Шаввафа обстреляли помещения, где находились сторонники мира. Последние проявили выдержку и не поддались на провокацию. Тогда заговорщики сделали следующий шаг — они провели антиправительственную демонстрацию с требованием «немедленного объединения с ОАР». Спекулируя лозунгами арабского единства (с целью получить поддержку от ОАР), на одном из зданий Мосула мятежники вывесили знамя ОАР.

В ответ на это выступление юнионистов ИКП и ДПК организовали более мощную демонстрацию, в ответ на которую под предлогом восстановления порядка в город была введена 5-я бригада полковника Абдель Ваххаб Шаввафа²¹. А утром 8 марта с запада к Мосулу прорвались отряды бандитов из племен шаммар под руководством Ахмеда Аджиля. К этому времени стала работать и подпольная радиостанция заговорщиков — «Голос Мосула». В одной из первых своих передач радиостанция от имени «командования революционной армии» обратилась к «Ирак петролеум компани» с требованием «прекратить отпуск и отправку нефтепродуктов багдадскому правительству, поскольку законным правительством страны является мосульское правительство...»²². По радио выступил Шавваф, который демагогически назвал поводом к восстанию то, «что правительство оказалось в руках лиц, не поддерживающих дело арабской солидарности...»²³.

В том же ключе работала местная радиостанция заговорщиков. Как выяснилось впоследствии (на судебном процессе по делу участников мятежа), мятежникам в деле оказывали помощь «два английских служащих компании „Мосул ойл компани“, являющиеся специалистами в области радиотехники»²⁴. В коммюнике № 1, переданном по «Радио Мосула» 8 марта, говорилось: «Во имя всемогущего Бога мы решили после согласия с другим нашим братом, командующим 2-й дивизией Нази-мом Табакчали, и всеми офицерами нашей героической армии, после консультаций с различными политическими элементами

освободить наше любимое отечество от рабства и тирании и вывести его из состояния хаоса»²⁵.

Заговорщики особо подчеркивали свою приверженность политике «антикоммунизма». В одном из выступлений Шавваф прямо заявил, что он и его сторонники являются «офицерами-антикоммунистами и выступают за более тесную связь с ОАР»²⁶. Как «коммунистическая» классифицировалась ими и деятельность ДПК и НДП. Одним из пунктов обвинения Касема было то, что его правительство, «признавая за курдами их национальные права», тем самым «наносит удар по делу арабского единства в Ираке»²⁷.

На второй день мятежа радиостанция заговорщиков стала называть себя «Голосом иракского революционного командования»²⁸. Интересно, что мятежники, как и официальные круги ОАР, называли Касема «разделителем Ирака», имея в виду официальное признание национальных прав курдов²⁹.

Одним словом, заговорщики всеми средствами разжигали правонационалистические страсти вокруг вымышленного «коммунистического проникновения» и «курдского сепаратизма».

Участники мятежа совершили тяжкие преступления. Они учинили физическую расправу над многими демократами Ирака. В числе жертв был и видный общественный деятель страны, один из лидеров движения сторонников мира — Камиль Казанчи. Характерно, что реакционеры особенно ненавидели его за «тесные связи с курдами»³⁰.

В какой-то момент мятеж принял угрожающий характер. Шавваф получил значительную помощь извне (через сирийско-иракскую границу). Вооруженные банды бедуинов племени шаммар во главе с Ахмедом Аджилем творили бесчинства среди мирного безоружного населения. Мосул полностью находился в руках заговорщиков, которые попытались поднять против правительства реакционных курдских феодалов. Шаммары устроили резню в одной из деревень Мосульской ливы, «христианское население которой поддерживало правительство Касема»³¹.

Первые успехи мятежа вскружили головы его организаторам. В заявлении по Мосульскому радио, опубликованном также в столице одной из арабских стран, полковник Шавваф выступил даже как глава государства. Он заявил, что будет придерживаться политики «позитивного нейтралитета и будет уважать международные обязательства, поскольку Ирак является членом ООН»³². Весьма характерно, что в этом заявлении ничего не говорилось о позиции «командования революционной армии» по отношению к Багдадскому пакту и двусторонним военным соглашениям США с Ираном, Турцией и Пакистаном, против которых так решительно выступал иракский народ. «До создания нового законного правительства,— заявил Шавваф,— мы берем на себя ответственность за руководство страной»³³.

Истинные цели и характер заговора ни у кого не вызвали сомнения. Правящие круги Турции и Ирана с интересом следили за событиями. Согласно сообщениям иракской прессы, на территорию Иракского Курдистана были заброшены группы диверсантов из Турции и Ирана. Значительный интерес представляет отношение к событиям в Мосуле западных империалистических держав.

Исходя из предположения, что мятеж еще не был подавлен, вашингтонский корреспондент журнала «Уолл-стрит джорнел» Джон Гиббсон писал, что попытка Шаввафа «зарождает надежды в столицах западных держав»³⁴. Отмечая, что еще 9 марта вечером официальные лица в США были убеждены, что восстание в Ираке продолжается, тот же журнал писал: «Один только этот факт вызвал на Западе определенные надежды в отношении будущего Ирака, хотя ни один официальный деятель и не сказал этого публично. Это объясняется просто тем, что почти любые изменения в правительстве Ирака устраивали бы Запад больше, чем нынешний иракский режим»³⁵.

Идентичную позицию заняли и другие западные державы. В дни мятежа, когда еще не ясен был исход событий, французская правая пресса отмечала: «Если революционному лидеру Шаввафу удастся осуществить свое намерение и изгнать Касема, то реакция со стороны западных держав будет одобрительной»³⁶. Бейрутская газета «Ан-Нида» не без оснований писала, что «самый опасный заговор, направленный против молодой Иракской Республики и ее достижений. готовился давно, и за пределами Ирака»³⁷.

В начале 1959 г. не без помощи Турции и Ирана против правительства Касема поднял мятеж реакционный курдский феодал Рашид Лолан. Добровольцы из ДПК, ИКП и ассирийцы во главе с Барзани подавили это антиправительственное, антинародное выступление³⁸.

Мосульский мятеж был лишь одним из звеньев в цепи антиправительственных выступлений. Он происходил в условиях, когда правящие круги США и Ирана широко проповедовали провокационную идею об «объединении Иракского и Иранского Курдистана вокруг трона шаха»³⁹. В Иране все курдские передачи и издания приняли антииракский характер. В распространенной в некоторых пограничных районах Иракского Курдистана брошюре «Курды и иранская нация» содержался прямой призыв к «гордому курдскому народу... немедленно освободиться от ига семитов»⁴⁰. И еще в 1958 г. в заявлении ЦК ДПК разоблачался провокационный лозунг о создании курдского государства с помощью Ирана и США. ЦК ДПК объявил, что считает «отделение Курдистана от молодой иракской республики не отвечающим интересам курдского и арабского народов и способствующим усилению позиций империализма не только в Ираке, но и во всех странах Ближнего и Среднего Востока»⁴¹.

При активнейшей поддержке арабских и курдских демократических сил правительство республики предприняло решительные меры по ликвидации антиправительственного мятежа. Вечером 8 марта было опубликовано заявление Касема, где отмечалось, что «командующий 5-й бригадой полковник Шавваф снят со своего поста за заговорщическую деятельность»⁴². В заявлении Касема, в котором он призывал народ помешать бегству полковника Шаввафа, говорилось также о назначении командующим 5-й бригадой Юнеса Махмуда Тахера⁴³. Военный губернатор Ирака Ахмед Салех эль-Абди обратился ко всем пограничным войскам в районе Захо, Тель-Кочека и Джебель-Сиджара усилить охрану границ республики⁴⁴.

ИКП, ДПК и НДП развернули энергичную деятельность в защиту завоеваний июльской революции. Особую важность представляла мобилизация курдских демократических сил, ибо события происходили на севере Ирака. ИКП и ДПК провели большую работу по пополнению рядов народного ополчения. Вечером 8 марта командиры всех дивизий иракской армии послали срочные телеграммы в Багдад, в которых сообщалось о поддержке приказов Касема и декрета республики относительно заговора Шаввафа. Командующий народным ополчением курдский демократический деятель полковник Мустафа Бамарни приказал командующему народным ополчением Мосула мобилизовать всех членов ополчения в его районе и «действовать согласно приказам главнокомандующего и премьер-министра Касема и в сотрудничестве с начальником военного гарнизона»⁴⁵. Демократическая партия Курдистана обратилась со специальным «Призывом к курдскому народу» подавить мятеж, «целью которого является уничтожение достижений республики арабов и курдов»⁴⁶. Были организованы курдские партизанские отряды, в частности в городах Дхок, Шейхан, Амадия, Захо и районе Синджара. Отряды курдских партизан заняли холмы Кайнджо на перекрестке важных дорог близ Мосула, переправились через Тигр и окружили важный укрепленный пункт заговорщиков — крепость Раас аль-Кор⁴⁷, а затем, взяв город, заняли стратегические центры, в том числе Фейсалие — укрепленный район реакционеров и их штаб-квартиру, Дом офицеров и Новый мост. Той же ночью они овладели военным лагерем и спасли арабских и курдских демократов, арестованных мятежниками⁴⁸.

Совместными усилиями верных правительству войск и полицейских сил при решающей поддержке арабских и курдских патриотов заговорщикам был нанесен сокрушительный удар. По всей стране компартия развернула работу по мобилизации народа на ликвидацию заговора. 9 марта главарь заговорщиков Шавваф был ранен, а затем расстрелян солдатом иракской армии. Мятежники, в том числе отряды племени шаммар, были полностью разгромлены.

Таким образом, в Мосуле имело место столкновение двух

противоположных сил — революционно-демократических и реакционно-шовинистических. Один американский наблюдатель, следивший за этими событиями, писал: «Арабские шейхи-землевладельцы в Ираке потерпели сокрушительное поражение... Здесь создается впечатление, что мятеж был делом рук шейхов, богатых купцов, юнионистов и честолюбивых офицеров, короче говоря, самых различных сил, связанных между собой лишь общей целью свержения Касема...»⁴⁹.

Курдские демократические силы принимали самое активное участие в подавлении мятежа Шаввафа, ибо считали, что достижение национальной автономии курдов в Иракской Республике возможно лишь в условиях общедемократического развития Ирака, в условиях углубления тех социально-экономических перемен, против которых единым фронтом выступили реакционные феодалы и помещики, правые националисты и внешние реакционные империалистические силы, сковавшие Ирак цепями Багдадского пакта. Касаясь роли курдских демократических сил в ликвидации самого опасного заговора против республики, некий французский наблюдатель отмечал, что «важную роль в победе багдадского правительства сыграли курдские племена из Северного Ирака»⁵⁰. «Весь курдский народ, — писал прогрессивный французский журнал „Демокраси нувель“, — активно встал на защиту иракского республиканского правительства»⁵¹.

Ликвидация мосульского мятежа была большой победой демократических сил Ирака. После подавления мятежа значительно возросли роль и авторитет ИКП и ДПК. Достаточно отметить, что все массовые организации, находившиеся под влиянием ИКП, насчитывали к весне 1959 г. свыше одного миллиона человек (практически треть взрослого населения страны)⁵². ИКП и ДПК через свои печатные органы разоблачали истинные цели заговорщиков. 11 марта газета «Иттихад аш-Шааб» опубликовала документ, характеризующий роль Арефа в подготовке заговора⁵³.

ИКП, ДПК и другие левые силы страны сознавали серьезность положения в стране. Сокрушительный удар, нанесенный мятежникам, не мог успокоить их. Временно отступая, реакционные силы готовились к новым выступлениям против прогрессивного курса правительства. 22 марта Иракская компартия передала Касему следующие требования, которые были поддержаны Демократической партией Курдистана: 1) вооружение народных сил сопротивления; 2) открытый разрыв с Багдадским пактом; 3) приведение в исполнение приговоров, вынесенных в отношении врагов республики⁵⁴. Решающая роль демократических сил в ликвидации опасного заговора вынудила Касема прислушиваться к их голосам. В конце марта 1959 г. в Ираке свободно действовали 39 различных профсоюзов. Значительная их часть объединяла курдских трудящихся⁵⁵. Во второй половине марта 1959 г. иракские власти разрешили изда-

ние в стране ряда новых прогрессивных газет, в том числе печатного органа Иракской коммунистической партии для Курдистана газеты «Азади» на курдском языке.

«Преступный акт предателя аш-Шаввафа,— писала „Итти-хад аш-Шааб“,— подтверждает значение наших неоднократных заявлений о необходимости возвратиться к политике самых суровых и твердых действий в отношении врагов республики—заговорщических банд, которым помогают и которых вдохновляют империалисты, а также круги, скрывающиеся под маской „арабских“ и упорно пытающиеся уничтожить нашу республику... То, что случилось в Мосуле... является частью запланированных агрессивных заговоров, тесно связанных с иностранными кругами и Багдадским пактом. Это событие нельзя рассматривать отдельно от двусторонних военных соглашений, которые Америка поспешила заключить с Турцией, Ираном и Пакистаном»⁵⁶.

24 марта 1959 г. правительство Касема предприняло важнейший внешнеполитический шаг. В этот день вечером Касем заявил на пресс-конференции, что «решение Ирака выйти из Багдадского пакта вступает в силу с сегодняшнего дня»⁵⁷. Весь иракский народ с большим одобрением воспринял это решение правительства. Курдские демократические силы, справедливо считавшие Багдадский пакт орудием против национально-освободительной борьбы курдов, преисполнились надежды осуществить национальную автономию курдского народа.

Одновременно с выходом Ирака из Багдадского пакта прекратило действие англо-иракское соглашение от 4 апреля 1955 г. Позднее, 2 июня 1959 г., правительство Касема приняло решение о денонсации трех соглашений, навязанных Ираку правительством США в 1954—1955 гг.: о военной «помощи», об использовании Ираком американского оружия и снаряжения и об экономической «помощи» на основе пресловутой «доктрины Эйзенхауэра». Эти важные внешнеполитические акты нашли положительный отклик во всей стране и послужили толчком к новому подъему демократического движения.

При активном участии ИКП в апреле 1959 г. в Багдаде состоялся первый съезд крестьянских ассоциаций. В работе съезда приняли участие около 1800 делегатов, значительная часть которых представляла курдское крестьянство. Съезд в своих резолюциях выразил полную поддержку политики правительства Касема. Были выдвинуты требования, которые призывали правительство немедленно конфисковать все земельные владения, превышающие установленный Законом об аграрной реформе максимум, и разрешить крестьянским союзам участвовать в осуществлении аграрной реформы⁵⁸.

Важным событием в политической жизни республики того времени явилась практическая реализация решения правительства о разрешении курдским политэмигрантам—участникам национально-освободительной борьбы курдского народа вер-

нуться на родину. 17 апреля в Басре представители арабской и курдской общественности тепло встретили возвратившихся на родину курдских патриотов.

Реакционные круги в арабских странах, а также в Турции и Иране начали клеветническую кампанию против возвратившихся на родину курдских патриотов. В Анкаре даже официально было выражено «беспокойство по поводу того, что кроме Барзани еще и другие курдские деятели восстания 1945 года возвращаются в Ирак»⁵⁹. Были опубликованы провокационные сообщения о том, будто «через Суэцкий канал проследовала первая партия советских солдат из курдов в составе 885 человек, направляющихся в Ирак»⁶⁰. 18 апреля дамаская газета «Саут-аль-Араб» опубликовала заявление Махмуда ад-Дарры — бывшего офицера генштаба иракской армии, одного из сторонников Арефа и Шаввафа, в котором содержался призыв к арабским странам «предотвратить опасность приезда русских добровольцев в Ирак, пока там не возникла вторая Корея, что может сорвать арабское возрождение и нанести удар по арабскому национализму»⁶¹. Ад-Дарра стремился убедить арабскую общественность в том, что «это новая угроза существованию арабского Ирака»⁶². Прикрываясь маской «арабского единства», правонационалисты, по существу, выступали за ликвидацию достижений июльской революции. С одной стороны, они выдавали себя за «последовательных борцов против империализма», а с другой — устами того же ад-Дарры советовали западным державам принять предупредительные меры, ибо «введение коммунизма в Ираке разрушит их линию обороны в Турции и Персии»⁶³. Характерно, что провокационные сообщения об отправке «советских курдов в Ирак», о «коммунистической угрозе Ираку» тут же были подхвачены западными пропагандистскими органами и в дальнейшем нашли место в ряде трудов буржуазных западных авторов.

В ответ на антииракскую и антикурдскую реакционную пропаганду группа курдских репатриантов передала для опубликования в печати заявление, в котором говорилось: «На протяжении всех лет, проведенных нами в СССР, мы были окружены сердечной добротой и радушием со стороны советских людей. Сейчас мы радуемся не только тому, что возвратились на родину. Мы рады и горды тем, что наш народ одержал победу в борьбе против своих угнетателей-империалистов и их приспешников, что он добился полной свободы в результате революции 14 июля.

Мы никогда не забудем ту поддержку, которую оказал великий советский народ нашему курдскому народу в его освободительной борьбе... Напрасно клеветают на нас империалисты и их агенты. Мы вернулись из Советского Союза с нашими женами и детьми. Пусть все знают — единственное оружие, которое мы возьмем с собой, — это дружба, братство и мир между всеми народами»⁶⁴.

Несмотря на яростные атаки внутренней и внешней реакции, политическая жизнь Ирака весной 1959 г. характеризовалась бурным ростом влияния демократических сил.

10—11 апреля 1959 г. «Иттихад аш-Шааб» напечатала статью Бахаддина Нури «Почему необходимо участие компартии в правительстве»? Компартия исходила из необходимости повлиять на политику правительства не только снизу, путем борьбы демократических сил, но и в самом правительстве, через своих представителей⁶⁵. В конце апреля компартия опубликовала манифест, в котором потребовала полноправного представительства коммунистов в правительстве Касема⁶⁶. Демократическая партия Курдистана также опубликовала официальное заявление, в котором со своей стороны обосновала необходимость участия ИКП в правительстве⁶⁷. Вслед за ДПК это требование поддержала также и группа левых деятелей из Национально-демократической партии⁶⁸. ДПК свое предложение мотивировала тем огромным вкладом, который внесла Иракская коммунистическая партия в создание и укрепление республики. Это требование руководства ДПК получило поддержку широких слоев населения Курдистана. Под лозунгом «Коммунистов в правительство!» прошли многотысячные первомайские демонстрации как в арабских, так и в курдских районах страны.

Все возрастающий авторитет коммунистической партии и развитие национально-демократического движения в Курдистане напугали Касема и национальную буржуазию. В то время, не имея возможности открыто развернуть в Ираке свою антинародную деятельность, реакция стремилась воспользоваться любым удобным случаем для нанесения удара по левым силам. Враги республики за пределами Ирака, в частности в странах — членах Багдадского пакта и в некоторых арабских странах, развернули новую волну крикливой пропаганды против «коммунистической угрозы в Ираке». Вопрос о так называемом коммунистическом проникновении в Ирак, под которым имелось в виду главным образом возвращение из эмиграции курдских патриотов, в «секретном порядке обсуждался комиссией внешних отношений конгресса США»⁶⁹.

В редакционной статье, озаглавленной «Пробуждение в Америке», «Иджипшн газет» писала: «Предостережение Аллена Даллеса о том, что положение в Ираке является наиболее опасным в мире на сегодняшний день, должно поколебать самонадеянность Запада, ибо руководитель ЦРУ США обычно не делает преувеличенных заявлений, а также не делает заявлений, если не располагает всеми фактами»⁷⁰.

Было бы ошибочным полагать, что пропагандистская шумиха о «коммунистической угрозе Ираку» и «курдском сепаратизме» не повлияла на политику правительства Касема. Не прерывая связей с левыми демократическими силами, Касем все больше склонялся к тактике компромисса и сотрудничества с

правыми. Идя на поводу у них, Касем отрицательно отреагировал на требования патриотических партий и масс о включении коммунистов в состав правительства.

Ко второй половине 1959 г. все заметнее стало, что Касем придерживается тактики балансирования между левыми и правыми силами. Следует отметить, что от этой политики объективно больше выигрывали реакционные правонационалистические силы. Это было обусловлено следующими объективными причинами: иракские феодально-помещичьи элементы в арабских и курдских районах все еще сохраняли свое господствующее положение: еще не полностью было ликвидировано их политическое влияние, которое выражалось в укоренившихся в течение веков неравноправных отношениях между «хозяином и слугой» — арабской, и особенно курдской, феодально-помещичьей верхушкой и трудовым крестьянством. Политику балансирования между левыми и правыми силами следует рассматривать как мост, через который правительство Касема делало первые шаги по антидемократическому пути.

Касем и его правительство начали обходные маневры против коммунистов. Tактическим ходом для дискредитации ИКП был избран вопрос о партийной деятельности в переходный период. Считая свою власть «неклассовой» и подчеркивая политическую роль армии и необходимость объединения народа вокруг нее, Касем 14 апреля на конгрессе сторонников мира заявил: «Братья! Некоторые обращаются ко мне: „О вождь, мы просим тебя сформировать партию и тем самым спасти нас от этих партий и групп“. Я ответил им, что мы переживаем переходный период и что моей партией является весь народ. Я принадлежу к партии всего народа»⁷¹. 23 мая 1959 г. Касем выступил с заявлением, в котором открыто высказался за «временное прекращение в стране партийной деятельности», мотивируя свое предложение заботой правительства о стабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Первым на призыв Касема ответило правое крыло Национально-демократической партии. Воспользовавшись отсутствием лидера партии Камиля Чадерчи, его заместитель Мухаммед Хадид, тесно сотрудничавший с Касемом и входивший в его кабинет, проталил решение о «замораживании деятельности партии»⁷². Решению о прекращении деятельности партии предшествовали бурные споры между левыми и правыми элементами в ней. Почти одновременно с публикацией решения руководства НДП о «замораживании» партийной деятельности 11 ведущих членов этой партии опубликовали заявление, требуя возобновления деятельности партии. В заявлении отмечалось, что решение партии было «ошибкой по форме и по содержанию».

Вопрос о «замораживании» партийной деятельности вызвал разногласия и в руководстве Демократической партии Курдистана. Часть руководства ДПК, в том числе Барзани, решили

«заморозить» деятельность ДПК. Группа руководящих деятелей ДПК заявила о своем решительном несогласии с этим решением. После бурных трений даже было заявлено об исключении последних из рядов ДПК. В конечном итоге взяла верх та часть руководства ДПК, которая выступила против прекращения партийной деятельности⁷³. В Багдадской газете «Аз-Заман» было опубликовано заявление Демократической партии Курдистана, в котором говорилось: «Мы заявляем решительно о нашем осуждении шага, предпринятого некоторыми лидерами национально-демократической партии, который направлен на прекращение партийной деятельности. Мы рассматриваем этот шаг как удар, направленный в сердце нашей демократической системы, как действие, которое может быть использовано лишь врагами и их агентами, которые стремятся свернуть нашу республику с ее демократического пути»⁷⁴. Орган ИКП «Иттихад аш-Шааб», отражающая мнение широких слоев иракской общественности, 25 мая опубликовала многочисленные материалы, в которых решительно осуждалось решение о прекращении партийной деятельности Национально-демократической партии. В заявлении союза иракских писателей, в частности, говорилось: «Свободная и здоровая партийная жизнь является основой подлинной демократии, поддержкой нашей молодой республике»⁷⁵.

Чем был вызван этот маневр Касема? Предпринимая этот шаг, Касем стремился, во-первых, воспрепятствовать дальнейшему росту влияния ИКП, ДПК, НДП и других прогрессивных сил, достигшего весной 1959 г. такого масштаба, что стало беспокоить правое крыло национальной буржуазии; во-вторых, противопоставить компартию другим левым национальным силам, в частности НДП и ДПК; в-третьих, найти аргументы для характеристики ИКП как силы, «тормозящей достижение национального единства, которая из-за своих узкопартийных целей готова предать дело революции». Наконец, Касем явно был обеспокоен бурным ростом демократического движения в Курдистане. Его требование прекращения партийной деятельности Революционно-демократической партии Курдистана можно расценить как первый серьезный шаг на пути открытого игнорирования одного из ведущих принципов революции 14 июля — признания национальной автономии курдов.

Ирак переживал бурный период политической жизни. Внутриполитическая обстановка в стране обострилась. Усилили подрывную деятельность против республики внутренние реакционные силы, получавшие прямую и косвенную поддержку извне. Западные империалистические державы и реакционные круги некоторых арабских стран не прекращали пропагандистской кампании против «коммунистического заговора». В середине мая 1959 г. не без помощи извне из турецко-иранских пограничных районов был переброшен на территорию Иракского Курдистана хорошо вооруженный отряд под командованием

шейха Рашида Лолана, который поднял реакционный мятеж. Вступая в союз с известным в пограничном районе Ревандуза авантюристом по прозвищу «Лысый Саид», он стал совершать террористические акты против курдских демократов и их организаций, а также нападения на пограничные посты. Это был четвертый мятеж, организованный против республики.

В создавшейся критической ситуации в район Брадоста для ликвидации мятежа была отправлена тысяча курдских патриотов. Отрядом руководил Мустафа Барзани. Ценой решительных усилий мятеж был ликвидирован, а его глава Рашид Лолан бежал в Иран⁷⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все реакционные элементы, участники этого мятежа, «нашли убежище в Юго-Восточной Турции и в Западном Иране»⁷⁷. ДПК в то время выдвинула лозунг «Превратим Курдистан в кладбище врагов Иракской Республики!»⁷⁸.

В напряженной внутривластной обстановке, при бурном развитии событий, часто носивших противоречивый и сложный характер, левые силы страны не избежали тактических ошибок, порой довольно серьезных. Так, в Курдистане и в некоторых районах страны произошли вооруженные столкновения между коммунистами и членами ДПК⁷⁹. Причиной тому было стремление некоторых руководителей ДПК монополизировать право на политическую деятельность в Курдистане. Вскоре после революции 14 июля Демократическая партия Курдистана выдвинула недальновидное и вредное требование о роспуске курдской секции Иракской компартии. Эти действия ДПК, по существу, наносили большой вред делу развития демократического движения в Курдистане и во всей стране и объективно играли на руку реакции.

С целью нейтрализовать упреки в «узкопартийности» и другие обвинения, выдвигаемые против него правительством Касема и реакционными элементами, руководство Иракской коммунистической партии предприняло в июне шаги по воссозданию Национального фронта. Исходя из специфических условий страны, в частности наличия двухмиллионного курдского населения, ИКП разработала два проекта «Хартии национального фронта»⁸⁰. Один проект относился к Ираку в целом, а другой предусматривал программу совместных действий с Демократической партией Курдистана в курдских районах Ирака.

В этих важных документах компартия всесторонне обосновала настоятельную необходимость сплочения прогрессивных сил страны для последовательного проведения в жизнь программы революционных преобразований в Ираке. В проекте «Хартии национального фронта» предусматривались: совместная борьба прогрессивных, демократических сил за сохранение республики, против империализма, сионизма и внутренней реакции, их (объективно) выступление единым фронтом за арабское единство, уважение прав национальных меньшинств, защиту национальной экономики; развитие легкой и тяжелой

промышленности; поощрение взаимовыгодной торговли с другими странами; предоставление демократических свобод; введение постоянной конституции, избрание парламента и др.⁸¹. В проекте Хартии по Курдистану отмечалось, что на данном этапе исторического развития проблема национальной автономии курдов неразрывно связана с проблемой демократии в Ираке вообще и поэтому достижение этой цели возможно при условии сохранения самых тесных контактов между арабскими и курдскими демократическими силами⁸².

Таким образом, в отличие от программы Фронта национальной единства, принятой в 1957 г., новая Хартия компартии четко и решительно ставила задачу добиться признания национальных прав курдов. Такой смелый революционно-демократический шаг ИКП стал возможным благодаря росту ее влияния и авторитета в стране.

Однако в условиях сложной политической обстановки, сложившейся в стране при различном подходе к вопросу воссоздания Национального фронта со стороны НДП, ДПК и ИКП, попытки компартии воссоздать Фронт не увенчались успехом. Руководство ДПК и НДП отклонило предложение компартии и не поддержало ее усилий, что в конечном итоге привело к ухудшению отношений между партиями. В воссозданный компартией Национальный фронт, таким образом, вошли лишь представители ИКП, профсоюзов, крестьянских, женских и молодежных организаций, находившихся под влиянием Иракской компартии, т. е. лишь те силы, которые и без того следовали за компартией. Вне Фронта остались часть трудовых слоев города и деревни, национальная буржуазия, либеральные помещики и духовенство. Разрозненность демократических сил логически способствовала усилению позиций реакционных элементов, всеми мерами сопротивлявшихся развитию Ирака по демократическому пути.

Хотя руководство ИКП и допустило тактический просчет, главная вина за провал в деле воссоздания ФНЕ лежала на руководстве ДПК и НДП. Ошибка руководства ДПК и его лидера М. Барзани, в частности, заключалась в том, что оно все еще связывало свои надежды с обещаниями и с верой в способность Касема удовлетворить требования ДПК по курдскому вопросу. Четыре лидера ДПК, которые публично поддерживали Национальный фронт и его программное заявление, были исключены из партии. Правые элементы в руководстве ДПК тем самым наносили большой ущерб делу сплочения революционно-демократических сил.

В конце июня Национальный фронт, возглавляемый коммунистами, опубликовал программное заявление, где был подробно изложены задачи патриотических сил в борьбе за радикальное решение социально-экономических и политических задач, за прогрессивный, антиимпериалистический внешнеполитический курс⁸³.

28 июня руководство Национального фронта представило премьеру Касему меморандум, в котором содержалась просьба одобрить создание этой организации и разрешить ее деятельность. Мустафа Барзани не подписал этот меморандум. Руководство Национально-демократической партии опубликовало заявление, в котором отмечалось, что «лица, подписавшие от имени этой партии обращение, не являются ее членами»⁸⁴. 5 июля Касем в своем заявлении осудил создание Национального фронта. Таким образом, усилия компартии по воссозданию ФНЕ не увенчались успехом. Хотя было заявлено о создании этой организации и опубликованы ее программные документы, по существу она так и не функционировала.

В начале июля 1959 г. было объявлено о реорганизации правительства. Из трех новых министров один был членом руководства ДПК. Ему (Юсефу Ауни) был поручен пост министра коммуникаций и общественных работ. По существу, уже эта реорганизация была одним из незначительных шагов правительства Касема, призванных заменить курдскую автономию назначением на второстепенные правительственные посты отдельных лиц из руководства ДПК.

В ответ на настоятельные требования ИКП, ДПК и других патриотических сил усилить борьбу против врагов республики и осуществить демократические преобразования Касем заявил на пресс-конференции 5 июля 1959 г.: «Я утверждаю, что больше нет ни феодализма, ни реакции... Мы ликвидировали реакцию потому, что мы продвигаемся вперед»⁸⁵. Одновременно Касем выступил с нападками на компартию, обвинив ее в совершении «поспешных шагов в порыве излишнего энтузиазма». За этим заявлением премьера последовало решение правительства о сокращении сроков тюремного заключения для всех осужденных врагов республики.

Новая крупная вылазка реакции против арабских и особенно курдских демократических сил была организована в июле 1959 г. в нефтеносном городе Киркуке. ИКП и ДПК намеревались отметить первую годовщину революции мирной демонстрацией под лозунгом сплочения патриотических сил в борьбе за проведение в жизнь программы прогрессивных перемен. Реакционные силы решили дать бой иракским демократам. Как впоследствии сообщила газета «Иттихад аш-Шааб», вооруженное столкновение в Киркуке в день первой годовщины революции было подготовлено заранее⁸⁶. Беспорядки были призваны обострить внутривнутриполитическое положение в стране, повлиять на политику правительства Касема, вызвать национальную рознь между народами Ирака, в частности между курдами и туркменами. Среди туркменского населения антикурдскую работу проводила тесно связанная с Турцией пантюркистская организация Туран⁸⁷. Через «Ирак петролеум компани» заговорщикам была оказана материальная помощь. Считается не случайным, что правительство Касема в связи с этими событиями бы-

ло вынуждено закрыть британское и американское консульства, которые были тесно связаны с подготовкой реакционной вылазки в Киркуке. На подготовку антинародной вылазки в Киркуке «Ирак петролеум компани» израсходовала около 200 тыс. иракских динаров⁸⁸.

О готовящейся вылазке реакции имели сведения и демократические силы страны, в частности ИКП и ДПК, и иракские власти. Накануне 14 июля исполняющий обязанности командира 2-й дивизии в Киркуке созвал совещание представителей профсоюзов и местных демократических организаций. Он потребовал оказать армии поддержку в обеспечении порядка в городе во время проведения празднеств в честь первой годовщины революции. С его просьбой согласились все, кроме представителей турецкого меньшинства, именуемых «туранистами». Последние с провокационными целями в дни праздника организовали свои собственные празднества. На следующий день, когда участники демонстрации — арабы, курды и прогрессивно настроенные туркмены проходили по улицам Киркука, населенным «туранистами», на них было совершено нападение. Реакционеры пустили в ход камни, палки, а затем и огнестрельное оружие. В Киркуке и ряде других городов появились антикоммунистические и антикурдские лозунги. По прямой указке турецких реакционных кругов, сильно обеспокоенных подъемом курдского демократического движения, реакционные элементы из среды туркмен Ирака выступили на страницах правых газет с требованием к правительству аннулировать ст. 3 временной конституции Иракской Республики, которая провозглашала равноправие курдов с арабами.

Во время этих событий представители демократических организаций обратились за помощью к армии, которая разогнала участников беспорядков. Однако на следующий день вооруженные столкновения возобновились, что привело к гибели десятков людей. Демократическая партия Курдистана и Иракская коммунистическая партия через свои местные организации помогли иракским властям восстановить порядок в городе. Представляет интерес тот факт, что одновременно с киркукскими событиями акты террора и провокаций против прогрессивных сил имели место также в ряде других районов Курдистана⁸⁹. «События в Киркуке, — писала „Ан-Нида“, — являются новым крупным заговором, разработанным американскими империалистами и их агентами турками, целью которого было оторвать богатые нефтью Мосул и Киркук и присоединить их к Турции»⁹⁰.

Как и во время мосульского мятежа, антинародные выступления реакции в июле 1959 г. были ликвидированы благодаря активной помощи арабо-курдских демократических сил. Однако Касем все больше отходил от политики сотрудничества с демократическими силами страны. Логическим следствием этой политики явился отказ от выполнения обещаний признать рав-

ноправие курдов с арабами и предоставить курдам национальную автономию в пределах Иракской Республики.

* * *

Первый год иракской революции был наиболее плодотворным этапом ее развития. Победа антиимпериалистической и антифеодальной революции вызвала бурный рост политической активности масс. Этот процесс особенно был важен для трудящихся Курдистана, которые с победой революции получили возможность активно включиться в общедемократическую борьбу, одной из главных целей которой явилось признание национальной автономии курдского народа. Хотя эта цель не была достигнута, но были сделаны первые важные шаги в этом направлении.

Первый совместный опыт борьбы ДПК, ИКП и других прогрессивных сил страны убедительно показал, что только совместными действиями курдов и арабов можно добиться установления в стране подлинно демократического строя, без которого неосуществима задача признания национальных прав курдского народа. Конкретным примером плодотворности этого сотрудничества была ликвидация опасных антиправительственных, антидемократических заговоров в ноябре—декабре 1958 г. и в марте 1959 г.

Деятельность ИКП и ДПК в Курдистане привела к активизации демократического движения курдских трудящихся и всех прогрессивных сил. Тем самым был нанесен новый сильный удар по остаткам феодальных и родо-племенных отношений в Курдистане. Курдский национализм первого года революции отражал побуждение народных масс, их растущую решимость покончить с социальным и национальным гнетом. Это было большим прогрессом, ибо, как подчеркивал Ленин, «прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»⁹¹.

Прогрессивные шаги правительства Касема в первый период развития революции были результатом не только, а в ряде случаев не столько собственных классовых интересов национальной буржуазии, сколько того активного воздействия, которое оказывали на правительство ИКП, ДПК и другие прогрессивные общественные силы в арабских и курдских районах страны.

Спустя год после революции в Ираке четко определился двойственный характер политики правительства Касема в социально-экономической и политической областях вообще и в курдском национальном вопросе в частности. Начиная со второй половины 1959 г. арабским и курдским прогрессивным силам приходилось вести борьбу за осуществление целей июльской революции в несравненно более трудной и сложной об-

становке. Политика, именуемая «политикой балансирования», по существу была тактической формой отказа правительства Касема от программы демократических преобразований и признания национальных прав курдов, перехода к политике террора и преследований прогрессивных сил страны, включая и курдских патриотов, борющихся за свои национальные права.

**ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В КУРДИСТАНЕ.
НАЧАЛО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
ЗА АВТОНОМИЮ**

Как бы ни была велика роль арабских и курдских революционно-демократических сил в жизни рожденной революцией Иракской Республики, судьба экономического и политического развития страны, в том числе и решение проблемы национальной автономии курдов, в первую очередь зависела от национальной буржуазии, в руках которой находилась власть. Колебания и отступничество правительства Касема в деле проведения политики революционных перемен постепенно привели его к конфликту с революционно-демократическими силами арабов и курдов.

Будучи вынужденным считаться с фактом огромного влияния ИКП, ДПК и других левых сил страны, Касем, все еще создавая видимость сотрудничества с ними, одновременно стремился найти «общий язык» с правыми. Правительство Касема особенно было «чувствительно» к выступлениям арабских и курдских трудящихся масс и их партий, выдвигавших собственные революционно-политические требования, собственную программу коренных социально-политических преобразований, с которой неразрывно была связана курдская национальная проблема. «Проблема курдской нации,— отмечалось в одном документе ИКП по курдскому вопросу,— органически связана с вопросом демократии иракского народа. Эта органическая связь двух вопросов в таком государстве, как Ирак, тесна настолько, что невозможно разрешить один изолированно от другого. Горе курдского народа — это часть горя всего иракского народа»¹. В обстановке все возрастающего влияния левых сил и угрозы справа правительство Касема старалось сохранить «равновесие».

Чтобы удержать в своих руках власть, Касем прибег к чрезвычайным мерам, установив в стране режим так называемого переходного периода, не имея в то же время четко выработанной программы экономических и социально-политических преобразований, рассчитанной на более или менее длительный период. По курдскому вопросу он ограничился провозглашением равноправия курдов с арабами, тогда как получившие относительную свободу деятельности ИКП, ДПК, НДП, массовые организации все настойчивее требовали реализации прин-

ципов и целей июльской революции. Касем понимал, что развитие борьбы этих политических сил может привести к дальнейшему росту их влияния и авторитета. Естественным следствием этого должно было стать банкротство военного режима.

Во второй год своего существования Иракская Республика вступила в сложной и напряженной внутривнутриполитической обстановке. Феодално-помещичьи и правонационалистические элементы продолжали представлять значительную экономическую и политическую силу. Вопреки требованиям революционных сил они не подвергались давлению со стороны властей. Основной костяк государственного аппарата и офицерского корпуса составляли люди, служившие старому режиму и, по существу, враждебно воспринимавшие любые меры по демократизации жизни в стране. В этой связи назовем следующий факт: еще в начальный период июльской революции двойственный характер политики Касема вызвал определенные надежды как в западных империалистических кругах, так и в странах — членах Багдадского пакта. Небезызвестный американский обозреватель Дж. Ольсон в декабре 1958 г. писал: «...сильная полицейская машина прежнего режима не ликвидирована... Полицию не тронули и не допустили установления контроля коммунистов над ней... сейчас когда коммунисты действуют настолько открыто, полиции легче расправиться с ними, если когда-нибудь возникнет повод для этого... Касему известны опасности в Ираке. В своем недавнем выступлении он сделал мрачный намек на „кампанию проникновения в ряды курдов“².

На антидемократический курс Касема подталкивали не только США. Указывая на растущую «коммунистическую угрозу» и «опасный курдский сепаратизм», реакционные круги за пределами Ирака настойчиво советовали Касему не порывать связи с Багдадским пактом, который, по их мнению, в новых условиях «будет необходим для сохранения республики». В антикоммунистической и антикурдской пропаганде особенно усердствовали турецкие реакционные круги. В статье «Советская Россия и Курдистан» турецкий правый националист Шимшир, например, утверждал, что Советская Россия якобы «старается использовать курдский национализм в своих целях» и потому Касем должен держаться за Багдадский пакт — надежное средство против «курдской опасности»³.

Разумеется, приведенные высказывания не дают оснований для категорического утверждения о намерениях Касема не рвать с Багдадским пактом или использовать его против «коммунистического проникновения», «курдского сепаратизма» и т. п. Но несомненно, что, во-первых, еще раз невольно подчеркивался агрессивный антикурдский характер (или цель) Багдадского пакта, а во-вторых, уже через несколько месяцев после революции реакционные правящие круги в западных странах, а также в Турции и Иране замечали антидемократические мо-

менты в политике Касема и, связывая с ним определенные надежды, протягивали ему руку помощи.

Не оставались в стороне и официальные лица. Посол Турции в Ираке Фуад Байрам-оглу, прибыв 10 августа 1959 г. в Анкару, чтобы информировать свое правительство о событиях в Ираке, в частности о якобы имевших место «зверствах», «совершенных коммунистами в отношении турок в Киркуке»⁴, заявил, что «Касем намерен противостоять давлению коммунистов и охранять независимость Ирака. Для осуществления этого ему необходима наша поддержка»⁵.

В новых условиях, когда угроза внешней агрессии миновала, когда обострились социальные противоречия и разгоралась классовая борьба, когда в Курдистане наблюдался бурный подъем демократического движения, одной из целей которого было достижение национальной автономии, правительство Касема выдвинуло идею национального единства Ирака как идею широкого «классового сотрудничества», исключающего выдвижение каких-либо самостоятельных классовых или национальных требований арабских и курдских трудящихся масс, отвергающего самостоятельные выступления ИКП и ДПК. В курдском вопросе Касем и его правительство все больше придерживались принципа абсолютизации «национального единства Ирака» в такой форме, при которой игнорировались национальные права курдов.

Все указанные отрицательные моменты политики Касема не исключают того, что в то время правительство еще не исчерпало возможности предпринять шаги, отвечающие интересам арабского и курдского народов. Одной из главных причин этого было то обстоятельство, что демократические партии и организации, хотя и подвергаясь нажиму, представляли значительную силу, положительно влияющую на политику правительства Касема. И именно этим объясняются многочисленные факты террора и преследований со стороны реакционных сил (как в самой стране, так и за ее пределами) не только левых сил, но и Касема.

7 октября 1959 г. на пути в дипломатическое представительство Германской Демократической Республики на Касема было совершено покушение. Оно было делом рук внутренней и внешней реакции и было осуждено демократическими силами страны⁶.

Правая оппозиция поддерживалась египетскими официальными властями. Не случайно одна египетская газета опубликовала после покушения статью, в которой отмечалось: «Каир сожалеет, что покушавшиеся промахнулись». «В следующий раз,— заявляла газета,— они не промахнутся»⁷. Привлекает внимание, что почти одновременно с покушением на Касема было совершено покушение и на главного редактора газеты «Иттихад аш-Шааб».

Выстрелы 7 октября в Багдаде со всей очевидностью по-

казали Касему всю несостоятельность его утверждений о «ликвидации феодализма и реакции» в стране. В конце ноября 1959 г. было опубликовано официальное сообщение о том, что правительство «приняло решение о подготовке проекта избирательного закона». В сообщении говорилось, что обсуждается вопрос о включении в состав комиссии, которая будет заниматься разработкой этого проекта, «представителей всех направлений и национальных сил»⁸. Однако, как показало время, это был очередной маневр Касема, своего рода тактический ход с целью ослабить недовольство трудящихся бездеятельностью правительства по отношению к правовым и реакционным силам. Комиссия была создана из приближенных Касема и так и не закончила составления проекта до самого падения режима.

1 января 1960 г. на пресс-конференции в Багдаде Касем зачитал новый Закон о партиях и организациях в стране. Закон был одобрен Высшим государственным советом Иракской Республики и советом министров⁹. Политические силы в Ираке долго ждали издания этого закона. Это был, несомненно, важнейший политический акт, от характера и реализации которого во многом зависело дальнейшее развитие страны. Закон вступил в силу 6 января — в День армии и официального провозглашения окончания переходного периода¹⁰.

Деятельность партий ставилась в соответствии с законом под усиленный контроль властей. ИКП и ДПК критиковали, в частности статью закона, которая предоставляла право губернаторам лив (мутасарифам) самим решать вопрос о создании филиалов партийных организаций на местах¹¹. Согласно закону, «военнослужащие, учащиеся школ первой и второй ступеней не имели права быть членами партии, а государственные служащие, студенты и некоторые другие не должны были заниматься партийной деятельностью во время работы»¹². Эти ограничения в значительной степени были направлены против Демократической партии Курдистана, поскольку ведущую роль в ее деятельности играли юристы, студенты, патриотически настроенные военнослужащие, чиновники местных органов власти, которые составляли основную часть курдской национальной интеллигенции¹³.

После опубликования закона в стране развернулась активная подготовка по «оформлению» политических партий. Иракская коммунистическая партия, Демократическая партия Курдистана и Национально-демократическая партия согласно требованиям закона подали заявки и опубликовали тексты своих политических платформ. В платформе ДПК выражалась готовность активно сотрудничать с патриотическим правительством Иракской Республики при условии осуществления им последовательной политики прогрессивных перемен в стране и решимость бороться против реакционных сил в Курдистане и в стране в целом, ибо «национальная автономия курдов возможна лишь при условии полной демократизации жизни страны»¹⁴.

ДПК и НДП получили лицензии на легальное существование, ИКП — не получила. Правительство Касема решило лишить компартию права на свободную деятельность. Чтобы не допустить легализации ИКП, оно прибегло к маневру. В спешном порядке была сколочена группа исключенных из партии фракционеров во главе с Даудом ас-Сайгом, с тем чтобы предоставить ей право на легальную деятельность и лишить таковой Иракскую компартию. Этот шаг правительства носил явно антидемократический характер и был направлен против интересов широких слоев трудящихся Ирака, как арабов, так и курдов, последовательным борцом за чаяния которых являлась ИКП¹⁵. Правящий режим всячески старался разъединить левые силы.

С целью вызвать и углубить разногласия между Иракской коммунистической партией и Демократической партией Курдистана группа ас-Сайга и ее газета «Аль-Мабда» («Принцип») выступили с заявлениями и статьями клеветнического характера. Поскольку влияние и авторитет ИКП в Курдистане был велик, мабдисты с одобрения и при негласной поддержке иракских властей пустили в ход различные средства, чтобы нанести удар по авторитету компартии в Курдистане. Группа ас-Сайга обвиняла, в частности, компартию в том, что она будто бы не поддерживала требование о единстве действий с ДПК в 1957 г.¹⁶ С помощью вымышленных доводов группа ас-Сайга и иракские власти намеревались внести раздор между ИКП и ДПК и тем самым ослабить левые силы.

Демократическая партия Курдистана опубликовала официальное заявление по этому вопросу. Прогрессивные силы Курдистана решительно поддерживали требование компартии на легальную деятельность. Со своей стороны компартия развернула энергичную деятельность по разоблачению махинаций группы ас-Сайга и иракских властей.

15 января иракское правительство дало разрешение на свободную деятельность группе ас-Сайга (впоследствии такое право получила даже реакционная Исламская партия). В феврале Касем приветствовал «возобновление деятельности „Компартии“, возглавляемой Даудом ас-Сайгом»¹⁷.

2 марта было опубликовано официальное письмо видного деятеля Иракской коммунистической партии Заки Хайри по поводу вступления в силу закона о партийной деятельности. В нем, в частности, говорилось: «Наша партия, существующая 25 лет, никогда не нуждалась в разрешении на то, чтобы выполнять свой долг перед народом... Излишне говорить, что разрешение еще не создает партии, а тем более коммунистической партии. Коммунистическая партия — это наша партия, а не оппортунистическая группа, похитившая ее название»¹⁸.

Руководство ИКП решило изменить название своей партии на «Иттихад аш-Шааб» («Союз народа»), чтобы тем самым обойти юридические препоны. Представитель учредительного

комитета Коммунистической партии Ирака Заки Хайри вручил премьер-министру Касему специальную записку, содержащую «законные аргументы для получения лицензии на легализацию деятельности партии». Однако и на этот раз правительство отказалось выдать ИКП лицензию.

Антидемократические вылазки reactionеров и снисходительное отношение к ним официальных властей вызвали возмущение прогрессивных сил страны. В различных арабских и курдских районах они выступили с требованиями о последовательном проведении аграрной реформы, о предоставлении и сохранении демократических свобод. Трудящиеся Курдистана в своих письмах и петициях особенно настаивали на усилении борьбы против reactionеров, которые посредством террора и шантажа стремились покончить с деятельностью патриотов. Под петициями нередко подписывалась большая часть взрослого населения районов. Так, под одной из петиций жителей г. Ам-мара подписалось свыше 6000 человек, Эрбиля — более 5600 человек.

Иракским властям было дано указание применить репрессивные меры против рабочих и крестьян. 20 мая в Басре было арестовано 83 рабочих «за профсоюзную деятельность»¹⁹. Было уволено 410 рабочих. Таким же репрессиям подверглись рабочие-забастовщики в Сулеймании²⁰.

Правительство Касема все больше отходило от провозглашенного в ст. 3 Иракской конституции принципа равноправного партнерства в стране арабов и курдов. Так, 31 марта 1960 г., выступая по Багдадскому радио, Касем публично заявил, что «курды являются одним из национальных меньшинств, входящих в иракскую нацию»²¹. В правонационалистической прессе Ирака, в частности в газете «Ас-Саура», а также в официальных публикациях иракского правительства все чаще стали появляться заявления и статьи, призывавшие к созданию «одной нации» т. е. к ассимиляции национальных меньшинств и целого курдского народа. Нападению правонационалистической прессы подвергались как ДПК, так и ИКП.

Редактор «Ас-Сауры» Юнис Аттай вызвал возмущение прогрессивной общественности Ирака своими провокационными вопросами к главе советской правительственной делегации во время состоявшейся в Багдаде пресс-конференции. Главный редактор органа ДПК, газеты «Хабат», Ибрагим Ахмед в своем выступлении дал отпор Юнису Аттаю, заявив, что весь иракский народ — арабы и курды — высоко ценит помощь советского народа в решении важнейших задач Иракской Республики. «Курдский народ, — сказал он, — никогда не забудет ту заботу, которую проявили советский народ и правительство в отношении борцов национально-освободительного движения»²².

Для определения тактики партии в новых сложных условиях и «официального создания» партии в соответствии с законом о партиях был созван съезд ДПК. Он проходил 5—10

мая 1960 г. под лозунгом «сплочения патриотических сил страны для осуществления целей июльской революции». На съезде, который формально носил «учредительный характер», как этого требовал закон, было решено, что «партия и впредь будет бороться в защиту бессмертной Иракской Республики под мудрым руководством генерала Абдель Керим Касема»²³. Положительно оценивая деятельность и позицию ДПК в этот период, следует отметить, что при определении тактики партии съезд, по существу, пошел по пути преувеличения роли правительства, в частности его главы Абдель Керим Касема, в деле развития демократии в стране, что нашло свое выражение в приведенной формулировке.

В июне 1960 г. правительство Касема предприняло новые шаги против Коммунистической партии Ирака, одновременно покровительствуя группе ас-Сайга. В начале 1960 г. «Иттихад аш-Шааб» направила генералу Касему протест против мер, принятых по отношению к этой газете военными властями в некоторых районах страны, в том числе и курдских²⁴. 13 июня центральный орган ДПК — газета «Хабат» опубликовала обращение к властям с просьбой отменить запрет на продажу газеты «Иттихад аш-Шааб» в семи провинциях Ирака²⁵. Власти начали процесс против центрального печатного органа ИКП. Весьма характерно, что эта газета, наиболее полно отражающая интересы широких слоев населения страны, обвинялась на основании реакционного закона времен клики Нури Саида — Фейсала: в обвинительном заключении прямо говорилось, что «газета нарушила статью 21 Закона о печати 1954 г.»²⁶.

В то время как демократические партии и их печать подвергались преследованию, реакция все больше поднимала голову и активизировала свою деятельность. На страницах правой печати все откровеннее раздавались призывы против равноправия курдов с арабами. Все чаще появлялись статьи явно антикурдского характера. В них, например, содержалось требование ликвидировать только что учрежденный департамент просвещения по Курдистану. В Багдаде и в других городах Ирака на стенах зданий вновь появились лозунги «Ирак — родина арабов и мусульман, а не курдов и христиан», «Барзанцы, оставьте нашу родину»²⁷ и т. п. В октябре 1960 г. был наложен запрет на издание и распространение по стране в течение девяти месяцев газеты «Иттихад аш-Шааб», так много сделавшей для мобилизации трудящихся на защиту завоеваний июльской революции. Ее редактор был приговорен к трем месяцам тюремного заключения.

В августе 1960 г. Центральный комитет ДПК решил отметить 15-ю годовщину курдского восстания в Ираке 1943—1945 гг., направленного против монархического режима и английского империализма. Предпринимая этот шаг, ДПК намеревалась продемонстрировать свою решимость бороться за удовлетворение национальных требований курдов, идти по пути

упрочения единства с другими левыми силами страны. В августе газета «Хабат» опубликовала заявление Мустафы Барзани по этому поводу. «Восстание в Курдистане,—говорилось в нем,—было направлено против империализма и реакции, в защиту прав всего иракского народа. Оно было одной из составных частей национально-освободительной борьбы народа Ирака. Целью повстанцев было уничтожение гнета колонизаторов и возвращение иракскому народу попранных империализмом прав»²⁸. Отмечая клеветнические измышления внутренней и внешней реакции о «курдском сепаратизме», о «советском вмешательстве» и т. п., Барзани далее сказал: «Когда мы были в Советский Союз, мы нашли в этой стране всестороннюю помощь, сочувствие и поддержку... Мы, курдские повстанцы, изгнанные из своей страны империализмом, навсегда сохраним в своей памяти теплые воспоминания о пребывании в Советском Союзе, чувство благодарности и признательности по отношению к советскому народу»²⁹. За опубликование статьи «Курдский народ» главный редактор газеты «Хабат» Ибрагим Ахмед в ноябре 1960 г. предстал перед судом. Вся вина этого видного деятеля курдского демократического движения заключалась в том, что он дал отпор тем правонационалистическим силам, которые не только выступали против признания национальных прав курдов, но и отрицали факт существования курдского народа.

Еще в 1960 г. Касем ликвидировал министерство аграрной реформы. Теперь вопросами аграрной реформы должно было заниматься министерство внутренних дел. Пьер Росси метко заметил по этому поводу: «...этот акт, видимо, был совершен по настоянию крупных помещиков, которые находили, что требования крестьян заслуживают внимания полицейских»³⁰.

В Багдадской, Мосульской, Киркукской и в других провинциях реакционерами были организованы террористические банды, в задачу которых входила расправа с арабскими и курдскими демократами. На стенах ряда городов появились лозунги: «Союз ценою крови», «Курды, берегитесь!», «Да здравствует спаситель Насер!»³¹.

В качестве нового повода для преследования демократов власти использовали вымышленное «дело Мосула».

Через два года после подавления реакционного мятежа правительство Касема вдруг обнаружило, что подавление мятежа в Мосуле (в марте 1959 г.) велось «незаконными средствами»³². Военные суды, рассмотрев «дела коммунистов и членов ДПК», принимавших участие в подавлении мятежа Шаввафа, вынесли несправедливые приговоры. 58 арабских и курдских демократов были приговорены к смертной казни, многие другие — к длительным срокам каторжных работ или тюремного заключения.

Широкие слои иракского населения выразили протест против расправы с героями Мосула. Более 150 тыс. подписей бы-

ло поставлено под заявлением, требовавшим от правительства отмены смертных приговоров в отношении арабских и курдских демократов³³.

Политика террора, направленная против патриотов Ирака, глубоко взволновала прогрессивную общественность всего мира. В обращении авторитетной советской общественной организации к премьеру Касему говорилось: «От имени миллионов советских людей Советский комитет солидарности Азии и Африки призывает Вас, господин премьер-министр, отменить приговоры, вынесенные в отношении иракских патриотов, и освободить борцов национально-освободительного движения. Не допустить, чтобы светлые идеалы иракской революции были омрачены кровью ее самых преданных и стойких защитников»³⁴.

С аналогичными требованиями обратились к иракскому правительству прогрессивные партии и организации Японии, Норвегии, Корейской Народно-Демократической Республики, Ливана, Венгрии и других стран³⁵. «Мы,—обращаясь к Касему, писали участники XIX съезда Компартии Швеции,—а также все прогрессивные люди Швеции с симпатией и энтузиазмом приветствовали революцию в Ираке... Тем более мы потрясены сообщениями о том, что иракские коммунисты и другие прогрессивные люди приговорены к смертной казни и пожизненном Касему, говорилось: «Ирак должен гордиться ими, а не ние не может поколебать нашу веру в то, что иракские коммунисты находились и, как прежде, находятся в первых рядах борьбы за независимость, против империализма и его агентов, за демократию и общественный прогресс»³⁶.

В знак протеста против расправы с патриотами Ирака почетный председатель НДП Камиль Чадерчи заявил о своей отставке. В письме прогрессивных деятелей Ливана, адресованном Касему, говорилось: «Ирак должен гордиться ими, а не проливать их невинную кровь. Они охраняли его строй, были в авангарде тех, кто жертвовал собой во имя родины». Письмо подписали известный ливанский писатель Раиф Хури, журналисты Акрам Радхи, Фарес Фаур, редактор газеты «Аш-Шааб» Дауд Асмар и многие другие³⁷. В Англии был создан комитет для проведения кампании за отмену приговоров арабским и курдским патриотам. В состав комитета, который возглавлял член парламента лейборист Феннер Брокуэй, входили видные члены парламента, общественные и профсоюзные деятели Англии.

Под нажимом иракской и мировой общественности правительство Касема вынуждено было отменить смертные приговоры многим патриотам, оставив их в силе в отношении 13 арабов и курдов.

В конце 1960 г. антикурдская политика правительства Касема и местных властей приняла открытый характер. Как в самом Багдаде, так и в других городах страны члены и руко-

водители Демократической партии Курдистана подвергались гонениям и террору. В такой ситуации М. Барзани встретился с премьером Касемом. Лидер ДПК стремился использовать последнюю возможность для предотвращения дальнейшего обострения конфликта между правительством и курдскими демократическими силами. Однако трехчасовая бурная беседа не привела к желаемым результатам.

Учитывая, что дальнейшее пребывание Барзани в Багдаде становится опасным, Политбюро ЦК ДПК потребовало в декабре 1960 г., чтобы он и другие руководители ДПК покинули Багдад и выехали в Курдистан.

В антикурдской кампании активно участвовала правая печать. Наиболее характерным примером в этом отношении является нашумевший номер полуофициальной газеты «Ас-Саура» от 17 февраля 1961 г. Газета при благосклонной позиции официальных кругов Багдада опубликовала статью, призывавшую «покончить с заигрыванием с курдами» и «расплавить курдскую нацию среди арабов...». «Тот, кто относится к курдской, негритянской или армянской расе, но проживает в одной из арабских стран,— утверждалось в статье,— является арабом по велению действительности»³⁸.

Прогрессивная общественность Ирака гневно осуждала подобные расистские выступления. Газета «Хабат», отвечая на реакционно-шовинистические выступления правой печати и официальных кругов Багдада, писала: «Курдский народ клеймит позором призывы к слиянию и ассимиляции, направленные на то, чтобы покончить с курдами и Курдистаном... Курды не могут хотеть единства, которое не принесет им ничего, кроме рабства, лишения своих национальных прав и отрицания их нации, кроме огня, меча и цепей тюрьмы»³⁹.

В марте 1961 г. по приказу министра внутренних дел Ирака был закрыт центральный орган ДПК, газета «Хабат», а затем и приложение к газете — еженедельник «Курдистан»⁴⁰. Иракские власти выдали ордера на арест лидеров ДПК Ибрагима Ахмеда и Джалаля Талабани. Правительство Касема отдало также распоряжение о закрытии организаций Демократической партии Курдистана в Киркуке и Мосуле, а затем и в других городах Курдистана⁴¹. Проводя дискриминационную политику в отношении курдского народа, правительство ограничило, а затем и полностью запретило деятельность профсоюзных, молодежных, учительских и женских организаций в Курдистане⁴². Под различными предлогами курдских демократов, в первую очередь членов ИКП и ДПК, увольняли с работы, а затем либо переселяли в арабские районы, либо арестовывали. Чиновников-курдов в массовом порядке освобождали от занимаемых должностей и переводили в южные районы страны. В одном из своих выступлений весной 1961 г. Касем заявил: «Ирак и во-первых и в-последних является родиной арабизма»⁴³. Весьма характерно, что позднее, когда один курдский учитель в Баг-

даде во время пресс-конференции обратился к Касему по поводу проводимой в Ираке антикурдской кампании, премьер-министр цинично заявил: «О брат, вы слиты с нами в исламском единстве, а мы — иракский народ — являемся частью арабской нации»⁴⁴.

Вслед за запрещением газеты «Хабат» правительство запретило издание еще трех курдских журналов — «Хетаб», «Жин» и «Дангуе курд»; издатели этих журналов были высланы на юг страны. Исходя из явно антикурдской настроенности, правительство Касема отказывалось предоставить политическое убежище преследуемым курдским демократам из турецкого и иранского Курдистана. Член Политбюро ДПК Омар Мустафа был выслан из Курдистана. Против тогдашнего Генерального секретаря ДПК Ибрагима Ахмеда было выдвинуто вымышленное обвинение в убийстве некоего феодала Сидки Мирана⁴⁵. Акты террора против курдских прогрессивных сил следовали один за другим.

Лишив себя поддержки ИКП, ДПК, НДП и других прогрессивных сил страны, Касем все чаще прибегал к военным методам управления страной, утверждал неограниченную личную диктатуру. 14 мая 1962 г. он вывел из состава правительства последних оставшихся там представителей «гражданских лиц» и скомплектовал кабинет из верных ему военных и «технических специалистов».

В 1961 г. судьба демократических завоеваний арабского и курдского народа была поставлена под вопрос. Если в первый период развития июльской революции демократические силы Ирака боролись за осуществление глубоких социально-политических перемен, за недвусмысленное и полное признание правительством права национальной автономии курдов, то в новых условиях борьба ИКП, ДПК и других прогрессивных организаций была направлена на сохранение уже достигнутых, пусть даже минимальных завоеваний народа.

В июне 1961 г. была сформирована делегация представителей курдских демократических организаций, которая должна была встретиться с Касемом и представить ему требования курдского населения по ряду вопросов. Характерно, что в числе требований были и жизненно важные вопросы экономического характера — пересмотра государственных цен на табак, который являлся одним из основных источников дохода курдского крестьянина; последовательного проведения аграрной реформы с учетом условий Курдистана; запрещения переселения арабских племен на курдские земли⁴⁶. Делегация прибыла в Багдад, но, несмотря на все старания, не была принята Касемом⁴⁷.

О масштабах репрессий против патриотов, их партий и организаций свидетельствуют следующие факты. По данным образованного за границей в 1961 г. Комитета защиты демократических прав и свобод Ирака, только с середины 1959 г. по

май 1961 г. военно-полевые суды вынесли патриотам 112 смертных приговоров; 770 человек были осуждены на различные сроки тюремного заключения общей продолжительностью 4164 года. Число арестованных и заключенных по политическим мотивам в 1960 г. составило 22 тыс. человек⁴⁸. Было зафиксировано 7510 случаев нападения бандитов и полицейских агентов на помещения профсоюзов и других демократических организаций. 3424 семьи вынуждены были покинуть родные места. Во время бандитских налетов было убито 270 и ранено 1572 человека. За активную общественную деятельность с работы были уволены 7 тыс. членов различных профсоюзов. Министерство сельского хозяйства за профсоюзную деятельность уволило с работы 900 сельскохозяйственных рабочих, лишило лицензий 3260 местных профсоюзов рабочих и крестьян. Как писала тогда бейрутская газета «Ан-Нида», иракские тюрьмы были переполнены политическими заключенными, реакционные элементы терроризировали население, преследовали и убивали патриотов⁴⁹.

Правительство окончательно аннулировало лицензии на издание «Иттихад аш-Шааб», «Аль-Хадара», «Саут аль-Акрад» и ряда других прогрессивных газет и журналов⁵⁰.

Перед началом антинародной войны в Курдистане Касем пошел на явный компромисс с врагами революции 14 июля и ее завоеваний. Многие бывшие военные и гражданские деятели королевского режима были освобождены из тюрем. В начале сентября 1961 г. компетентные власти решили отменить постановление народного суда об увольнении из иракской армии за антиреспубликанскую деятельность ряда военачальников старого режима⁵¹. До этого специальным декретом Касема из тюрьмы были освобождены Рашид Али Гайлани, Фадыль аль-Джамаль, Тауфик ас-Сувейди и многие другие реакционные деятели⁵².

Таким образом, Касем стал на откровенно антидемократический путь, намереваясь решительно покончить с курдской проблемой посредством военной силы. И в этом деле трудно было найти лучших помощников, чем перечисленные выше реакционеры. К тому же кроме своей преданности антинародной политике многие из бывших военных и политических деятелей имели богатый «опыт» борьбы против патриотов страны и национально-освободительного движения курдского народа.

Порвав с ИКП, ДПК и другими левыми силами, Касем независимо от того, хотел он этого или нет, объективно содействовал оживлению антиреспубликанской деятельности реакции. При этом реакционные силы пошли на временное сотрудничество с Касемом, ненавидя его. На это у них были свои причины: а) правительство Касема в первый период развития революции пошло на осуществление ряда прогрессивных мероприятий, значительно ущемивших интересы реакции, приведших к росту демократического движения, превратившегося в серьез-

ную силу, противостоящую реакции; б) официально было провозглашено равноправие курдов с арабами, что находилось в явном противоречии с интересами реакции; в) правительство Касема значительно урезало некоторые привилегии реакционеров, а в ряде случаев и применило к ним суровые меры наказания (тюремное заключение, лишение прав и привилегий, конфискация имущества).

Недальновидная политика лавирования между правыми и левыми привела Касема к тому, что, потеряв своих союзников, он не приобрел новых. Перечисленные выше обстоятельства, на наш взгляд, сыграли немалую роль в возникновении ситуации, когда Касем пытался поднять авторитет своего правительства и укрепить свои позиции уже главным образом путем внешнеполитических акций.

Так, 7 января 1960 г. он объявил себя «спасителем палестинцев». В государственном банке страны был открыт специальный счет фонда «освобождения Палестины». Дело дошло до «вербовки добровольцев в освободительную армию»⁵³. Стремясь активнее включиться «в дела арабского мира» и занять там ведущее место, Касем использовал «палестинский вопрос» для новых нападков на ОАР. 14 марта 1960 г. иракский премьер заявил, что «Египет, Иордания и Израиль являются тремя палестинскими ворами. Они украли отчизну палестинского народа... Я призываю к созданию Палестинской республики. Мы поможем палестинцам, как сможем — деньгами, оружием, боеприпасами, и мы обучим их...»⁵⁴. Одновременно Касем предпринял шаги для установления еще более тесных отношений с другими арабскими странами, особенно с теми, которые были в натянутых отношениях с ОАР. Касем установил дружественные контакты с Тунисом. Иракская правительственная торговая делегация посетила ряд стран от Судана до Марокко.

Конечно, Касем не мог не видеть, что позиции его правительства в известной степени пошатнулись. Потерпев неудачу в противоборстве с Насером, он предпринял новую внешнеполитическую авантюру — начал кампанию за присоединение к Ираку Кувейта, что привело к «дипломатической войне» с Англией, к резкому обострению ирако-английских отношений и дальнейшей изоляции Ирака в арабском мире. В июне 1961 г. в присутствии тысяч багдадцев «Заим» выдвинул свои претензии на Кувейт, заявив: «Мы объявляем беспощадную войну англичанам, которые всячески пытаются уничтожить наш суверенитет и захватить богатства арабов, не считаясь с нашими правами. Мы не уступим англичанам ни малейшей части нашей территории, которую они могли бы использовать против нашего освободительного движения. Мы не дадим возможность чужому грабить богатства иракского народа и всей арабской нации»⁵⁵. Выступая с требованием присоединения Кувейта к Ираку, Касем стремился в первую очередь овладеть его огромными нефтяными и финансовыми ресурсами.

В ответ на притязания Касема Англия предприняла четкие, эффективные дипломатические и иные меры. Учитывая отрицательную реакцию арабских стран в отношении кувейтских претензий Касема, английское правительство заявило о предоставлении Кувейту независимости с 19 июня 1961 г. 25 июня иракское правительство выступило с официальным протестом «против отделения Кувейта от Ирака». 1 июля 5 тыс. английских солдат прибыли в Кувейт «по просьбе правительства последнего». Дальнейшие события разворачивались быстро. На следующий же день Багдад заявил, что границы Ирака распространяются с севера от Захо до самых южных границ Кувейта, и стал концентрировать свои войска на кувейтской границе⁵⁶.

ОАР, Иордания и ряд других арабских стран выступили против притязания иракского правительства на Кувейт. Как «независимое государство», Кувейт обратился к Лиге арабских стран с просьбой принять его в члены этой организации. 21 июля Кувейт абсолютным большинством голосов был принят в члены Лиги арабских стран⁵⁷. Этим актом арабские страны выразили свое решительное несогласие с претензиями Ирака. Армия Кувейта (2400 человек) заняла позиции вдоль побережья Персидского залива и сухопутных границ с Ираком. Эмир Кувейта обратился к Лиге арабских стран с призывом «оказать поддержку и помощь Кувейту»⁵⁸. Первыми в Кувейт прибыли подразделения армии Саудовской Аравии. Свое согласие послать войска изъявили и другие арабские государства. Иракское правительство фактически оказалось в полной изоляции и вынуждено было отступить. Представитель министерства иностранных дел Ирака сделал официальное заявление, в котором опроверг сообщение о концентрации иракских войск на границе Кувейта и добавил, что Ирак будет мирным путем добиваться восстановления своих прав на Кувейт⁵⁹. Таким образом, политика Касема овладеть Кувейтом фактически закончилась полным провалом.

Внешнеполитические шаги правительства Касема, касавшиеся палестинского вопроса и особенно вопроса о присоединении Кувейта, имели косвенную связь с событиями на севере страны — в Курдистане. Теперь уже неопровержимым является тот факт, что преследование курдских демократов, выдвижение лозунга ассимиляции курдов, антикурдская кампания на страницах реакционной печати и в официальных изданиях были обманными мерами, которые должны были предшествовать агрессивной, антинародной войне Касема против курдского народа. Правительство Касема стремилось, как это часто бывает, отвлечь внимание народа от нерешенных социально-экономических проблем, разжечь национальную вражду между арабами и курдами посредством раздувания кампании против «курдского сепаратизма», сплотить вокруг себя не только реакционно-шовинистические силы, но и легко поддающиеся на-

ционалистическому угару мелкобуржуазные и непролетарские слои населения. Дипломатическая война Касема с Англией (которая, кстати, не вышла за ранее установленные рамки), со страной, печальные результаты господства которой все еще вызывали гнев и возмущение иракцев, оставляла за иракским премьером возможность при военном конфликте в Курдистане выдвинуть против курдских патриотов «обвинение в связях с английским империализмом». «Курды восстали именно тогда, когда национальные интересы Ирака находились в опасности, когда Ирак ведет борьбу с британским империализмом. Значит, курды — агенты британского империализма» — таков был смысл тактики Касема.

Французский востоковед Серж Гантнер видит прямую связь между политикой Касема по кувейтскому вопросу и войной в Курдистане. Он пишет: «Перед началом войны против курдов с явными тактическими соображениями в июне 1961 г. Касем выдвинул вопрос о Кувейте»⁶⁰. Воспользовавшись обострением положения на границе с Кувейтом, «Касем перебросил курдских военнослужащих — солдат и офицеров — с севера на юг страны, а вместо них дислоцировал армейские подразделения, составленные из арабов»⁶¹.

Политбюро ДПК несколько раз обращалось к Касему по вопросу о напряженном положении в Курдистане. В своем развернутом меморандуме от 30 июля 1961 г., озаглавленном «Серьезность положения в Курдистане», ДПК указала основные причины обострения положения и наметила конкретные меры по ликвидации кризиса. В 13 пунктах меморандума была изложена четкая программа реализации внутренней автономии курдов. Суть требований сводилась к следующему: должен быть положен конец «переходному периоду» и восстановлены демократические свободы; должны быть четко определены автономные права Курдистана; открыты начальные школы во всех районах Иракского Курдистана и средние учебные заведения с преподаванием на курдском языке; назначены губернаторы в Курдистане из числа курдов; создана радиостанция в Сулеймании для передач на курдском языке; созданы курдский научный центр (академия) и департамент по вопросам просвещения в Курдистане; осуществлено строительство двух основных дорог, которые обеспечили бы Курдистану возможность перевозки и продажи сельскохозяйственных продуктов; открыты больницы и медицинские пункты в курдских районах; выделена на развитие курдских районов часть доходов от эксплуатации недр страны; положен конец дискриминационной политике в отношении курдов в офицерских школах⁶².

На эти конструктивные предложения курдских лидеров Касем отвечал подготовкой к военным действиям в Курдистане, перебросив туда значительные военные силы под предлогом проведения военных маневров. Эти меры еще больше осложнили положение в Курдистане. Демократическая партия Кур-

дистана обратилась к Касему с новыми предложениями, которые призваны были предотвратить гражданскую войну. Они были изложены в другом заявлении ДПК и предусматривали следующие меры: «1) Отозвать войска, посланные в районы Курдистана, вернуть их на места постоянной дислокации, запретить какие бы то ни было военные маневры в районах, не предназначенных для этой цели и неиспользуемых в предыдущие годы; 2) отозвать руководителей административного аппарата и тех членов полиции, которые ответственны за осложнение положения в Курдистане; 3) во всей деятельности в стране руководствоваться статьей третьей иракской конституции»⁶³.

То, что ДПК и лично Барзани всячески пытались избежать вооруженного конфликта, подтверждается не только приведенными документами, но и многочисленными другими фактами⁶⁴. Поэтому неправ арабский историк Ахмед Фавзи, который утверждает, будто «барзанцы и ДПК... давно уже готовились к войне, имели свои планы и программы, ждали удобного повода для начала военных действий»⁶⁵. Эта версия находится в полном противоречии с действительностью. Впрочем, тут ничего удивительного нет. А. Фавзи, как и многие ему подобные, оценивает курдское движение как «сепаратистское», приписывая ему иностранные агентурные корни и ставя в один ряд «англо-американское» и вымышленное «советское вмешательство»⁶⁶.

В конце августа 1961 г. Мустафа Барзани направил новый меморандум иракскому правительству, который снова содержал упомянутые требования.

В своих планах по ликвидации курдского демократического движения Касем отводил определенное место организации выступлений реакционных курдских феодалов, разжиганию «межплеменных стычек» в Курдистане. Получив от иракских властей военное снаряжение, реакционные шейхи-феодалы Рашид Лолан и Махмуд Зибар предприняли попытку расправиться с курдскими демократами. Однако курдские отряды М. Барзани быстро обезвредили эту вылазку реакционеров. Последние были разбиты, а остатки банд бежали в Турцию. В руки курдских патриотических отрядов перешло все оружие, которое они получили от правительства⁶⁷. Окончательно становилась ясной неизбежность военного конфликта. То, что Касем не мог сделать руками реакционных курдских феодалов, должны были сделать иракские вооруженные силы.

Особенно острый характер события в Курдистане приняли в сентябре 1961 г. Как отмечалось в заявлении ИКП от 17 сентября, подготовившись к антинародной войне в Курдистане, Касем и его правительство намеревались силой оружия покончить с «остатками проявлений демократии и нанести сокрушительный удар по всему национально-демократическому движению в стране»⁶⁸.

Дискриминационная политика правительства в Курдистане, экономические трудности, террор и преследования демократов, бесчинства феодалов и реакционеров, опекаемых властями,— все это вызвало острое недовольство в курдских массах. Весьма характерно, что еще до начала войны в ряде районов Курдистана вспыхнули стихийные волнения курдского населения против произвола местных властей. Например, в августе население Халабджи и Чемчемала выдворило из своих районов жандармерию⁶⁹. Аналогичные события произошли в Акре, Амадии, Дохуке и Захо⁷⁰.

В начале сентября 1961 г. правительство отдало приказ командованию 2-й дивизии иракской армии, дислоцированной в Киркуке, двинуться в район Барзана, чтобы «восстановить порядок». Это была своего рода «карательная экспедиция против курдского народа». Мустафа Барзани и другие руководители ДПК приступили к организации мер самозащиты. Одновременно Касему еще раз был направлен меморандум. Он содержал три основных требования: 1. Должен быть положен конец переходному периоду. 2. Немедленно следует признать национальную автономию курдов в пределах республики. 3. Во всем Ираке необходимо восстановить демократию во имя народа⁷¹. Кроме того, руководство ДПК заверило Касема, что курды не начнут военные действия первыми и будут ждать его ответа. Иракский диктатор сообщил, что «для раздумывания над выдвинутыми предложениями ему необходимо время»⁷². В действительности же Касем воспользовался этим временем для подготовки переброса новых сил в Курдистан.

ИКП указывала, что политика военного конфликта в Курдистане «в значительной степени совпадает с империалистической политикой, которая всячески стремится подорвать единство иракского народа и ослабить позиции Ирака»⁷³. Руководство ДПК вновь направило правительству специальное письмо. В этом письме, озаглавленном «О положении в Курдистане», ДПК настаивала на мирном и справедливом разрешении проблемы национальной автономии курдов в Ираке: «Только этим путем можно избежать дальнейшего осложнения положения в стране и закрыть лазейки для империалистического вмешательства и оживления реакции»⁷⁴.

7 сентября 1961 г. военно-воздушные силы Ирака подвергли бомбежке район Барзана. В этот же день произошли первые столкновения между курдами и правительственными войсками. 11 сентября началась массовая бомбардировка Барзанского и других районов Курдистана. Этот день, по существу, стал днем начала войны иракского правительства против курдского народа. В различных районах Курдистана начали формироваться крестьянские вооруженные отряды самозащиты, которые оказывали сопротивление карательным операциям правительственных войск.

15 сентября 1961 г. армия и военно-воздушные силы Ира-

ка начали новую массированную атаку против курдских сил — отрядов ДПК и отрядов самозащиты, сформированных крестьянами. Радио и пресса Багдада в этот день впервые сообщили о «начавшемся мятеже на севере»⁷⁵. Борьба курдов за свои права характеризовалась как «движение агентов империализма и реакционеров», и при этом выражалась уверенность, что «бунту будет положен конец в течение нескольких дней»⁷⁶.

Правительство ввело в действие весь пропагандистский аппарат для оправдания своих агрессивных действий в Курдистане, для фальсификации истинных фактов. Так, правая газета «Аль-Мустакбаль» писала 16 сентября: «Весь иракский народ заранее одобряет каждое мероприятие правительства, принятое для разгрома этого заговора англо-американского империализма и их агентов»⁷⁷. Но и М. Барзани и руководство ДПК, в свою очередь, предприняли меры, чтобы довести до сведения широких слоев арабской общественности правду о положении в Курдистане, разъяснить цели курдского движения. В середине сентября 1961 г., вслед за официальным сообщением Багдада о «беспорядках на севере», ДПК обратилась к арабскому народу со специальным заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Пусть знают угнетатели, что курдский народ при поддержке арабского народа и свободолюбивых народов всего мира не откажется от своих прав и продолжит борьбу за свободную демократическую республику, за действительное, реальное иракское единство»⁷⁸. В заявлении разоблачались маневры официальных кругов Ирака и утверждения командующего 2-й дивизией иракской армии генерала Махмуда Абдул Разака об «империалистическом заговоре курдов»⁷⁹.

С первых же дней войны иракские вооруженные силы стали подвергать варварскому обстрелу не только район восстания, но и мирные курдские города и села. Военно-воздушные силы проводили опустошительные бомбежки в районах Пиждара, Шахризурра, Дербенди-хана и др.⁸⁰.

Отряды Мустафы Барзани насчитывали в то время всего несколько сотен бойцов. Но, несмотря на огромное превосходство в военной технике и живой силе, правительственные войска не смогли подавить сопротивление курдских отрядов. При поддержке местного населения отряды курдов наносили ощутимые удары по правительственным войскам.

В конце сентября и начале октября 1961 г. иракские ВВС вновь подвергли массированным бомбардировкам районы Амадии, Дохука, Акры, Коя и Дербенди-хана. Правительственные сухопутные силы начали варварские действия против мирного курдского населения; они убивали и грабили, но, несмотря на это, Барзани запрещал своим отрядам нападать на органы местной власти и местных арабских чиновников, ибо продолжал считать себя «иракским патриотом» и «желал сохранить дружественные связи с арабами»⁸¹.

20 сентября 1961 г. генерал Барзани через своих представи-

телей распространил в Ираке и за его пределами заявление о драматических событиях в Курдистане. В заявлении описывалась ужасающая картина варварских действий иракских вооруженных сил не только против повстанцев, но и против мирного населения⁸². Руководство ДПК обратилось также в Организацию Объединенных Наций с призывом вмешаться и содействовать заключению справедливого соглашения между курдами и правительством. Одновременно оно обратилось в Комитет защиты прав человека, Международный комитет Красного Креста, Комитет солидарности стран Азии и Африки с просьбой приложить усилия для приостановления кровопролития в Курдистане⁸³. Однако все эти шаги не дали положительных результатов. Война в Курдистане разгоралась.

23 сентября 1961 г. Касем впервые выступил по поводу событий в Курдистане на пресс-конференции. На этой пресс-конференции, длившейся пять часов, он пытался аргументировать официальную версию иракских властей в том, что «мятеж на севере не что иное, как заговор империалистов»⁸⁴. Касем обвинил «англичан и американцев в организации курдского восстания» и пригрозил закрыть британское посольство, которое якобы выделило «400 тыс. фунтов стерлингов для антиправительственного выступления мятежников»⁸⁵. Он хвастливо заявил, что «этот империалистический заговор будет уничтожен в течение одного или двух дней»⁸⁶. Почти в то же самое время иранское правительство в Тегеране опубликовало официальное заявление о «подавлении заговора в Иранском Курдистане».

В действительности картина была иной. Отряды Барзани заняли несколько стратегически важных пунктов и окружили Амадию. Затем повстанцы напали на Дохук, расположенный примерно в 60 км к северу от Мосула. Они заняли также пограничный пост Фаим Хабур на Тигре, на стыке границ Ирака, Турции и Сирии. Небольшой иракский гарнизон поста был разоружен курдами⁸⁷.

Все официальные издания и правительственные газеты, по существу, были заняты дезинформацией, публиковали вымышленные сообщения, не имевшие ничего общего с истинным положением вещей. «Руководитель курдского восстания Барзани, — писала, например, газета „Аль Ахд аль-Джадида“, — скрылся после поражения. Другой руководитель восстания, Аббас Маманд, и некоторые его сторонники убежали в персидские горы»⁸⁸.

С началом военных действий в Курдистане правительство с новой силой обрушилось на демократические организации страны. По приказу генерал-губернатора в Сулеймании были распущены отделения профсоюзов рабочих и служащих общественных работ, работников почты, телеграфа, дорожников и мостовиков. Одновременно с этим была запрещена деятельность профсоюзных организаций в ряде других городов⁸⁹.

На основании другого приказа генерал-губернатора была

закрита сулейманийская секция Лиги иракских женщин и профсоюз рабочих и служащих жилищного строительства г. Халабджа. Против этих организаций было выдвинуто обвинение в «политической деятельности, не соответствующей провозглашенным ими целям».

В 1961 г. министр внутренних дел Ирака отдал приказ закрыть типографию «Салах ад-Дин», в которой печатались курдские издания. По требованию иракских властей из Союза журналистов Ирака были исключены почти все прогрессивные журналисты, в том числе известный деятель ИКП, редактор газеты «Саут аш-Шааб» Мухаммед Хусейн Абу-ль Иса⁹⁰. В декабре 1961 г. иракский суд вынес решение о роспуске Федерации демократической молодежи Ирака и всех ее организаций в стране на том основании, что она будто бы «отклонилась от выполнения задач, для которых была создана, и стала вмешиваться не в свои дела...»⁹¹. Так иракское правительство встало на антидемократический путь, ведя борьбу против патриотов в стране в целом и участников движения за автономию в Курдистане в частности.

В то время как Багдадское радио и пресса сообщали «о победах доблестных иракских войск над заговорщиками», события на севере приобретали все более острый и одновременно затяжной характер. Военные действия принимали все больший размах. Повстанцам удалось даже сбить два самолета иракских ВВС и захватить значительное количество оружия и военного снаряжения. «При этом курдские повстанцы готовились к действиям наступательного характера»⁹². В такой обстановке правительство протянуло руку врагам республиканского режима.

В ноябре Касем помиловал ряд политических деятелей, осужденных за антиреспубликанскую деятельность. В их числе был и Абдель Салам Ареф. Согласно приказу Касема от 21 ноября 1961 г. Ареф восстанавливался и возвращался в армию в офицерском звании. Представляет интерес лицемерное заявление Арефа корреспондентам иракских газет: «Я по-прежнему брат лидера Абдель Керим Касема, несмотря на то что произошло, ибо любовь брата никогда не изменится»⁹³. Ареф добавил, что он провел пять часов с глазу на глаз с Касемом в его кабинете в генеральном штабе вечером 26 ноября и что он совершил вслед за этим прогулку по Багдаду, сидя рядом с премьер-министром в его машине. «Прогулка закончилась в личной резиденции Арефа, где Касем провел некоторое время, прежде чем вернуться к себе»⁹⁴. Как мы увидим далее, что «доброта» к «брату» и его соратникам дорого обойдется иракскому диктатору. Касем совершал ошибку за ошибкой. Он рвал связи с левыми силами, которые в трудные минуты спасли республику и ее завоевания, но, по существу, не приобретал друзей, хотя, по его расчетам, добивался этого. Таков был трагикомический характер действий багдадского диктатора.

Итак, правительство шаг за шагом усложняло свое положение. Карательная кампания против курдских «заговорщиков» продолжалась. В то время как правительственные войска терпели неудачи, курдское национально-демократическое движение приобретало все более массовый и организованный характер, что стало важнейшим фактором его дальнейших успехов.

С 18 по 23 декабря 1961 г. состоялся пленум ЦК ДПК. Центральный комитет обсудил вопрос о положении в Курдистане и в Ираке в целом, определил задачи партии и курдского движения в новых условиях. В решении ЦК ДПК характер и цели курдского движения были определены следующим образом: «Движение, начатое 11 сентября, не является простым военным сопротивлением давлению правительственных войск. Оно имеет гораздо большее значение, является, по существу, частью общедемократической, революционной борьбы всего иракского народа. Революция есть не что иное, как вооруженная борьба Курдистана против диктатуры и агрессии, за демократические права иракского народа и национальные права курдского народа (автономия Курдистана в рамках единого Ирака)»⁹⁵.

Руководство ДПК предприняло энергичные меры к тому, чтобы довести до сведения иракской и мировой общественности истинное положение в Курдистане. Разоблачая клеветническую кампанию багдадских властей, направленную против курдского движения, руководство ДПК в своем воззвании к иракскому народу указывало: «Иракские правители привыкли называть нас империалистическими агентами и прихвостнями империализма и утверждать, что именно империалисты снабжают нас оружием и деньгами. Однако ответьте нам, что это за борцы за свободу и патриоты, которые своей антинародной деятельностью фактически оказывают империализму неоценимую услугу и препятствуют народу развиваться, прогрессировать и добиваться процветания. У нас нет иных денег, кроме тех, которые нам дал наш бедный народ, несмотря на то что он в них исключительно нуждается, и у нас нет иного вооружения, кроме того, что мы захватили в качестве трофеев, и того, что нам доставили преданные сыны нашего народа, примкнувшие к нашему движению, покинув ряды правительственной армии. Если бы у нас имелось необходимое количество оружия и денег, то иракский народ не страдал бы сейчас под пятой этих плутов и лжецов, претендующих на руководство»⁹⁶.

Для выявления истинных виновников кровавых событий в Курдистане ДПК предлагала представителям арабской общественности определить, кто агрессор, а кто жертва агрессии. «Помимо всего прочего,—отмечалось далее в воззвании,—мы готовы принять делегацию народа, обеспечить ей передвижение, с тем чтобы она сама изучила обстановку и выяснила, соответствуют ли истине все те ложные обвинения, которые ирак-

ское руководство выдвигает против нас»⁹⁷. Кроме того, ДПК и курдские общественные организации и политические деятели обратились в различные международные организации с просьбой оказать содействие в приостановлении кровопролития и в справедливом решении курдского вопроса⁹⁸.

Свои неудачи в войне против курдских патриотов иракские власти вымещали на мирном курдском населении. Антикурдская истерия дошла до того, что в октябре 1961 г. по распоряжению официальных властей административным служащим было запрещено носить курдскую национальную одежду⁹⁹. В том же месяце иракским властям удалось втянуть в борьбу против участников движения за автономию отряды наемников, которые народ назвал «джаш» — «ослы». Эти отряды несли большие потери, и многое из их военного снаряжения оказалось в руках повстанцев¹⁰⁰. Однако в октябре—ноябре 1961 г. правительственными силами удалось заставить повстанцев отступить в горные районы. 23 ноября Касем прибыл в Сулейманийский район и даже лично открыл новое водохранилище в Дербенди-хан.

Курдские силы вели партизанские бои в горных районах, где, по выражению одного иностранного наблюдателя, «чувствовали себя, как рыба в воде». Правительственным войскам приходилось все труднее. Не сумев подавить сопротивление курдских повстанцев силой, Касем прибег к маневрам. 17 декабря 1961 г. в Курдистане с самолетов было сброшено огромное количество листовок за подписью генерал-губернатора, в которых тот призвал всех повстанцев к «безоговорочной капитуляции». Срок капитуляции не указывался, но говорилось, что будут приняты «самые суровые меры против тех, кто все еще оказывает сопротивление...»¹⁰¹.

В начале 1962 г. правительство и сам Касем вынуждены были официально признать, что «восстание курдов продолжает разгораться». Касем вновь повторил старую версию о «связях восставших курдов с империализмом». В начале января 1962 г. он сделал публичное заявление, в котором отмечал: «Тот факт, что новый мятеж произошел как раз тогда, когда мы готовились реагировать на новые события, явившиеся результатом угроз и провокаций империализма, опять-таки доказывает, что мятежники на севере находились в союзе с мятежниками на юге. Однако провокации не помешают Ираку осуществить его миссию по освобождению Кувейта»¹⁰².

Через несколько дней после этого заявления иракского премьера в прессе Ирака и других арабских стран появилось сообщение о том, что правительство послало в район восстания специальную делегацию «для переговоров и с целью приостановить военные действия между курдскими вооруженными отрядами и иракской армией»¹⁰³. Эта инициатива правительства была одобрена Барзани и другими курдскими лидерами, которые немедленно представили правительству свои справедли-

вые условия, в случае удовлетворения которых обязались прекратить вооруженное сопротивление¹⁰⁴. Правительством был также предпринят другой обнадеживающий шаг — издан декрет об амнистии участникам восстания.

Однако, как показало время, все эти шаги правительства были отвлекающим маневром. Дальше события развивались следующим образом. Командование Киркукским военным округом от имени правительства предложило М. Барзани начать переговоры о мирном урегулировании конфликта. Была достигнута договоренность о месте проведения переговоров — в небольшом селении на берегу речки. В назначенный час туда на вертолете прибыли два иракских офицера. Их уже ждали партизанские разведчики, которые сообщили, что М. Барзани решил перенести место встречи на два километра в сторону. Офицеры не возразили, и «не прошли они и полпути, как в небе появились самолеты, которые сожгли хутор и буквально перепахали бомбами место, где он находился. Всем стало ясно, что затея с переговорами потребовалась Касему для того, чтобы убить Барзани, пожертвовав жизнью своих офицеров»¹⁰⁵. Иракские власти жестоко расправились с теми партизанами, которые поверили указу об амнистии. Все сдавшиеся были арестованы. А «ночью на один из барачных, где сидели арестованные, напали „неизвестные лица“, — возможно, это были переодетые жандармы, а возможно, подкупленные бандиты — и открыли огонь по безоружным. Погибло более 20 человек»¹⁰⁶.

В конце марта 1962 г. правительственные вооруженные силы предприняли новые яростные атаки против повстанцев с целью возвратить позиции, утраченные зимой. Весеннее наступление иракских войск было самым большим с начала военных действий. Потери среди личного состава иракских войск и курдского гражданского населения исчислялись тысячами. Воздушными бомбардировками и напалмом было уничтожено 100 деревень¹⁰⁷.

Один иностранный наблюдатель, специально побывавший в Ираке весной 1962 г. для ознакомления с событиями в Курдистане, следующим образом описывает связь повстанцев с населением и репрессии властей. «Повстанцы часто спускаются в деревни для получения продовольствия, оружия и пр. Правительственные самолеты прилетают, чтобы уничтожить эти деревни, но обычно успевают это делать только после того, как повстанцы уже уйдут оттуда. В результате имеются большие потери среди населения, в том числе среди женщин и детей... Войска прибывают вслед за бегущими из деревень курдами, чтобы грабить лавки и дома в отместку за помощь, оказываемую повстанцам»¹⁰⁸.

Неоценимую морально-политическую и иную помощь оказывали курдским повстанцам прогрессивные силы Ирака во главе с компартией. ИКП требовала немедленного прекраще-

ния военных действий и мирного, справедливого решения курдской проблемы. «Политика дискриминации и национального угнетения,—говорилось в одном из заявлений ИКП,—дает себя знать во многих областях и принимает различные формы: курдов лишают права на культурное самоуправление, курдских чиновников смещают и переводят в отдаленные от Курдистана места, курдские наименования школ и магазинов заменяют арабскими, даже курдская пшеница ныне именуется арабской. Демократические силы Курдистана лишены свободы литературной или политической публикации»¹⁰⁹.

Компартия неоднократно подчеркивала, что решение курдского вопроса не может быть достигнуто насильственными методами. Иракское правительство, однако, продолжало войну в Курдистане, одновременно всеми мерами стараясь скрыть правду о событиях. В мае 1962 г. ЦК КПИ обратился через посредство братских коммунистических и рабочих партий к мировому общественному мнению со специальным воззванием (за подписью своего первого секретаря Хусейна ар-Рады — Салам Адила), в котором просил «оказать давление на иракское правительство и побудить его прекратить братоубийственную войну в Курдистане»¹¹⁰. Война эта обходилась иракскому народу в 20 млн. ф. ст. в год¹¹¹.

Весной 1962 г. ИКП и другие прогрессивные партии и организации Ирака усилили борьбу против антинародной войны в Курдистане. В апреле по призыву ИКП в Багдаде была организована многотысячная демонстрация. Демонстранты требовали «прекратить кровопролитную войну в Курдистане и обеспечить политические и демократические свободы»¹¹². Между демонстрантами и полицией произошло столкновение, в котором погибло четыре человека. После этих событий напряженность в стране усилилась. Власти прибегли к репрессивным мерам. Были арестованы многие гражданские лица и 70 офицеров иракской армии, в том числе и приближенные Касема¹¹³.

Известный политический деятель Ирака, лидер Национально-демократической партии Камиль Чадерчи опубликовал заявление, в котором призвал положить конец чрезвычайному положению в стране, устранить от руководства военных и передать власть гражданским лицам, обеспечить демократические свободы, подготовить и провести всеобщие парламентские выборы. «Курды,—говорилось в заявлении,—не сепаратисты, а всего лишь требуют свои права, и мы обязаны признать их права»¹¹⁴. Одиннадцать известных политических деятелей Ирака, в том числе бывшие министры Ибрагим Кубба, Мустафа Али, ряд писателей и адвокатов выступили с заявлением, в котором требовали «приложить усилия для мирного урегулирования курдского вопроса, ибо продолжение войны угрожает национальному единству и подрывает экономику»¹¹⁵. Несмотря на строгую цензуру, даже в иракскую буржуазную

прессу нередко проникали смелые призывы, осуждавшие войну в Курдистане. «Мы находим,— писала газета „Аль-Баян“, орган Национально-прогрессивной партии,— что взаимоотношения между арабами и курдами в Иракской Республике должны быть основаны на признании курдской нации как равноправного партнера, без какой-либо попытки растворить курдов в арабской нации»¹¹⁶.

Выступления ИКП и других прогрессивных сил Ирака в пользу мирного и справедливого решения курдской проблемы вызывали яростное сопротивление реакционно-шовинистических кругов. Руководство Федерации профсоюзов Ирака, состоявшее из ставленников правительства Касема, в ответ на выступления Камиля Чадерчи и упомянутой группы деятелей опубликовало заявление, в котором призвало премьер-министра строго наказать тех «образованных иракцев, которые 7 мая выступили с требованием установить мир в Курдистане»¹¹⁷ и которые «являются врагами законности»¹¹⁸.

Сенсационные сообщения о «решительных победах» правительственных войск опубликовала реакционная газета «Аль-Ахд аль-Джадида». «Верные правительству курды,— писала она,— на севере Ирака окружили тот район, где скрывается руководитель провалившегося курдского заговора Барзани. Восстанию положен конец»¹¹⁹.

Правительство же слало все новые подкрепления в Курдистан. Расправа с мирным курдским населением принимала все более широкие масштабы.

В мае 1962 г. представители ДПК в Бейруте распространили листовки за подписью М. Барзани с призывом покончить с кровопролитием в Курдистане. «Мы призываем оказать содействие, чтобы прекратить акции иракских вооруженных сил, которые бомбят курдские деревни, сжигают посевы, уничтожают скот»¹²⁰, говорилось в одной такой листовке. В другой отмечалось, что «курды не хотят воевать против арабов, а всего лишь сопротивляются давлению Абдель Керим Касема и добиваются создания конституционного правительства, которое в рамках единого иракского государства признает автономные права курдов»¹²¹.

Через некоторое время руководитель курдского национально-демократического движения через своих представителей распространил новое обращение к международной общественности. В этом документе, который был опубликован в прогрессивной печати ряда стран, говорилось: «О сыны человечества, народы мира! Как сын курдского народа, как преданный иракский гражданин, от имени всех повстанцев обращаюсь к вам, к Организации Объединенных Наций, Комитету защиты прав человека, Международному обществу Красного Креста, постоянному секретариату Комитета солидарности народов Азии и Африки, Международному демократическому союзу юристов, журналистам, носителям гуманизма. Приходи-

те и посмотрите на бесчеловечные поступки, совершаемые в отношении нашего народа в Ираке, посмотрите, как убивают сотни людей, как разрушаются тысячи домов, как с самолетов напалмом поджигаются деревни и посевы, как выселяются тысячи стариков, детей и женщин»¹²².

Касаясь требования правительства Касема «капитулировать и сдать оружие», Барзани отмечал: «Не мы, а подлинные заговорщики должны сложить оружие и предстать перед народным судом. Мы не нуждаемся в амнистии, ибо мы никого не притесняли, а всего лишь защищаем наши законные права. Амнистируют тех, кто совершил преступление против народа. Мы добиваемся признания законных прав курдского народа, вместо личной диктатуры требуем законодательной власти и признания политических, экономических и социально-культурных прав курдского народа в Иракской Республике как самостоятельного народа»¹²³.

В этом заявлении Барзани призвал Комитет защиты прав человека прислать комиссию для обследования положения курдов, а Международное общество Красного Креста — спасти жизнь тысячам детей, стариков и женщин¹²⁴. В этом же заявлении приводились многочисленные факты жестокого обращения иракских войск с повстанцами. Например, в районе Дербенди Базиян «офицер иракской армии в присутствии тысячи офицеров и солдат без суда и следствия расстрелял группу курдских повстанцев. Еще один из повстанцев, Мухаммед Амин Мирхан, был тяжело ранен и сдался иракским властям. На третий день в больнице его, спящего, прикончил некий иракский военнослужащий...»¹²⁵. «Жестокость и варварство, к которым прибегает нынешнее правительство при подавлении вооруженного движения в Курдистане, — констатировалось в решении ЦК ИКП 6 ноября 1961 г., — далеко превзошли те, которые применяли в отношении курдов правительства ликвидированного монархического режима»¹²⁶.

В отличие от своих противников курдские повстанцы проявляли гуманность по отношению к арабским военнопленным. В курдской революционной армии был установлен такой порядок: большинству военнопленных, особенно тем, кто дезертировал из иракской армии, предоставлялось право выбора — либо остаться в революционной армии, либо вернуться домой¹²⁷. При этом в ряде случаев «курды сопровождали их до родного села»¹²⁸. Но обязательным условием освобождения пленного было его обещание никогда больше не принимать участия в войне против братского народа. Фотография и подпись отпущенного солдата оставались у повстанцев, и его предупреждали, что если он снова примет участие в войне и попадет в плен, то по отношению к нему будут уже применены суровые меры. Французский автор Жан Прадье пишет, как в таких условиях формировалось отношение зачастую безграмотного или малограмотного арабского солдата к войне в Курдистане:

«Почему же я должен идти в горы? Пусть Барзани там живет... я человек равнины, даже не знаю их языка...»¹²⁹.

В конце мая — начале июня 1962 г. бои в Курдистане приняли ожесточенный и развернутый характер. Курдские отряды в местечке Квейра, в районе Киркука, нанесли крупное поражение правительственным силам. «Поход на Багдад» — так охарактеризовала положение в Курдистане бейрутская газета «Ас-Сияса». К курдским повстанцам присоединялись все новые группы, «они даже приобрели тяжелую артиллерию»¹³⁰. В районе Мосула повстанцы овладели укрепленным военным пунктом Пиждара и взяли в плен 1300 иракских солдат. «Курдское восстание приведет к свержению Касема», — заключала газета.

Французская «Монд» писала: «Несмотря на хвастливые заявления багдадского правительства, сообщения различных источников, которые, кстати, совпадают, показывают, что курдское восстание в Ираке расширяется и принимает все более упорный характер. В настоящее время партизаны владеют территорией 400 км длиной и 150 км шириной... Основные дороги северного района страны властями фактически не контролируются, несмотря на то что 30-тысячная иракская армия находится в сфере военных действий»¹³¹.

Успехи курдских повстанцев встревожили правительство. В Багдаде были опубликованы официальные сообщения об «усилении карательных мер в Курдистане», опровергавшие прежние официальные сообщения о «ликвидации мятежа». В начале июня 1962 г., во время встречи с неизвестным редактором газеты «Ас-Саура» Юнисом Аттайем, Касем вновь повторил не внушавшую уже никому доверия версию о том, что «восстание курдов инспирировано и поддерживается Англией и США». «Курды, — утверждал он, — стремятся создать на севере Ирака самостоятельное государство, а затем попросить у империалистических держав Англии и США, которые перебросят туда свои войска, как это случилось в принадлежащем нам Кувейте»¹³².

В середине июля 1962 г. силы ДПК предприняли новое наступление против правительственной армии. В районе турецко-иракской границы (южнее Хаккяри) произошло сражение между регулярной иракской армией и курдами. Повстанцам удалось сбить четыре иракских военных самолета. Характерно, что после этого сражения турецкие власти стали проявлять беспокойство. События в Иракском Курдистане стали предметом специального их обсуждения. «То, что происходит в близлежащих от наших границ районах и даже распространяется на нашу территорию, — писала турецкая газета „Миллиет“, — а, с другой стороны, наличие на нашей территории турецких граждан-курдов, которые дорожат своим происхождением, свидетельствуют о том, насколько серьезно положение также и для нас. Турецкое правительство до сих пор не изложило свое-

го мнения по этому вопросу, однако отныне необходимо внимательно обсудить эту проблему, разработать ту политику, которую мы должны проводить по этому вопросу, и предпринять соответствующие меры»¹³³.

Весенне-летнее (1962 г.) наступление иракской армии не создало перевеса в ее пользу. Курды не только стойко удерживали свои позиции, но и в ряде случаев сумели расширить контролируемые ими районы. Посетивший район восстания в июле—августе 1962 г. швейцарский журналист Дик Андерег писал, что «силы Барзани значительно усилили свои позиции, особенно после мартовского наступления правительственных сил, во время которого курды уничтожили один батальон иракской армии. Через два месяца целых 29 дней курды держали в окружении еще два батальона. Их разоружили и отпустили... В августе 1962 г. повстанцы окружили одно большое подразделение иракской армии в районе Ревандуза»¹³⁴.

После блокады Ревандузского района Барзани овладел населенным пунктом Гиран в долине Хошнава, а затем продвинулся к Салах эд-Дину и Сафинским горам. «Если бы вы в то время прошли по вершинам Ревандузских гор,— писал Адамс Шмидт,—то увидели бы костры окруженных иракских войск»¹³⁵. «Ныне наступаем мы,—заявил Барзани,—и центром нашего предстоящего удара будет Шаклава. Противник потерял способность атаковать...»¹³⁶.

Курды различной социальной принадлежности, но симпатизирующие национальному движению вступали в ряды бойцов. Возмущенные жестокостью карательных действий иракской армии, малыми и большими группами в повстанческую армию влиялись курдские крестьяне. Усилиями Иракской коммунистической партии, Демократической партии Курдистана и других прогрессивных организаций страны в ряде городов Ирака, как курдских, так и арабских, были созданы комитеты помощи восстанию. Эти комитеты организовывали сбор средств, медикаментов, продовольствия, оружия и пр. для освободительной армии Курдистана.

В сентябре 1962 г. правительство приняло решение, согласно которому почти весь Иракский Курдистан объявлялся блокадным. Все, что поддерживал курдское движение или занимал лояльное отношение к нему, подлежали репрессированию. Жертвой этой политики стало и многострадальное ассирийское меньшинство. При этом подлую роль играли некоторые реакционные курдские феодалы, в частности шейх Махмуд Ага Зибар. Касем вооружил банды этих реакционных «джашей» и направлял на расправу с мирным населением ассирийских деревень между Мосулом и Амадией¹³⁷. Иракские военно-воздушные силы разбомбили Амадию, после чего отряды Махмуда Зибара вошли в город и терроризировали мирное ассирийское и курдское население¹³⁸.

Демократическая партия Курдистана проводила разъясни-

тельную работу не только в курдских, но и в арабских районах Ирака. В своих документах (листочках, заявлениях, воззваниях) она разъясняла цели курдского движения и призвала арабское население содействовать ему как направленному против общего врага. «ДПК,— указывал Ж. Прадье,— выступает защитницей интересов не только курдского народа, но и арабов, армян, ассирийцев и туркмен»¹³⁹. И еще: «У курдских повстанцев,— пишет Ж. Прадье,— организованность достигла такой степени, что считающаяся одной из сильных на Ближнем Востоке иракская армия оказалась не в состоянии сломить их сопротивление»¹⁴⁰. Уже через несколько месяцев после начала военных действий руководству ДПК удалось объединить разрозненные партизанские отряды и создать единую освободительную армию Иракского Курдистана.

Движение в Курдистане превращалось в серьезный фактор общедемократической борьбы всего иракского народа. Это обстоятельство вызывало беспокойство не только внутренней реакции, но и империалистических держав и их ближневосточных партнеров¹⁴¹. В официальной прессе США, Англии, Турции и некоторых других стран были опубликованы материалы, тенденциозно толковавшие характер и цели курдского движения в Ираке, призывавшие к объединению усилий против «курдского сепаратизма», с тем чтобы покончить с ним «прежде, чем он успеет превратиться в фактор беспокойства для всего Ближнего Востока»¹⁴².

Турецкая газета «Ени сабах», касаясь событий в Иракском Курдистане, писала в сентябре 1962 г., что турецкому правительству необходимо укрепить свои границы для предотвращения «курдского проникновения», так как якобы «сторонники Барзани стали распространять в соседних странах листовки, призывающие местные племена, в частности племена, проживающие в Турции, оказать помощь повстанцам»¹⁴³.

Явно провокационную цель преследовало выступление американской газеты «Нью-Йорк таймс». Корреспондент этой газеты Дан Адамс Шмидт, совершивший поездку в Иракский Курдистан в сентябре 1962 г., опубликовал материал о курдском движении. Он утверждал, что во время его встречи с Барзани последний будто бы заявил, что «в настоящее время он намерен создать независимое государство, включив в него иракских, турецких, иранских и сирийских курдов», и что «Барзани попросил помощи у США».

Представители ДПК дали отпор организаторам провокационной антикурдской кампании. «В Дамаске наш корреспондент случайно встретил одного из соратников Барзани и попросил рассказать об истинном положении в Курдистане,— писала бейрутская газета „Аль-Хадаф“.— Курдский лидер решительно опроверг утверждение корреспондента газеты „Нью-Йорк таймс“ о том, будто Барзани поставил перед собой задачу создать объединенный независимый Курдистан, который объеди-

нил бы курдов Ирака, Турции, Ирана и Сирии... Он добивается автономных национальных прав лишь для иракских курдов»¹⁴⁴.

Представитель курдского движения раскрывал истинные цели появления подобных сообщений в западной прессе: «У них одно намерение — исказить ясные требования курдов Ирака и создать напряженность в этом районе, особенно в Турции, Иране и, наконец, в Сирии. Это делается с целью усиления ненависти и страха перед Барзани, который не может позволить империалистам Запада вернуться в этот район. Возможно, что и в посылке к нам корреспондента Шмидта, несмотря на то что мы его не приглашали, кроется та же цель... Слух о том, будто Барзани не стесняется сотрудничать с империализмом, распространяется с целью подрыва его авторитета. Генерал Касем впал в ту же ошибку, когда он назвал Барзани, своего верного друга и помощника в революции 14 июня, агентом англичан»¹⁴⁵.

Прикрываясь маской «нейтрализма», официальные круги США, по существу, враждебно относились к курдскому движению и призывали своих партнеров на Ближнем Востоке объединить усилия против этой «опасности». Английский политический обозреватель Давид Адамсон, также побывавший в районе, контролируемом Барзани, и опубликовавший большую книгу под названием «Курдская война», писал в этой связи: «Возможность распространения восстания ставит державы — члены СЕНТО, как и оборонительную политику СЕНТО, перед серьезными опасностями в долгосрочном плане»¹⁴⁶. «По этой причине, — заключает Адамсон, — и из-за сомнений в отношении будущей стабильности автономного Курдистана Соединенные Штаты Америки враждебно относятся к курдскому восстанию»¹⁴⁷.

Шумная пропагандистская кампания вокруг курдского движения сопровождалась принятием в соседних с Ираком странах различных мер дипломатического и военного характера. Турция усиливала «защиту своих границ» для предотвращения «курдской опасности». Были произведены аресты в Турецком Курдистане. Аналогичные меры предприняли и иранские власти. В октябре 1962 г. сирийское правительство организовало в Дамаске встречу с курдскими «лидерами», во время которой последние торжественно заявили «о своей лояльности» правительству. Представляет интерес их заявление, опубликованное в печати: «Мы обосновались в Джебеле много лет тому назад, арабизировались (?) и всегда боролись за сирийский арабизм. Мы осуждаем деятельность группы „Ал-парти“ (ДПК.— Ш. М.) и призываем сирийских руководителей бороться против любого заговора, направленного против арабской Сирии»¹⁴⁸.

Курдское национально-демократическое движение развивалось, таким образом, в труднейших условиях, при враждебном отношении к нему империалистических держав и правительств Турции, Ирана и Сирии. Касаясь этого вопроса, Дан

Адамс Шмидт писал: «Иракская армия, с одной стороны, и сирийские, турецкие и иранские пограничные силы — с другой, выполняют роль эффективного заслона, изолировав мятежников от внешнего мира»¹⁴⁹.

В конце 1962 г. наиболее характерной чертой внутривнутриполитической жизни в Ираке было всеобщее недовольство касемовским режимом. Война, развязанная в Курдистане, сильно ударила по авторитету правительства. Как совершенно справедливо отмечается в одном из решений ЦК Компартии Ирака, «варварское нападение иракского правительства на Курдистан было безрассудным преступлением, совершенным без правильной оценки последствий и без учета общих национальных интересов»¹⁵⁰.

Недальновидная политика Касема завела страну в тупик. В конце 1962 г. в военных действиях наступило некоторое затишье. Иракская армия вынуждена была удовлетвориться сохранением в своих руках главных городов Курдистана. В ходе революционно-демократической борьбы курдов формировался военно-политический аппарат руководства движением. Все вопросы руководства были сосредоточены в руках Демократической партии Курдистана. ДПК проделала большую работу по разъяснению характера и целей курдского движения в Ираке и за его пределами. В течение 1962 г. она организовала негласную поездку ряда западных журналистов в район восстания. И хотя нередко некоторые из них извращали факты и по политическим соображениям многие вопросы истолковывали в неверном свете, все же эти поездки и публикация многочисленных материалов о событиях в Курдистане сыграли эффективную роль в деле организации международной поддержки курдского движения. Представители ДПК даже обратились к американским властям за разрешением организовать в Нью-Йорке курдское информационное бюро. Американские власти отказали курдам, мотивировав свой отказ протестами иракского, турецкого и иранского правительств¹⁵¹. Особенно следует отметить деятельность Ассоциации курдских студентов в Европе, Камурана Али Бадрхана и Исмета Шерифа Ванли во Франции и других европейских странах. Они регулярно публиковали материалы информационного характера, объективно информируя международную общественность о событиях в Курдистане.

Постепенный отход касемовского режима от провозглашенных им принципов в области политических и социально-экономических преобразований и связанное непосредственно с этим банкротство режима, с одной стороны, и тот факт, что компартия и другие левые силы преследовались и были лишены возможности развернуть революционную деятельность — с другой, в известной степени способствовали росту влияния правых сил, в частности баасистов, которые хотя и преследовались, но все-таки старались сплотить вокруг себя недовольные режимом Ка-

сема элементы. Никто больше не верил заверениям правительства Касема, что «скоро будет положен конец курдскому мятежу». 29 декабря 1962 г. багдадская «Аль-Джумхурия» опубликовала сообщение (уже в шестой раз) о «смерти Барзани»¹⁵², а 8 января 1963 г. генерал Касем опубликовал свое очередное обращение к восставшим с требованием «в течение 10 дней сложить оружие и безоговорочно капитулировать». 13 января в официальном коммюнике, опубликованном в Багдаде, военный губернатор Ирака Ахмед Салех аль-Абди во исполнение приказа Касема от 8 января приказал войскам оставаться на своих позициях и не стрелять в «мятежников» в течение срока, предоставленного восставшим для «капитуляции».

Касем предпринимал запоздалые и к тому же неразумные шаги. Требуя от повстанцев «безоговорочной капитуляции», он взамен не обещал ничего, так что его требование просто повисло в воздухе.

30 января 1963 г. на пресс-конференции в Багдаде Касем заявил о намерении правительства создать национальную иракскую нефтяную компанию¹⁵³. Этот шаг правительства Касема не был случайным. В течение нескольких лет после революции темпы развития сельскохозяйственного производства и промышленности несколько снизились. Это объяснялось не только сокращением капиталовложений, но и тем, что в ходе революционных преобразований деформировались старые формы производства, особенно в сельском хозяйстве, что привело к сокращению сбора продовольственных и технических культур, продуктов животноводства. При таком положении вещей возрасла значимость нефтяной промышленности как важнейшего источника доходов. К тому же антинародная война в Курдистане поглощала огромные средства, в которых остро нуждался иракский народ.

Намерение Касема создать национальную нефтяную компанию следует рассматривать как прогрессивный шаг, отвечающий общим интересам иракского народа. Однако это важнейшее мероприятие могло увенчаться успехом лишь при активной поддержке демократических сил Ирака. К сожалению, они были загнаны в подполье, преследовались и подвергались террору.

Касаясь внутривнутриполитических вопросов на упомянутой пресс-конференции, Касем умалчивал о событиях в Курдистане, но обрушился на империализм и Соединенные Штаты Америки: «Огромные нефтяные богатства Ирака вызывают интриги алчного империализма в отношении Иракской Республики... США хотят, чтобы наша политика следовала в фарватере американской. Они стремятся совать свой нос в дела нашей страны. Соединенные Штаты Америки угрожают нам, заявляя, что они в состоянии вооружить многие группировки в Ираке в целях уничтожения нашей республики»¹⁵⁴.

Касем не успел реализовать закон о создании национальной нефтяной компании, потому что пал его режим.

Широкие слои трудящихся выступали против безрассудной политики Касема. Компартия в качестве ведущих лозунгов борьбы выдвинула три требования: «а) мирное и справедливое решение курдского вопроса; б) улучшение экономического положения трудящихся; в) предоставление демократических свобод прогрессивным силам страны». Она считала, что «война, развязанная против курдов, ослабляет фронт национального единства и содействует ослаблению и падению существующей в стране власти». Кроме того, «проимпериалистические и реакционные силы искусно использовали курдскую войну и привлекли на свою сторону некоторые правые антиправительственные силы...»¹⁵⁵.

Еще в марте 1962 г. Центральный комитет ИКП принял развернутое решение по курдскому вопросу под названием «Наша политика и наш путь демократического и справедливого решения курдского национального вопроса в Ираке»¹⁵⁶. В этом программном документе ИКП по курдскому вопросу всесторонне анализировались внутренние и международные аспекты национального вопроса курдского народа, определялись ближайшие и отдаленные задачи курдского национального движения. «Национальный вопрос курдского народа,— говорится в этом документе,— вопрос о разделенном между тремя государствами Курдистане, является демократическим и справедливым по своей природе»¹⁵⁷. В решении ЦК ИКП подробно проанализированы этапы национально-освободительного движения курдского народа, разоблачены ближне- и средневосточные реакционные режимы и западный империализм — как злейшие враги национальных чаяний курдов, а также отмечены те положительные сдвиги, которые произошли в курдском национальном движении: «Национально-освободительное движение курдов во всех частях Курдистана является *демократическим* по своему характеру, потому что оно вытекает из стремления курдской нации к освобождению, национальному единству и направлено против национального угнетения, империализма, колониализма и их агентов»¹⁵⁸. Компартия обосновала необходимость единства борьбы курдов и арабов против национального и социального гнета. Подчеркивалось значение курдского национально-освободительного движения как важнейшего фактора борьбы против империалистического господства и военных блоков на Ближнем и Среднем Востоке.

Указывая на прогрессивный, демократический характер курдского национального движения, ИКП в то же время предупреждала об опасности узконационалистической тенденции в этом движении, отражающей узкоклассовые интересы эксплуататорских классов. Одним из проявлений этой тенденции было то, что некоторые политические руководители курдского движения, в том числе ряд лидеров ДПК, неоднократно выступали

против деятельности компартии и ее организаций в Курдистане. Компартия совершенно справедливо отмечала, что такая тактическая линия чревата опасностью изоляции курдского национального движения от общедемократической борьбы в Ираке и ее ослабления в целом¹⁵⁹. Вместе с тем ИКП указывала на еще большую опасность, которую таит в себе арабский шовинизм. Она разоблачала шовинистическую идеологию иракской национальной буржуазии, которая выступала против признания национальных прав курдов и тем самым создавала преграды на пути к демократизации страны.

Компартия обосновывала мысль о том, что путь достижения национальной автономии курдов лежит через арабско-курдское братство, ибо у них общий враг — империализм и внутренняя реакция: «Курдское национальное движение является сильным союзником арабского освободительного движения. В свою очередь, арабские народные массы и демократические силы являются сильной опорой для курдского национального движения»¹⁶⁰. Партия разоблачала идею такого «иракского единства», при котором курдам отказывали в праве пользоваться демократическими национальными свободами: «Единство Ирака без признания национальных прав курдов является мнимым». В таком «единстве» курды приобретали только некоторые гражданские права. ИКП считала, что борьба за мирное и демократическое решение курдского вопроса является патриотическим долгом всех прогрессивных сил Ирака: «Курдский национальный вопрос органически связан с проблемой демократии всего иракского народа. Трудно решить эти два вопроса отдельно друг от друга. Страдания курдского народа — это часть страданий иракского народа»¹⁶¹.

Одной из важнейших задач своей политики по национальному вопросу компартия считала установление подлинно дружественных отношений между курдами и туркменами. Компартия призывала курдские прогрессивные силы приложить усилия для пресечения интриг империалистов, нефтяных компаний и реакционных кругов Турции, которые всячески стремились разжечь национальную рознь между курдами и туркменским меньшинством в Курдистане: «История национально-демократической борьбы в нашей стране показывает, что единственный путь к победе — это единство национальных сил»¹⁶².

Национальную автономию курдов ИКП рассматривала не как «социалистическое мероприятие» и не как окончательное решение курдского национального вопроса, а как первый шаг на пути полного национального самоопределения курдов, как «демократическое мероприятие (как, например, аграрная реформа и демократический строй)»¹⁶³, как достижение, соответствующее «интересам Ирака и арабских народов» (даже национальной буржуазии страны), по следующим причинам:

«1. Без участия народа и без совместной борьбы (арабов и курдов) невозможно обеспечить защиту Иракской Республи-

ки, ее независимость и развитие демократии. Совместная борьба и ее развитие возможны лишь на основе добровольности. В противном случае единство превратится в насилие и встретит сопротивление со стороны курдского народа.

2. Арабские народы, у которых одна история и один язык, согласятся на объединение только на демократических началах. Объединение должно основываться только на принципе добровольности. Опыт египетско-сирийского объединения должен служить уроком для арабской буржуазии, для осознания, что если невозможно насильственное объединение арабских народов, то тем более невозможно объединение двух разных народов — арабов и курдов. И если каждому арабскому народу дано право добровольного объединения, то таким правом должен пользоваться и курдский народ.

3. Лишение курдского народа права национальной государственности и применение силы для подавления его борьбы, особенно в нынешних условиях, превращает Курдистан в арену постоянных волнений и столкновений, которые открывают путь для империалистических заговоров, направленных против независимости и единства Ирака.

4. Национальная автономия курдов укрепит единство иракского народа. Автономия Курдистана горячо будет воспринята курдами Турции и Ирана и привлечет к себе поработанный курдский народ этих стран.

5. Автономия Иракского Курдистана станет прочной основой для арабской политики Ирака. Иракский народ — арабы и курды — своим единством будет противостоять империализму и сионизму.

6. Автономия Иракского Курдистана усилит позиции Ирака в борьбе против нефтяных компаний (группа „Ирак петролеум компани“), которые фактически пользуются нерешенными проблемами Ирака для вмешательства в его внутренние дела.

7. Автономия (курдов) не противостоит центральному правительству, наоборот, она укрепит его авторитет. Не автономия, а отсутствие демократических прав для арабов и курдов ослабляет центральную власть.

8. Автономия Иракского Курдистана укрепит международные позиции Иракской Республики как демократического государства¹⁶⁴.

В решении ЦК ИКП подробно перечислялись меры по созданию основ демократического правопорядка в стране. Таковы главные вопросы важнейшего документа ИКП по курдскому вопросу. Решение ЦК ИКП марта 1962 г. вышло отдельным изданием и нелегально распространялось как в арабских, так и в курдских районах. Оно имело огромное значение для мобилизации демократических сил на борьбу против диктатуры Касема, за справедливое решение курдской проблемы.

Решение ИКП по курдскому вопросу было ярким свидетель-

ством политической зрелости иракских коммунистов. В июле и сентябре 1962 г. партия выступила с новыми заявлениями о политическом положении в стране и военных действиях в Курдистане. В этих заявлениях содержались требования немедленного прекращения военных действий против курдского народа, разрешения конфликта мирными средствами.

Таким образом, в начале 1963 г. в Ираке налицо было массовое недовольство режимом Касема. Однако необходимо отметить, оппозиция имела неоднородный социально-классовый состав. В ней были представлены как левые, так и правые силы. Левая оппозиция во главе с компартией выдвигала требования радикальной демократизации политической и экономической жизни страны, мирного, справедливого решения курдского вопроса. При этом она считала возможным добиться изменения политического курса правительства, нормализации положения, преодоления кризиса в стране мирным путем.

Последний период правления Касема характеризовался острым правительственным кризисом. Касем оказался в сложной ситуации и вынужден был искать выхода из нее. «Под влиянием усилившегося народного возмущения,— отмечалось в связи с этим в решении ЦК Иракской компартии,— провала военной кампании и возросшей угрозы потери власти Касем был вынужден склониться к перемирию, прекратить войну в Курдистане и, кроме того, прибегнуть к проведению некоторых мер против нефтяных монополий»¹⁶⁵.

Напрашивается вопрос, существовала ли реальная возможность повернуть ход событий в Ираке влево, добиться прекращения войны в Курдистане и восстановить демократические свободы в стране? Такая возможность, на наш взгляд, имела. Причем она не была связана ни с личностью Касема, ни с его диктаторским, изолированным от народа режимом. Главным объективным фактором для восстановления демократических свобод, прекращения войны в Курдистане и предоставления курдскому народу права на национальную автономию было наличие в стране все еще значительного демократического движения, возглавляемого Иракской коммунистической партией, Демократической партией Курдистана и Национально-демократической партией. К ним нередко примыкала и Национально-прогрессивная партия. Первые три партии, несмотря на преследования, продолжали пользоваться большим влиянием и занимали идентичные позиции по ряду основных внутривнутриполитических вопросов. За короткий период легальной деятельности после июльской революции компартия значительно расширила и укрепила свои ряды и стала силой, способной серьезно влиять на ход событий в стране.

Революционно-демократическим силам противостояла правая оппозиция — баасисты, партия Истикляль, юнионисты и другие правые силы, недовольные политикой Касема, послереволюционными политическими и экономическими преобразова-

ниями. Эти силы были враждебно настроены против демократического, особенно коммунистического, движения в стране. Они выступали также против любой формы признания национальных прав курдов. Разумеется, правая оппозиция также была неоднородной. Однако все входящие в эту группировку силы объединяла ненависть к Касему, а равно к Коммунистической партии и курдскому национальному движению.

В одном из решений ЦК ИКП справедливо отмечалось, что «война, развязанная против курдов, сыграла решающую роль в уничтожении национального единства и в извращении линии национальной борьбы, сильно содействовала ослаблению, а в конечном счете и падению существовавшей в стране власти»¹⁶⁶. И далее: «Правая оппозиция искусно использовала обстоятельства курдской войны и привлекла на свою сторону некоторые антиправительственные силы, использовав также позицию некоторых оппозиционных сил»¹⁶⁷. К этому же выводу приходила и западная печать. Так, западногерманская газета писала: «Недовольство бессмысленной войной на севере Ирака, которое охватило также армию, стало не второстепенной причиной восстания офицеров против Касема»¹⁶⁸.

Если сопоставить силы и влияние левой и правой оппозиций, то, бесспорно, следует признать превосходство левой. Однако к власти, как известно, пришла правая оппозиция. Причиной этого была разрозненность левых сил, их разобщенность. Левые нередко допускали ошибки, упущения. ИКП, например, переоценивала прогрессивный характер режима Касема и первоначально негативно относилась к вооруженной борьбе курдов за автономию, необоснованно считая его «племенным мятежом». ДПК начиная с сентября 1962 г. ограничила свою деятельность организацией сопротивления натиску правительственных войск. НДП практически вообще бездействовала, как и НПП. Такое положение, конечно, беспокоило ИКП. Она вместе с другими прогрессивными силами, хотя и была загнана в подполье, проводила огромную работу по сплочению усилий широких слоев народа в борьбе против внутренней реакции, которая все больше поднимала голову. Со второй половины 1962 г. особенно усилился процесс сближения и консолидации патриотических сил, что, в свою очередь, обеспокоило правую оппозицию.

Находясь в оппозиции Касему и его режиму, демократические силы страны, особенно компартия, предупреждали об опасности правозэкстремистского заговора. ИКП неоднократно обращала внимание Касема на серьезную опасность со стороны правых экстремистов. По этому вопросу в 1962 г. ИКП дважды обращалась к Касему с заявлениями. 3 января 1963 г. Центральный комитет ИКП еще раз выступил с заявлением, в котором требовал от Касема решительных мер против правозэкстремистской оппозиции, не скрывавшей своего намерения захватить власть в стране. В своем заявлении ИКП даже конк-

ретно называла части багдадского гарнизона и лиц, готовивших переворот. Однако Касем не отреагировал на предупреждения ИКП, да и не мог, по существу, уже реагировать, так как потерял способность к руководству государством, «а его политика балансирования между правыми и левыми силами и бонапартизм содействовали лишь разложению национального единства и обеспечили условия, приведшие к устранению его от власти»¹⁶⁹.

Успехи курдских национально-демократических сил на севере страны и активная деятельность ИКП и других иракских патриотов сильно беспокоили правую оппозицию, которая не без основания опасалась, что они могут серьезно повлиять на пошатнувшуюся власть Касема и повернуть политический курс страны влево. Заговорщики спешили осуществить планы военного переворота.

Касаясь февральского переворота в Ираке, Иракская коммунистическая партия отмечала, что он «имел целью покончить со всеми завоеваниями июльской революции; уничтожить коммунистическую партию и другие революционные силы в стране, очистить армию от демократически настроенных элементов, нанести удар по курдскому движению, разорвать дружбу и сотрудничество со странами социалистического лагеря, вновь повести Ирак по пути сотрудничества с Западом и пособничества интересам нефтяных компаний»¹⁷⁰.

Член Политбюро ЦК ИКП Анвар Мустафа, касаясь этого вопроса, писал: «Цель путча 8 февраля заключалась в том, чтобы не допустить поворота политики влево под нажимом демократических сил во главе с коммунистами. В последние месяцы правления Касема это давление неуклонно возрастало. Все решительнее раздавались требования покончить с касемовской военной диктатурой, восстановить демократические свободы, провести выборы в парламент и принять демократическую конституцию, сформировать прочное демократическое правительство национального единства, добиться мира с курдами на основе выполнения обещаний, которые им дал Касем в 1958 г. За последние два-три месяца правления Касема положение в стране обострилось до такой степени, что массы могли добиться осуществления своих требований»¹⁷¹ (курсив наш.— Ш. М.).

Обеспокоенная перспективами массового движения, правая оппозиция старалась преградить ему путь. Таким образом, главной целью запланированного переворота были не только устранение от власти ненавистного ей Касема и расправа с ним, но и нанесение решительного удара по арабскому и курдскому демократическому движению, в частности по ИКП.

**ЭСКАЛАЦИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КУРДИСТАНЕ.
КУРДСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Свержение личной диктатуры Касема не облегчило положения иракского народа. Скорее наоборот, страна на некоторое время оказалась в тисках военно-фашистского режима, который своими действиями еще больше углубил кризисное положение во всех областях жизни страны. Исключение, естественно, не могла составить и курдская проблема. Она достигла «пика» остроты. Это было связано не только с продолжением политики игнорирования национальных прав курдского народа, но и с теми беспрецедентными по своим масштабам и жестокости акциями правящего режима и его союзников за пределами страны против курдов, которые превратили курдскую проблему в предмет обсуждения в международных организациях и в среде широких слоев мировой общественности.

Как уже отмечалось, в начале 1963 г. в Ираке не исключалась возможность (совместными усилиями демократических сил) поворота событий влево — серьезных шагов по восстановлению демократических свобод и тем самым преграждению пути реакции. Все это было очевидным для правой оппозиции, которая считала Касема «проводником коммунистического влияния» и выступала с настоятельным требованием положить конец деятельности левых демократов, в частности компартии. На этой общей основе правые националисты совместно со сторонниками свергнутого монархического режима и другими реакционными силами поспешили с подготовкой государственного переворота.

Разногласия Касема с другими арабскими лидерами по вопросу осуществления планов арабского единства и его претензии в отношении Кувейта, планы ограничения прав иностранных нефтяных компаний, пограничные и иные споры с Ираном и Турцией фактически привели к конфронтации Касема с группой государств, которые оказались заинтересованными в свержении его режима.

Заговорщики получали от враждебных Касему сил косвенную и прямую помощь. Известно, например, что подобный план государственного переворота был разработан в конце 1962 г. в Мюнхене. Согласно этой версии, в декабре 1962 г. высокопоставленный американский чиновник Фишер встретился с бывшим членом Высшего государственного совета Ирака, находившимся в эмиграции, Наджибом Рубаи. Представитель

Вашингтона обещал помощь для подготовки государственного переворота, требуя взамен уничтожения компартии и расправы с другими демократами. Привлекают внимание сообщения печати о том, что готовившийся государственный переворот обошелся США в 35 млн. долл.¹.

Интересно в этой связи и заявление небезызвестного экстремистского лидера иракских правобаасистов Али ас-Саади «о причастности американцев к перевороту», сделанное им спустя несколько лет после переворота. Знаток ближневосточных проблем, французский публицист Эрик Руло по этому поводу пишет: «Али ас-Саади, один из лидеров Баас, ставший заместителем премьера после государственного переворота 8 февраля 1963 г., говорил нам два года назад, что он убежден в том, что его партия пришла к власти „в американском поезде“. Саади намекнул при этом на проходившее якобы без его ведома в Кувейте за месяц до свержения генерала Касема секретное совещание, в котором приняли участие некоторые из его партийных товарищей и офицеры ЦРУ. Саади утверждал далее, что он имеет доказательство того, что правительство, в которое он входил в то время, доверяло американским специалистам осмотр советских военных материалов, за что Вашингтон поставил значительное количество напалма, использованного впоследствии иракскими войсками в войне против курдских автономистов»².

С приведенными фактами, свидетельствующими о связях заговорщиков с реакционными кругами западных держав, можно не согласиться как с не заслуживающими доверия, поскольку они не опираются на официальные документы. Однако достоверность многочисленных сообщений о связях заговорщиков с западными кругами косвенно подтверждает и то ликование, с которым было встречено на Западе сообщение о февральском перевороте в Ираке, и та поддержка, которой пользовался новый режим со стороны правящих кругов империалистических держав и их ближневосточных партнеров. «Февральский переворот,— говорится в одном из решений ЦК ИКП,—представлял собой империалистический заговор, организованный нефтяными монополиями и иностранной агентурой в сотрудничестве с группой руководящих деятелей Баас»³. В организации государственного переворота ведущую роль играли четыре группировки: правоэкстремистские лидеры Баас, тесно примыкающая к ним военная группировка Абдель Салам Арефа, Движение арабов-националистов и Движение юнионистов-социалистов.

Утром 8 февраля 1963 г. багдадцы были разбужены оружейными выстрелами. Это был последний день диктатуры Касема. Руководимые заговорщиками танковые и пехотные части багдадского гарнизона быстро захватили стратегические пункты столицы. Режим Касема, изолировавший себя от народа, пал в течение нескольких часов. Абдель Керим Касем,

Аббас Фадыл Махдави и Таха аш-Шейх без суда и следствия были расстреляны⁴. Расправа с Касемом и его ближайшими помощниками была совершена в присутствии Абдель Салям Арефа, называвшего себя «преданным младшим братом» Касема и освобожденного в 1962 г. из-под ареста самим Касемом. Трупы расстрелянных несколько раз были показаны по Иракскому телевидению. Тем самым заговорщики хотели убедить народ, что не следует возлагать надежды на поворот событий, а надо сдаться на милость новым правителям.

Какова была позиция лидеров курдского национально-демократического движения по отношению к военному режиму? Здесь прежде всего необходимо отметить, что после 17 месяцев вооруженной борьбы революционная армия Курдистана господствовала на большей части территории Иракского Курдистана, за исключением больших городов. Ее численность достигла 30 тыс. человек⁵. В освобожденных районах Демократическая партия Курдистана проводила большую организационно-политическую работу⁶. Вполне естественно, что при подготовке государственного переворота заговорщики не могли не считаться с этой силой, с той позицией, которую займут по отношению к перевороту руководители курдского движения.

В открытую печать проникли сообщения о том, что перед государственным переворотом представители упомянутых выше группировок имели встречи с Барзани и другими курдскими лидерами с целью заручиться их поддержкой в осуществлении переворота. В декабре 1962 г. полковник Тахер Яхья, впоследствии генерал и начальник генерального штаба иракской армии, установил прямые контакты с руководителями курдского движения. Он просил их помощи или по крайней мере дружественного нейтралитета (лояльности)⁷. В своем ответе руководители ДПК настаивали на гарантии новым режимом национальной автономии для курдов. Тахер Яхья уклонился от письменных обязательств и ограничился устным обещанием включить после переворота в состав будущего правительства курдских министров, рекомендованных Барзани⁸.

Эрик Руло, неоднократно бывавший в Иракском Курдистане, утверждает, что эти контакты были установлены еще раньше. Он пишет: «В феврале 1962 г. Ибрагим Ахмед (первый секретарь ДПК.— *Ш. М.*) принял молодого иракского офицера курдского происхождения Керима Карани, который прибыл к нему по поручению генерала Тахера Яхьи. Как член подпольного комитета офицеров-националистов, Яхья от имени своих сторонников искал поддержки курдов, чтобы успешно претворить свои планы переворота... 28 апреля 1962 г. Ибрагим Ахмед направил генералу Яхье письмо, фотокопия которого была передана нам (Эрику Руло.— *Ш. М.*). В этом письме он перечислял условия поддержки курдами возможного переворота. В августе того же года он получил ответ заговорщиков, которые принимали эти условия и предлагали Барзани сообщить им

имена курдских деятелей, включения которых в первое революционное правительство он желал бы...»⁹.

Таким образом, факт существования контактов между организаторами государственного переворота и лидерами курдского движения не вызывает сомнения. И это означает, что ДПК занимала противоположную ИКП позицию в отношении готовившегося переворота.

При оценке позиции лидеров Демократической партии Курдистана следует иметь в виду следующие обстоятельства.

Касем и его режим были повинны в убийстве тысяч курдских патриотов, а также мирных граждан Курдистана — стариков, женщин и детей, в разрушении сотен курдских поселений. Правительство Касема мечом и огнем отвечало на справедливые требования курдского народа о предоставлении ему права национальной автономии. Оно держало в жестких тисках экономической блокады большую часть Курдистана, вело истребительную войну фактически против всего курдского народа. Естественно, что в такой ситуации курдские национально-демократические силы были заинтересованы в скорейшем свержении диктатуры Касема. Однако это всего лишь одна сторона вопроса, не вскрывающая полностью сути проблемы в целом. Курдские лидеры не могли не знать о политической линии заговорщиков, в частности баасистских экстремистов, военной группировки Абдель Салям Арефа, да и юнионистов. Эти силы не раз выступали против левых сил арабов и курдов — членов и сторонников ИКП и ДПК, против прогрессивных социально-экономических преобразований в стране. И — что еще важнее — во всех документах и официальных заявлениях этих группировок вопрос о признании национальных прав курдов в Ираке обходился молчанием. Более того, их негативное отношение к курдской проблеме было хорошо известно руководителям ДПК. Естественно, что в таких условиях руководители курдских национально-демократических сил могли поддержать далеко не всякую смену режима. Им, как и всему иракскому народу, нужны были такие коренные изменения государственного режима, которые обеспечили бы решение основных экономических и социально-политических задач, ставших перед страной после июльской революции и волнующих весь иракский народ, в том числе и курдов.

Таким образом, даже при учете того факта, что курдские национально-демократические силы не приняли непосредственного участия в государственном перевороте, целесообразность занятой руководителями ДПК позиции лояльности по отношению к февральскому перевороту весьма сомнительна. По этому вопросу между Демократической партией Курдистана и Иракской коммунистической партией возникли серьезные расхождения. Для руководителей ДПК режим генерала Касема был абсолютно неприемлем и должен был быть свергнут любыми средствами. Коммунистическая же партия, резко критикуя ре-

жим Касема и развязанную им антинародную войну против курдских демократов, в то же время считала, что Касем объективно проводит антиимпериалистическую политику, что при его режиме демократические силы все еще представляют значительную силу. Исходя из этого, ИКП вполне обоснованно считала, что поспешные и необдуманные шаги по свержению режима Касема могут привести к власти еще более реакционные силы. Несогласованные действия ИКП и ДПК во многом облегчили задачу заговорщиков.

Заявление новых правителей Ирака о намерении осуществить цели июльской революции было чистойшей демагогией. Захватив власть, они начали жесточайшие репрессии против демократических сил страны.

Вся власть оказалась сосредоточенной в руках так называемого Национального совета революционного командования, составленного из представителей политических группировок, совершивших государственный переворот. Доминирующее положение в нем занимали экстремистские лидеры Баас. Совет революционного командования назначил президентом Ирака Абдель Салам Мухаммед Арефа, который провозгласил себя маршalom¹⁰.

Главный удар новых властей был направлен против Иракской коммунистической партии. Кровавый террор, массовое физическое уничтожение демократов и патриотов были возведены в ранг государственной политики. На следующий день после переворота по Багдадскому радио было передано официальное заявление руководителей нового режима, в котором говорилось: «Мы призываем всех сыновей народа помочь полицейским властям вывить преступников и уничтожить их»¹¹. Началась чудовищная расправа с иракскими патриотами, масштабы которой не имели себе равных на протяжении всей истории Ирака.

Правительство в спешном порядке приступило к организации черносотенных отрядов, так называемой национальной гвардии. По всей стране были открыты вербовочные пункты для набора добровольцев в национальную гвардию. В нее вступали главным образом деклассированные элементы и молодежь. Правительство предоставило командирам отрядов национальной гвардии, полиции и армии право «уничтожать любого коммуниста или симпатизирующего Касему». При этом убийцы не несли никакой ответственности перед судом¹².

Компартия оказалась в тяжелых условиях. Когда руководителям ИКП стало ясно, что вооруженное сопротивление новому реакционному режиму бесперспективно, ЦК ИКП решил прекратить вооруженную борьбу. Партийные организации ушли в глубокое подполье. Власти прилагали все усилия, чтобы схватить руководителей ИКП и расправиться с ними. Имея возможность на время иммигрировать и тем самым избежать расправы, руководители компартии — первый секретарь ЦК Салам Адиль, секретарь ЦК Джамаль Хайдари, члены руко-

водства партии Мухаммед Салех аль-Абаджи, Абуль-Иса и многие другие — не сделали этого; они остались в стране и продолжали руководить работой партийных организаций. Салам Адиль от имени секретариата ЦК ИКП обратился к партийным организациям в арабских и курдских районах, ко всему иракскому народу с письмом, содержавшим предварительную оценку переворота 8 февраля. В письме давался анализ причин, которые привели к падению режима Касема и к установлению диктатуры правоэкстремистов. «Контрреволюционный переворот 8 февраля 1963 г.,— говорилось в нем,— политически, идейно и экономически начался со второй половины 1959 г., когда Касем пошел на капитуляцию перед черными силами и встал на путь подрыва единства национальных патриотических рядов»¹³. Переворот характеризовался как «реакционно-империалистический акт, направленный на ликвидацию завоеваний июльской революции». Мужественный борец за свободу и демократические права иракского народа — арабов и курдов, Салам Адиль предвидел неминуемый крах кровавого режима в Ираке. «Такой режим,— писал он,— будет отвергнут народом и потерпит неминуемый крах». Основной причиной установления баасистского режима была постепенная изоляция диктатуры Касема от народа, от всех патриотических сил. Однако «реакционный переворот,— как указывал С. Адиль,— поставил себя в еще большую изоляцию, чем та, которая покончила с диктатурой Касема. Поэтому славный иракский народ в ближайшее время неизбежно покончит с нынешним режимом»¹⁴.

В ночь на 20 февраля 1963 г. по доносу предателя право-баасистские молодчики арестовали Салама Адилья. Его, как и многих других лидеров ИКП — арабов и курдов, доставили в отделение национальной гвардии в районе Карада аш-Шаркийя, а оттуда — в бывший королевский дворец Рихаб, наскоро приспособленный новыми властями под тюрьму для коммунистов. Здесь в подвале Салама Адилья подвергли самым изощренным пыткам. 5 марта 1963 г. во время очередного зверского допроса Салам Адиль был убит. Чтобы скрыть от общественности это кровавое преступление, задним числом был сфабрикован «приговор военного трибунала» о смертной казни Адилья и двух его соратников — видных деятелей ИКП Мухаммеда Хусейна Абуль-Исы и Хасана Увейни. В июле были казнены член Политбюро и секретарь ЦК ИКП, верный сын курдского народа Джамаль Хайдари и член Политбюро Мухаммед Салех аль-Абаджи.

Злодейское убийство Салама Адилья, других руководителей ИКП, массовый террор против патриотов и демократов вызвали волну возмущения всей прогрессивной мировой общественности. «Это чудовищное злодеяние потрясло прогрессивных людей во всем мире,— говорилось в заявлении ЦК КПСС по поводу убийства Салама Адилья и других видных патриотов Ирака.— Оно свидетельствует о том, что иракские власти вопреки их утверждениям о приверженности Уставу ООН и Дек-

ларации прав человека, вопреки официально провозглашенной правительством Ирака политике „свободы, единства и социализма“, глумятся над элементарными принципами человечности и демократии»¹⁵.

С заявлениями протеста против террора и репрессий в Ираке выступили ЦК Коммунистической партии Советского Союза, коммунистические и рабочие партии Франции, Великобритании, Болгарии, Чехословакии, Польши, Северной Ирландии, Венгрии и многих других стран мира, а также такие национальные и международные организации и деятели, как Всеобщая конфедерация труда Франции, Итальянская конфедерация труда, Президиум Всеполюского совета мира, генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов и многие другие. Президент-исполнитель Всемирного Совета Мира проф. Дж. Бернал направил президенту Арефу телеграмму, в которой говорилось: «С ужасом я узнал о многочисленных убийствах и незаконных репрессиях, совершаемых в Ираке... Самым решительным образом протестую против этих преступлений, противоречащих закону действий и требую приостановить преследования иракских сторонников мира...»¹⁶.

16 февраля «революционные» отряды с помощью танков и бронетранспортеров блокировали район Кифа в Багдаде, населенный главным образом курдами, и была учинена зверская расправа над мирными жителями и укрывавшимися здесь от преследований арабскими и курдскими демократами.

О том, что новый режим не имел массовой опоры среди населения и отпугнул от себя многих, свидетельствует тот факт, что члены «национальной гвардии» одновременно с террористической деятельностью производили среди населения сбор подписей в поддержку нового режима»¹⁷.

Новый режим проводил двойственную политику. С одной стороны, он развязал беспрецедентный террор против всех демократических сил страны, а с другой — его представители официально заявили, что новый режим полон решимости «разрешить курдскую проблему мирным и справедливым путем». 9 февраля иракским войскам было приказано прекратить военные действия против курдов. С согласия Барзани в состав нового правительства были включены два курдских деятеля — шейх Баба Али и генерал Фуад Ареф. Член руководства партии Баас, государственный министр Хазем Джавад от имени правительства заявил, что «иракская революция будет решать все проблемы, оставленные режимом Касема, в том числе и курдский вопрос»¹⁸.

В условиях массового террора против прогрессивных сил страны ни Барзани, ни другие лидеры революционно-демократического движения курдов не воспринимали серьезно обещания нового правительства. В ответ на них решить курдский вопрос последовало весьма характерное заявление Барзани: «Было бы поспешно утверждать, что курды сплотятся вокруг нового ре-

жима. Ликвидация касемовского режима является всего лишь второстепенной целью в Иракском Курдистане. Самая главная цель остается прежней — признание национальных прав курдов»¹⁹.

Через несколько дней после переворота представитель Демократической партии Курдистана заявил: «Курды не могут не реагировать на убийства тысяч иракских арабов, поскольку цель курдской революции — восстановление в Ираке демократических свобод и свобод личности».

В первые же дни после переворота правительство предложило курдским руководителям начать переговоры с целью мирного разрешения «проблемы Севера», но уже тогда нетрудно было заметить симптомы вероломства нового режима. Как писала газета ливанских коммунистов «Ан-Нида», согласие правобасистского режима на переговоры с курдами явилось «тактическим ходом для выигрывания времени с целью организации наступления более широкого масштаба»²⁰. И все же лидеры курдского движения согласились пойти на переговоры. Такой тактический шаг был правильным по следующим трем причинам: 1. Если новый режим посредством переговоров с курдами стремился выиграть время для укрепления своих позиций, то и курдская освободительная армия, которая действовала в несравненно более трудных условиях, в не меньшей степени нуждалась в таком перемирии. 2. Согласие нового режима на официальные переговоры с курдами имело важное морально-политическое значение для курдов, поскольку, по существу, опровергало официальные сообщения правительства Касема о «незначительном по масштабам и силе заговора на Севере, обреченном на скорый провал». Новые правители вынуждены были официально признать наличие острого курдского национального вопроса в Ираке. 3. Наконец, плохо замаскированная тактика новых правителей Ирака, выразившаяся в явной затяжке переговоров, их вероломство, возобновление грязной братоубийственной войны против курдских национально-демократических сил в дальнейшем нанесли большой удар по престижу и без того обанкротившегося и изолированного от народа режима правозэкстремистов.

Первые контакты курдов и представителей правительства были расценены как «удовлетворительные». Тем временем правительство продолжало террор прогрессивных элементов страны, одновременно делая неопределенные, а иногда и двусмысленные заявления по курдскому вопросу. Так, 13 февраля 1963 г. министр иностранных дел Хусейн Шабиб заявил, что «революции удалось уничтожить прокасемовских коммунистов. Всякие дальнейшие попытки причинить вред нашему режиму постигнет такая же участь». Касаясь проблемы курдов, министр туманно сказал, что его «правительство будет добиваться восстановления отношений между курдами и арабами»²¹.

М. Барзани и другие лидеры ДПК придерживались все бо-

лее жесткой позиции. После того как переговоры были прерваны, представитель Демократической партии Курдистана по поручению Барзани сделал заявление, в котором говорилось: «Мы будем сражаться против Арефа точно так же, как боролись против Касема, до тех пор, пока наши требования не будут удовлетворены»²².

18 февраля 1963 г. начался новый тур переговоров. Специальным самолетом из Киркука в Багдад прибыла курдская делегация. «Молодой полковник в курдской национальной одежде, в прошлом один из редакторов газеты „Хабат“, вмиг оказался в центре внимания простых багдадцев, политических деятелей, журналистов. Приезд делегации, возглавляемой Джелалем Талабани, означал, что все реляции Касема о разгроме „мятежников“ на севере Ирака были блефом. А тот факт, что новые правители Ирака вынуждены пойти на переговоры с М. Барзани, говорил о его силе»²³.

Курдская делегация представила правительству меморандум — как основу по урегулированию курдской проблемы и восстановления мира на севере Ирака. В нем были изложены цели курдского движения и его требования. Курдские лидеры требовали предоставления национальной автономии на основе следующих принципов: «1. Иракская Республика является объединенным государством, составленным из двух основных национальностей, пользующихся равными правами — арабов и курдов — и выражающих желание на основе принципа добровольности жить вместе.

2. Иракская конституция должна предусмотреть создание высших законодательного и исполнительного органов с участием в них представителей курдского народа пропорционально численности арабов и курдов в стране...

3. В компетенцию центрального правительства должны входить общее руководство государственным аппаратом, внешнеполитические дела, в том числе отношения с ООН, национальная оборона, дела, связанные с нефтью, таможенная политика, пошлины, контроль над портами и аэродромами международного значения, главными железнодорожными линиями и шоссейными дорогами, вопросы гражданства, составление основного бюджета государства, центральное радиовещание и телевидение, ядерное оружие»²⁴.

В меморандуме отмечалось, что курдский народ должен пользоваться своими автономными национальными правами с помощью автономных законодательного и исполнительного советов, которые избираются населением Курдистана на основе свободных, прямых и тайных выборов. Законодательный совет принимает законы в пределах прав, установленных центральным правительством, а также назначает председателя исполнительного совета и может сместить его или любого другого члена исполнительного совета. Исполнительный совет выполняет свои функции в пределах автономного района, претворяя в жизнь

законы, принятые законодательным советом, а также все те законы, которые принимаются центральным правительством и касаются Курдистана. Автономный исполнительный совет должен вести: внутренними делами автономного курдского района, вопросами юриспруденции, образования и науки, здравоохранения, сельского хозяйства (в том числе табаководства), самоуправления городов, трудовыми и социальными делами, туризмом и всем тем, что связано с повышением благосостояния народа²⁵. Исполнительный совет назначает руководителей управлений и ведомств и по всем вопросам своей деятельности отчитывается перед законодательным советом²⁶.

В меморандуме говорилось также о финансовой деятельности автономных органов, указывались источники национального дохода, устанавливалась необходимость присутствия представителей Курдистана во всех центральных органах, занимающихся распределением национального дохода.

В меморандуме определялась территория автономного Курдистана, составленная из Сулейманийской, Киркукской и Эрбильской губерний, а также трех районов Мосульской ливы и ливы Диала, где курды составляют большинство населения. В нем также содержались требования, чтобы один вице-президент республики был курдом и избирался курдским народом, а конституция курдского национального автономного района обеспечивала культурные, экономические и социальные права, демократические свободы, а также неприкосновенность этнических и религиозных прав туркмен, айсоров, халдейцев, армян и других этнических общин. «Эти этнические общины должны пользоваться теми же правами, что и арабы и курды, и должны быть представлены в законодательном и исполнительном советах, а также других административных органах пропорционально своей численности»²⁷.

Во второй части меморандума перечислялись основные вопросы, решение которых считалось принципиально важным для достижения соглашения:

1. Курдский народ должен быть представлен в национальном (общенракском) совете пропорционально численности населения Курдистана.

2. Число курдских министров в центральном правительстве должно быть пропорциональным численности иракских курдов.

3. В центральных министерствах число курдских служащих также должно соответствовать численности иракских курдов.

4. В Багдадский университет, а также в другие вузы страны должны приниматься курдские студенты на основе упомянутого принципа. Этот принцип должен соблюдаться также при направлении студентов на учебу в зарубежные страны.

5. Заместитель начальника генерального штаба иракской армии должен быть курдом.

6. В случае если иракская армия изменит свое нынешнее название, то курдские подразделения должны называться «курд-

ская дивизия». Дивизия должна быть составлена из курдских военнослужащих — солдат и офицеров.

7. Военную службу курды несут в Курдистане. Все уволенные курдские офицеры должны быть восстановлены в своих правах и нести службу в военных подразделениях в Курдистане.

8. Соответственно своей численности курды должны приниматься в военный колледж, другие военные учебные заведения, а также в полицейскую школу.

9. Центральное правительство посылает в Курдистан дополнительный контингент войск только в случае угрозы Иракской Республике, в остальных случаях на это необходимо согласие законодательного и исполнительного советов Курдистана. Это положение не должно мешать проведению обычных военных маневров в конкретно указанные сроки.

10. Репрессивные действия иракских войск на автономной территории могут быть допущены только с разрешения законодательного совета.

11. Могут и должны считаться недействительными все те законодательного и исполнительного советов Курдистана. Это и демократические права курдского народа или создадут такую опасность.

12. За исключением военного времени и угрозы нападения извне, военное положение в Курдистане может быть введено только с разрешения законодательного совета.

13. Одному из нынешних курдских министров должно быть поручено сформировать временный исполнительный совет для предварительного обсуждения прав совета. Не позднее чем через четыре месяца после образования исполнительного совета должны быть проведены выборы в законодательный совет.

14. На принципах справедливости и в возможно короткий срок, но не позднее чем через четыре месяца, возместить материальный ущерб, являющийся результатом действий бывшего диктаторского режима в Курдистане.

15. Если иракское гражданство будет заменено арабским гражданством (имеется в виду вхождение Ирака в арабскую федерацию), то в паспортах или свидетельствах о рождении, выдаваемых курдам, должна быть пометка «Курдистан», если предьявитель живет в Курдистане, или «курд», если он является курдом по национальности.

16. Если иракское государственное знамя или герб изменится, то на нем должен найти место знак, символизирующий курдов или Курдистан²⁸.

Выдвигая эти требования, курдские представители заявили о своей готовности обсуждать разумные и приемлемые для них предложения правительства, а в случае необходимости и пойти на уступки. Однако требования революционно-демократических сил курдов были расценены официальными кругами Багдада как «чрезмерные и неприемлемые». Весьма характерно, что в то время, когда еще велись переговоры, министр иностранных

дел Ирака Талейб Хусейн Шабиб, выдавая истинные намерения правительства, цинично заявил, что «не может быть и речи о предоставлении курдам автономии. Хватит и того,— продолжал он,— что мы вступили в переговоры с человеком, стоящим вне закона... Если генерал Барзани не расположен пойти на компромисс, мы не будем откладывать дело в долгий ящик, чтобы раз и навсегда покончить с восстанием»²⁹.

Новый режим все чаще проявлял свои истинные намерения — выиграть время, а затем покончить с курдской проблемой силой. Переговоры были ширмой, маскирующей его коварные и вероломные планы. «Идея Курдистана,— писала бейрутская газета „Аль-Джадида“,— пугает иракских лидеров больше, чем Израиль»³⁰.

1 марта 1963 г. руководитель курдской делегации сделал заявление, в котором проходила мысль о бесперспективности переговоров: «Мы по-прежнему настаиваем на предоставлении Курдистану автономии. Если переговоры не приведут к желаемым результатам, мы, безусловно, возобновим борьбу. Мы не отказались от нашей революции, а только на время приостановили ее...»³¹.

Талабани на специальном правительственном самолете вылетел в Курдистан, чтобы дать отчет М. Барзани о ходе переговоров. На следующий день Барзани выступил с резким заявлением, в котором говорилось: «Мы не вымаливаем наших прав... Если они не признают наших прав, мы будем сражаться за них насмерть»³². 3 марта Национальный совет революционного командования издал коммюнике, специально посвященное изложению правительственной программы по «курдской проблеме в общем плане». В основе этого плана лежал так называемый план децентрализации (о нем см. ниже), который не удовлетворял даже минимальных требований курдского движения.

Наконец переговоры между курдами и представителями правительства вступили в решающую фазу. 4 марта 1963 г. в местечке Каниа Маран начались переговоры на высшем уровне³³.

Иракскую правительственную делегацию возглавлял начальник генерального штаба иракских вооруженных сил, генерал Тахер Яхья. В состав делегации входили полковник ВВС, член Национального совета революционного командования, имя которого по каким-то соображениям не сообщалось, генерал Фаттах Шаали, министр сельского хозяйства Баба Али, министр по делам вакфов Фауд Ареф, а также посол Ирака в США Хайдар Сулейман (последние трое курды). Курдскую делегацию возглавлял М. Барзани. «Обычный обмен формулами вежливости происходил без особой теплоты. Затем начались переговоры... Генерал Яхья указал прежде всего, что члены его делегации прибыли по личному почину и как друзья. Начальник штаба тем самым хотел показать генералу Барзани, что его

отказ поехать в Багдад отнюдь не привел к нарушению протокольных правил»³⁴.

Французский журналист Эрик Руло, присутствовавший на этих переговорах, передает подробности встречи: «Затем генерал Яхья затронул самую суть вопроса и изложил тезис, согласно которому эта братоубийственная война была навязана курдам и арабам старым режимом. Он заявил, что революция 14 рамадана (8 февраля) была революцией двух народов против Касема». Не упоминая о судьбе курдов в прошлом, Яхья заявил, что обе этнические группы всегда составляли «гармоническое целое». На это генерал Барзани ответил: «Как и всегда, я буду проявлять грубую откровенность. Я со своей стороны не делаю никакого различия между арабами, курдами, туркменами, айсорами, христианами, мусульманами и евреями, ибо все они сыны общей иракской родины. И вы, генерал Яхья, и я принадлежим к роду человеческого. У нас одинаковые физические качества и чувства. Однако вас зовут Тахер, а меня зовут Мустафа, и было бы напрасно отрицать, что нас двое, а не один человек, что у каждого из нас есть своя собственная личность. Если утверждать обратное, то это быстро приведет к постоянному конфликту»³⁵.

Руководитель курдской делегации разоблачил коварную, двурушническую политику нового режима по курдскому вопросу, по существу продолжающую политику прежнего режима. «Курдский народ,— сказал Барзани,— не верит больше в то, что мир и дружба могут быть обеспечены лишь красивыми словами. Касем по горло накормил нас такими словами и в то же время убивал наших женщин и детей. Если я не оказал поддержку вашему режиму, а я говорю об этом без обиняков, то это потому, что Багдад не сделал жеста, которого мы ожидали,— не признал прав курдского народа на самостоятельность в рамках иракского государства. Это требование сегодня, как и вчера, представляет собой наше требование-минимум для прекращения войны здесь»³⁶.

Дальнейшие переговоры протекали при закрытых дверях и никаких результатов не дали. 5 марта 1963 г. правительственная делегация возвратилась в Багдад. 15 марта 1963 г. национальный совет революционного командования опубликовал план «децентрализации управления» отдельными провинциями страны, в том числе и Курдистаном, в качестве «меры урегулирования курдской проблемы»³⁷. Планом предусматривалось новое административное деление всего Ирака на шесть губерний: Мосульскую, Киркукскую, Сулейманийскую, Багдадскую, Хилийскую и Басорскую³⁸. Это была куца административная реформа, сохранившая в отношении курдов прежнюю дискриминацию. Иракские губернаторства получили, как в Египте, некоторую самостоятельность при решении вопросов местного значения.

Авторы плана намеревались, таким образом, заменить ре-

шение курдского вопроса административной реформой, которая касалась всего Ирака. Более того, Совет революционного командования в далеко идущих целях ограничил область Иракского Курдистана пределами новой Сулейманийской губернии, в состав которой не были включены многие курдские районы, в том числе и нефтеносный Киркук. О политических, экономических и культурных институтах, обеспечивающих автономный статус Курдистана, в плане не было и речи. Лишь в последнем пункте говорилось, что в Сулейманийской губернии арабский и курдский языки признаются официальными³⁹.

Несмотря на неприемлемость «плана децентрализации», курды не спешили его отвергнуть. Поскольку иракское правительство впервые опубликовало свой «официальный план урегулирования курдской проблемы», М. Барзани и другие лидеры решили организовать его широкое обсуждение. С этой целью 18 марта 1963 г. в Кой-Санджаке был созван Всекурдский конгресс для обсуждения правительственного плана и выработки конкретных требований курдов, а также для уточнения программ переговоров с правительством.

В конгрессе приняли участие не только представители курдской освободительной армии и Демократической партии Курдистана. На нем были широко представлены политические и общественные деятели почти всех районов Курдистана. От правительства на конгрессе присутствовал государственный министр Фауд Ареф⁴⁰.

Конгресс в Кой-Санджаке явился выдающимся событием в истории национально-освободительной борьбы курдского народа. За четыре дня работы конгресса (с 18 по 22 марта) его участники всесторонне обменялись мнениями относительно задач курдского революционно-демократического движения и перспектив переговоров с правительством и разработали требования, которые в форме меморандума должны были быть представлены правительству. В основе этого документа лежали требования, изложенные в первом аналогичном меморандуме, о котором подробно говорилось выше.

Как и раньше, представители курдского народа единственным путем решения проблемы курдов считали автономию. Примечательно, что М. Барзани и другие лидеры курдского движения осуществление этих требований считали возможным лишь на основе «единой демократии во всем Ираке». «Автономия Курдистана,— заявил Барзани,— недостаточна. Надо, чтобы в Ираке были восстановлены мир и согласие. Одновременно необходимо положить конец временам военных заговоров и государственных переворотов, которые следуют один за другим и не решают проблемы, тормозят развитие страны. Я никогда не был врагом арабов и не имею никакого политического честолюбия. Вот почему я бы позволил себе посоветовать нынешним иракским руководителям: если вы хотите пользоваться доверием народа, вы должны объявить всеобщую амнистию, раз-

решить свободную деятельность всех партий, провести свободные выборы и составить правительство, в котором были бы представлены все политические течения и все национальные и религиозные меньшинства»⁴¹.

Ровно через месяц после переворота в Ираке, 8 марта 1963 г., сирийская партия Баас совершила государственный переворот в Сирии. Между представителями ОАР, Сирии и Ирака начались переговоры об образовании единого арабского государства.

17 апреля 1963 г., поздно ночью, представители правительства Египта, Ирака и Сирии подписали в Каире совместное коммюнике. Была достигнута договоренность о создании (после проведения референдума) нового федеративного государства — ОАР. Оно должно было состоять из трех районов — Египетского, Сирийского и Иракского. Столицей федерального государства был избран Каир.

Внешне правобаасисты показали себя горячими поборниками Арабской федерации. Однако на самом деле, как показала жизнь, новый режим в Ираке свои узкопартийные цели ставил выше арабского единства. Каирская декларация от 17 апреля 1963 г. об образовании тройственной Арабской федерации не была осуществлена. Руководители нового режима в Ираке не намеревались, как они говорили, «превратить страну в провинцию Египта». Стремясь установить свою безраздельную диктатуру в стране, а затем и в федеративном государстве, руководители правого крыла Баас в Ираке, а также баасисты Сирии начали борьбу против своих политических союзников по перевороту 8 февраля — юнионистов, сторонников Насера. Сторонников объединения с Египтом стали преследовать. Многие лидеры Движения арабов-националистов, Арабской социалистической партии и других юнионистских организаций были арестованы и осуждены, остальные бежали за границу. Аналогичная кампания имела место и в Сирии. Это не могло не привести к ухудшению отношений Ирака с Египтом и Сирии с Египтом.

В вопросе об арабском единстве курдские революционно-демократические деятели Ирака занимали четкую и недвусмысленную позицию. Они выступали в поддержку такого арабского единства, которое строилось бы на демократической и справедливой основе и учитывало национальные права курдов.

Борьба за арабское единство имеет свою историю, свои подъемы и спады, свои решенные и нерешенные проблемы. Это движение, неоднородное по своему характеру, делится на два течения. Одно из них — демократическое, которое отстаивает сочетание борьбы за единство на антиимпериалистической основе с социальными преобразованиями внутри страны, с решением курдской национальной проблемы и других социально-экономических вопросов. Другое выдвигает на первый план общепарабские лозунги, которые носят исключительно националистический характер. При этом эти узконационалистические лозун-

ги в большинстве случаев используются против революционно-демократического движения. При такой ситуации в одном лагере с правыми баасистами выступали реакционеры различных мастей, которых привлекала не столько сама идея арабского единства, сколько ее антидемократическая направленность.

Совершенно естественно, что любое движение или политическое течение, которое противостоит демократическому движению иракского народа — арабов, курдов и национальных меньшинств, — не может не поддерживаться внутренней реакцией и внешними империалистическими силами. Без учета этого факта трудно понять суть событий, происходивших в Ираке в рассматриваемый период. В 1963 г. существовал объективный, фактический союз иракской реакции с западными и другими реакционными силами на Ближнем Востоке. Не зря этот факт неоднократно подчеркивался в решениях и документах ряда демократических партий.

Механизм антидемократического и антинародного альянса был прост. Каждый из партнеров — с одной стороны, иракская реакция, с другой — внешние реакционные силы, участвовавшие в союзе, — преследовал свои собственные цели. Реакционно-шовинистическая идеология правых иракских баасистов была не случайным явлением. Спекулируя на своей ведущей роли в деле возрождения «былого величия арабской нации», правобаасисты стремились монополизировать право управления страной и решения всех аспектов межарабских дел. Иракская компартия учитывала эту опасность и вела против нее непримиримую борьбу, потому что, как писал В. И. Ленин, бывают периоды в истории рабочего движения, когда «людям, чтобы спасти социализм, приходилось бороться против бешеного, больного национализма»⁴².

После того как отношения между Насером и иракскими и сирийскими баасистами ухудшились, правительство ОАР стало выступать в защиту «справедливых требований курдов». Следует, однако, отметить, что, выступая в роли «защитников прав курдов», правящие круги ОАР не выдвигали какой-либо конкретной программы решения курдской проблемы, которая нашла бы поддержку курдов. Позиция ОАР в курдском вопросе характеризовалась неопределенностью и непостоянством. Совершенно очевидно, что «защита прав курдов» была тактическим ходом и со стороны правительства ОАР. Последнее поддерживало курдскую оппозицию в противовес антиюнионистской кампании иракских экстремистов и сирийских баасистов, наносящей удар по престижу ОАР в арабском мире.

Позиция сирийского правительства в курдском вопросе была явно негативной. Считая себя «небезучастным к тем неприятностям, которые были связаны с курдской автономией»⁴³, оно выступало за «скорейшую ликвидацию хронической курдской проблемы» военным путем.

Особую заинтересованность к событиям в Ираке и Ирак-

ском Курдистане проявляли правительства Турции и Ирана. И в Анкаре, и в Тегеране с ликованием восприняли вест о свержении касемовского режима. «Режим Касема был пропитан коммунистическим духом,— писала тегеранская газета,— вот почему мы радуемся убийству генерала Касема»⁴⁴. Правительства этих стран расценивали террор в Ираке против коммунистов и демократов, по словам иранской газеты «Атеш», как «шаг, отвечающий общим интересам Среднего Востока»⁴⁵. В Турции проявляли откровенное раздражение действиями Касема, который, по оценке турецкой официальной прессы, сначала «раскрепостил курдскую опасность», а затем (начиная с сентября 1961 г.) проявил «неспособность расправиться с курдским восстанием». «В действительности,— писала газета „Ватан“,— Касем бьет головой о ту скалу, которую он сам воздвиг»⁴⁶.

Приветствуя утвердившийся в Ираке после февральского переворота режим и одобряя его политику преследования и физического уничтожения патриотов, турецкое и иранское правительства в то же время не шли на тесное сближение с Ираком. На то были свои причины. Во-первых, турецкое и иранское правительства с явной враждебностью относились к попытке создать арабскую федерацию, в которой ведущую роль должна была играть враждебная им Объединенная Арабская Республика.

Во-вторых, как турецкое, так и иранское правительство были заинтересованы в скорейшей ликвидации курдского национального движения. Вот почему, приветствуя свержение касемовского режима, они в то же время «пережили известный период разочарования» по отношению к новому режиму в Ираке, который вступил в переговоры с представителями курдского революционно-демократического движения. Любую форму «курдской автономии» они считали большой «опасностью» для себя. Их беспокойство усиливалось в связи с возможным вмешательством в курдскую проблему правительства ОАР. По мнению официальных кругов Турции и Ирана, «содействуя автономии для курдов, Насер создал бы очаг неприятностей для них»⁴⁷.

Газета «Джумхуриет», выражая точку зрения правящих кругов Турции, писала по этому поводу следующее: «В настоящее время существует реальная опасность, что курдская проблема в Ираке может выйти за пределы этой страны и принять международный характер. Факты показывают, что курдская автономия в Ираке будет установлена по настоянию Насера. Вполне естественно, что Насер намерен создать на турецкой границе опасный очаг и в дальнейшем расширить его»⁴⁸. «В связи с тем,— отмечала другая влиятельная газета — „Ватан“,— что Турция должна стать одним из объектов требований будущей независимой курдской республики, наступил момент установить без промедления, какие меры должны быть приняты и ка-

жие основные моменты политики должны проводиться в жизнь»⁴⁹.

Вопрос об автономии курдов и роли правительства ОАР в этом деле беспокоил также и иранские правительственные круги. Однако не только этим определялись иракско-иранские отношения. Проблема совместного использования вод Шатт-эль-Араб, другие территориальные споры, в частности о принадлежности Персидского залива, Хузистана, в случае создания арабской федерации вновь бы обострились. Это обстоятельство до того обеспокоило иранское правительство, что, когда было объявлено о намерении Египта, Сирии и Ирака приступить к созданию арабской федерации (при главенствующей роли ОАР), «иранская армия на юге была приведена в состояние боевой готовности»⁵⁰. Позднее иранская газета «Кейхан» прямо заявила, что «иранцы никогда не потерпят арабского господства»⁵¹.

Дальнейший ход развития событий создал, однако, благоприятные условия для сближения иракского правоэкстремистского режима с Турцией и Ираном. После провала попытки баасистских лидеров осуществить объединение на свой манер, иракское правительство стало на путь ликвидации курдского революционно-демократического движения. Иранское и особенно турецкое правительство стали более активно проявлять свои намерения — помочь иракскому правительству подавить курдское движение.

Как всегда, главную роль в антикурдской кампании играло турецкое правительство. Турецкая пресса, подчеркивая необходимость объединения усилий Ирака, Ирана и Турции против курдского революционно-демократического движения, писала тогда: «Над нами одна угроза, мы сталкиваемся с одной опасностью. Как видно из последних событий, Иран, Ирак и Турцию связывает одна судьба. Мы вынуждены сотрудничать»⁵².

Возникает вопрос: чем же была вызвана активизация антикурдской деятельности названных стран именно в 1963 г., через два года после начала восстания курдов? Бесспорно, правящие круги этих стран проводили политику подавления курдского движения еще при режиме Касема. Однако между правительством Касема и правительствами этих стран существовали трения по ряду вопросов, о которых говорилось выше, что мешало объединению антикурдских усилий. При новом же режиме ситуация изменилась. Заинтересованность этих стран в подавлении курдского движения была усилена новым фактом. В 1963 г. новые правители Ирака вынуждены были официально признать факт существования нерешенной курдской национальной проблемы. Как это ни парадоксально, именно экстремистский режим, утвердившийся после 8 февраля, впервые заговорил о борьбе курдов за национальную автономию, до этого именуемой «мятежом сепаратистов, оторванных от народа».

Таким образом, было громогласно объявлено о существова-

нии курдской национальной проблемы, действовавшей также и в Турции, и в Иране. Впервые официальные правительственные круги одной из стран, разделивших Курдистан, не только признали факт существования курдского национального вопроса, но и вели, пусть безуспешно, переговоры с представителями курдского народа о путях решения проблемы. Вот, пожалуй, главный фактор, беспокоивший правительственные круги Ирана и Турции и ставший причиной активизации их борьбы против «курдской опасности».

К сожалению, не все факты совместных действий этих стран известны общественности. Но некоторые сведения все же проникли в прессу. Так, в апреле 1963 г. «в Багдаде представители Ирака, Турции и Ирана провели ряд совещаний, на которых обсуждались планы военных операций против курдов»⁵³. На этих совещаниях присутствовали военные атташе Турции и Ирана, а также группа иракских офицеров, участвовавших в военных действиях против курдов во времена Касема. Согласно этим сообщениям, представители Ирана и Турции продолжали использовать иранские и турецкие войска для борьбы с курдами на территории Ирака⁵⁴.

Аналогичные переговоры между представителями этих стран велись также в Анкаре⁵⁵. Согласно достигнутой договоренности перед началом операции иракских войск против курдов границы между этими странами должны были быть закрыты, поскольку «оружие, продовольствие и медикаменты якобы доставлялись иракским курдам турецкими и иранскими курдами»⁵⁶. В Турции были произведены массовые аресты среди курдов. Им было предъявлено обвинение «в связях с руководителями иракских курдов и в проведении подрывной пропаганды среди курдов»⁵⁷.

Вопрос о ликвидации курдского движения стал специальным предметом обсуждения на сессии агрессивного военного блока СЕНТО⁵⁸. Министр иностранных дел Турции Эркин, например, после возвращения из Карачи подтвердил, что «на сессии рассматривался курдский вопрос, в частности положение в Иракском Курдистане»⁵⁹. Турецкие официальные круги предприняли меры для установления сотрудничества между турецкими и иракскими пограничными властями «в соответствии с пограничными соглашениями между обеими странами»⁶⁰ (здесь, видимо, имеется в виду соглашение, заключенное в 1946 г. между Ираком и Турцией в Анкаре при участии Нури Саида, антикурдский характер которого хорошо известен⁶¹). В июле 1963 г. на очередной сессии СЕНТО был разработан план, согласно которому Турция и Иран должны были помочь Ираку в войне против курдов⁶².

В конце апреля 1963 г. правительство Ирака прекратило заигрывание с лидерами курдского национально-демократического движения. Нанеся тяжелейший удар по демократическому движению в стране и будучи уверенным в прямой или кос-

венной поддержке бывших союзников Ирака по Багдадскому пакту, экстремистский режим открыто встал на путь возобновления войны в Курдистане.

Отношения между курдскими представителями и Багдадом резко ухудшились. Иракские правители шаг за шагом отходили от своих первоначальных обещаний. Экономическая блокада Курдистана была, по существу, возобновлена⁶³. Многие члены ДПК вновь подверглись аресту. Одновременно правительство начало концентрировать вооруженные силы у главных городов Курдистана, в частности в районе нефтеносного Киркука⁶⁴.

24 апреля 1963 г. курдская делегация в Багдаде опубликовала для сведения иракской общественности требования курдов, ранее представленные правительству⁶⁵. Глава курдской делегации Талабани выехал на несколько дней в Каир.

В Каире Талабани, по существу, не добился от Насера того, чего хотели курды⁶⁶. По словам Талабани, во время его визита в Каир Насер лишь заверил курдов в своем «сочувствии и нейтралитете». Несмотря на напряженность отношений между Багдадом и Каиром, правительство ОАР и лично Насер не пошли дальше эфемерных устных заявлений о том, что «необходимо найти мирные пути решения курдской проблемы».

В середине мая 1963 г. иракский поверенный в делах в Бейруте Назем Джавад заявил, что «курды в Ираке выступают против требований Барзани о *создании курдского государства* (курсив наш.—Ш. М.) в Северном Ираке». Впервые после государственного переворота 8 февраля иракское официальное лицо заявило о таком требовании Барзани. Это провокационное заявление, несомненно, призвано было оправдать намечаемые агрессивные действия против курдов.

Перед возобновлением военных действий в Курдистане иракская правительственная делегация во главе с заместителем премьер-министра Али Саади посетила Дамаск для обсуждения вопроса о совместных действиях против курдов⁶⁷.

В то время как делегация курдов ожидала в Багдаде ответа на главные требования курдских национально-демократических сил, изложенные в их памятной записке, Национальный совет революционного командования распространил пространное коммюнике, в котором наряду с перечислением мер, якобы принятых для обеспечения «постоянного мира между курдами и арабами Ирака», указывались и военные, которые должны были прийти в действие через 24 часа⁶⁸. Коммюнике Национального совета революционного командования от 10 июня 1963 г. было, по существу, ультиматумом командованию освободительной армии Курдистана.

Барзани и другие курдские лидеры обвинялись в том, что они якобы изо дня в день «увеличивают свои сепаратистские реакционные и империалистические притязания», тесно связывают свои интересы с «интересами иностранных государств», что они

«во время мирных переговоров с правительством дали убежище коммунистам... тем, кто бежал от гражданского и военного правосудия...»⁶⁹.

Коммюнике Национального совета революционного командования объявило северные районы страны (провинции Мосул, Сулеймания, Эрбиль и Киркук) военной зоной, театром военных действий. В ультиматуме говорилось далее, что «24-часовой срок предоставляется всем группам предателей, врагов народа и правосудия, чтобы они сложили оружие и заявили о своем безоговорочном переходе на сторону национального правительства... Если барзаны не согласятся немедленно сдаться, то они испытывают на себе все последствия своей позиции...»⁷⁰.

Это было начало войны против курдского народа. Военно-экстремистский режим встал на путь продолжения начатой Касемом грязной войны против курдов. Разница была лишь в том, что новая война отличалась более жесткими методами. На следующий день после опубликования ультиматума правительство предложило вознаграждение в размере 100 тыс. динаров (250 тыс. долл.) тому, кто доставит в Багдад Мустафу Барзани живым или мертвым. Это сообщение было передано багдадской радиостанцией несколько раз. В связи с этим Али Салех Саади заявил: «Правительство считает, что стоит заплатить эту сумму; мы полагаем, что его захват положит конец всему»⁷¹.

Было объявлено, что всякому, кто предоставит убежище Барзани, грозит смертная казнь. Был обнародован целый ряд коммюнике, дополняющих правительственное заявление от 10 июня. В провинциях Киркук, Сулеймания и Эрбиль вводился комендантский час (с 8 часов вечера до 4 часов утра). Всем жителям Иракского Курдистана предлагалось сдать на ближайшие полицейские посты имеющееся у них оружие. Багдадское радио в передачах на курдском языке предупредило курдское население, что «горные деревни подвергнутся бомбардировке с воздуха, если они предоставят убежище мятежникам»⁷².

Многострадальный курдский народ снова вынужден был взяться за оружие и вести кровопролитную борьбу за свои погрязшие национальные права. «Над мирными курдскими деревнями и долинами взметнулись в небо языки пламени, кровь обогрела созревающие посевы. Отважные горцы снова сменили соху и серп на винтовки и карабины»⁷³.

Правительство с первых дней военных действий в Курдистане прибегло к тактике «выжженной земли». 12 июня президент Абдель Салам Мухаммед Ареф посетил Киркук и Эрбиль и инспектировал дислоцированные там воинские части. Он лично контролировал «операции по очистке этих районов».

Ведя ожесточенные оборонительные бои против вооруженных правительственных сил, курдские лидеры даже и теперь продолжали добиваться мирного решения курдской проблемы. Однако все их попытки не нашли отклика со стороны правительства. В ответ на послание Барзани о мирном урегулирова-

нии конфликта президент Ареф заявил, что «курдская проблема будет скоро решена с помощью военной силы, ибо время дипломатии и терпения прошло»⁷⁴.

Одновременно с началом военных действий в Курдистане правительство вопреки своим обещаниям арестовало в Багдаде всех членов курдской делегации во главе с Салехом Юсуфи. Два курдских министра в знак протеста вышли из состава правительства. Они были взяты под домашний арест⁷⁵.

Вопреки сообщениям иракских властей «о легких победах над курдами» война принимала все более ожесточенный и в то же время затажной характер. Помимо бомб самолеты сбрасывали баллоны с напалмом, сжигавшим строения, сады, плантации поздних культур. Уничтожая поля созревающей пшеницы, намолоченный хлеб, расстреливая из пулеметов стада, иракские власти стремились оставить курдов без продовольствия⁷⁶.

Курдистан вновь оказался в тисках экономической блокады. Английский журналист, посетивший в то время Ирак, описывает ужасающую картину варварства иракской армии и молодчиков из «национальной гвардии в Курдистане». «В городах сотни курдских женщин и детей были убиты подростками из молодежной организации — национальной гвардии, — пишет он. — Эти подростки подвешивали курдов за пятки, а затем секли их хлыстами. Когда женщины пытались спасти своих мужей от уничтожения, их самих убивали. Действуя при поддержке танков, члены этой молодежной организации помогали правительственным войскам смести с лица земли целые деревни, сгоняли людей на поля, где расстреливали их, а затем поджигали посевы. Вместе с посевами сгорали и трупы погибших людей.

В еще не тронутых деревнях были конфискованы все тракторы и другие сельскохозяйственные орудия, и жители этих деревень лишены были всякой возможности обрабатывать поля и зарабатывать себе на пропитание... Войскам было дано разрешение не дожидаясь постановлений военного суда расстреливать людей на месте...»⁷⁷.

Курдская освободительная армия, действуя в тесном сотрудничестве с гражданским населением, проявляла образцы мужества и беспримерного героизма. Применяя тактику распыления иракских вооруженных сил, повстанцы, в частности мужественные отряды «пешмерга», наносили по ним эффективные удары. В середине июня 1963 г. «более двух третей иракской армии было брошено на уничтожение курдских деревень. Однако армии не удалось вторгнуться в районы, удерживаемые войсками М. Барзани»⁷⁸. Важной победой курдских сил можно считать разгром наемных отрядов предателя Махмуд-аги Зибара. Последний после разгрома его отрядов бежал в Турцию, а многие его сторонники перешли в ряды повстанцев. Курдская освободительная армия наносила серьезные контрудары иракским регулярным войскам. За исключением городов, ДПК контролировала практически весь Северный Ирак; ее войска угрожали

даже Киркуку⁷⁹. Часть нефтяных установок возле Киркука и Айн Зала (район Мосула) также находилась под ее контролем. Иракские войска вынуждены были отойти в города⁸⁰.

Натолкнувшись на сильное сопротивление курдов, правительство помимо жестких военных мер предприняло шаги для разъединения сил повстанцев. Через неделю после возобновления военных действий был опубликован приказ генерал-губернатора Северного Ирака «о продлении срока амнистии тем, кто сдастся и присоединится к своим раскаивающимся собратьям» до конца июня. «Таким образом,— говорилось далее в приказе,— предоставляется новый шанс тем, кто не знал о нашем предыдущем приказе»⁸¹. Однако желающих сдаться и на этот раз не оказалось.

Жестокая блокада Курдистана, дискриминационная политика в отношении даже тех курдских районов, которые находились вне зоны влияния повстанцев, массовая бомбардировка мирных городов и деревень открыли глаза многим курдам, навивно верившим правительственной пропаганде, утверждавшей, что «борьба ведется только против мятежной группы Барзани». Политика геноцида привела в движение новые слои курдского населения, превратила войну в борьбу всего курдского народа за свои права. Становилось очевидным, что планы «молниеносной» расправы с курдским революционно-демократическим движением оказались нереальными и что между победными реляциями Багдада и истинным положением вещей лежит большая пропасть. Правильно охарактеризовала положение в Курдистане индийская газета «Пэтриот»: «Заместитель премьер-министра Ирака и генеральный секретарь партии Баас Саади заявил, что он за три месяца очистит северные районы страны от курдских повстанцев. Было бы чудом, если бы он смог выполнить это хвастливое обещание и через три года. Курды — это не крохотное меньшинство. В Ираке, а также в Иране, Турции и Сирии они героически борются за свои национальные и культурные права вот уже более 40 лет...»⁸².

В конце июня 1963 г. Али Саади, командующий ВВС Хардан Тикрити и помощник начальника штаба Халид аль-Хашими посетили Киркук и Мосул и пробыли там два дня. В Киркуке, а затем в Мосуле Саади «дал директивные указания» черносотенным отрядам молодчиков и уголовников из национальной гвардии, как расправляться с курдскими патриотами.

Правительства стран, разделивших Курдистан, стали проявлять серьезную озабоченность ходом развития событий в Иракском Курдистане. Настала пора претворить в жизнь планы совместных действий против курдского революционно-демократического движения. С началом военных действий против курдов правобаасистское правительство Сирии немедленно объявило о своей готовности «применить все средства для подавления курдского заговора»⁸³. Оно направило в Иракский Курдистан пехотный батальон и группу летчиков⁸⁴. Позднее было объ-

явлено о посылке «еще одного подразделения сирийской армии в помощь иракской армии в войне против курдов»⁸⁵.

В связи с военными действиями в Иракском Курдистане был усилен военно-политический режим в курдских районах Сирии. Во второй половине июня, в самый разгар войны в Курдистане, в г. Камышли прибыл министр внутренних дел Сирии Амин Хафиз, «совершавший инспекционную поездку по районам провинции Джебзире, населенным курдами»⁸⁶. К тому времени была достигнута договоренность между правительствами Ирака и Ирана, согласно которой Иран усилил свой гарнизон на ирако-иранской границе, с тем чтобы в случае отступления освободительной армии помешать ее бойцам перейти на иранскую территорию. Иракским же войскам было предоставлено право перехода иранской границы при преследовании курдов. «Военным действиям в Курдистане в 1963 г.,— пишет болгарский историк Радой Крестьев,—предшествовали секретные переговоры иракских правителей с Анкарой и Тегераном. Это подтверждается телеграммой № 3478/52 министра обороны Ирака, адресованной командирам первой, второй и третьей дивизий, в которой он предупреждал, что иранским и турецким самолетам дано разрешение пересекать границу Ирака в районах Сарсанк, Акра и Ревандуз с целью разведать пункты сосредоточения курдских сил»⁸⁷.

20 июня Национальный совет безопасности Турции под председательством президента Гюрселя заслушал доклад «о событиях, связанных с Барзани, и решил предпринять соответствующие меры на границе»⁸⁸. После этого заседания один из турецких министров заявил: «Мы будем сотрудничать с иракским правительством для разгрома Барзани»⁸⁹. А днем раньше, 19 июня, в турецком меджлисе был заслушан специальный доклад министра обороны Турции Санджара, который предложил продлить срок чрезвычайного положения, введенного в Турецком Курдистане. «Турецкие власти,— писала газета „Миллиет“,—разработали специальную систему, чтобы помешать установлению связи между курдами Ирака и Турции. Эти меры были приняты после инспекционной поездки по району восточной границы генерала Джемалю Турала, исполняющего обязанности главнокомандующего турецкими сухопутными войсками»⁹⁰.

Египетский публицист Хейкал в июне 1963 г. писал: «В настоящее время для уточнения точек сосредоточения курдов и организации их бомбардировки иракской армии предоставлены иранские и турецкие офицеры. Первые сидят в Мосуле, а вторые в Киркуке. Они имеют радиопередатчики, посредством которых регулируют взаимодействия между различными секторами»⁹¹. Турция также закрыла границу с Ираком и усилила ее охрану. Дополнительно были сформированы три новых жандармских корпуса в вилайетах Сиирт, Битлис и Диярбакир. В их функции входила борьба против «подрывной» деятельности⁹².

Все эти меры сопровождались массовыми арестами турецких курдов.

По мере того как курдское национально-демократическое движение получало международное признание, сотрудничество правительств трех названных стран приобретало все более серьезный характер. «В Багдаде был утвержден военный комитет в составе иракских, турецких и иранских офицеров, который занимался координацией военных операций против курдов»⁹³. Группа турецких офицеров в районе Эрбиля и Мосула, как уже говорилось, совместно с иранским штабом занималась планированием военных действий в Курдистане. Данная группа поддерживала прямую радиосвязь с командирами частей турецкой армии, дислоцированных на иракско-турецкой границе⁹⁴. Турецкие самолеты, не ограничиваясь разведывательными полетами над северными районами Ирака, принимали непосредственное участие в бомбардировке с иракскими ВВС курдских населенных пунктов напалмовыми бомбами⁹⁵.

Мероприятия против курдского движения получили одобрение и поддержку со стороны агрессивного военного блока СЕНТО⁹⁶. Как уже отмечалось, вопрос о борьбе против курдского движения был рассмотрен на сессии СЕНТО в Карачи. Затем участники блока вновь обсуждали «проблему курдов» в турецком городе Измир⁹⁷. Партия напалмовых бомб, получаемых Турцией по линии СЕНТО, была предоставлена в распоряжение иракских вооруженных сил. В работе координационного комитета военных представителей Ирака, Турции и Ирана непосредственное участие принимали высшие английские офицеры из штаба СЕНТО⁹⁸. Английское правительство выразило готовность предоставить свои военные базы на Ближнем и Среднем Востоке для целей подавления курдского движения. В начале августа 1963 г. турецкий министр внутренних дел совершил поездку в Тегеран для военных консультаций между Турцией, Ираном и Ираком. «В обсуждении вопросов ведения совместных операций против курдов принимали участие дипломатические представители Ирака и Ирана...»⁹⁹.

Во время этих бурных событий в Иракском Курдистане один из главных лидеров всеарабской партии Баас, Мишель Афляк, «был в постоянном контакте с американским и английским посольствами в Бейруте и имел неоднократные встречи с их представителями», — писал египетский журнал «Роз эль-Юсеф»¹⁰⁰. Было договорено, что если иракские самолеты, производящие бомбардировку курдских деревень, углубятся на территорию Турции, то это не будет считаться нарушением границы и Турция не будет преследовать такие самолеты. Официально сообщалось, что турецкое правительство перебросило к границам Ирака большое количество войск и закрыло ее. Закрыв границу и Иран¹⁰¹.

Правительства ведущих западных держав, в частности США, Англии и ФРГ, благосклонно отнеслись к политике

геноцида иракских властей в Курдистане. Более того, американские официальные круги фактически призывали ближневосточные страны, входящие в СЕНТО, сотрудничать с Ираком с целью ликвидации «курдской опасности». «Возможность войны курдов за независимость при поддержке Советов вызывает беспокойство в Турции и Иране,— писала газета „Нью-Йорк таймс“.— Эти страны, будучи нашими союзниками, уже *обсуждали* (курсив наш.— Ш. М.) вопрос об этой опасности с государственным секретарем Дином Раском»¹⁰². Соединенные Штаты начали предоставлять военную помощь Ираку для ведения войны против курдов. «Официальные представители Багдада,— писала „Правда“,— пытаюсь сделать хорошую мину при скверной игре, заявили, что они, дескать, отказываются от американского оружия, если оно не будет предоставляться без всяких условий. Но это было ложью. 28 июня 1963 г. в Басру прибыли первые 400 тонн американского военного снаряжения, авиабомбы, боеприпасы»¹⁰³.

В истребительной войне против курдов экстремистский режим получил также английскую поддержку. Англия заключила с Ираком соглашение о поставке ему 100 бронемашин марки «Сарацин» и 250 истребителей типа «Хаукер-Хантер»¹⁰⁴. Английские бронемашин были предназначены именно для войны против курдов, ибо, по словам английской печати, они «идеально подходили для переброски войск при ведении войны в горных условиях»¹⁰⁵. Исмет Шериф Ванли не без основания считает, что одной из причин уверенности иракских властей в успехе военной кампании против курдов «была английская военная помощь»¹⁰⁶.

Поддержка правительством истребительной войны против курдского народа вызвала волну протеста в Англии. Члены английского парламента от лейбористской партии публично протестовали против решения правительства предоставить помощь Ираку в войне с курдами, назвав его «позорным для Англии»¹⁰⁷. Член национального исполкома лейбористской партии Ян Микардо выступил со статьей, в которой осуждал сделку правительства с иракским режимом. Он писал: «Иракская армия не может изловить курдских партизан и поэтому мстит им, уничтожая курдские деревни и оставляя без крова женщин и детей. Эта позорная продажа оружия английским правительством для использования его против беззащитного гражданского населения вопиющим образом противоречит нынешним нуждам всего мира»¹⁰⁸.

Английская военная помощь не ограничилась лишь поставкой оружия. Иракское правительство послало для обучения в Англию группу летчиков. «Суэц был тяжелой потерей для англичан,— писала в этой связи бейрутская газета „Ан-Нахар“.— Англия не склонна теперь так просто расстаться с нефтью Ирака и Кувейта, нефтепроводами в Сирии. Она готова повторить новый Суэц»¹⁰⁹.

В ответ на помощь западных держав экстремистскому режиму курды взорвали две нефтяные скважины в местечке Джамбур, в 35 км южнее Киркука. Английский публицист Ричард Бистон, касаясь этих событий, писал: «Их надеждам (курдов.— Ш. М.) на сочувствие Запада, их требованию внутреннего самоуправления был нанесен серьезный удар, когда было объявлено, что Ирак заключил с Англией сделку на поставку оружия»¹¹⁰.

Иракское правительство, чтобы не оставаться в долгу перед западными державами, делало все, чтобы обеспечить нормальные условия для деятельности иностранных нефтяных компаний. Курды Киркукского района подвергались жестокому гонениям. Жители всех курдских деревень в радиусе 35 км от Киркука были изгнаны из родных мест. Иракская армия обстреливала многие мирные деревни, а затем сносила их остатки с лица земли с помощью танков и бульдозеров. Посевы сжигались, скот уничтожался. «Типичная операция была проведена вблизи Диббис-Дама. Танки обстреляли, а затем полностью уничтожили одну курдскую деревню. Бойцы „национальной гвардии“ с винтовками преследовали бегущих деревенских жителей...»¹¹¹. Иностранные нефтяные компании в ответ на такую «заботу» поддерживали антикурдскую политику правительства и оказывали ему финансовую помощь в виде досрочных отчислений за нефть.

Характерно, что в экономической программе баасистского экстремистского режима ничего не говорилось об отношении правительства к иностранным нефтяным компаниям, действующим в Ираке. Это было не случайно. Новый режим, по существу, отказался от плана создания иракской национальной нефтяной компании, который был подготовлен к утверждению накануне февральских событий. В ответ на такую позицию правительства «Ирак петролеум компани», «Мосул петролеум компани» и «Басра петролеум компани» увеличили добычу нефти. В итоге в 1963 г. добыча нефти тремя нефтяными компаниями, действовавшими в Ираке, в сравнении с предыдущим годом значительно увеличилась, что обеспечило баасистскому экстремистскому режиму отчисления в 1963 г. на сумму около 106 млн. ф. ст., т. е. на 11 млн. ф. ст. больше, чем в 1962 г. Вполне естественно, что эти отчисления в основном шли на войну в Курдистане.

Представляет интерес позиция правительства ФРГ, которое также выразило готовность предоставить баасистским правительствам заем в сумме 150 млн. западногерманских марок¹¹².

Иракское правительство, как было отмечено, проводило политику всесторонней строгой блокады Курдистана. «Курдистан подвергается полному экономическому бойкоту,— писала французская газета,— жители северных районов не получают больше ни продовольствия, ни горючего. Багдад хотел бы умиротворить их голодом». Указывая причины поддержки антикурдских ме-

роприятий западными державами, газета далее указывала: «Дело в том, что предоставление автономии курдам глубоко потрясло бы Турцию и Иран, два союзных государства на этом желтом континенте, где их так мало. Это означало бы рисковать вызвать немедленные неприятные последствия. Досада, вызванная тем, что Вашингтон, Лондон и Париж повсюду поддерживали бы соотечественников Барзани, могла бы побудить Анкару и Тегеран порвать свои связи с западными державами»¹¹³.

Курдские национально-демократические силы действовали в тяжелых условиях. И дело было не только в превосходстве вооруженных сил правительства, в помощи, получаемой ими извне, и не в экономической блокаде Курдистана. Курдские патриоты были лишены широкой поддержки арабских демократических сил, часть которых была уничтожена физически, а остальные загнаны в глубокое подполье. В такой ситуации ИКП прилагала большие усилия для обеспечения успеха борьбе курдов. 10 тыс. коммунистов-демократов участвовали в сражениях на стороне курдов.

В первый месяц войны ожесточенные бои шли близ сирийской и иранской границ. Правительственные силы окружили Ранию, Ревандуз, Шаклаву, Акру и Адамию¹¹⁴. Все коммуникации между Багдадом и провинцией Сулеймания усиленно охранялись иракской армией. Курдская освободительная армия «повсеместно давала отпор правительственным силам. Агрессор нес большие потери»¹¹⁵. Для пополнения вооруженных сил в армию были призваны лица 1939, 1940 и 1941 года рождения, а также те, кто ранее не прошел военную службу. Во многих случаях иракские власти применяли силу для отправки призывников на войну в Курдистан, поскольку многие уклонялись от воинской службы, не желая участвовать в грязной войне на Севере¹¹⁶. Многие арабские солдаты и офицеры переходили на сторону курдов.

Героическое сопротивление курдского народа похоронило план правительства и его союзников «молниеносно ликвидировать курдское движение сопротивления». Однако опасность курдскому народу продолжала существовать и была чревата огромными материальными и людскими потерями.

В этот критический момент важное значение для судеб всего курдского народа имела позиция, занятая Советским Союзом. В июне 1963 г., как только началась истребительная война против курдов, Советское правительство опубликовало заявление, в котором решительно осудило эту войну и выразило полную поддержку справедливой борьбе курдского народа. «Каждому ясно,—говорилось в заявлении,—что удовлетворение этих справедливых требований курдского народа только укрепило бы независимость иракского государства, способствовало бы стабилизации внутривосточного положения в стране»¹¹⁷. Советский Союз указывал разумный путь урегулирова-

ния национальной проблемы курдов, борьба за разрешение которой считалась долгом каждого честного человека. «Каждый честный человек в мире и каждое государство, которое стоит за уважение принципов ООН,— говорилось в заявлении,— не могут не поднять свой голос решительного протеста и негодования против изуверской политики и действий нынешних иракских властей в отношении курдского народа. Кровавая расправа над патриотами Ирака, истребление мирного курдского населения вызывают гнев и возмущение народов Советского Союза»¹¹⁸.

Советский Союз решительно осудил иностранное вмешательство в войну против курдов. 9 июля 1963 г. Советское правительство опубликовало специальное заявление по этому вопросу, адресованное правительствам Ирака, Ирана, Турции и Сирии, в котором решительно потребовало прекратить иностранное вмешательство в иракские события, предупредив о серьезных последствиях такого вмешательства. «Советское правительство,— говорилось в заявлении,— считает необходимым обратить внимание иракского правительства на угрозу, которая возникает в связи с вмешательством других государств в события, происходящие на севере Ирака. Факт причастности иностранных государств к этим событиям не вызывает сомнений. Учитывая все это, правительство Советского Союза вынуждено выступить с данным заявлением и содержащимся в нем предостережением»¹¹⁹.

Советское правительство предприняло и другие шаги, с тем чтобы остановить преступную войну против курдского народа. В частности, в письме в Совет Безопасности ООН отмечалось, что «широкие военные операции против мирных курдских городов и деревень, осуществляемые войсками, оснащенными авиацией, танками, артиллерией, которые жестоко истребляют мирное население, в том числе детей, женщин и стариков, и превращают обширные районы Курдистана в развалины, вызывают растущее возмущение во всех странах... Советское правительство считает необходимым довести до сведения Совета Безопасности, что в случае продолжения вмешательства со стороны внешних сил в события, происходящие на севере Ирака, может возникнуть необходимость созыва Совета Безопасности для принятия надлежащих мер для пресечения такого вмешательства»¹²⁰.

В июле 1963 г. в Женеве секретариат 36-й сессии Экономической и социальной комиссии ООН распространил памятную записку и проект резолюции делегации СССР, осуждающие политику физического уничтожения курдского народа в Ираке. В проекте резолюции отмечалось, что военные операции против курдов, живущих в северной части Ирака, по своему характеру являются актом геноцида и противоречат резолюции ООН от 11 декабря 1946 г. и Конвенции Организации Объединенных Наций 1948 г., осуждающим акты геноцида. Резолю-

ция содержала настоятельное требование к правительству Иракской Республики немедленно прекратить все военные операции против курдского народа¹²¹.

Однако сессия Экономической и социальной комиссии отвергла предложение советской делегации о включении данного вопроса в повестку дня. Из 18 членов этого совета в пользу советского предложения проголосовали двое — СССР и Чехословакия.

Справедливая борьба курдского народа получила горячую поддержку правительств и общественности социалистических стран, международных демократических организаций. 2 июля 1963 г. правительство Монголии официально обратилось в Организацию Объединенных Наций с требованием включить в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О политике геноцида в отношении курдского народа в Ираке»¹²².

Героическая борьба курдского народа за национальную автономию получила широкое международное признание. Пожалуй, никогда мировая общественность, пресса и средства пропаганды не уделяли курдам и курдской национальной проблеме столько внимания.

Правительства и народы государств Восточной Европы выражали свою солидарность с борющимся курдским народом. «Национальный Совет отечественного фронта Болгарии,— говорилось, в частности, в заявлении, опубликованном 20 июня 1963 г. в Софии,— от имени общественности всей страны поддерживает справедливые цели курдского движения, выражает чувство братской солидарности и дружбы с борющимся курдским народом... Мы надеемся, что справедливая и многолетняя борьба курдского народа за национальные и демократические права будет вознаграждена, и тем самым восторжествует дело всех патриотических сил Ирака в борьбе против империализма и его агентуры...»¹²³.

Иракское правительство получило телеграммы протеста против варварской войны в Курдистане от 83 демократических организаций, в том числе из 11 арабских стран¹²⁴.

Поддержка справедливой борьбы курдов прогрессивной общественностью арабских стран свидетельствует не только о том, что последняя не поддалась влиянию шовинистической пропаганды ультранационалистических кругов, арабской реакции и империалистических держав, но и о ее возросшей политической зрелости, понимании ею того, что борьба курдов Ирака за свои национальные права является составной частью общей борьбы народов арабских стран за национальную независимость и социальный прогресс.

Наглядной иллюстрацией этому может служить заявление известного алжирского поэта Катеб Ясина: «Наш первый долг, как народов арабской, или мусульманской, цивилизации, заставить прислушаться к нашему решительному и дружному

протесту. Единственный вопрос заключается в том, почему в Ираке происходят эти чудовищные события? Ответ очень прост, потому что коммунисты и сторонники мира в Ираке очень сильны и потому что война в Курдистане показывает, что в Ираке не может быть сделано ничего серьезного без настоящей демократической революции. Я, алжирский поэт Катеб Ясин, обращаюсь к моим братьям в Алжире, к арабским народам и ко всему миру с призывом: пусть свободные люди везде поднимут свой голос, пусть будет безжалостно сметена клика фашистских авантюристов в Ираке, пусть будут прекращены массовые убийства, пусть Курдистан получит автономию, пусть в Ираке будет установлена демократическая власть — важное условие арабского единства»¹²⁵.

Свой голос протеста против варварской и несправедливой войны в Курдистане к голосу Катеба Ясина присоединили член Всемирного Совета Мира, видный общественный деятель Ливана Антуан Табет, иракский поэт Мухаммед Махди аль-Джавахири и многие другие. «Мы хотим дать понять колонизаторам и их агентуре, — писала бейрутская газета „Аш-Шааб“, — что преступления иракских баасистов, заговоры СЕНТО и напалмовые бомбы не ослабят арабо-курдское братство. Правда обязательно победит, близок конец тирании!»¹²⁶.

Конечно, в этой грязной войне правоэкстремистский режим имел и своих сторонников среди арабов. Реакционные и шовинистические круги в арабских странах считали курдское революционно-демократическое движение «движением против арабского единства и территориальной целостности»¹²⁷ и на этом основании призывали покончить с ним. Такой же точки зрения придерживались и официальные круги некоторых арабских государств. Характерно в этом отношении выступление одной из ведущих египетских газет, «Аль-Джумхурия», изложившей позицию правительства Египта. 11 июня 1963 г., т. е. через день после возобновления войны в Иракском Курдистане, ее редактор Нашашаби писал: «В нашей национальной, политической и юнионистской концепции нет понятия Иракский Курдистан, а есть только Северный Ирак. Исходя из нашей национальной, политической и экономической концепции мы не можем согласиться на отрыв хотя бы одного дюйма территории от нашего арабского отечества»¹²⁸.

Антикурдская политика реакционных кругов сочеталась с политикой антикоммунизма. Так, намекая на то, что в случае осуществления апрельской декларации об образовании трехсторонней арабской федерации было бы легче справиться «с такой опасностью, как курдская», та же каирская газета писала: «Сегодня это привело к событиям в Северном Ираке, а завтра могут выступить коммунисты. Никто не может предугадать, к чему все это приведет»¹²⁹. Примерно такую же позицию заняли печатные органы тех кругов в арабских странах, которые считались «юнионистскими»¹³⁰.

Политика военно-экстремистского режима по курдскому вопросу была бесперспективной. Она осуждалась широкими слоями населения как в самой стране, так и за ее пределами. Анти-советская и антикоммунистическая кампания, поднятая в Ираке после выступления правительства СССР в поддержку справедливых требований курдов, еще более осложнила положение правительственных кругов. Попытки экстремистских лидеров опровергнуть обвинения, изложенные в советских документах, не увенчались успехом. Даже буржуазная западная пресса вынуждена была признать справедливость этих обвинений. «Сообщения, полученные на западе по этому поводу,— писала французская „Монд“,— к сожалению, не опровергают этих советских утверждений. Так, в частности, всем известно, что иракские войска истребляют на севере население, подозреваемое в симпатиях к революционному движению генерала Барзани. Десятки деревень поджигаются и полностью разрушаются. При этом не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков. Всех взятых в плен повстанцев казнят на месте...»¹³¹. Индийская общественность, осуждая вмешательство Турции и других стран в войну против курдов, расценивала позицию Советского правительства в этом вопросе как «выполнение интернационального долга перед прогрессивным человечеством»¹³².

Политика геноцида, осуществляемая иракским правительством в отношении курдского народа, и террор, развязанный против демократических сил страны, привели к резкому падению престижа правобасистского режима не только на международной арене, но и внутри страны. Широкое недовольство вызывала, в частности, почти полная бездеятельность правительства в решении экономических и социальных вопросов. По существу, ничего позитивного не было сделано для улучшения положения рабочего класса и крестьянства, хотя много говорилось об этом. «Вместо обещанного улучшения рабочий класс получил невиданный рост безработицы, снижение заработной платы, рост цен, разгром рабочих организаций, террор и бесправие. Вместо земли крестьяне получили пустые обещания, солдатские шинели и смерть в преступной войне против курдов»¹³³.

Материальное положение трудящихся, в том числе и многих представителей интеллигенции и мелкой буржуазии, в течение 1963 г. ухудшилось. Объяснялось это тем, что многие феодалы, напуганные заявлениями баасистов «о социалистических переменях», заняли враждебную позицию по отношению к режиму; паникой были охвачены также средняя и крупная буржуазия. Это привело к снижению деловой активности в стране и соответственно к увеличению безработицы, особенно после начала войны в Курдистане. Ряды безработных пополнились также за счет многих тысяч граждан, уволенных с работы по политическим мотивам или скрывающихся из опасения подвергнуться репрессиям. Росли цены на предметы широкого потребления, снижался уровень реальной заработной платы. На-

пример, общий индекс оптовых цен в Багдаде в августе 1963 г. достиг 124 (против 117 на начало 1962 г.), намного превысив среднемесячные данные прошлых лет¹³⁴.

В период правобасистского режима наблюдалось ослабление активности на внутреннем рынке. На его состоянии в 1963 г. сказались растущее сокращение капиталовложений и снижение покупательной способности населения. Был пересмотрен пятилетний план, принятый при Касеме, государственные капиталовложения сократились. На состоянии рынка сказались и чрезмерные военные расходы правительства.

Сокращение частных капиталовложений было вызвано неопределенной экономической политикой правительства, боязнью национализации и напряженным внутривластным положением в стране, особенно обострившимся с началом войны в Курдистане (война привела к изоляции от внутреннего рынка примерно $\frac{1}{3}$ территории страны). Почти весь Иракский Курдистан, являвшийся главным производителем зерна, оказался театром военных действий. Сбор пшеницы, например, в 1963 г. составил 50 % урожая 1962 г. Общий же урожай зерновых культур в 1963 г. был самым низким за предыдущие 7 лет¹³⁵.

Крайне медленно претворялся в жизнь Закон об аграрной реформе. 1963 год должен был стать годом завершения реформы. В действительности же до ее полного осуществления было еще далеко. Не случайно в сентябре 1963 г. пятая годовщина принятия закона прошла в обстановке полного молчания. Лишь позже, в декабре 1963 г., министр аграрной реформы официально заявил, что срок проведения аграрной реформы продлевается еще на пять лет¹³⁶.

Особенно ощутимо ударил по интересам трудового населения рост цен на сельскохозяйственные продукты. Приведем данные о росте среднегодовых оптовых цен на зерновые культуры в 1963 г. по сравнению с 1962 г. (в динарах за одну тонну)¹³⁷.

	1962 г.	1963 г.	% роста ¹³⁸
Ячмень белый	15,2	17,9	17,8
Ячмень черный	16,3	16,5	1,2
Пшеница северная (лучший сорт)	39,5	42,7	8,1
Пшеница (средний сорт)	34,2	37,2	8,7

В среднем в рассматриваемое время цены на зерновые культуры повысились на 8,95%.

Не лучше обстояло дело с государственным бюджетом. 1 апреля 1963 г. вступил в силу Закон № 22 о генеральном бюджете на 1963/64 финансовый год. Бюджет был принят с дефицитом 14,6 млн. динаров — на 6,1 млн. динаров больше, чем в предыдущем году (доходы — 120,3 млн., расходы — 134,9 млн.)¹³⁹. Расходы по бюджету на 1963/64 на 6% превышали расходы 1962/63 г., а доходы — всего на 3,8%.

Даже по официальным данным, ассигнования на национальную оборону и содержание армии и полиции в 1963 г. составили 36,7% расходной части бюджета. Фактически же расходы на содержание армии, полиции, национальной гвардии и другие военные цели значительно превысили сумму, предусмотренную госбюджетом. По неофициальным данным, только на ведение военных действий в Курдистане правительство ежедневно тратило 500 тыс. динаров, а содержание национальной гвардии обходилось в месяц около 100 тыс. динаров. Значительную сумму поглощали льготы, предоставляемые баасистами военнослужащим и полицейским. Зарплата полицейским была повышена в 1963 г. на 25% ¹⁴⁰.

Кризис военно-экстремистского режима стал очевиден уже к концу лета 1963 г. Иракское правительство делало отчаянные попытки спасти положение. В середине августа 1963 г., перегруппировав свои войска, командование иракской армии начало новое наступление на позиции курдов. 14—15 августа между курдскими вооруженными силами и частями правительственных войск произошли ожесточенные бои за ущелья Гали Али Бек, имевшие важное стратегическое значение (контроль над ними позволял удерживать перевал, соединявший равнинную и горную части Курдистана).

Перед вооруженными силами Ирака была поставлена задача осуществить контроль над ущельями до сентября, что позволило бы обеспечить относительно успешное продолжение военных операций. По расчетам иракского командования, правительственные силы должны были добиться этой цели в течение месяца или отказаться от мысли контролировать Курдистан, который в таком случае оказался бы изолированным на все зимние месяцы, и Барзани получил бы возможность перегруппировать свои силы.

15 августа президент Ареф сделал следующее сенсационное заявление: «Изменник Барзани разбит молниеносными ударами, нанесенными его банде нашими армейскими соединениями, и бежал на иракско-иранскую границу.

Это большая победа, одержанная армией, но сражение с Барзани было только тренировкой с целью подготовить нас самих и наши армейские соединения к великой битве с Израилем в Палестине» ¹⁴¹. Но 16 августа представители курдских национально-демократических сил в Бейруте в своем заявлении опровергли правительственное сообщение о якобы полном разгроме повстанцев в Иракском Курдистане ¹⁴².

А в середине сентября 1963 г. «иракское правительство было вынуждено отказаться от своих надежд быстро покончить с истребительной войной в Курдистане» ¹⁴³. Говоря о причинах провала попыток правобаасистской диктатуры сломить сопротивление курдского народа, печатный орган Движения в защиту прав иракского народа, в частности, указывал, что иракцы «не только отказывались воевать с мнимыми „врагами“, ко-

торые на деле являлись их братьями и соотечественниками, но и оказывали поддержку восстанию... Сотни солдат и офицеров переходят на сторону революционеров, ибо политика, направленная на отказ от национальной независимости в угоду интересам нефтяных монополий Англии и СЕНТО, осуждается всеми»¹⁴⁴.

Проигрыш войны в Курдистане угрожал катастрофой для режима. Поэтому после неудавшегося наступления в августе—сентябре баасистские лидеры Ирака предприняли шаги с целью заручиться поддержкой Сирии. По их расчетам, военный союз или федерация двух государств с последующим присоединением к ним Иордании и Ливана, где баасисты намеревались совершить государственные перевороты, позволили бы укрепить режим, предотвратить его падение. 9 октября 1963 г. был заключен военный союз между Ираком и Сирией. Министр обороны Ирака заявил 14 октября в Дамаске, что он занял свой новый пост главнокомандующего объединенной сирийско-иракской армией.

За неделю до заключения союза, 2 октября 1963 г., в Ирак на военную базу Хаббания уже прибыли две сирийские бригады — около 5 тыс. солдат и офицеров¹⁴⁵. Иракское правительство намеревалось с их помощью добиться «хоть какого-нибудь сдвига в борьбе против курдов до наступления зимы»¹⁴⁶. переброска сирийских войск осуществлялась в обстановке строгой секретности¹⁴⁷, поскольку после выступлений Советского правительства и прогрессивной мировой общественности против иностранного вмешательства в события в Курдистане иракское правительство опасалось, как бы прямое участие сирийской армии в военных операциях против курдов не вызвало осложнений на международной арене. Поэтому было решено использовать сирийские войска только для защиты коммуникаций, а высвободившиеся иракские подразделения отправить в Курдистан.

Новые агрессивные планы иракских экстремистов были резко осуждены прогрессивной общественностью арабских стран и всего мира. «Сирийский народ, — указывалось в заявлении ЦК Сирийской коммунистической партии, — полон решимости оказать сопротивление любой попытке удушения своей родины, ее растворения в планируемом союзе „Благодатного полумесяца“, за которым стоит черный фашизм Саади и закон джунглей, в котором будут хозяйничать английские и американские монополии»¹⁴⁸. Председатель руководящего комитета Движения в защиту прав иракского народа, видный иракский поэт и общественный деятель Мухаммед Махди аль-Джавахири опубликовал письмо, где говорилось: «Иракские и сирийские власти сообщили в совместном коммюнике, что сирийская армия будет принимать участие в истребительной войне против иракских патриотов, которые защищают в Курдистане свои законные права на национальную автономию.

Это решение является нарушением Устава ООН и представляет собой вооруженное вмешательство иностранной державы во внутренние дела народа, который хотят уничтожить и истребить под видом так называемого военного союза. Эти действия лишь способствуют империалистическим планам на Арабском Востоке. Мы обращаемся ко всем людям доброй воли с призывом помочь населению Курдистана соответствующими мерами, для того чтобы помешать его дикому истреблению и разоблачить империалистические планы...»¹⁴⁹.

Демократическая партия Курдистана мобилизовала все силы и средства для организации сопротивления последним отчаянным попыткам правительства нанести поражение курдам. Огромную работу в этом направлении проделала также Иракская компартия. Перегруппировав свои основные силы после переворота 8 февраля, компартия организовала отряды из коммунистов, которые принимали непосредственное участие в борьбе курдского народа за национальную автономию.

Октябрьское наступление иракских войск фактически окончилось провалом. Иракская армия понесла тяжелые потери и вынуждена была оставить ряд ранее захваченных районов. Курдская освободительная армия отвоевала почти все территории, которые потеряла в начале июня.

Таким образом, вслед за провалом экономической программы и политическим банкротством правобаасистский экстремистский режим потерпел и военное поражение в Курдистане. Конечно, это еще не была полная победа курдской армии над вооруженными силами правительства. Курдская освободительная армия преследовала лишь одну цель — отстоять свои позиции и тем самым провалить планы правительства по разгрому демократического движения в Курдистане и в стране в целом. Провал октябрьской военной кампании в Курдистане, по существу, решил судьбу режима. В конце октября — начале ноября 1963 г. его неминуемый крах ни у кого уже не вызывал сомнений. Понимали это и сами экстремистские лидеры. Различные группировки по-разному представляли себе выход из кризисной ситуации. Между ними начались столкновения. Борьба развернулась в основном между двумя группировками — «экстремистскими», возглавляемыми заместителем премьер-министра Али Саади, и «умеренными» во главе с министром иностранных дел Талемом Шабибом. Третью группировку в руководстве Баас («центристов») возглавляли Ахмед Хасан Бакр и Салех Махди Амаш. Она пыталась примирить «экстремистов» с «умеренными» и тем самым спасти режим от развала. Главной опорой Саади были наиболее националистически настроенные члены партии Баас и командование «национальной гвардии», выступавшие за продолжение авантюристического курса. Группировка, возглавляемая Талемом Шабибом, по поставленным целям и методам борьбы мало чем отличалась от «экстремистов». Она стремилась привлечь на свою сторону крупную

и среднюю буржуазию и установить в стране тоталитарную систему управления.

Ни у одной из трех группировок не было сколько-нибудь четкой программы экономического и политического развития страны. На первом плане для них стояла борьба за власть, за удовлетворение узкокорыстных целей. И для всех трех группировок были характерны ярко выраженные антикоммунизм и вражда к курдскому национальному движению и левым демократическим силам.

18 ноября 1963 г., воспользовавшись сложной ситуацией в руководстве Баас, президент Абдель Салам Ареф с помощью своего брата Абдель Рахман Арефа и других верных ему офицеров совершил государственный переворот. Ареф стал полноправным хозяином страны. Были сформированы новый Национальный совет революционного командования, который возглавил президент, и правительство во главе с другом Арефа Тажер Яхьей.

Первыми актами правительства после 18 ноября было удержание с политической арены главарей и членов соперничавших группировок и поддерживавших их лиц. Декретом президента Арефа были распущены также отряды «национальной гвардии» — иракских «черносотенцев», что, безусловно, было положительным актом правительства Арефа—Яхьи. Однако не следует рассматривать этот акт как проявление несогласия Арефа и его приближенных с гнусными террористическими действиями «национальной гвардии». Решение было вызвано тем, что, во-первых, отряды эти уже выполнили поставленную перед ними задачу физической расправы с прогрессивными элементами и их дальнейшее существование вызывало всеобщее осуждение и, во-вторых, роспуском национальных гвардейцев Ареф и его сторонники избавлялись от угрозы контрмер со стороны группы Али Саади или Талеба Шабиба.

Переворот 18 ноября 1963 г. имел верхушечный характер и, по существу, был призван обеспечить необходимые условия для сохранения в стране военно-бюрократического режима. Абсолютное большинство правительственных постов получили представители высшего иракского офицерства. Они же возглавили многие министерства и административные органы провинций. Для нормализации отношений с Объединенной Арабской Республикой несколько постов в правительстве было предоставлено юнионистам, оказавшим содействие группировке Арефа в захвате власти.

26 ноября 1963 г. новое правительство Ирака выступило с заявлением, определяющим его внутреннюю и внешнюю политику. Программные заявления правительства Арефа—Яхьи содержали общие формулировки о построении в Ираке «арабского социализма», о свободе, равенстве и безопасности всех граждан, о принятии новой конституции, избрании государственного совета, осуществлении Закона об аграрной реформе

от 30 сентября 1958 г., о создании национальной нефтяной компании и укреплении отношений с ОАР и другими арабскими странами, а также о нормализации отношений с Советским Союзом и другими восточноевропейскими странами¹⁵⁰.

Весьма характерно, что в программном заявлении правительства ни слова не говорилось о курдском вопросе. Это было не случайно, так как пришедшая к власти военная группировка Арефа—Яхьи была полна решимости добиться решения курдской национальной проблемы военным путем.

Итак, период правозэкстремистского режима был черной страницей в истории республиканского Ирака. После краха режима и утверждения диктатуры военных начинается новый период борьбы национально-демократических сил Курдистана. Параллельно с военными операциями новые правители Ирака стали прибегать к дипломатическим маневрам — переговорам, заключению перемирий, а равно и к подрывной деятельности среди курдских демократических сил с целью свести к нулю автономистское движение курдов.

В этот период перед руководством курдского движения стояла не только (а в ряде случаев не столько) задача сохранения позиций курдов в чисто военном аспекте, но и борьба за сохранение единства рядов борющихся за автономию демократических сил Иракского Курдистана.

**ТАКТИКА ЛАВИРОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА
ПО КУРДСКОМУ ВОПРОСУ
И ПЛАНЫ РАСКОЛА РЯДОВ
КУРДСКИХ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ**

В период господства утвердившегося после 8 февраля 1963 г. военно-экстремистского режима интересы всех прогрессивных сил Ирака — арабов, курдов и прочих национальностей — были подчинены одной цели — любым путем добиться свержения этого режима. Военная группировка Арефа не могла не учитывать это. Будучи одним из самых активных участников установления экстремистского режима и его жестоких репрессий против демократических сил страны, группа Арефа после 18 ноября старалась отмежеваться от кровавых актов февральского режима и добиться поддержки народа.

По существу же военный режим Арефа—Яхьи был неспособен на положительные шаги по демократизации страны вообще и мирному урегулированию курдской проблемы в частности. Объективно новый режим отражал интересы правых националистических и мелкобуржуазных слоев, а в какой-то степени и помещиков, крупных землевладельцев. О конструктивной программе нового режима, направленной на мирное решение курдского вопроса, не могло быть и речи прежде всего потому, что в противном случае высшее офицерство (власть находилась именно в его руках) и вообще армия лишились бы одного из важнейших факторов, обеспечивавших им власть в стране. Война в Курдистане нужна была высшему иракскому офицерству, ибо, как совершенно справедливо заметил советский исследователь Г. Мирский, «когда она идет, армия в центре внимания, ее ведущую роль никто не оспаривает, все привилегии военщины оправдываются, а любая оппозиция приструнивается под флагом интересов нации»¹.

В то время война в Курдистане была одной из главнейших причин нестабильного положения в стране. Несмотря на это, в программе правительства Арефа по внутри- и внешнеполитическим вопросам ни слова не говорилось о курдской проблеме, и это означало, что правительство намерено было решить курдскую проблему военным путем. Следует также отметить, что, хотя за физическое уничтожение коммунистов и представителей других оппозиционных сил ответственность несут экстремистские лидеры Баас, это ничуть не снимает вины с Арефа,

Яхьи и других, которые зачастую были активными организаторами, либо исполнителями этих акций. «Политика баасистов,— говорится в решении ЦК ИКП по этому вопросу,— их стремление полностью захватить бразды правления, создание национальной гвардии, стоящей фактически над армией и над всем правительственным аппаратом, кровавые преступления, которыми все это сопровождалось, вызвали недовольство и неуверенность в среде группы военных, *которые сами являлись участниками баасистов в их преступной деятельности*» (курсив наш.— Ш. М.)².

Спустя десять дней после переворота, 28 ноября 1963 г., президент Ареф выступил с заявлением, в котором призывал курдов, сражающихся против правительственных войск, сложить оружие и сдаться. Бейрутская газета «Ориан» следующим образом комментировала призыв маршала Арефа, обращенный к курдам:

«За последние месяцы отношения между Багдадом и курдскими борцами за автономию прошли столько испытаний, что можно лишь задать вопрос об истинном значении этого послания Арефа. Речь идет о призыве патетического характера, который играет на религиозных чувствах, но не дает никакого ответа на требования курдов... В этом случае очевидно, что ничего не сделано и что курдская проблема остается реальной угрозой для стабильности власти»³.

Иракские военные самолеты сбрасывали над курдскими районами листовки, призывавшие сложить оружие и обещавшие взамен амнистию. Прогрессивная общественность в арабских странах указывала на коварные цели этой политики. «Обещания об амнистии,— писала „Ан-Нида“,— делались в свое время и Касемом. Но курдский вопрос может быть решен только путем предоставления курдам их законных демократических прав в рамках Иракской Республики»⁴.

Правительство Арефа—Яхьи предпринимало все новые шаги по мобилизации реакционных курдских феодалов. Так, в начале декабря был организован приезд нескольких курдских «вождей» в Багдад, с тем чтобы те «заявили о своей верности национальным властям и выразили возмущение в связи с сепаратистскими действиями Барзани...»⁵. Еще одну делегацию курдских феодалов-предателей принял министр обороны Хардан Тикрити.

Одновременно полным ходом шла работа по перегруппировке курдских вооруженных сил, организации регулярного снабжения районов, контролируемых ДПК. Давид Адамсон, находившийся в то время в районах восстания, писал: «Части курдских мятежников, действующих в горах поблизости от Сулеймани, быстро превращаются из беспорядочно организованных партизанских отрядов в нечто более напоминающее регулярную армию. Полным ходом идет формирование первых пяти курдских батальонов. Другим новым фактором является соз-

дание диверсионного отряда, известного под названием „Хабат“ („Борьба“), который будет наносить удары по крайне уязвимым коммуникациям правительства...»⁶.

Как уже было отмечено, потеряв после июня часть контролируемой ими территории, курды вернули ее обратно в октябре 1963 г., а в конце 1963 г. продвинулись еще дальше на юг. Работа по организации курдских вооруженных сил была конструктивной благодаря деятельности Демократической партии Курдистана, а также Иракской коммунистической партии, которая в то время принимала непосредственное участие в вооруженной борьбе демократических сил Курдистана. Большую помощь в создании регулярной армии оказали перешедшие на сторону повстанцев 70 курдских офицеров, в том числе один бригадный генерал⁷.

Правительство Арефа—Яхьи продолжало опустошительную войну в Курдистане. «В Иракском Курдистане в настоящее время осуществляется настоящий геноцид», — писала газета «Юманите»⁸. Она сообщала о систематическом безрассудном уничтожении курдских городов и деревень с помощью авиации, о применении зажигательных ракет и бомб, которые убивают тысячи мирных жителей — женщин, детей и стариков⁹. Раненые и оставшиеся без крова мирные жители насчитывались тысячами. Им не хватало продовольствия и медикаментов.

Барварские методы ведения войны в Курдистане вызвали новую волну протестов прогрессивной мировой общественности. Национальный союз студентов Франции, Христианская студенческая молодежь, студенческая организация Объединенной социалистической партии, Коммунистический союз молодежи Франции опубликовали совместное заявление, в котором призвали всех людей доброй воли «принять участие в оказании помощи мирному курдскому населению, ставшему жертвой бомбардировок, в форме посылки медикаментов и финансовой поддержки...»¹⁰.

При правительстве Арефа—Яхьи Иракский Курдистан подвергался практически той же жестокой экономической блокаде, что и при режиме правобаасистов. Правительство хотело «задушить повстанцев потоком беженцев». «Силой оружия им ничего не добиться, — заявил по поводу такой тактики один из курдских лидеров. — Поэтому они прибегают к последнему средству — голоду, и тут мы беспомощны»¹¹. В Сулеймании, например, солдаты иракской армии обыскивали дома и конфисковали значительную часть продовольствия у каждой семьи. По свидетельству очевидцев, топлива было так мало, что «семьи из разных домов одной улицы собирались в одной кухне, чтобы варить обед для всех»¹². В курдских городах, находившихся под контролем правительства, тюрьмы были переполнены. «Семьи тех, кто ушел в партизаны», высылались и подвергались пыткам. Большинство мужчин отказывалось выполнять функции полицейских шпиков, и в отместку за это

их дома сносились. Оставшиеся без крова уходили из города¹³.

В этих условиях огромную работу по оказанию помощи пострадавшим и нуждающимся курдам, их семьям проводили Иракская коммунистическая партия и Демократическая партия Курдистана. Они отправляли к курдским беженцам врачей и помощников, «строили больницы, раздавали продовольствие — рис, чай, сахар. Солдаты помогали транспортировать больных и эвакуировать беженцев»¹⁴. «Источником средств для помощи,— писали западногерманские журналисты Треллер и Дефарж,— являются пожертвования крестьян. Каждый из них отдает Демократической партии Курдистана 10 процентов своего урожая. Многие крестьяне добровольно отдают больше...»¹⁵.

Ряд представителей буржуазных газет и журналов, обычно нелестно высказывавшихся о курдском движении, вынуждены были констатировать, что борьба курдских повстанцев стала «поистине национальным движением», в которое включились «все слои курдского населения»¹⁶.

«В то время как иракская армия сильно ослаблена...— писала английский обозреватель Гевин Янг,— курдские солдаты производят впечатление своим упорством, дисциплинированностью и непоколебимой верой в правоту своего дела... К курдским повстанцам примкнули почти все иракские правительственные подразделения, состоящие из курдов»¹⁷. И далее: «Курдский народ и его армия — реальная сила, с которой нельзя не считаться, несмотря на то что некоторые западные обозреватели называют иракских курдов „забытым“ народом, ведущим „забытую“ войну»¹⁸.

Попытки Арефа и Яхьи поднять авторитет своего режима путем «ликвидации опасного очага на севере» не увенчались успехом. Более того, в условиях продолжавшейся братоубийственной войны в Курдистане оппозиция новому режиму имела возможность использовать недовольство широких слоев населения страны. Вполне естественно, что в такой ситуации правительство вынуждено было искать пути выхода из создавшегося положения.

Важнейшее значение для достижения соглашения между правительством Ирака и курдскими национально-демократическими силами имела позиция Советского Союза и других стран Восточной Европы. Известно, что правительство Арефа — Яхьи предприняло некоторые позитивные шаги по нормализации отношений с Советским Союзом, а последний выступал за справедливое мирное урегулирование курдской проблемы.

Заключению соглашения между противоборствующими сторонами предшествовал созыв конференции курдских лидеров в конце января 1964 г. в деревне Сарк-Бек-Бакане. В задачу конференции входила выработка общей платформы по курдскому вопросу. В принятом на этой конференции решении отмечалось, что одновременно с ведением военных действий необходимо искать пути мирного решения курдской проблемы.

Руководству курдского движения было поручено войти в контакт с представителями правительства.

10 февраля 1964 г. иракское правительство и представители курдского движения подписали соглашение «О прекращении войны в Курдистане и мирном урегулировании курдской проблемы»¹⁹. 11 февраля министр культуры и национального руководства Фархан обнародовал это соглашение. В правительственном заявлении говорилось: «В соответствии с государственными интересами и принимая во внимание благоприятный ответ курдов на призыв правительства вернуться к нормальной жизни, положить конец империалистическим интригам и в соответствии с заявлением Мустафы Барзани правительство приняло следующее решение:

1. Правительство гарантирует национальные права курдов в рамках Иракской Республики. Это будет зафиксировано во временной конституции.

2. Все лица, заключенные в тюрьмы во время событий на Севере, будут немедленно освобождены и помилованы, а секвестр на все их имущество будет снят.

3. Местная администрация в северных районах будет восстановлена.

4. Все уволенные чиновники и служащие будут восстановлены на своих должностях.

5. Ограничения, установленные ранее на снабжение продовольствием северных районов, будут отменены.

6. Для осуществления указанных мер будут созданы специальные комиссии. Лицам, которым причинен ущерб, будет выплачена компенсация.

7. Землевладельцы, землям которых был нанесен ущерб в результате уничтожения плотин Дербенди-Хан и Докан, получат компенсацию.

8. Правительство примет все меры, чтобы обеспечить безопасность на Севере, и выражает надежду, что между курдами и арабами будет поддерживаться национальное единство во имя борьбы против империализма. Правительство со своей стороны приложит все усилия к обеспечению их законных прав.

9. Все соответствующие министерства издадут постановления о выполнении положений данного заявления»²⁰.

Вслед за обнародованием соглашения было опубликовано обращение Мустафы Барзани: «Мои дорогие братья! Откликаясь на призыв президента обеспечить единство Ирака и положить конец военным действиям, мы решили прекратить бои, вернуться домой для мирной работы, дать возможность национальным властям обеспечить мирную жизнь и воспользоваться возможностью обеспечить национальные права курдов в рамках Ирака»²¹.

Прекращение огня в Курдистане и соглашение 10 февраля о мирном урегулировании получили всеобщее одобрение прогрессивных сил как в стране, так и за ее пределами. Этот шаг

иракского правительства поддержали правительства Советского Союза и других социалистических стран²².

«С точки зрения общенациональных интересов,— говорилось в решении ЦК ИКП,— прекращение огня в Курдистане явилось важнейшим завоеванием курдов и арабов. Принятие правительством принципа мирного разрешения курдской проблемы и признание им национальных прав курдского народа в рамках Иракской Республики соответствует интересам укрепления национального единства в борьбе против империализма, интересам безопасности и мира в данном районе»²³.

После заключения 10 февраля перемирия были предприняты некоторые меры, вызвавшие надежду на выполнение правительством его обещания о предоставлении курдам прав внутреннего самоуправления. Так, 18 февраля генерал-губернатор Ирака обнародовал заявление об освобождении «в течение одной недели» всех арестованных в связи с событиями на севере. 23 февраля был освобожден один из руководителей ДПК, глава делегации курдов на переговорах с баасистским режимом — Салех Абдала Юсуфи. Иракские власти начали поставлять на север страны продовольствие²⁴. Правительство заявило также, что оно выделит специальные средства для восстановления разрушенных курдских районов.

Однако многие меры правительства имели половинчатый характер, а ряд заявлений вообще остался пустыми обещаниями. Поведение правительства в целом давало основание полагать, что оно ведет двурушническую политику и по существу не намерено решать курдскую проблему. По-прежнему проводилась политика антикоммунизма и преследования левой оппозиции. Так, в середине марта 1964 г. военный губернатор Ирака, министр внутренних дел Рашид Муслех и исполняющий обязанности начальника генерального штаба Абдель Рахман Ареф совершили инспекционную поездку по северным районам страны и встретились с Барзани. Во время этой встречи представители правительства заявили о своей готовности освободить всех демократов, осужденных по «делу Севера», а через неделю в Багдаде военный суд вынес суровый приговор 25 арабским и курдским патриотам за то, что они якобы «подрывали безопасность государства и сеяли смуту среди населения»²⁵. Режим Арефа—Яхьи оставил в силе также большинство законов так называемого переходного периода, которые давали неограниченные права военно-полицейским властям душить в зародыше всякую оппозицию.

Одним из важных событий после заключения перемирия в Курдистане было принятие временной конституции Иракской Республики, взамен принятой в 1958 г. 4 мая 1964 г. текст новой конституции был обнародован. Однако конституция эта не удовлетворила ни минимальных требований иракского общедемократического движения, ни требований курдского национально-демократического движения. Конституция не содержала кон-

кретных положений о внутреннем самоуправлении курдского народа. Она лишь декларировала равенство иракцев — арабов и курдов — перед законом и то, что «национальные права арабов и курдов будут обеспечены в рамках единства страны»²⁶. Новая временная конституция узаконила диктатуру военных. В частности, президенту Абдель Салям Арефу предоставлялись неограниченные права. Было объявлено также, что «продолжительность переходного периода будет составлять не более трех лет после введения нынешней конституции»²⁷.

В соответствии с временной конституцией 11 мая 1964 г. был опубликован закон о создании Национального совета — руководства революцией (НСРР). Главой НСРР назначался Ареф, который совмещал ряд других важнейших должностей (президента, главнокомандующего вооруженными силами и др.). Членами Совета стали премьер-министр, начальник генерального штаба и его заместители, командиры дивизий, главнокомандующий ВВС, военный генерал-губернатор и другие военные в чине не ниже полковника²⁸.

Таким образом, соглашение от 10 февраля лишь положило конец военным действиям в Курдистане и открыло путь к урегулированию «проблемы Севера», но не более.

В то время как курды возлагали надежды на благоприятный исход будущих переговоров о конкретных путях решения курдского вопроса, руководители нового режима делали одно за другим заявления, противоречившие духу соглашения. Президент Ареф, например, 24 февраля демагогически заявил, что «в соглашении» между курдами и арабами нет необходимости: «Нет и речи о „переговорах“ о национальных правах курдов, потому что курды и арабы — братья, одна семья — большая семья арабов и курдов»²⁹.

А спустя некоторое время после принятия временной конституции Ареф публично заявил: «...курды уже имеют достаточную автономию (?! — Ш. М.). Мы уважаем их язык. Большинство правительственных должностных лиц на Севере являются курдами. Чего еще они хотят?»³⁰.

Естественно вставший в такой обстановке вопрос о том, продолжать ли переговоры с Багдадом или возобновить вооруженную борьбу, резко обострил разногласия среди руководства национально-демократической борьбой курдов. Однако вопрос об отношении к режиму Арефа — Яхьи был не единственной причиной разногласий в руководстве ДПК. Он лишь углубил и обострил ранее существовавшие расхождения и разногласия по ряду вопросов, связанных с борьбой курдского народа за национальную автономию.

Группа деятелей ДПК во главе с первым секретарем ДПК Ибрагимом Ахмедом и членом Политбюро ЦК Джелалем Талабани выступила против позиции, занятой Барзани и его сторонниками относительно соглашения 10 февраля 1964 г. Оппозиционеры организовали созыв «конференции ДПК» с участием

своих сторонников. Эта «конференция», проходившая с 4 по 9 апреля в Мавате, выработала платформу, резко критическую по отношению к Барзани и его сторонникам³¹.

19 апреля 1964 г. эта группа опубликовала «Заявление ДПК», в котором открыто говорилось «о разногласиях с лидером курдского национального движения Барзани по поводу соглашения о прекращении военных действий, заключенного в феврале с правительством Арефа»³². Развернутое заявление группы Талабани—Ибрагима Ахмеда содержало обвинение против Барзани и так называемого умеренного крыла руководства курдского движения по ряду вопросов. По мнению группы, Барзани и его последователи склонны были к такому компромиссному решению курдского вопроса, которое противоречило духу курдского движения. По этому поводу в заявлении говорилось: «Соглашение, как известно, было только соглашением о прекращении огня, и оно, таким образом, не отразило истинные права курдов. Правительство ничего не говорило об автономии».

Отсутствие в соглашении упоминания об автономии дало повод оппозиционерам, а также некоторым иностранным агентам заявить, что в соглашении имеются секретные статьи. Однако правительство и Барзани пресекли всякие толкования и комментарии по этому поводу, заявив курдскому народу и всему миру самым решительным образом, что те «права», о которых говорилось в правительственном заявлении,— это все, что правительство признает, с согласия Барзани. Чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос, иракская печать поместила фотокопию письма, подписанного Барзани, в котором он опроверг слухи о наличии каких-либо секретных статей договора между ним и правительством. Это свое опровержение Барзани лично подтвердил представителям ДПК в Сангасаре³³.

Поскольку, как заявляла оппозиция, главной целью борьбы курдов было «признание национальных прав курдского народа на основе автономии Иракского Курдистана в рамках свободного, демократического Ирака», то она объявила соглашение 10 февраля обманом, а переговоры бесперспективными и только вводившими в заблуждение курдский народ.

Другое обвинение, выдвигаемое против Барзани, касалось нарушения принципа коллегиальности в руководстве партии при решении актуальных вопросов курдской национально-демократической борьбы. В «Заявлении ДПК» приводился следующий пример: «Ареф категорически против легальной деятельности всех партий, а Барзани согласился с подобной точкой зрения и в своих заявлениях журналистам сказал, что он поддерживает упразднение партий, *если это служит интересам страны и ее национальным целям*»³⁴ (курсив наш.— Ш. М.). Оппозиция в этой связи резонно заявляла, что согласие Барзани с точкой зрения правительства в отношении демократических прав и свобод, а также деятельности партий наносит сильный удар су-

ществованию нашей партии, «ослабляет организованные революционные силы нашего народа, ведет к ослаблению демократического движения в Ираке вообще и к усилению личных диктаторских устремлений новых правителей, укрепляет арабский шовинизм и курдскую реакцию...»³⁵. Оппозиция, или, как принято их называть, талабанисты, отрицали выдающуюся роль Барзани в борьбе курдов за национальную автономию. В «платформе» талабанистов имелись, например, такие необоснованные обвинения в его адрес: «Он (Барзани.— Ш. М.) не знал и не знает численности вооружения курдских отрядов, мест их расположения, их действий, не знает руководителей этих отрядов...»³⁶.

После изложения этих и ряда других обвинений в адрес Барзани «конференция» талабанистов приняла следующее решение: «Ввиду того что Барзани в последнее время начал выступать с заявлениями и издавать решения от имени председателя ДПК, которые в большинстве случаев противоречат... 22-й статье Устава партии, конференция обращает внимание членов, кандидатов и сторонников партии, что его действия выходят за рамки его полномочий и таким образом считаются недействительными»³⁷. Разногласия, таким образом, приняли довольно острый характер, и возникла угроза раскола ДПК, что не могло не отразиться отрицательно на борьбе курдов за национальную автономию.

В деятельности руководства ДПК и самого Барзани были, конечно, и просчеты и ошибки. Однако односторонняя и тенденциозная «платформа» талабанистов, имевшая целью умаление роли Мустафы Барзани в национально-освободительном движении курдского народа, в конкретных условиях того времени объективно шла вразрез с интересами автономистского движения курдов. В момент, когда военно-бюрократический режим Арефа—Яхьи фактически затягивал решение курдского вопроса с целью нанести по нему сокрушительный удар, единство рядов борющихся курдов было важнейшим условием успеха их движения.

В прямом противоречии с действительностью было утверждение талабанистов о том, что, «подписав соглашение 10 февраля, Барзани тем самым счел достигнутыми основные цели курдского движения». Касаясь причин, побудивших его заключить перемирие с режимом Арефа—Яхьи без предварительного согласования условий урегулирования курдской проблемы, Барзани говорил: «Продовольственное положение в партизанских районах было весьма трудным. Баасистское правительство приказало сжечь весь наш урожай напалмом. Между тем мы должны были кормить тысячи беженцев, которые скрывались от репрессий. Правда, мы были исполнены решимости продолжать борьбу до конца. Однако, когда маршал Ареф обязался признать национальные права курдов... мы решили еще раз подвергнуть испытанию искренность наших противников»³⁸.

В беседе с одним французским журналистом, побывавшим в районе восстания, Барзани следующим образом охарактеризовал положение борющихся курдов: «Мы принимали удары бомбардировщиков, танков и броневиков иракской армии. Не следует забывать, что в противоположность, например, Фронту национального освобождения в Алжире, мы вели борьбу без иностранной поддержки. Против нас выступало не только багдадское правительство, но и правительства Турции и Ирана. Англо-американцы, полагая, что защищают свои стратегические и нефтяные интересы, также оказывали поддержку иракским властям... Дружественные чувства, проявившиеся к нам во всем мире, главным образом через печать, оставались сугубо платоническими»³⁹.

Кроме перечисленных следует указать и еще одно важное обстоятельство, оправдывающее заключение перемирия. Речь идет о настроениях массы борцов за автономию Курдистана — о курдских крестьянах, которые несли на своих плечах основную тяжесть войны. Крестьяне, естественно, жаждали мира и спокойствия, мечтали об облегчении своего экономического положения, а это в известной степени способствовало благоприятному восприятию ими настойчивой пропаганды иракских властей, обещавших «обеспечить их безопасность, компенсировать их убытки» и т. д. Поэтому курс на перемирие был разумным. Любое из двух его возможных последствий служило интересам курдского движения⁴⁰. Если бы правительство пошло по пути подлинного мирного решения курдской национальной проблемы, то это означало бы в принципе победу курдского движения за автономию; если же оно торпедировало бы переговоры и отказалось от признания национальных прав курдского народа, это, естественно, подорвало бы веру в обещания правительства и тем самым стимулировало дальнейшую борьбу курдов за национальную автономию.

Справедливости ради отметим, что ряд обвинений оппозиции в адрес Барзани и его сторонников имел объективную причину. Барзани по ряду важнейших вопросов допускал ошибки, не всегда прислушивался к мнению руководящих деятелей ДПК и ее Политбюро. В качестве примера можно назвать ошибочную позицию Барзани по вопросу о запрещении («если это служит интересам страны...») деятельности в Ираке партий, принятие им в спешном порядке решения о передаче некоторых освобожденных районов Курдистана под контроль иракских властей и др. Однако разногласия в руководстве курдского движения были чреваты серьезными последствиями, и в такой ситуации Барзани предпринял энергичные меры по восстановлению единства в ДПК.

В начале июля 1964 г. около двух десятков грузовиков с вооруженными курдами двинулись по каменистым дорогам Курдистана. Это были курдские партизаны. Кортёж направлялся из Рании, штаб-квартиры курдских повстанцев, в Калакан (по

дороге в Сулейманию), где должна была состояться первая встреча с правительственной делегацией Ирака, возглавляемой председателем совета министров генералом Тахером Яхьей.

Несмотря на разногласия в руководстве ДПК, генерал Барзани приложил все усилия к тому, чтобы курдская делегация на переговорах была представлена как можно шире. В состав делегации вошли видные представители курдской общественности, партизаны и члены руководства ДПК. Демократическая партия Курдистана кроме Барзани была представлена тремя членами Политбюро — Ибрагимом Ахмедом, Али Абдуллахом и Джелалем Талабани. Включение в состав делегации лидеров оппозиции наглядно свидетельствовало о стремлении Барзани сохранить единство в руководстве ДПК. Во время переговоров Барзани, указывая на членов курдской делегации, говорил своим арабским собеседникам: «Теперь, господа, вам придется начать переговоры с представителями народа»⁴¹.

Как и следовало ожидать, Яхья и члены правительственной делегации не были склонны предложить сколько-нибудь приемлемую программу решения курдской проблемы.

Когда переговоры зашли, по существу, в тупик, курдская делегация попыталась перевести их в плоскость согласования принципов, определяющих национальные права курдов. В частности, большое внимание было уделено вопросу о точном определении понятия «административная автономия», которая обеспечила бы курдам контроль за экономическим и социальным развитием Курдистана. Однако, как свидетельствует присутствовавший на переговорах французский наблюдатель Эрик Руло, уже одно только «произнесение слова „Курдистан“ возмутило генерала Тахера Яхью»⁴². По мнению этого воинствующего шовиниста, «Северный Ирак» нельзя было даже называть «Курдистаном», не открывая тем самым пути к его отделению. На это утверждение Тахера Яхьи Ибрагим Ахмед ответил: «Это же слово, официально употребляемое в Иране, не привело к распаду царства Пехлеви. Однако спор идет не о словах, а о будущем иракских курдов»⁴³, которые хотели бы иметь демократический режим, позволяющий на основе всеобщего и тайного голосования избрать законодательный совет и исполнительную власть, отличную от исполнительной власти Багдада. Член иракской делегации доктор Фаллуджи расценил это желание курдов как средство «получить статус, который давал бы им все преимущества независимости»⁴⁴.

На переговорах многие члены курдской делегации, в частности Талабани, категорически возражали против решения правительства о роспуске политических организаций, в то время как то же правительство разрешило деятельность так называемого Арабского социалистического союза. Члены курдской делегации отвергли также требование начальника разведывательного управления, генерала Хани Хаммаса, чтобы «офицеры, являющиеся коммунистами или прогрессивно настроенными

людьми, которые укрылись у партизан во время репрессий, были выданы властям»⁴⁵. В связи с этим курдская делегация предложила амнистию в Ираке и освобождение всех политзаключенных.

Делегация курдов прилагала все усилия к тому, чтобы достичь хотя бы частичного успеха в переговорах. Именно по ее предложению обе делегации направились для продолжения переговоров из Калакана в Ранию. Там главными вопросами обсуждения стали вопросы о роспуске отрядов курдских наемников и об изменении относящихся к курдам статей временной конституции. Руководители ДПК совершенно справедливо считали, что если правительство признает их представителями курдского народа и намерено урегулировать курдскую проблему, то должно распустить отряды «джашов». Однако и это требование курдов было отвергнуто, что привело к еще большему обострению обстановки.

Единственным положительным результатом переговоров в Калакане—Рании было согласие на изменение временной конституции: хотя и без упоминания об автономии, в ней должно быть зафиксировано существование курдского «народа», «развитие которого будет обеспечено параллельно с развитием арабского народа Ирака»⁴⁶.

Переговоры в Калакане—Рании убедительно показали, что режим Арефа—Яхьи не намерен решать курдскую проблему мирным путем. И к сожалению, в такой критической ситуации противоборствующие силы в курдском движении, представленные, с одной стороны, Ибрагимом Ахмедом и Джелалем Талабани и, с другой—Барзани и его сторонниками, пошли по пути обострения разногласий. Талабанисты развернули широкую кампанию против Барзани. И как бы ни были правы оппозиционеры в некоторых своих обвинениях против Барзани, пусть даже монополизировавшего власть, в создавшейся ситуации раскол в рядах ДПК и нападки на Барзани были на руку только врагам курдского движения, нанося ущерб интересам курдского народа. Дело в том, что среди последователей Ибрагима Ахмеда и Джелала Талабани было много преданных борцов за национальные права курдов, которые поверили им и пошли против Барзани. В руках оппозиции оказались также финансы партии, печать и радиостанция.

В начале июля 1964 г. Мустафа Барзани и его сторонники созвали съезд ДПК с целью нормализовать положение в партии. На съезд были приглашены все члены ЦК и Политбюро ДПК (в том числе оппозиционеры), представители партизанских отрядов, командиры бригад, полков и рот, многие видные курдские общественные деятели. Открывая съезд, Барзани заявил, что главной его целью является восстановление единства партии, основного условия успеха национально-демократической борьбы.

Съезд проходил в сложной обстановке. Многие его участни-

ки занимали зыбкую позицию в отношении оппозиционеров. А последние отказались принять участие в работе съезда.

Поскольку решение проблемы национальной автономии курдов принимало затяжной характер, а политика правительства Арефа—Яхьи заставляла сомневаться в его способности предпринять что-либо конструктивное в этом направлении, съезд принял решение создать Совет революционного командования под председательством М. Барзани. Совет революционного командования провозглашался верховным органом, руководящим всеми делами в освобожденных районах. Предусматривалось также создание системы политического, административного и хозяйственного управления в освобожденных районах. Все органы местного управления предполагалось построить на демократических началах. В этих органах должны были быть представлены не только члены и активисты Демократической партии Курдистана и партизанских отрядов, но и представители гражданского населения.

Съезд принял ряд решений, определяющих задачи ДПК и всего курдского революционно-демократического движения как во внутриаполитической, так и во внешнеполитической области⁴⁷:

1. Укрепить влияние организаций партии среди народа и в партизанских отрядах.

2. Разрешить центральным властям восстановить органы местной администрации в освобожденных районах лишь в случае получения курдским народом его законных национальных прав.

3. Создать Совет революционного командования под председательством Барзани с участием в нем представителей партии, партизанских отрядов и народа.

4. В случае возобновления военных действий Совет революционного командования должен провозгласить самоуправление Иракского Курдистана.

5. Как до, так и после получения режима самоуправления партизанские войска сохраняются для обеспечения национальных прав курдов. Всем, кто входит в состав национальных партизанских отрядов, разрешается возвратиться на государственную службу лишь с согласия Совета революционного командования и ЦК партии.

6. Партия требует отмены чрезвычайного положения в Ираке, освобождения всех политических заключенных, предоставления демократических прав всему иракскому народу.

7. Съезд поручает ЦК партии представить правительству меморандум с требованием автономии для Иракского Курдистана.

8. Добиваться выселения арабских племен, расселенных в курдских деревнях, и возвращения туда коренного населения.

9. Создать в сотрудничестве с национальными партизанскими отрядами гражданскую администрацию в освобожденных районах.

10. По возможности оказать помощь семьям погибших патриотов и лицам, пострадавшим в связи с революцией, а также всем партизанам.

11. Создать комиссию для рассмотрения жалоб на лиц, уклонившихся от линии партии.

12. Создать совместную комиссию из представителей партии и национальных партизанских отрядов для определения судьбы вооружения, финансов, а также размеров нанесенного ущерба⁴⁸.

Последний, тринадцатый, пункт резолюции касался лидеров оппозиции. В нем было сказано: «Съезд решил вывести из ЦК 14 бывших членов — уклонистов по следующим мотивам: а) за гнусные попытки внести раскол в единство партии и партизан; б) за деятельность, наносящую ущерб партии и революции, поскольку некоторые из них прислуживали за умеренную плату иностранцам, а другие были связаны с предателями из кавалерии Салех эд-Дина; в) за то, что они засылали в отряды национальных партизан анархистов с провокационными целями и таким образом пытались разжечь огонь братоубийственной войны между партизанами, незадолго до этого сражавшимися плечом к плечу против врага под девизом „Курдистан или смерть!“»⁴⁹.

Съезд призвал Ибрагима Ахмеда, Джелала Талабани и их сторонников подчиниться решениям съезда и не допустить раскола в рядах партии, от чего те отказались.

После исключения талабанистов из ДПК борьба между оппозиционерами и новым руководством ДПК еще более обострилась. Дело дошло до вооруженных столкновений. События приняли трагический характер. Талабани и Ибрагим Ахмед с тысячей своих сторонников вынуждены были покинуть Ирак через иранскую границу.

Как во время этих событий, так и в дальнейшем иранские официальные круги продолжали хитрую и коварную политику по отношению к курдскому национально-демократическому движению.

Поддерживая на словах курдское движение, иранские официальные круги на самом деле стремились по мере возможности влиять на события в Иракском Курдистане. Впрочем, вопрос об ирано-иракских отношениях на данном этапе исторического развития представляет особый интерес и может служить предметом специального изучения. Здесь же следует констатировать тот факт, что иранские официальные круги стремились воспользоваться создавшейся ситуацией в Иракском Курдистане в своих спорах с Ираком, вовсе не намереваясь способствовать успеху движения курдов.

В новых условиях ДПК приступила к осуществлению мер, предусмотренных решениями июльского съезда партии. Необходимо было мобилизовать все силы для лучшей организации работы в освобожденных районах — как военной, так и адми-

нистративно-хозяйственной. С этой целью было решено созвать представительный форум.

В соответствии с этим решением, 9—17 июля в Рании прошла «народная конференция»⁵⁰. В числе делегатов конференции были: руководители и активисты ДПК, командиры партизанских отрядов, патриотически настроенные помещики, председатель Ассоциации курдских студентов, обучающихся в Европе, делегация сирийской Демократической партии Курдистана, секретарь Комитета защиты прав курдского народа за рубежом, представители христианских общин в Курдистане и «представители тех, кто помогал курдской революции»⁵¹. Во время работы конференции Барзани направил правительству меморандум, в котором, указывая на необходимость мирного урегулирования курдской проблемы, перечислил условия, выработанные и утвержденные VI съездом ДПК для мирного урегулирования проблемы.

Конференция в Рании была конкретным выражением этого курса. На ней подверглись обстоятельному обсуждению все вопросы, связанные с нормализацией положения в Курдистане и упрочением позиций курдского движения. Было принято решение создать два высших органа — новый Совет революционного командования, который неофициально считался «парламентом представителей курдского народа», и Исполнительный комитет, избираемый Советом революционного командования. В момент создания в состав Совета революционного командования вошли 63 человека, в том числе 27 членов ДПК и членов ЦК ДПК и 11 представителей партизанских отрядов. Остальные места заняли представители несториан, халдейцев, арабов, боровшихся на стороне курдских патриотов. Было решено создать пять комиссий, которые сосредоточили бы в своих руках всю полноту власти в освобожденных районах: конституционную, юридическую, военную, административную и финансовую. Согласно принятому решению, Совет революционного командования должен был созываться регулярно один раз в четыре месяца⁵².

Исполнительный комитет (Мактаб танфизи) состоял из 18 членов, 12 из которых представляли ДПК. Весь состав Мактаб танфизи вместе с обслуживающим персоналом насчитывал 100 человек. В отличие от ранее существовавшей военной администрации Мактаб танфизи имел более или менее постоянное местопребывание, что облегчало контакты населения с этим органом власти.

Исполнительный комитет создал два подкомитета — налоговый и юстиции. Налоговый комитет установил налог на население, равный 5% урожая. Для сбора налога комитет имел свои районные отделения, в каждом из которых работали по три человека — представители от центральной администрации, армии и местного населения. Районные налоговые отделения имели право пересмотреть размер налога — увеличить или уменьшить

его в зависимости от конкретных обстоятельств. Попутно отметим, что крестьяне Курдистана оказывали помощь революционно-демократическому движению и по другим каналам, в виде добровольных жертвоприношений и пр. Общий размер взносов в пользу революционного движения в среднем составлял 25% урожая⁵³. Налоги в основном взимались натурой (рис, табак, пшеница и т. д.) и только в отдельных случаях деньгами. Совет революционного командования и Мактаб танфизи запрещали отбирать у населения что-либо силой. В тех случаях, когда военные или гражданские власти вынуждены были прибегать к принудительному изъятию у населения продовольствия, выплачивалась денежная компенсация⁵⁴.

Подкомитет юстиции в освобожденных районах организовал около двадцати гражданских судов. Председателями этих судов были бывшие судьи, перешедшие на сторону революции, или авторитетные лица, которых назначал Мактаб танфизи. Кроме местных судов и военного трибунала в том же, 1964 г. был образован Верховный революционный суд, который занимался рассмотрением дел политических заключенных, шпионов, изменников, расследованием дел военнослужащих и офицеров и т. п.⁵⁵.

Создание органов самоуправления в условиях Курдистана было большим шагом вперед на пути демократизации жизни курдского общества. Эти меры имели и антифеодальную направленность. Они способствовали вовлечению в активную деятельность представителей трудового народа, участию их в управлении, что наносило удар по традиционным порядкам, при которых курдские феодалы и мусульманское духовенство обладали почти безраздельной властью.

Мероприятия, осуществленные в Курдистане, стали поводом для новой антикурдской кампании. Характерно, что к ней присоединились и реакционные круги западных империалистических держав. Последние утверждали, что «курдские повстанцы создают свое государство»⁵⁶, приписывая тем самым курдскому автономистскому движению «сепаратизм».

В середине ноября 1964 г. начальник генерального штаба иракской армии в официальном заявлении призвал разрешить курдскую проблему «военным путем и тем самым обеспечить спокойствие на севере страны»⁵⁷. Президент Ареф в одной из своих речей также прямо заявил: «Мы не отдадим им ни пяди земли нашей родины, арабская родина останется для арабов»⁵⁸. Таким образом, в конце 1964 г. по вине иракских властей положение в Курдистане вновь резко обострилось. Правительство явно шло по пути разжигания военного конфликта. В районе Ханекина произошло первое серьезное военное столкновение между подразделениями курдской освободительной армии и правительственными войсками. А в конце декабря 1964 г. иракское командование с санкции президента и премьер-министра предприняло новые военные операции против курдских патрио-

тов, имевшие целью разъединить силы повстанцев, оттеснить их к иракско-иранской границе и уничтожить. Во время этих событий вновь обострились иракско-иранские отношения, в связи с неоднократным нарушением иранской границы иракскими ВВС. Иракские самолеты подвергли бомбардировке некоторые населенные курдами иранские деревни близ границы. Принятые Ираном предупредительные меры грозили перерасти в военный конфликт между двумя государствами⁵⁹.

Когда в конце 1964 г. Барзани и возглавляемая им ДПК создали автономную администрацию, иракское правительство оказалось перед дилеммой: либо начать серьезные переговоры с лидерами курдского революционно-демократического движения с целью решения курдской проблемы мирными средствами (это шло вразрез с ультранационалистическими концепциями крайних экстремистов в правительстве и вне его), либо снова применить насилие и решать курдский вопрос силой, что было связано с определенным риском быть втянутым в длительную и бесперспективную войну.

Правительство раскололось на две группировки. Первую, наиболее влиятельную группу представляли президент Абдель Салам Ареф, премьер-министр Тахер Яхья и их сторонники. Они выступали поборниками решительных военных мер против курдов. Вторая группировка включала умеренных, в частности юнионистов, или, как их называли, насеровцев. Руководителем этой группировки был государственный министр Фуад Рикаби. Рикаби и его группировка выступали за возобновление переговоров с Барзани с целью поисков путей мирного решения «проблемы курдов». Отдавая должное реалистическому подходу этой группировки к курдской проблеме, следует отметить, что в планы иракских юнионистов и их патронов за пределами Ирака не входило ее радикальное решение.

22 февраля 1965 г. поддерживавший иракских юнионистов президент ОАР Насер направил Арефу личное письмо, призывая найти мирное решение курдской проблемы. В этом послании, которое было опубликовано, Насер писал главе иракского государства: «Более полутора лет тому назад я советовал Вам предусмотреть такую форму автономии для Курдистана, которая не нарушила бы целостности и единства Иракской республики. Я хотел бы, чтобы такая мера была встречена как великодушный жест со стороны арабов по отношению к их братьям-курдам. И вот они теперь поставили вас перед свершившимся фактом, взяв сами то, что Вы могли бы им предоставить уже давно»⁶⁰. (Насер имел в виду создание в октябре 1964 г. органов самоуправления в Курдистане.) В письме Насер выразил мнение, что «еще не поздно достигнуть соглашения с курдскими националистами путем переговоров»⁶¹.

Позиция Насера в отношении курдской проблемы диктовалась по крайней мере тремя обстоятельствами:

1. Национальное угнетение курдского народа в Ираке и бес-

пощадная война против него наносили урон авторитету арабских народов, точнее арабскому национализму. Насер считал войну в Курдистане «позорной для арабов», подчеркивая и неоднократно указывая, что «автономия Курдистана послужила бы великодушным жестом со стороны арабов по отношению к курдам».

2. Насер считал, что «открытие нового военного фронта в тот момент, когда основная часть египетской армии занята в Йемене и когда израильская угроза конкретизируется... граничит с предательством дела арабов»⁶².

3. С разрешением курдской проблемы в Ираке арабы приобретали бы хороший шанс для успешного решения спорных с Турцией и Ираном вопросов относительно Хузистана, Персидского залива, вод Шатт-эль-Араба, Александреттского санджака и др.

Одним словом, у египетского правительства и его главы были довольно веские причины для того, чтобы выступить против развязывания новой войны в Курдистане. Однако ни правительство ОАР, ни сам Насер не были последовательными сторонниками мирного решения курдской проблемы. Так, летом 1964 г. Совет революционного командования и Политбюро ДПК через своего представителя в Каире Шевкета Акрави обратились к правительству ОАР с просьбой об организации встречи представителей курдов, иракского правительства и ОАР для определения путей урегулирования курдской проблемы. Однако правительство ОАР отвергло это предложение. А позднее, осенью 1964 г., представителю Барзани в Каире даже было предложено покинуть пределы Египта.

Военное руководство Ирака не только не прислушивалось к призывам о переговорах, но и стало преследовать тех, кто поддерживал эту идею. Весной 1965 г., когда Барзани обратился к правительству с очередным (12 марта) призывом к поискам путей мирного решения проблемы, иракские министры, выступавшие против возобновления военных действий, были отстранены от государственных дел. Фуад Рикаби оказался даже под негласным надзором полиции. Кампания «чистки» началась в армии.

Перемирие, продолжавшееся четырнадцать месяцев, подошло к концу. 6 марта 1965 г. Политбюро ДПК опубликовало заявление, в котором говорилось: «Первыми мы не откроем огонь, но мы будем защищать себя решительно и без колебаний в случае, если подвергнемся нападению. Самозащита — это право всех народов во всем мире».

3 апреля 1965 г. иракская армия и военно-воздушные силы начали широкие военные операции против курдских вооруженных сил, а также карательные действия против мирного населения. В этих операциях участвовало около 50 тыс. человек⁶³. Война охватила фронт протяженностью 500 км, от Захо до Ханекина. Иракская армия вымещала свои неудачи на фрон-

тах на мирном населении. Так, в начале апреля отряд иракской армии подверг варварскому обстрелу мирное население г. Сулеймания⁶⁴. Курдская освободительная армия наносила сильные контрудары правительственным войскам, в результате чего иракская армия была отброшена из Кала-Дизы, Шварты, Мавата и Пенджвина севернее Сулеймании и понесла тяжелые потери⁶⁵.

Официальные круги Ирака старались скрыть от мировой общественности события в Курдистане. «Война? — удивленно восклицал один иракский министр. — Какая война? Это же просто маневры, они продлятся до осени... На севере все спокойно, это все империалисты распускают слухи»⁶⁶. В действительности война принимала ожесточенный характер.

В начале июня 1965 г. делегация Совета революционного командования Иракского Курдистана, находившегося в Соединенных Штатах Америки, опубликовала материалы о положении в Иракском Курдистане. Глава делегации Исмет Шериф Ванли заявил, что в письмах М. Барзани, направленных генеральному секретарю ООН У Тану и председателю Комиссии ООН по правам человека Сальвадору Лопесу, содержалась просьба к Организации Объединенных Наций принять действенные меры, чтобы «немедленно прекратить военные операции иракских правительственных войск в Курдистане и войну против курдского народа, равнозначную геноциду»⁶⁷. По поручению руководства курдского движения он пояснил цели курдского революционно-демократического движения, заявил о готовности курдских лидеров начать мирные переговоры для поисков путей мирного разрешения конфликта⁶⁸.

Возобновление войны в Курдистане усилило оппозицию режиму Арефа—Яхьи. Компартия выступила с призывом к свержению «военной диктатуры, установленной в Багдаде»⁶⁹. В тяжелых условиях подполья компартия развернула активную деятельность в поддержку требований курдов об автономии и образовании единого фронта с участием прогрессивных буржуазных партий против диктатуры военных.

Весьма интересные сдвиги произошли в партии Баас. В конце 1964 г. левые элементы добились исключения из партии экстремистских лидеров во главе с Али Саади. После этого в политике партии произошли положительные изменения. Левые баасисты обвинили прежнее руководство в том, что оно «играло на руку империализму», и выступили за единство прогрессивных сил в борьбе против режима Арефа—Яхьи, что вызвало одобрение коммунистов и других прогрессивных сил страны. «Левая Баас» опубликовала документ, в котором решительно осуждала как истребление коммунистов, так и антикурдскую войну, организованную в 1963 г. правыми баасистами. Она осуждала «шовинизм» режима Арефа, высказывалась за предоставление курдскому народу «очень широкой автономии» и за установление во всей стране демократического парламент-

ского режима, отражающего все политические направления⁷⁰.

Выражая свое несогласие с Коммунистической партией и другими партиями по определенным вопросам, левые баасисты в то же время выступали за создание объединенного фронта всех прогрессивных партий страны, в том числе ИКП и ДПК: «Союз, объединяющий авангард пронасеровских сил, Баас, Коммунистическую партию, Демократическую партию Курдистана и другие прогрессивные элементы,— вот единственный путь, который может вывести Ирак из тупика и поможет нанести решительный удар империализму и реакции»⁷¹.

С аналогичным заявлением о необходимости создания объединенного фронта прогрессивных сил выступила ДПК. Представитель ДПК в Париже заявил, что его партия «выступает за создание национального фронта, в который войдут подлинные представители насеровского движения, Коммунистической партии, „Аль-Истикляль“, Национально-прогрессивной партии».

Компартия справедливо считала, что истинный союз патриотических и демократических сил страны может быть достигнут лишь в том случае, если баасовцы, истиклялевцы и юнионисты решительно и недвусмысленно будут выступать за подлинную демократизацию жизни в стране, за справедливое решение курдской проблемы. «Действительный, всеобщий национальный союз этих сил,— говорилось в решении ЦК ИКП,— может быть создан прежде всего при условии отказа от политики антикоммунизма и проявления враждебных тенденций в отношении коммунистов, особенно со стороны Арабского Социалистического Союза, и справедливого демократического разрешения курдской проблемы»⁷².

В середине июня 1965 г. президент Ареф заявил, что иракская армия одержала «ряд выдающихся побед» в боях против курдских мятежников⁷³. Это было первое прямое признание иракским правительством того факта, что в Курдистане идет настоящая война. Ареф сделал это заявление в ходе инспекционной поездки по армейским подразделениям. Выступая перед солдатами правительственных войск в курдском районе Карадаг, он сказал: «Вы одержали ряд выдающихся побед в действиях против мятежников на севере, и я хочу поздравить вас»⁷⁴. И далее: «Вина за теперешние осложнения с Барзани возлагается на империализм, который пытается отвлечь нас от нашей основной задачи — освобождения Палестины. Мы, однако, пресечем эти попытки»⁷⁵.

Заявлением об «успехах» в боях против «мятежников» Ареф стремился прикрыть очередные неудачи иракских войск в Курдистане.

Внутриполитическое положение в стране продолжало оставаться сложным и напряженным, причем напряженность была следствием не только военных неудач в Курдистане, но и все возрастающей оппозиции правительству, как слева, так и справа.

В середине 1965 г. разногласия обострились до предела, и, несмотря на неоднократные реорганизации, правительство Тахера Яхьи 6 сентября вынуждено было уйти в отставку⁷⁶. Абдель Салам Ареф, несмотря на свою близость с Яхьей, решил пожертвовать им, чтобы предотвратить большие неприятности. Сформировать новый кабинет он поручил командующему военно-воздушными силами генералу Арефу Абдель Раззаку, известному своей пронасеровской ориентацией. Однако это лишь частично удовлетворило претензии юнионистов. Буквально через десять дней после образования нового правительства премьер-министр Ареф Абдель Раззак, воспользовавшись отсутствием президента Абдель Салам Арефа, вылетевшего в Касабланку для участия в работе конференции глав арабских государств, предпринял попытку совершить государственный переворот. Однако попытка переворота окончилась неудачей, и Раззак вынужден был бежать в Каир. Влияние юнионистов после этого значительно ослабло, а в отношениях между Багдадом и Каиром вновь наступило охлаждение.

21 сентября 1965 г. в Ираке впервые после революции 1958 г. пост главы правительства заняло гражданское лицо, Абдель Рахман аль-Баззаз. Он был известен правыми взглядами и прозападной ориентацией. 23 сентября 1965 г. Баззаз выступил с программным заявлением. В отличие от своих предшественников Баззаз намеревался проводить более гибкую политику. Характерной в этом отношении является та часть его заявления, где отмечалось, что его правительство «решительно осуждает репрессии и унижительные меры, которым подвергали своих противников все прежние правительства»⁷⁷. Касаясь экономического положения страны, новый премьер отметил, что Ирак будет идти по пути «здорового арабского социализма», который, по его словам, не связан «ни с одной определенной теорией». Баззаз осторожно, но решительно выступил против политики национализации. Правительство приняло решение о немедленной выплате компенсации владельцам акций национализированных при Тахере Яхье предприятий⁷⁸.

Заявление Баззаза по курдскому вопросу носило декларативный и туманный характер. В нем было сказано: «Мы не выступаем против наших братьев курдов, но мы выступаем против тех группировок населения, которые нарушают спокойствие данного района... Мы находим, что Ирак — единая страна, а курды имеют свои законные права»⁷⁹.

Выступивший 6 ноября 1965 г. министр культуры и национальной ориентации Мухаммед Насер также заявил, что правительство будет уважать национальные права «наших братьев курдов, и они будут зафиксированы в конституции»⁸⁰.

Однако факты свидетельствуют, что и кабинет Баззаза, по существу, продолжал курс на военное решение курдского вопроса. Конкретным подтверждением этого были огромные ассигнования на военные нужды в 1965/66 финансовом году. Тог-

да на нужды «обороны» предусматривалось израсходовать 70,5 млн. динаров, более 37% всей расходной части бюджета, против 53,9 млн. в предыдущем году⁸¹. В эту цифру не входили расходы на полицию, составлявшие около 16 млн. динаров. Таким образом, в иракских правительственных кругах по-прежнему господствовало намерение решить «проблему Севера» военным путем.

В конце 1965 г. Баззаз вновь призвал курдов сложить оружие и согласиться с предложениями правительства. В ответ глава Совета революционного командования курдов генерал Барзани заявил в коммюнике, переданном для обнародования, следующее: «Я говорю Арефу, аль-Баззазу и их приспешникам: единственный путь установить мир заключается в том, чтобы правительство Багдада предварительно и официально признало автономию Курдистана. Лишь тогда может быть заключено соглашение о прекращении огня с целью начать официальные переговоры для окончательного определения этой автономии, совместного установления границ Курдистана в рамках Ирака и достижения договоренности о гарантиях, которые курдский народ, основываясь на пережитых испытаниях, имеет право требовать в вопросе об урегулировании конфликта»⁸². Одновременно Барзани предупреждал: «Если правительство Багдада не согласится с нашими требованиями, то мы готовы продолжать революционную борьбу еще десять или двадцать лет, а если надо будет, то до тех пор, пока курдский народ не добьется всей полноты своих национальных прав и пока Ирак не освободится от демагогии и военных диктатур»⁸³.

Аль-Баззас сам обнажил подлинный смысл своих заявлений и «поправок к конституции» относительно «национальных прав курдов», говоря о новых законе и управлении во всех иракских провинциях как о лучшем способе разрешения курдской проблемы. Это означало, что глава правительства не признавал ни самого существования курдского народа как отдельной нации, ни факта существования отдельных курдских районов, т. е. Иракского Курдистана.

Как и раньше, позиция ДПК была поддержана Иракско-коммунистической партией. ИКП советовала курдским лидерам не идти на такой компромисс, который свел бы к нулю результаты кровопролитной многолетней борьбы курдского народа за национальную автономию. Выражая эту точку зрения, один видный деятель партии писал: «Курдский народ не введут в заблуждение догматические заявления и обещания аль-Баззаза. С 1922 г. он слышал много таких демагогических обещаний от иракских правителей. И он не намерен игнорировать этот свой опыт и согласиться на незначительные права в качестве цены за столь дорожно обошедшиеся ему жертвы и страдания»⁸⁴.

То, что аль-Баззас выступал за военное решение курдского вопроса, подтверждается и тем, что с его непосредственным участием был разработан план «беспощадной войны» в Курди-

стане. Вновь была призвана к жизни пресловутая тактика «коллективной ответственности». Конкретным выражением этой политики был план массового сожжения курдских сел.

Этот план был разработан «в соответствии с секретным решением правительства, которое было принято в начале октября 1965 г., и стал осуществляться с 6 декабря 1965 г.»⁸⁵. План предусматривал сосредоточение значительных контингентов войск на севере страны и их одновременное наступление с применением артиллерии и танков на десятки сел, а также бомбардировку их с воздуха напалмовыми и зажигательными бомбами и бомбами с отравляющими химическими веществами. Практическая реализация плана выглядела так: «Когда села загораются и жители вынуждены покидать их, войска захватчиков входят туда и грабят все, что попадает под руку. Затем они сжигают села дотла, выгоняя оттуда оставшихся жителей. Так было в поселениях Тузхурмалу, Чемчемаль, Кифри, Аджеллер, Шуан в провинции Киркук»⁸⁶.

Французский журналист Жан Бартолино, находившийся тогда в течение месяца среди курдских партизан, писал: «Отблески пожаров, зажженных бомбами, прыгали на склонах гор. Мне казалось, что я присутствую на спектакле, поставленном Сесиль де Миль.

На сиреневом фоне вершин пламенели гигантские огненные языки. Если несчастье, обрушившееся на эту мирную долину, казалось мне фантасмагорией, то крики женщин и детей, может быть раненных, и брань разгневанных мужчин очень скоро вернули меня к суровой действительности.

— Опять жгут урожай! — воскликнул мой гид. — В течение трех недель с утра до ночи они не перестают тревожить нас»⁸⁷.

«Заслуга» в разработке обстоятельного плана «разгрома сил Барзани за короткий срок» принадлежала маховому реакционеру генералу Абдель Азизу Окайли. Следует отметить, что благоприятствующим моментом для проведения этой операции считалась весьма умеренная зима 1965 — 1966 гг. Пользуясь тем, что горные дороги Курдистана не были перекрыты снежными заносами, иракское командование значительно активизировало военную кампанию.

В феврале 1966 г. военные действия происходили в основном в районе Пенджвин—Чоарта—Саид-Садки—северо-восточней Сулеймании. Сражения в этом районе, по признанию самого Арефа, были наиболее крупными в ходе зимней кампании⁸⁸.

Не ограничиваясь собственной военной кампанией против курдских патриотов, Баззас стремился найти «общий язык» со странами, которые были заинтересованы в ликвидации курдского движения. В связи с обострением иракско-иранских отношений последовал обмен письмами между премьером Баззасом и иранским премьер-министром Ховеидой об урегулировании пограничного конфликта путем создания смешанной комиссии по

расследованию пограничных инцидентов. Иракское правительство всеми мерами добивалось «закрытия ирано-иракской границы», что, по его мнению, могло «лишить курдов» контактов с внешним миром. В письме Баззаза выдвигалось три предложения: взаимный отвод войск, прекращение враждебной пропаганды в печати обеих стран и создание упомянутой комиссии. В своем выступлении на пресс-конференции в Багдаде (12 января) Баззаз, в частности, заявил о том, что если в ходе расследования будет доказана виновность Ирака в тех или иных инцидентах, то последний возместит нанесенный ущерб.

Что же касается проблемы распределения пограничных зон по Шатт-эль-Арабу, которая вновь всплыла в ходе пограничных конфликтов, когда иранский премьер-министр Ховейда заявил об отказе соблюдать соглашения 1937 г., то иракская сторона была далека от мысли пойти на пересмотр этого договора в пользу Ирана. Более того, в январе 1966 г. иракское министерство иностранных дел распространило среди участников пресс-конференции Баззаза книгу «Факты, касающиеся ирако-иранской границы»⁸⁹, впервые изданную еще в 1960 г., при Касеме. В этой книге, в которой вымарано лишь имя Касема, говорилось о нарушениях границ Ирака Ираном. Представители иракских официальных властей тогда прямо заявили, что проблема остается той же, что и в 1960 г.

При освещении событий 1965—1966 гг. в Ираке и Иракском Курдистане необходимо коснуться также вопроса о возможности появления в то время так называемого Исламского пакта. Первые сообщения об этом появились после визита короля Саудовской Аравии Фейсала в Иран в декабре 1965 г. Предполагалось, что в этом пакте могли участвовать, например, Иран, Турция, Саудовская Аравия. Вскоре Баззаз прибыл с официальным визитом в Эр-Рияд. В ходе этой официальной поездки он просил Фейсала быть посредником в урегулировании иракско-иранских пограничных разногласий, высказал заинтересованность иракского правительства в закрытии иранской границы, с тем чтобы лишить «мятежных курдов» предполагаемого «канала получения помощи извне».

В начале 1966 г. министр иностранных дел Ирака побывал в Анкаре. В результате его визита «произошло желанное укрепление иракско-турецких отношений...»⁹⁰. Кстати, это был первый визит иракского министра в Турцию после революции 1958 г. Трудно указать какие-либо другие причины, толкнувшие тогда Ирак на сближение с Турцией и Ираном, кроме курдского вопроса.

Иракские официальные круги выражали беспокойство по поводу того, что они не получают эффективную поддержку от арабских стран для «ликвидации курдской опасности». Поэтому они были склонны решить эту проблему при помощи непосредственно заинтересованных стран — Турции и Ирана. Правительство Баззаза, таким образом, энергично и всесторонне готови-

лось к решающей схватке с курдами как внутри страны, так и за ее пределами

События февраля—марта в Иракском Курдистане привлекли к себе внимание мировой общественности. «Война против курдов должна быть прекращена,— писала „Правда“.— От этого выиграет народ Ирака... Конечно, решение курдской проблемы сопряжено с немалыми трудностями, с отпором реакции. Но интересы реакции не имеют ничего общего с интересами иракского народа — как арабов, так и курдов»⁹¹. В начале февраля 1966 г., выражая гуманные чувства советской общественности, к главе иракского правительства с призывом прекратить военные действия против курдов обратился исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Он заявил о готовности оказать материальную помощь мирному курдскому населению, пострадавшему от войны⁹².

12—13 февраля 1966 г. в Париже состоялась сессия ассамблеи Международного комитета борьбы за амнистию политических заключенных и уважение прав человека в Ираке. Ее участники решительно осудили варварскую войну в Курдистане. «В Иракском Курдистане,— говорилось в резолюции ассамблеи,— недавно были уничтожены 600 деревень, сожжен урожай, невинные люди — старики, женщины и дети погибают или обречены на муки голода и холода. Властями введены драконовские условия распределения курдскому населению необходимых медикаментов»⁹³.

В середине февраля 1966 г. Барзани вновь обратился к международным организациям с призывом содействовать мирному урегулированию курдской проблемы и прекращению войны в Курдистане. «Мы просим,— говорилось в его письме генеральному секретарю ООН,— направить делегацию, которая расследовала бы геноцид, практикуемый против курдского народа в Северном Ираке»⁹⁴. С письмом аналогичного содержания Барзани обратился и к главам великих держав⁹⁵.

В феврале 1966 г. в Каире состоялась третья сессия Объединенного египетско-иракского политического руководства — организации, созданной в целях «укрепления сотрудничества и достижения единства между ОАР и Ираком». Обращение представителя курдского движения к этой сессии осталось безответным.

После заседания объединенного политического руководства в Каире было созвано совещание глав правительств арабских стран. Руководство курдского национально-демократического движения направило участникам этого совещания послание, в котором содержалась просьба помочь «положить конец боям и начать переговоры на основе обеспечения курдскому народу его национальных прав в рамках иракского государства»⁹⁶. И это обращение курдских демократических сил осталось без ответа.

Иракское командование планировало в середине апреля 1966 г. начать осуществление «плана Окайли», согласно кото-

рому мощные атаки иракской армии на позиции курдов должны были покончить с курдской проблемой. Однако случилось неожиданное. 13 апреля 1966 г. президент Ирака Абдель Салам Мухаммед Ареф, его ближайший друг, министр внутренних дел Дарраджи и министр промышленности Абдалла при загадочных обстоятельствах погибли во время авиационной катастрофы.

После гибели президента Арефа политическая обстановка в стране резко обострилась. Помимо Баззаза на пост президента реально претендовали еще двое — брат покойного президента — начальник генерального штаба иракской армии Абдель Рахман Ареф и ярый реакционер, лидер экстремистской военной группировки и министр обороны Абдель Азиз Окайли. Баззаз учитывал, что на решающем этапе борьбы за президентство последнее слово будет принадлежать военным. Поэтому он решил сохранить за собой пост премьер-министра и поддержать кандидатуру Арефа-младшего, а не Окайли на президентский пост по тем соображениям, что при Арефе — слабой политической фигуре — ему легче будет сосредоточить в своих руках реальную власть в стране. Исходя из этих соображений, Баззаз «добровольно» отказался от поста президента в пользу Арефа-младшего, а его сторонники помогли Арефу стать президентом. Потерпев поражение, Окайли подал в отставку. Ни гибель Арефа, ни уход Окайли с поста министра обороны не привели к каким-либо изменениям в политике правительства по курдскому вопросу.

Руководство курдского национально-демократического движения было в курсе намечаемых иракским командованием военных операций на май 1966 г. Еще в середине марта 1966 г. Генеральный секретарь ЦК Демократической партии Курдистана заявил в Галале (Иракский Курдистан), что одновременно с поисками путей мирного решения курдской проблемы ДПК проделала определенную работу по повышению боеспособности курдских вооруженных сил и что, как и раньше, курды готовы мужественно бороться за свои права. Однако, каким бы решительным ни было сопротивление курдов атакам иракской армии, их положение было трудным. К тому же оно осложнилось фактической экономической блокадой, нехваткой оружия, отсутствием материальной помощи извне. Правда, было нечто, выгодно отличавшее курдских патриотов от воинов иракской армии, и оно заключалось в том, что всем курдам были близки цели их движения. Достижение подлинных национальных прав, стремление к улучшению своего социально-политического положения были факторами, которые повседневно рождали массовый народный героизм и обеспечивали успех вооруженной борьбы курдского народа.

Широкое распространение среди курдов и сражавшихся с ними бок о бок ассирийцев и арабов-патриотов получил лозунг «Автономный Курдистан или смерть!».

Атаки иракской армии на позиции курдов зимой 1965/66 г. и в начале весны 1966 г. были прелюдией к большому, по словам иракских официальных кругов, «решающему» сражению, которое произошло в начале мая. Обращает на себя внимание весьма самоуверенное заявление тогда еще живого Арефа, сделанное им в конце марта 1966 г. На вопрос, «надеется ли он на окончательную ликвидацию последних очагов мятежа курдов этим летом», президент Ирака ответил: «Мятежникам на севере Ирака нанесен сокрушительный удар. Их дни сочтены. Если богу будет угодно, в ближайшие дни не останется ни малейших следов от этого мятежа»⁹⁷. Ареф и его коллеги настолько были уверены в своей победе, что иракский посол в Тегеране получил распоряжение сообщить иранскому правительству о том, что, «исходя из общих интересов» борьбы против «курдской опасности», иракское правительство просит запретить отход на территорию Ирана «разбитых сил мятежников», а также «отказывать Барзани в праве убежища в Иране»⁹⁸.

В начале мая 1966 г. новый министр обороны Шакер Махмуд Шукри приступил к осуществлению плана Абдель Азиза Окайли.

Главной ареной намечавшихся сражений был район Ревандуза. Основная цель иракских вооруженных сил заключалась в том, чтобы мощными атаками в сторону гор Хиндрейн (юго-восточнее Ревандуза) и Зозек (северо-восточнее Ревандуза) разбить курдские силы на две части, затем своим продвижением в сторону Хадж Омран (на ирако-иранской границе) лишить курдов предполагаемого канала получения помощи извне и добиться их окончательного разгрома⁹⁹. Правительство бросило против курдов две наиболее боеспособные из пяти своих дивизий — 1-ю и 2-ю¹⁰⁰.

Общая численность войск, переброшенных правительством на Ревандузский фронт, достигла 35 тыс. человек. Правительственные вооруженные силы были обеспечены всеми видами вооружения — тяжелой артиллерией, танками и авиацией. «Сюда были брошены и силы „джашов“. Почти каждое село было превращено в военный лагерь»¹⁰¹.

Курдские вооруженные силы были размещены в пяти укрепленных пунктах. Учитывая особую важность защиты Ревандузского района, особенно стратегически важной шоссеиной дороги Ревандуз — Хадж Омран, командование курдскими силами решило перебросить туда наиболее боевые курдские отряды — до 3,5 тыс. человек. Ими командовали молодые офицеры Мухаммед Фахер и Фарес Карадаги.

Главные события на Ревандузском фронте развернулись 2 и 3 мая 1966 г. Иракское командование, как было отмечено, ставило целью освободить дорогу, связывающую Ревандуз с Хадж Омраном, последним населенным пунктом близ границы с Ираном. Эту дорогу, построенную некогда англичанами, курды занимали с начала военных действий, т. е. с 1961 г. Она имела

первостепенное значение для курдов как в военном, так и в экономическом отношении.

«План Окайли», по идее, был неплох. Как уже отмечалось, прежде чем выйти на дорогу, иракским войскам необходимо было захватить две вершины — Хиндрейн и Зозек, возвышающиеся по краям шоссе у самой черты г. Ревандуза¹⁰². После сильного артиллерийского обстрела и бомбежки иракская пехота при поддержке танков перешла в наступление на горы Зозек и Хиндрейн. В центре наступали отборные 3-я и 4-я бригады, на флангах — часть 4-й и 15-я, а 5-я и 2-я бригады оказывали им поддержку¹⁰³.

Курды сперва отошли на некоторое расстояние, чтобы дать иракским частям возможность совершить свой маневр, а затем, 4 мая, предприняли контратаку на некоторые посты иракских войск, а 6—7 мая разоружили 10 из них¹⁰⁴. В наступление только на Хиндрейн иракское командование бросило 3 тыс. солдат и тысячу «джашей». Они развернулись в четыре линии: две центральные линии, начинавшиеся в Ревандузе и кончавшиеся в 100 м от Капкам — вершины горы Хиндрейн, и две фланговые линии, бойцы которых заняли позиции на полпути к вершине. В каменных укреплениях, расположенных в 100 м друг от друга, курдское командование сосредоточило по одному взводу.

Отрядам иракской армии потребовалось 5 дней, чтобы приблизиться к позициям курдов. Тем временем курды совершили маневр и окружили иракские войска. Одним из главных руководителей этой операции, как было сказано выше, был майор Мухаммед Фахер. Французский журналист Жан Бартолино после этих событий побывал в Курдистане и имел встречу с Барзани, Фахером и другими курдскими деятелями. Он передает подробные и достоверные сведения о событиях того времени¹⁰⁵. Вот что он пишет о Мухаммеде Фахере: «С недавних пор 30-летний курдский майор Фахер — национальный герой. Нет сомнения в том, что его невероятная победа над двумя иракскими дивизиями в течение многих лет будет воспеваться в городах и селах народными певцами, звучные голоса которых нарушают тишину ночей Курдистана. Генерал Барзани счел необходимым лично поздравить его. Это большая честь для майора, ибо здесь всякий знает, что Мустафу Барзани трудно растрогать»¹⁰⁶.

11 и особенно 12 мая курды полностью перехватили инициативу и нанесли сокрушительные удары по подразделениям иракской армии, при этом четвертая бригада иракской армии полностью была разгромлена¹⁰⁷.

Положение в иракских частях было настолько хаотичным, что многие из них попали под обстрел своих же сил. В результате многие иракские солдаты и офицеры погибли, многие сдались в плен. 14 и 17 мая горы Хиндрейн и Зозек окончательно были очищены от врага.

Битва при Ревандузе кончилась победой курдских вооруженных сил. На поле боя осталось 2 тыс. убитых, в том числе

150 офицеров. Это было самое крупное сражение за все пять лет войны в Иракском Курдистане. Курды захватили богатые трофеи.

По правительственным планам военного решения курдского вопроса был нанесен новый сокрушительный удар. Ревандузская битва серьезно пошатнула позиции шовинистических кругов, в частности военных. Она еще раз показала силу курдского национально-демократического движения. В битве приняли участие, показав пример подлинного героизма, и отряды коммунистов, сражавшиеся на одном из самых важных участков фронта.

После Ревандузской битвы авторитет сил, борющихся за автономию Курдистана и демократизацию жизни страны, еще возрос. В то же время еще больше усилился разлад в рядах иракской армии. Многие солдаты иракской армии дезертировали, часть их оставалась в рядах курдской армии. Руководство курдским движением проводило в отношении сдавшихся в плен разумную политику. «Курдская революция,— пишет Жан Прадье,— всегда четко проводила разграничение между иракским народом и иракским правительством. Первый является другом, второй — врагом»¹⁰⁸. Руководители курдского движения никогда не противопоставляли интересы курдского народа и национальных меньшинств интересам арабов. «Чтобы не углублять конфликт, Мустафа Барзани всегда старался делать так, чтобы он не превратился в расовую войну. В сводках он никогда не нападал на арабов, нападки адресованы только багдадскому правительству. Его пешмерги имеют предписание не убивать сдающихся солдат. Их освобождают, отобрав у них оружие»¹⁰⁹.

После Ревандузской битвы группа так называемого мирно-военного решения курдской проблемы и сам премьер-министр Абдель Рахман Баззас стали выступать за предоставление курдам некоторой административной самостоятельности. Они обосновывали эту меру необходимостью нормализовать положение в стране и (что важно) постепенно, по мере возможности вытеснять, а затем и полностью отстранить военных от управления страной.

Иракская компартия через свою газету «Тарик аш-Шааб» (издававшуюся в подполье, но довольно широко распространявшуюся в Багдаде) и ДПК через свой нелегально издающийся бюллетень «Бахоз» регулярно информировали иракское население о событиях в Курдистане. Неоднократные ложные сообщения иракских властей о «победах иракской армии», преследовавшие цель скрыть факт крупного поражения иракской армии и как-то смазать впечатление от сообщений из Курдистана, не оправдали себя, как и организованная правительством кампания по призыву в «армию 20 возрастов» (из числа тех, кто уклонился от призыва, объявленного весной).

К тому же правительство оказалось в весьма затруднитель-

ном финансовом положении. Достаточно отметить, что официально признанный дефицит иракского бюджета, в 1965/66 финансовом году составил 50 млн. динаров. Львиная доля от ежегодно получаемых Ираком отчислений за нефть, примерно 130 млн. ф. ст., шла на военные расходы. Война забирала все свободные валютные фонды, которые в мирных условиях могли быть использованы для развития экономики страны.

Одним словом, все настоятельно требовало скорейшего урегулирования курдской проблемы. Однако Баззазу и его сторонникам, склонявшимся к мирным переговорам, было нелегко пойти на эти переговоры, так как в военных кругах Ирака преобладали настроения в пользу продолжения войны¹¹⁰.

Но Баззас все же смог убедить более сговорчивого по сравнению со своим братом Арефа-младшего и предпринял усиленные шаги для установления контактов с курдами.

Несмотря на то что военные действия еще продолжались, между представителями правительства Баззаза и курдского национально-демократического движения были установлены контакты. В середине июня 1966 г. сам Баззас сделал следующее заявление: «Я и мое правительство намерены решить курдский вопрос мирным путем... Ирак не является только арабским, но в равной мере и курдским»¹¹¹.

На предложение прибывших в ставку Барзани правительственных эмиссаров начать переговоры о мирном урегулировании курдского вопроса Барзани с согласия Совета революционно-го командования и руководства ДПК дал положительный ответ. Первый этап переговоров было решено провести в Курдистане, и через три дня после получения ответа Барзани правительство Баззаза послало в Курдистан делегацию в составе четырех курдских политических деятелей — Акрама Джафа (бывшего министра), Ахмеда Кемаля и Маджида Али (генералов в отставке) и Зейд Ахмед Османа (бывшего заместителя губернатора Эрбиля). Делегация была уполномочена официально заявить лидерам курдского движения, что правительство избрало путь мирного решения курдского вопроса и признать национальные права курдов¹¹².

26 июня 1966 г. для продолжения переговоров с курдами в Курдистан прибыла более представительная делегация, составленная из арабов и курдов: Абдуль Джабар Джомард (бывший министр иностранных дел), Хасан Абдель Рахман, Кязим аш-Шабиби, Ихсан Шерзад (профессор Багдадского университета), Мухаммед Салах Махмуд (бывший министр, врач)¹¹³. А вслед за визитом иракских официальных делегаций в Курдистан последовала поездка в Багдад курдской делегации в составе первого секретаря ЦК ДПК Хабиба Мухаммеда Керима и членов Политбюро ЦК ДПК Салеха Юсуфа, Али Абдулы и Хафеза Джаляля¹¹⁴.

В результате переговоров с президентом Абдель Рахман Арефом и премьер-министром Баззазом курдская делегация со-

гласилась с правительственной платформой, содержащей следующие пункты:

1. Правительство признает курдскую национальность и готово подчеркнуть «это положение и еще более ясно записать его во временной конституции и тем самым подтвердить курдскую национальность и курдские национальные права в рамках одного иракского отечества, которое объединяет две главные национальности — арабов и курдов, так, чтобы и арабы и курды могли иметь одинаковые права и обязанности».

2. Правительство готово придать действенную силу всему вышеизложенному путем издания закона, находящегося в процессе подготовки; этот закон будет основываться на принципе децентрализации.

3. Правительство, естественно, признает курдский язык как официальный наряду с арабским языком в районе, где курды образуют большинство населения. Наряду с арабским на курдском языке будет вестись обучение в рамках, одобренных законом и определенных местными собраниями.

4. Правительство заявляет о своей решимости провести парламентские выборы в сроки, предусмотренные временной конституцией (т. е. до начала 1967 г.). Курды будут представлены в подлежащем избранию парламенте пропорционально их отношению к общему числу населения страны и в соответствии с избирательным законом.

5. Правительство заявляет, что «курды наряду с их братьями арабами будут допущены к участию в работе всех государственных учреждений пропорционально численному составу их населения», включая предоставление им постов министров, чиновников исполнительных органов власти, постов в юридической, дипломатической и военной службах.

В п. 6 и 7 программы правительства речь шла об увеличении числа курдских учащихся в университетах и других высших учебных заведениях как в самой стране, так и за ее пределами, а также об открытии университета «на Севере» и привлечении чиновников из числа курдов к работе местной администрации в провинциях.

8. В процессе установления норм парламентской жизни «будут созданы некоторые политические организации и пресса сможет выразить желание народа», и это положение распространяется и на курдов в рамках, определенных законом; «будет разрешена также публикация политических и литературных изданий на курдском и арабском или на обоих языках одновременно».

9. После того как «акты насилия придут к концу» (так Базаз предпочитал называть войну, которая велась в Курдистане), будет проведена общая амнистия, касающаяся всех, кто был связан с «актами насилия на Севере». Все курдские чиновники или служащие будут восстановлены на своих прежних постах, и правительство обязуется сделать все возможное, чтобы вос-

становить на прежней работе всех уволенных ранее курдских рабочих.

10. После опубликования данной программы все военнослужащие и полиция (имеются в виду военнослужащие и полицейские, дезертировавшие из иракской армии и полиции и перешедшие на сторону курдов) в течение двух месяцев с оружием в руках должны вернуться в свои части. Им будет обеспечено прощение и хорошее отношение. Должны быть возвращены к нормальной жизни также «вспомогательные вооруженные отряды» («джашис»), выступавшие на стороне правительства в войне против курдов.

11. Все средства, шедшие до сих пор на «сопротивление насилию», будут тратиться на восстановление Севера.

12. «Отдельные лица и группы из числа курдского населения, которые покинули свои постоянные обычные места жительства, должны быть возвращены туда, и им будет выплачена соответствующая компенсация»¹¹⁵.

Последнее означало удовлетворение выдвинутого курдами требования о *возвращении курдского населения на его постоянные места жительства, откуда оно было насильственно выдворено в годы войны в Курдистане и где были поселены арабские племена (в ряде случаев бедуины), переброшенные из арабских районов страны.*

Во время как предварительных, так и окончательных переговоров курдская делегация настаивала на том, чтобы курдские вооруженные отряды, в частности «пешмерга», были включены в состав иракской армии в качестве пограничных, для охраны границ с Ираном и Турцией. Однако правительство выступило против этого предложения и настаивало на полном роспуске всех отрядов. Так как по этому вопросу согласие не было достигнуто, то он остался открытым и не был включен в соглашение о перемирии.

Соглашение 29 июня 1966 г. было важным событием в борьбе курдов за национальную автономию. Ведь незадолго до обнародования декларации 29 июня иракское правительство и командование иракской армии во всеуслышание заявляли, что они предпринимают «последние решающие» атаки на позиции курдов. Однако в третий раз за пять лет войны правительство вынуждено было официально признать факт существования курдского национального вопроса и сесть за стол переговоров с представителями курдского народа для мирного решения этой проблемы. Соглашение явилось одновременно победой всех демократических сил Ирака, выступавших против военного решения курдского вопроса.

Внимательное ознакомление с содержанием декларации 29 июня показывает, что она включала далеко не все требования курдского движения. Нет в ней и требования национальной автономии. Почему так произошло? Ответом на поставленный вопрос может служить заявление первого секретаря ЦК ДПК,

сделанное им после обнародования соглашения. «Иракское правительство,— заявил Хабиб,— *не пожелало предоставить нам автономию*, которую мы требуем. Однако оно опубликовало программу из 12 пунктов, которая *должна послужить основой для переговоров* и содержит в себе признание курдского национализма и курдского языка как официального языка Курдистана. Будет создано министерство по делам курдов. Наконец, правительство предлагает административную децентрализацию, которая, впрочем, коснется не только Курдистана, но и всех провинций». Это поистине минимум того, что может нас удовлетворить»¹¹⁶ (курсив наш.— Ш. М.).

Возникает естественный вопрос: если декларация 29 июня полностью не удовлетворяла требования курдов, правительство же фактически не в состоянии уже было навязать свои условия курдам, то почему лидеры курдского движения согласились с условиями перемирия? Отвечая на этот вопрос одному иностранному журналисту, Барзани сказал: Пока у нас нет иного выбора. Людям нужно отдохнуть. Я сейчас думал об урожае, сожженном напалмом, и об уцелевшем, но ожидающем уборки. В горах зима наступает рано, и курдам необходимо подготовиться к встрече зимы. Пауза необходима. Однако окончательный мир наступит не скоро»¹¹⁷.

Заявление ведущих деятелей курдского национально-демократического движения проливают свет на причины, побудившие курдов согласиться с правительственной декларацией, а именно:

1. Согласившись с декларацией 29 июня, представители курдского движения не считали ее окончательным документом, а всего лишь основой для дальнейших переговоров.

2. Идя на мирные переговоры, представители курдского движения тем самым демонстрировали свою верность принципу мирного урегулирования «проблемы Севера». Именно этот принцип был одним из важнейших факторов, способствовавших росту влияния и авторитета курдского движения как внутри страны, так и за ее пределами.

Достигнутое соглашение с курдами не было использовано для последовательной нормализации положения в стране. В силу своей классовой ограниченности, из страха перед перспективой роста влияния революционно-демократических сил Баззаз и поддерживавшие его политические силы ограничивались полумерами, сдерживанием политической активности масс, их партий и организаций, пытались достичь компромисса со своими политическими противниками, что предопределило падение режима Баззаза и переход власти в стране опять в руки военных.

Декларация 29 июня была воспринята курдами как первый позитивный шаг на пути мирного урегулирования курдского вопроса. Она была одобрена прогрессивной общественностью арабских стран и мира. В то же время правые силы в Ираке

и реакция арабских стран не скрывали своего враждебного отношения к достигнутому соглашению. Пожалуй, наиболее характерным было заявление генерала Абдель Азиза Окайли, назвавшего «баззазовское соглашение» «новой декларацией Бальфура»¹¹⁸.

Подтверждением неустойчивого положения Баззаза и наличия сильной оппозиции его режиму явилась неудавшаяся попытка государственного переворота, предпринятая 30 июня 1966 г. группой офицеров во главе с бывшим премьер-министром Ирака, командующим ВВС Ареф Абдель Раззаком.

Компартия Ирака предупреждала, что правительство может использовать передышку для нанесения нового удара по курдскому и арабскому демократическому движению¹¹⁹. Она призывала трудящихся быть бдительными в отношении планов реакции, имеющих целью сорвать мирные переговоры и нанести удар по демократическому движению, считала необходимым противопоставить проидам реакции сплочение рядом демократических и патриотических сил страны, особенно ИКП и ДПК¹²⁰. Действительно, военная оппозиция и поддерживавшие ее правые силы, не получая отпора, все активнее выступали против политического курса правительства Баззаза, в частности по курдскому вопросу.

В это время Баззаз предпринял некоторые шаги по укреплению позиций своего кабинета. С этой целью 27 июля 1966 г. он побывал с официальным визитом в Советском Союзе. Визит получил одобрение всех прогрессивных сил Ирака, которые выступали за тесное сотрудничество с социалистическими государствами, и особенно с Советским Союзом. Результаты визита были положительными. Иракская сторона информировала советскую сторону о мерах, которые «предприняло иракское правительство по урегулированию конфликта на севере Ирака мирным путем на основе признания национальных прав курдов в рамках единого иракского государства»¹²¹. Советский Союз выразил «удовлетворение в связи с позитивными шагами, предпринятыми иракским правительством и направленными на прекращение братоубийственной вооруженной борьбы, на урегулирование в рамках единого государства проблемы Севера Ирака на основах сохранения территориальной целостности Ирака и уважения прав его других граждан в соответствии с объявленной иракским правительством программой»¹²².

Поездка Баззаза в СССР и ее позитивные результаты не предотвратили падения кабинета. Баззаза критиковали и слева и справа. Одобря программу мирного урегулирования курдского вопроса и некоторые другие шаги по стабилизации внутриполитического положения, левые силы в то же время выражали сильное недовольство политикой правительства, которое, как было отмечено в заявлении Иракской коммунистической партии, «установила в стране режим диктатуры и подавления свободы народа»¹²³. В заявлении также отмечалось, что «государствен-

ные средства тратятся на содержание органов подавления. Нынешний режим принес трудящимся лишь бедность и лишения... Непрерывно ухудшается жизненный уровень трудящихся...»¹²⁴.

Не меньшей критике подвергалось правительство Баззаза справа. Намерение Баззаза «вернуть танки на базы, а солдат — в казармы» расценивалось правой военной группировкой как прямая угроза в ее адрес и являлось главной причиной настоячивых требований к Абдель Рахману Арефу отстранить премьера от власти и назначить на этот пост военного»¹²⁵.

Президент Ареф-младший был поставлен перед дилеммой: или оставить Баззаза на посту премьер-министра и тем самым быть втянутым в открытый конфликт с военными, или заменить его новым премьером. После возвращения из Советского Союза, 4 августа 1966 г., по настоянию президента Арефа Баззаз подал в отставку. Пост премьер-министра занял генерал в отставке Наджи Талеб.

В программном заявлении от 21 августа Талеб определял, что его правительство будет бороться «за осуществление целей июльской революции, проводить политику неприсоединения к военным пактам и позитивного нейтралитета, что оно выступает за укрепление арабского единства...»¹²⁶. Он заявил также, что новое правительство будет «выполнять программу установления мира в северной части нашей любимой страны, объявленную 29 июня 1966 г., путем обеспечения условий для развития этой зоны и признания национальных прав наших курдских братьев в иракском доме»¹²⁷.

При Талебе переговоры между представителями правительства и курдского движения были продолжены. В начале сентября 1966 г. в Курдистан, в ставку главы курдского движения Барзани, совершила поездку иракская правительственная делегация, возглавленная министром обороны Шакером Махмудом Шукри. Шукри привез с собой Коран, который он подарил Барзани «в знак доверия и готовности содействовать осуществлению условий перемирия 29 июня»¹²⁸.

Однако практически правительство Наджи Талеба не предприняло почти никаких конкретных шагов по нормализации положения в Курдистане. Напротив, осенью 1966 г. налицо были признаки его обострения. В этих условиях президент Ареф решил сам поехать в Курдистан и встретиться с Барзани. Эта встреча состоялась 28 октября в населенном пункте Джиндиан близ Ревандуза и длилась 4 часа. Арефа сопровождали министр по делам восстановления Севера Ахмед Кемаль Кадер (характерно, что Жан Прадье считает его фиктивным министром, ибо фактически такие работы не велись), министр обороны Шукри, генерал Фауд Ареф, шейх Баба Али (последние два — курды)¹²⁹.

Переговоры в Джиндиане касались осуществления условий перемирия 29 июня. На заявление Арефа, что «люди могут совершить тяжелые поступки, но не следует их оставлять не-

исправленными», Барзани ответил, что «непременным условием прекращения военного конфликта является выполнение баззавской программы»¹³⁰. Барзани потребовал от правительства конкретизировать условия декларации о мирном урегулировании. Он, в частности, поставил вопрос о включении представителей курдов в состав правительства, о предоставлении поста вице-президента представителю курдов, о назначении курдского генерала командующим 2-й дивизией иракской армии. Президент Ареф принял предложения Барзани и, в свою очередь, выдвинул предложения о восстановлении правительственных административных органов в Курдистане, возвращении правительству захваченной курдами во время весенних сражений тяжелой артиллерии и др. В конце переговоров Барзани заявил, что урегулирование курдского вопроса немыслимо без последовательного, безукоснительного выполнения 12 опубликованных и 3 неопубликованных пунктов соглашения 29 июня. Во время встречи Ареф подарил Барзани легковой автомобиль, а Барзани преподнес президенту серебряное блюдо, на котором было выгравировано: «Арабско-курдское братство!»¹³¹.

Поездка Арефа к Барзани и их переговоры в условиях урегулирования курдского вопроса вызвали резко отрицательную реакцию правоэкстремистских сил. «В Багдаде националисты были взбешены», — пишет Прадье¹³². Независимо от степени искренности Арефа, Талеба, Шукри и других руководителей иракского государства, заявлявших о своем стремлении урегулировать курдскую проблему мирными средствами, два фактора заставляли лидеров курдского движения не переоценивать шансы на благоприятный исход переговоров: 1) правительство фактически опиралось на армию, командный состав которой в подавляющем большинстве категорически отвергал всякую «капитуляцию», и 2) оно никак не хотело пойти по пути такого урегулирования проблемы, при котором представители курдского движения могли получить возможность участвовать в управлении страной. Иными словами, для военных, которые занимали командные посты в правительстве, ставкой являлся не будущий автономный статус Курдистана, за что боролись курды, а сама власть.

15—20 ноября 1966 г. в Галале проходил VII съезд Демократической партии Курдистана. В помещении форума висели лозунги «Да здравствует арабско-курдское братство!», «Мы требуем выполнения условий июньского соглашения!». На съезде присутствовали представители курдов Турции, Ирана и Сирии. Из представителей других партий был приглашен только член ЦК Компартии Ирака Заки Хайри. Съезд обсудил вопросы, связанные с положением в стране и перспективой выполнения программы мирного урегулирования курдского вопроса, а также вопросы об аграрной реформе в Курдистане, об отношениях Демократической партии Курдистана с Компартией Ирака и др.

В решении съезда об июньском соглашении говорилось: «Не смотря на то что заявление от 29 июня в своих объявленных и необъявленных пунктах полностью не отражает цели революционной автономии, съезд одобряет это заявление (так как мы хотим сохранить безопасность и мир в стране и прекратить кровопролитие между братьями арабами и курдами) и требует придерживаться его духа и буквы... Съезд требует от Революционного командования предоставления правительству памятной записки по этому вопросу»¹³³.

Говоря о VII съезде ДПК, нельзя не обратить внимание на то, что во время его работы при обсуждении различных вопросов вырисовывались два течения внутри партии. Это размежевание проявилось, в частности, при обсуждении вопросов, связанных с проведением аграрной реформы и отношением ДПК к деятельности ИКП в Курдистане. Многие участники съезда выступили за проведение широких аграрных преобразований в Курдистане, с тем чтобы обеспечить землей наибольшее количество крестьян и тем самым нанести решительный удар по феодальному помещичьему классу. Это разумное требование было отклонено правыми элементами в руководстве ДПК. Противники аграрной реформы заявили, что они в принципе не выступают против коренных аграрных преобразований в Курдистане, но, по их мнению, «время для этого еще не настало». В подтверждение своей позиции они ссылались на следующие два обстоятельства: правительство в таком случае может обвинить ДПК и лидеров курдского движения в «сепаратизме», а некоторые ага получают повод для перехода на сторону правительства¹³⁴. На съезде спор возник также в связи с обсуждением вопроса об отношении ДПК к деятельности Иракской коммунистической партии в Курдистане. Некоторые делегаты съезда выступили с предложением монополизировать партийную деятельность в Курдистане только ДПК, лишив такого права ИКП. Это предложение правых было отклонено.

Подход к вопросу об аграрных преобразованиях и об отношении к ИКП части руководства ДПК был обусловлен социально-классовым составом ДПК. Борьба курдов за национальную автономию объединила различные (даже антагонистические) классы и слои. Это естественно, поскольку на данном этапе борьбы задачи национального освобождения стояли на первом месте и в их осуществлении были заинтересованы все классы и слои. Однако, когда дело касалось социальных задач, возникала ситуация, при которой интересы трудовых и мелкобуржуазных слоев сталкивались с интересами эксплуататорских классов. Можно понять умеренный характер некоторых социально-экономических мероприятий ДПК в освобожденных районах, поскольку они проводились в условиях войны и это диктовалось тактическими и другими военно-политическими соображениями, имевшими целью обеспечить вовлечение как можно большего слоя народа в борьбу за национальную автономию. Но

здесь речь идет о тех характерных тенденциях классовой дифференциации, которые являлись выражением социальной неоднородности участников движения и самой ДПК.

В начале января 1967 г. в Багдаде были продолжены переговоры сторон, закончившиеся, однако, безрезультатно. «Экстремистские элементы в Багдаде,— заявил Барзани,— оказывают очень сильное сопротивление курсу на выполнение правительством обязательств по соглашению о перемирии. Многие пункты из двенадцати еще не выполнены»¹³⁵. На вопрос советского журналиста, «может ли быть нарушено соглашение о прекращении военных действий», Барзани ответил: «Во всяком случае, мы не сделаем этого первыми. Никогда! Нам нужен мир!»¹³⁶.

В условиях, когда правительство и реакционные элементы всячески уклонялись от выполнения обязательств 29 июня, большие услуги им оказывали сохранные властями наемные отряды «джашей». Рядовые этих отрядов получали солидную зарплату от правительства — 14 динаров в месяц, что, по данным Жана Прадье, составляло годовой доход иракского крестьянина¹³⁷. «Джаши» совершали в Курдистане террористические акты, грабили население. Подстрекаемые правительством, в начале июля 1967 г. близ Сулеймании они вступили в конфликт с отрядами «пешмерга»¹³⁸. Красноречивым доказательством враждебного отношения официальных властей Ирака к курдскому движению и населению Курдистана был запрет на помощь пострадавшему населению Курдистана международным Красным Крестом¹³⁹. Многие условия экономической блокады Иракского Курдистана, по существу, также остались в силе.

На основе взаимной договоренности представителей курдов и правительства было решено издавать в Багдаде курдскую газету. В соответствии с этим решением, представители курдского движения прекратили свои радиопередачи на курдском языке и издание газеты «Хабат» в Курдистане. Первый номер новой курдской легальной газеты, которая называлась «Ат-Таахи» («Братство»), вышел в начале мая 1967 г. Главной задачей новой газеты, как говорилось в редакционной статье, была борьба за демократические свободы, поддержка правительства в его борьбе с империализмом и эксплуатацией, за создание национальной экономики, за повышение жизненного уровня населения, за ликвидацию безработицы. «Ат-Таахи» выступала также за «арабо-курдское братство и за выполнение программы правительства от 29 июня 1966 г., направленной на установление мира на севере страны»¹⁴⁰. Издатели газеты — представители ДПК отмечали, что «газета будет поддерживать борьбу народов за сохранение всеобщего мира, за мирное существование и решение всех проблем мирными средствами, за запрещение использования ядерного оружия и за укрепление дружбы между всеми народами»¹⁴¹.

Издание «Ат-Таахи» было важным событием для курдского народа и в политической жизни Ирака. Как показали последующие события, она была единственной легальной газетой, отражавшей интересы широких слоев народа — арабов, курдов и национальных меньшинств. Демократическая партия Курдистана, все прогрессивные силы страны — курды, арабы, айсоры, — участвовавшие в революционно-демократическом движении в Иракском Курдистане, получили возможность в легальных условиях разъяснять цели своей борьбы, показывать несостоятельность утверждений официальных кругов о «сепаратистском» характере движения на севере. Так как газета фактически была органом оппозиционной партии (ДПК), единственной в своем роде в стране, и издавалась на арабском языке, она сразу получила широкое распространение. Достаточно отметить, что тираж ее в несколько раз превышал тираж полуофициальной «Аль-Джумхурия».

Согласие на издание газеты и некоторые другие позитивные шаги правительства были положительно расценены демократической общественностью страны. В целом же, как и при Баззазе, политика правительства вызывала недовольство как левых, так и правых. Наджи Талеб не выполнял обещания покончить с переходным периодом до конца 1966 г. Правда, в конце января 1967 г. правительством был одобрен избирательный закон, предусматривавший избрание в Национальное собрание 150 депутатов.

Сам факт появления избирательного закона был положительным явлением в жизни страны, ибо проведение выборов в Национальное собрание завершило бы переходный период, и в принципе курдские лидеры приветствовали намерение правительства покончить с переходным периодом. Однако избирательный закон страдал рядом существенных недостатков. Он не предусматривал представительства в Национальном собрании трудящихся города и деревни, участия в голосовании женщин, не давал права выдвижения и избрания представителей каких-либо партий или организаций, кроме так называемого Социалистического союза Ирака (ССИ).

Все оппозиционные партии, действовавшие в подполье, в том числе ИКП и ДПК, выступили против антидемократических статей избирательного закона. Демократическая партия Курдистана указывала, в частности, что законом не предусмотрено справедливое представительство курдов в высшем законодательном органе страны. 10 февраля 1967 г. правительство внесло в избирательный закон ряд поправок (предоставило 25% мест рабочим и крестьянам, разрешило женщинам избирать и быть избранными и др.), но это не изменило отношения к закону со стороны ИКП, ДПК и других левых сил. 3 мая 1967 г. совет министров Ирака принял решение о продлении переходного периода еще на один год, и это решение вызвало новую волну возмущения в стране. В такой ситуации Ареф-младший

решил «пожертвовать» Талебом для спасения своего режима. 6 мая Талеб вынужден был подать в отставку. Новое правительство сформировал сам Ареф¹⁴².

В это время на Арабском Востоке развернулись события, которые на время отодвинули в Ираке, как и в других арабских странах, на второй план все внутренние вопросы, в том числе и курдский. Речь идет об агрессии Израиля против ОАР, Иордании и Сирии, совершенной в июне 1967 г. Как известно, одной из главных целей израильской агрессии было свержение антиимпериалистических режимов в ОАР и Сирии. Перед лицом израильской агрессии 1967 г. наметилась тенденция к сближению арабских стран. Так, несмотря на весьма натянутые отношения между Сирией и Ираком, последний послал на помощь сирийской армии подразделения своих войск. Правда, эта помощь носила скорее символический характер. Сирийское правительство, допустив войска, в то же время предприняло меры «предосторожности» против их пребывания в стране. 27 мая 1967 г. состоялась встреча президента Арефа с готовившимися к отправке в район Газы войсками. В своей речи президент заявил, что присоединение иракских частей к войскам ОАР является лишь символическим, поскольку армия ОАР не нуждается ни в людях, ни в снаряжении. Было сообщено также, что Ирак перебрасывает новые контингенты войск из северных районов страны к границе Сирии и Иордании. Все это делалось совершенно открыто. Создавалось впечатление, что иракское правительство само было заинтересовано в афишировании своих военных мер.

Определенные изменения произошли в позиции правительства Ирака по отношению к Советскому Союзу. После того как Насер сделал заявление, в котором назвал Советский Союз «самым верным другом арабов»¹⁴³, в Ираке также стали говорить об этом.

Создавшееся положение старались максимально использовать в своих политических целях юнионисты и некоторые другие оппозиционные силы. Так называемые пронасеровские группировки (юнионисты) добивались от правительства освобождения арестованных участников заговора 30 июня 1966 г., возглавляемого, как известно, бывшим премьер-министром Ареф Абдель Раззаком. Добиться освобождения своих членов и сторонников стремились и баасисты, лидеры которых во главе с бывшим премьером Ахмед Хасан Бакром были уже на свободе и имели свободный доступ к президенту.

Определенные надежды на амнистию возлагали и курды. К этому времени прошел почти год после заключения соглашения, а вопрос об освобождении курдов, осужденных «в связи с событиями на Севере», все еще оставался неразрешенным.

Какова была реакция правительства на требования различных политических группировок об освобождении их единомышленников? 3 июня 1967 г., за два дня до агрессии, президент

Ареф издал декрет об освобождении баасистов, арестованных в период с 13 по 18 ноября 1963 г., т. е. тех, которые оказали сопротивление захвату власти его братом. Амнистия баасистов мотивировалась тем, что «нужно дать возможность всем принять участие в войне против Израиля». Тремя днями раньше, 31 мая, был издан президентский декрет об освобождении участников Движения 30 июня¹⁴⁴. Эти две группы заключенных сразу обрели свободу. Совершенно иной подход был к арестованным курдам. В принципе правительство обязано было давно освободить курдов, арестованных в связи с войной в Курдистане, в порядке выполнения условий перемирия 29 июня. Необходимость такой амнистии диктовалась также «укреплением национального единства Ирака» перед лицом израильской агрессии. Однако ни то ни другое не убедило правительство.

Дискриминационная политика правительства по отношению к курдам получила новое подтверждение. На второй день агрессии, 6 июня 1967 г., был опубликован декрет об освобождении и снятии обвинений с курдов, участвовавших в военных действиях на Севере с 1961 по 1966 г. Примечательно, что этот декрет был издан в момент, когда события на фронтах получили неблагоприятный оборот для арабских стран, в том числе для Ирака. К тому же, издав декрет, правительство не спешило с его реализацией. Напрашивается вывод, что правительство пошло на издание декрета об освобождении курдов, чтобы не усложнять свое и без того незавидное положение и не вызвать недовольства курдов. Но как бы то ни было освобождение курдов могло иметь благоприятное влияние на улучшение отношений между правительством и представителями курдского движения. К сожалению, этого не случилось. Десять дней спустя после опубликования декрета об освобождении курдов газета «Ат-Таахи» писала: «Хотя курды приветствовали этот декрет, никто из подпадающих под него еще не освобожден»¹⁴⁵.

Если попытаться расценить шаги правительства по «обеспечению сплочения» различных политических группировок, то надо сказать, что в принципе это могло действительно стать хорошим рычагом, обеспечивающим нормализацию положения в стране, необходимую не только для успеха в войне с Израилем, но и в еще большей степени для решения внутренних проблем. Однако военно-бюрократический режим оказался неспособным решить эту задачу. Правительство действительно пошло на некоторое объединение рядов, но это было объединением правых сил. Более того, с освобождением правых экстремистов, повинных в убийстве тысяч арабских и курдских демократов, противников мирного решения курдской проблемы, участников Движения 30 июня, иракские реакционеры получили подкрепление. Весьма характерно, что речь ведь не шла, да и не могла идти, об освобождении тысяч прогрессивно настроенных иракцев, большинство которых без суда и следствия томились в течение нескольких лет в иракских тюрьмах.

Что касается позиции лидеров курдского революционно-демократического движения во время израильской агрессии 1967 г., то они выступали в защиту прав арабов-палестинцев и осуждали агрессию Израиля против арабских стран. Спустя несколько часов после начала агрессии руководители курдского революционно-демократического движения направили Арефу телеграмму, в которой заявили о своей полной поддержке позиции правительства по отношению к Израилю и поддерживающим его империалистическим державам. Вместе с тем лидеры курдского движения, в частности генерал Барзани, критически отнеслись к заявлениям руководителей некоторых арабских стран, для которых было характерно отсутствие всестороннего, трезвого подхода к надвигающемуся конфликту как в военном, так и в политическом аспекте. Они, например, выступали против крайних элементов в некоторых арабских странах, в том числе и Ираке, которые призывали «уничтожить государство Израиль». «Мы против всякой агрессии, откуда бы она ни исходила,—говорилось в заявлении членов Политбюро ЦК ДПК,—мы выступаем против оккупации арабских территорий Израилем, однако мы за право всех народов на существование и суверенитет»¹⁴⁶.

Руководители курдского движения ни во время военного конфликта, ни после него не предприняли каких-либо шагов, которые осложнили бы положение правительства с военной точки зрения. Несмотря на то что соглашение от 29 июня все еще в основном оставалось невыполненным, Барзани и другие лидеры движения курдов терпеливо придерживались курса на мирное урегулирование конфликта.

Результаты агрессивной войны Израиля против арабских стран оказали существенное влияние на политическую жизнь Ирака. Поражение иракских войск в отражении агрессии Израиля было одним из свидетельств нежизнеспособности военн-бюрократического режима в Ираке. Известно, что и Касем и Абдель Салам Ареф неоднократно заявляли, что иракская армия должна быть освобождена от хлопот на «Севере, чтобы осуществить великую миссию освобождения Палестины». Справедливая борьба палестинского арабского народа использовалась некоторыми правящими кругами Ирака для нанесения удара по своим политическим противникам, в том числе по курдскому движению. До военных действий националистические круги Ирака могли еще льстить себя надеждой, что их армия будет использована если не для «освобождения Палестины», то по крайней мере для победоносного отражения израильского нападения. Но армия, специализировавшаяся в основном на подавлении национально-демократического движения курдов, практически оказалась неспособной вести войну за пределами страны. «Поведение старших офицеров,—пишет по этому поводу Эрик Руло,—в большинстве случаев производило жалкое впечатление. Можно представить, с каким возмущением население узнало, что в день, когда начались военные

действия, начальник генерального штаба, генерал Хаммуди Махди провел утро в страховой компании, добиваясь, чтобы она возместила убытки его сыну, пострадавшему от несчастного случая»¹⁴⁷.

Легко догадаться, что в первые дни войны возникло немало трений среди иракских политических и военных руководителей. Положение правительства Арефа-младшего становилось незавидным. Лидеры курдского движения выражали недовольство нерешенностью курдского вопроса. Правонационалистические элементы из военных и гражданских лиц вынашивали новые планы захвата власти. Президент Ареф решил «разрядить» обстановку, поделив власть с одним из лидеров правых экстремистов — Тахером Яхьей. При намерении продолжать политику подавления силой всякой антиправительственной оппозиции, особенно левой, Арефу трудно было найти лучшую кандидатуру на пост премьер-министра, чем Тахер Яхья. 10 июня 1967 г. президент Ареф-младший поручил Тахеру Яхье сформировать правительство, названное им в пропагандистских целях «правительством военного спасения».

11 июля 1967 г. новый премьер-министр (он же министр внутренних дел) выступил с программным заявлением, в котором выражалась готовность правительства принять необходимые меры для укрепления обороны страны и повышения боеспособности иракской армии, а также «демократизировать режим и обеспечить единство национальных сил». В конце июля 1967 г. Тахер Яхья опубликовал программу экономического развития страны, в том числе в области нефти. В первом правительственном заявлении Тахер Яхья подчеркнул, что его правительство будет прилагать усилия для выполнения «баззазовской программы» установления мира на севере и развития северных провинций¹⁴⁸.

Если не считать позитивных шагов в области нефтяной политики и некоторых внутренних проблем, в общем правительство Тахера Яхьи придерживалось реакционного политического курса. Ожидалось, что первым важным шагом на пути нормализации положения в стране будет отказ от переходного периода, однако новым правительственным декретом парламентские выборы вновь были отложены на неопределенное время, что свидетельствовало о нежелании отказаться от военно-бюрократических методов управления страной. Аграрная реформа, волнующая широкие слои иракского крестьянства, осуществлялась крайне медленно. И это неудивительно, поскольку для радикальных аграрных преобразований правительству нужны были помощь и поддержка левых демократических сил. Враждебное отношение правительства к последним, естественно, привело к его сближению с реакционно-консервативными силами, что само по себе исключало возможность решительного претворения в жизнь аграрного закона. «Резко возросли военные расходы. Однако только армия поглощала 90% доходов от нефти. Де-

фицит государственного бюджета в 1967/1968 финансовом году достиг рекордной цифры — 120 млн. долларов»¹⁴⁹.

Недовольство режимом Арефа—Яхьи охватило практически все слои населения. После поражения в войне с Израилем руководители иракского правительства не стеснялись спекулировать рассуждениями об «освобождении Палестины». Они продолжали оперировать все теми же бессодержательными фразами, теми же лозунгами, которым уже никто не верил. Чтобы покрыть военные и другие расходы, правительство Тахера Яхьи прибегло к введению новых обложений населения в виде «дополнительного оборонного налога» на импортируемые товары и предметы широкого потребления¹⁵⁰. «В целом,— писал французский журналист,— оно (иракское правительство.— Ш. М.) ежегодно вымогало у одного из беднейших народов мира около 600 млн. франков»¹⁵¹.

Реакционный характер режима Арефа—Яхьи наглядно проявлялся в его политике по отношению к курдскому движению. Несмотря на заявление президента о поддержке положений соглашения 29 июня 1966 г., «правительство практически не принимало каких-либо шагов для мирного урегулирования проблемы Севера»¹⁵². Скорее наоборот. Будучи одним из сторонников «военного режима» курдской проблемы, Тахер Яхья методически проводил политику подрыва соглашения 29 июня. Через свою агентуру правительство тратило значительные суммы для подрыва единства рядов курдского движения, для активизации террористической деятельности реакционных феодалов и других предателей курдского движения. 22 июля 1967 г. ДПК опубликовала протест против бесчинств отрядов «джашей», которые при поддержке иракских властей совершали преступные акции против мирного населения и курдской освободительной армии¹⁵³. А в сентябре 1967 г. бюллетень Международной ассоциации юристов опубликовал сообщение, в котором отмечалось, что иракские военные части, дислоцированные в районах Ревандуза и Сулеймании, получили новое подкрепление¹⁵⁴. Позднее это было подтверждено заявлением одного из руководителей ДПК — Махмуда Али Османа.

В условиях нового обострения отношений между правительством и курдами Тахер Яхья решил встретиться с Барзани. Иракское правительство не намеревалось выполнять даже скромные условия перемирия 29 июня, но в то же время они не рисковали возобновить военные действия против курдов, потому что, с одной стороны, очень сильны были антивоенные настроения в народе, а с другой — слишком свежи были печальные впечатления от июньской агрессии Израиля. Начинать гражданскую войну в условиях, когда внимание всей арабской общественности как в Ираке, так и в других арабских странах было приковано к последствиям израильской агрессии, означало ставить под вопрос существование самого правительства. Руководители правительства прекрасно понимали, что такой

шаг не только вызвал бы осуждение со стороны левой оппозиции, но и дал бы повод или возможность соперничающим военно-политическим группировкам захватить власть. Именно из этих соображений Тахер Яхья решил возобновить переговоры с Барзани, хотя, как показало время, не имел в своем портфеле никаких конкретных и приемлемых для курдов предложений.

Встреча с Барзани состоялась в конце сентября 1967 г.¹⁵⁵. Во время переговоров в ответ на предложение Тахера Яхьи «восстановить мир на Севере» Барзани подчеркнул, что мир и спокойствие могут быть утверждены не путем игнорирования справедливых требований курдов, а через их удовлетворение. В ответ премьер-министр заявил, что правительство якобы готово выполнить условия соглашения.

6 октября 1967 г. в Эрбиле встретились с представителями курдов четыре министра иракского правительства. Целью встречи были переговоры о курдской автономии¹⁵⁶. Привлекает внимание тот факт, что ни через прессу, ни по радио не сообщалось ничего об этих переговорах. Правительство мотивировало такое молчание стремлением избежать отрицательной реакции со стороны крайних экстремистов. 8 октября для участия в переговорах в Эрбиле прибыл сам Тахер Яхья. Эти переговоры были продолжены в декабре 1967 г. и январе 1968 г.¹⁵⁷.

Переговоры правительства Тахера Яхьи с представителями курдов были, однако, всего лишь ширмой, за которой скрывалось намерение сорвать соглашение 29 июня и найти аргументы в пользу военного решения курдской проблемы. О том, что правительство практически саботировало соглашение 29 июня, свидетельствовал так называемый новый Закон о печати, изданный в начале декабря 1967 г., в соответствии с которым четыре выходившие в стране газеты были поставлены под контроль специально созданной государственной организации, а остальные периодические издания закрыты¹⁵⁸. На основании этого закона была закрыта также и газета «Ат-Таахи», что вызвало бурный протест со стороны руководителей курдского движения.

В январе 1968 г. шесть министров иракского правительства подали в отставку. Должность начальника генерального штаба иракской армии была доверена одному из ярых противников мирного решения курдской проблемы — генералу Фейсалу аль-Ансари¹⁵⁹.

Недоверие и скептицизм курдских революционно-демократических деятелей по отношению к правительству достигли апогея. Военная подготовка для отражения возможных атак правительственных вооруженных сил вновь стала их первостепенной задачей. В обстановке, когда правительственные вооруженные силы, дислоцированные в Курдистане, получали новые подкрепления и тем самым держали в напряжении курдские национальные вооруженные силы, а отряды наемников — «джашей» то и дело провоцировали военные столкновения, Демокра-

тическая партия Курдистана придерживалась твердой тактической линии, выраженной в лозунге «Бороться против угрозы возобновления войны, но одновременно быть готовыми к войне».

Всесторонняя оценка политической ситуации в Ираке и задачи национальных патриотических сил страны были обстоятельно обсуждены на третьей конференции Иракской коммунистической партии, состоявшейся в середине декабря 1967 г. В решениях конференции подчеркивалось, что «существующий в Ираке режим давно уже себя изжил». Конференция охарактеризовала правление Арефа—Яхьи как «антинародный, диктаторский режим», который по своей природе не способен разрешить насущные вопросы, стоящие перед страной. Конференция констатировала нежелание правительства выполнить положение июньского соглашения о мирном урегулировании курдского вопроса. В связи с этим она призывала быть готовыми к защите завоеваний курдского движения ¹⁶⁰.

**ДЕКЛАРАЦИЯ 11 МАРТА 1970 г.
И ПРОБЛЕМА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ АВТОНОМИИ
КУРДСКОГО НАРОДА**

Характерной чертой внутривнутриполитической жизни Ирака в первой половине 1968 г. была обстановка напряженности и недовольства широких слоев народа политикой режима Арефа—Яхьи. Мероприятия правительства не разрядили, а еще больше осложнили обстановку в стране. Переходный период, который должен был закончиться 2 мая 1967 г., был продлен еще на год под предлогом военного конфликта с Израилем. В мае 1968 г. президент Ареф, опасаясь потерять власть, отсрочил дату выборов в парламент и выработки и введения в действие постоянной конституции еще на два года. Эти решения практически положили конец всем иллюзиям относительно намерений правительства решить положительно курдский вопрос и вызвали отрицательную реакцию у руководства ДПК. Барзани немедленно отозвал из состава правительства двух курдских министров. Он несколько раз обращался к правительству с меморандумами, в которых довольно резко указывал, что «курды не будут ждать милости от правительства сложа руки». «Война за автономию,—предупреждал он,—будет возобновлена, если правительство не выполнит положений „баззазовского соглашения“»¹.

Весной 1968 г. в быстром темпе следовали друг за другом правительственные кризисы. Число политических деятелей—«подходящих» кандидатов в члены правительства все больше сокращалось: одни под различными предлогами уклонялись от такой «чести», другие открыто примкнули к оппозиции.

14 апреля тринадцать отставных генералов, в том числе два бывших премьер-министра, представлявших почти все оттенки националистически настроенного высшего офицерства, опубликовали совместный манифест. В этом документе они требовали возвращения к конституционной жизни, настаивали на подготовке парламентских выборов, осуждали «личную власть в стране... ее изоляцию от народа и ее неспособность осознать масштабы палестинского поражения»². В числе основных требований, выдвинутых в манифесте, было и требование «разрешить курдскую проблему разумным, мирным путем». Любопытно, что с таким требованием выступали деятели, многие из которых были либо непосредственными участниками выработки и

осуществления планов войны в Курдистане, либо поддерживали «крестовый поход» против сил Барзани. Цель манифеста была ясна — добиться смены правительства любыми средствами. В данном случае нельзя было не воспользоваться таким «ходким» с точки зрения политической борьбы в Ираке аргументом, как курдский вопрос. Призывы вернуться к парламентской жизни, разрешить курдский вопрос, «трезво оценить» последствия шестидневной войны должны были обеспечить авторам манифеста успех в борьбе за власть в стране. В сплочении усилий оппозиционно настроенных офицеров ведущую роль играл генерал Ахмед Хасан Бакр, который выступал с критикой политики правительства по ряду вопросов, в том числе и по курдскому.

Весной 1968 г. развернула активную деятельность нелегальная организация молодых офицеров Арабское революционное движение, ставившая своей целью свержение существующего режима силой. Для подготовки переворота руководители этой организации — заместитель начальника 2-го бюро разведки, полковник Абд ар-Раззак ан-Найеф и командующий президентской гвардией генерал Ибрагим Абд ар-Рахман Дауд — установили связь с руководителями партии Баас — генералами Ахмедом Хасаном Бакром, Салехом Махди Аммашем, Харданом Тикрити и с группой консервативных офицеров во главе с генералом Абдель Азизом аль-Окайли³.

Оппозиционеры-военные выступали против правительства Арефа—Яхьи по различным причинам. Офицеры-каумисты были недовольны им из-за того, что оно не предпринимало никаких конструктивных шагов в достижении арабского единства. Офицеры-баасисты распространяли на него свою враждебность из-за ненависти к брату Арефа, Абдель Салам Арефу, ликвидировавшему правление Баас в 1963 г. Офицеры старой, «нурсидовской» английской школы были недовольны внешнеполитической ориентацией Арефа и его, пусть половинчатыми, атаками на «Ирак петролеум компани». Офицеры, отражавшие интересы буржуазно-либеральных кругов, отвернулись от Арефа после того, как он заставил их кумира — Баззаза оставить пост премьер-министра. Сторонники возобновления войны против курдов во главе с Окайли не могли простить Арефу того, что он противился вновь ее начать. При наличии такой оппозиции справа и отсутствии поддержки со стороны трудящихся масс, левых партий и организаций судьба правительства Арефа—Яхьи была предreshена. Речь шла о том, какая именно из соперничающих группировок его свергнет.

Какова была позиция курдов к планам свержения правительства Арефа—Яхьи? У руководства курдского революционно-демократического движения было более чем достаточно оснований также быть недовольным режимом, и они были далеки от мысли оказать ему какую-либо поддержку. Положение в Курдистане было весьма тревожным. Затяжка с выполнением

положений соглашения от 29 июня не оставляла сомнений в том, что правительство хочет лишь выиграть время. В среде курдских борцов за автономию все больше утверждалась мысль о том, что при режиме Арефа—Яхьи вооруженная борьба остается единственным средством достижения целей курдского национального движения.

Оппозиционные группы, готовившие переворот, учитывали недовольство курдов политикой режима и рассматривали его в качестве одного из главных факторов, обеспечивающих их успех.

17 июля 1968 г., на рассвете, офицеры из Арабского революционного движения совместно с военными, принадлежащими к партии Баас, захватили власть. Ареф сдался заговорщикам и был выслан в Лондон. Созданный после переворота Совет революционного командования (СРК) назначил генерала Ахмед Хасан Бакра президентом республики.

Через 14 дней после переворота баасисты отстранили от власти своих союзников. 30 июля 1968 г. Найеф, Дауд, а до этого и министр иностранных дел Насер аль-Хани, входившие в организацию «Арабское революционное движение», были отстранены от власти и высланы из Ирака. Ахмед Хасан Бакр стал одновременно главой государства, премьер-министром и главнокомандующим иракскими вооруженными силами.

Правительство генерала Ахмед Хасан Бакра было составлено целиком из членов партии Баас. Оно опубликовало программу действий, в которой определялись задачи в области внешней и внутренней политики, особо не отличавшиеся от задач предшествующих кабинетов.

Уже в начале своей деятельности новое правительство вынуждено было искать пути стабилизации положения в стране. Оно предприняло попытку наладить контакты с представителями прогрессивных партий. При этом Ахмед Хасан Бакр и его коллеги обещали левым силам «не подчиняться мировым нефтяным монополиям и укреплять Иракскую национальную нефтяную компанию, сделать более радикальной и более эффективной аграрную реформу, усилить борьбу против империализма, сионизма и реакции».

Правительство Бакра выразило также готовность разрешить мирным путем курдский вопрос. Руководители нового правительства называли курдов «товарищами арабов в составе иракской государственности». Курдскому народу обещали урегулирование, которое дало бы им полное удовлетворение. «Любое разрешение проблемы,—говорили они,—должно получить добровольное согласие, применение силы решительно отвергаться»⁴.

Генерал Ахмед Бакр и его правительство обещали восстановить политическую свободу, создать «атмосферу, необходимую для возвращения к демократической системе и парламентской жизни». Глава иракского государства заявил, что новый

режим будет одновременно «демократическим, революционным, унитарным и прогрессивным»⁵.

Чтобы вывести страну из трудного политического и экономического положения, новые руководители Ирака предприняли позитивные меры, направленные на облегчение положения трудящихся. Была отменена часть ограничений на импорт продуктов и товаров массового потребления, снижена цена на бензин, некоторые категории населения были освобождены от «оборонного налога», введенного после «шестидневной войны»⁶. В подтверждение своего заявления о «решимости нормализовать положение в стране» правительство Багра освободило большую группу политзаключенных (около тысячи человек), многие из которых являлись членами Коммунистической партии Ирака. Была закрыта зловещая тюрьма «Нукрат ас-Сальман», где в течение десятилетий подвергались мучениям иракские патриоты — арабы, курды и представители других национальностей.

Прогрессивные силы страны приветствовали решение правительства об амнистировании всех, кто отказался участвовать в братоубийственной войне против курдов, и восстановлении на работе служащих, уволенных по политическим причинам. Военная цензура над печатью была заменена гражданской. Эти меры призваны были обеспечить правительству поддержку населения, что было весьма важно в условиях, когда все еще существовала атмосфера недоверия к правительству.

В начале июля 1968 г. Багр пригласил к себе представителей левых партий, в том числе ИКП. В числе приглашенных к президенту были видные деятели ИКП, прогрессивный экономист Мухаммед Сальман Хасан, бывший посол Иракской Республики в Советском Союзе (при Касеме) Абдель Вахаб Махмуд, представитель Национально-демократической партии Абдалла Аббас и др. После беседы о положении в стране президент предложил многим из них министерские портфели. Однако это предложение по различным причинам всеми было отвергнуто. Представители Иракской компартии и левых буржуазных партий считали, что для нормализации положения в стране и создания атмосферы доверия к правительству необходимо полностью восстановить демократические права народа, официально разрешить деятельность загнанных в подполье прогрессивных партий и организаций, в кратчайший срок провести парламентские выборы на основе всеобщего избирательного права⁷. Важнейшим условием выполнения этих задач было названо решение курдской проблемы⁸.

В рассматриваемый период недоверие левых партий и их представителей к новому режиму не было односторонним. Руководители нового режима, со своей стороны, не доверяли левым партиям, которые даже в условиях гонений пользовались огромным влиянием. Руководители партии Баас и правительства не намеревались ограничивать права этой партии, дабы не подвергнуть опасности сферы ее деятельности в стране. Прави-

тельство отклонило условия, выдвинутые лидерами опрошенных им оппозиционных партий, «дав им ясно понять, что их эвентуальное участие в правительстве не заставит Баас отказаться от рычагов управления»⁹.

С самого начала у прогрессивных сил Ирака было достаточно оснований сомневаться в искренности новых правителей. Заявления лидеров нового режима имели эфемерный и туманный характер и не подкреплялись конкретными предложениями о решении насущных проблем и демократизации общественной жизни в стране. Баас не скрывала свое намерение использовать политическую власть, лишив другие, прогрессивные силы участия в решении проблем развития страны. Кроме того, слишком был свеж горький опыт прошлого, кровавые события 1963 г.

Это в равной степени касалось и лидеров курдского движения. Им нужны были не обещания, а конкретные шаги по урегулированию проблемы курдов. Поэтому после переворота 17 июля 1968 г. отношения между лидерами курдского революционно-демократического движения и правительством характеризовались взаимным недоверием. Правительство первоначально не предпринимало каких-либо обнадеживающих мер в направлении решения курдского вопроса, могущих рассеять недоверие и скептицизм лидеров курдского движения. В качестве примера можно привести новую временную конституцию Иракской Республики, принятую в сентябре 1968 г.¹⁰ взамен временной конституции 1964 г.

Конституция запрещала деятельность всех политических партий, за исключением партии Баас, в руках которой сосредоточивалась вся власть. В Совет революционного командования, фактически являвшийся высшим органом власти, входили только лидеры партии Баас. Новая временная конституция не содержала конкретных положений относительно автономии курдов, хотя формально правительство заявило о своем намерении признать курдские национальные права. Не получила права свободной деятельности революционно-демократическая партия Курдистана (ДПК), отражавшая национальные интересы курдов.

В отличие от других прогрессивных партий и организаций курдские революционно-демократические силы в известной степени находились вне контроля правительства, особенно в той части Курдистана, которая контролировалась ДПК. Наличие курдских вооруженных сил создавало положение, при котором правительство не могло достаточно уверенно проводить политические меры. Бывает так, что на определенном этапе для страны приобретает особое, исключительное значение какая-нибудь одна внутренняя проблема. В указанное время для Ирака это был курдский вопрос. Нерешенность курдского вопроса, таким образом, продолжала оставаться одной из главных причин, мешавших стабилизации обстановки в стране. Однако весьма характерно, что этим воспользовались крайне правые силы, ко-

торые дважды, в конце сентября 1968 г. и в январе 1970 г., предпринимали неудачные попытки совершить государственный переворот.

Левые партии, в первую очередь коммунистическая, выражали беспокойство по поводу создавшегося положения в стране. В нелегких условиях подполья компартия продолжала бороться за сплочение прогрессивных сил для решения неотложных задач политического и экономического развития страны.

В начале ноября 1968 г. руководство Иракской коммунистической партии опубликовало документ весьма важного значения — проект хартии Фронта национального единства¹¹. Хартия свидетельствовала о зрелом, подлинно реалистическом подходе партии к решению важнейших проблем Ирака. В ней делался упор на проблемы, в решении которых были заинтересованы не только рабочий класс и крестьянство, но и мелкие предприниматели и прогрессивно настроенные круги национальной буржуазии. В качестве главных задач революционно-демократических сил страны выдвигались: последовательная борьба против империализма, сионизма и их агентуры; борьба за искоренение феодализма и радикальное решение аграрной проблемы; проведение прогрессивных социально-экономических преобразований и, наконец, мирное и справедливое решение проблемы национальной автономии курдов¹². Как и прежде, компартия выступала за предоставление курдскому народу внутренней автономии, принципы и формы которой были определены во многих предыдущих документах партии.

Авторы проекта хартии совершенно справедливо считали, что правительство Бакра не сможет осуществить программу широких демократических преобразований без участия и активной поддержки других демократических революционных партий, которые пользовались влиянием и авторитетом среди народа, но были лишены возможности широкой деятельности. В качестве выхода из этого положения ИКП предлагала создать представительное коалиционное правительство с участием ИКП, ДПК и других левых партий. Правительство, отмечала компартия, должно отражать интересы всех участвующих в его формировании партий. Члены правительства «не должны подчиняться воле одной партии»¹³. При определении неотложных задач коалиционного правительства важное место отводилось решению курдского вопроса, ибо без его решения «немыслимо думать о нормализации положения в стране»¹⁴.

В начале апреля 1969 г. руководство Иракской компартии и руководство Арабского социалистического движения опубликовали совместное заявление, в котором вновь призывали к созданию национального патриотического фронта. И снова в нем подчеркивалась важность решения курдского вопроса¹⁵. «Одной из наиболее существенных слабостей настоящего правительства, — говорил первый секретарь ЦК ИКП Азиз Мухамед, — является то, что оно не стремится найти практические

пути к демократическому решению курдской проблемы»¹⁶. Коммунистическая партия довела до сведения общественности многочисленные негласные террористические акты иракских властей против арабских и курдских демократов, в первую очередь коммунистов¹⁷.

Весной 1969 г. к внутривнутриполитическим трудностям правительства Ирака прибавились внешнеполитические. В апреле 1969 г. вновь резко обострились ирако-иранские отношения в связи с денонсацией Ираном в одностороннем порядке договора 1937 г. и его попытками изменить зафиксированные этим договором правила навигации по пограничной реке Шатт-эль-Араб¹⁸. Вслед за мелкими стычками между пограничными частями обеих сторон сконцентрировали войска на границе. Не исключалась возможность вооруженного столкновения между Ираком и Ираном.

В своих действиях иранское правительство, несомненно, учитывало нерешенность курдской проблемы. Являясь ярым противником курдского национального движения, правительство шаха в то же время выставляло себя «защитником прав курдских братьев», тем самым пытаясь использовать курдское движение против правительства Ирака. И хотя курдское революционно-демократическое движение носило самостоятельный характер, наличие нерешенного курдского вопроса объективно было выгодно Ирану в его конфронтации с Ираком. Учитывая серьезность положения в стране, правительство Бакра не намерено было идти на дальнейшее обострение отношений с Ираном¹⁹.

Итак, через год после государственного переворота положение в стране все еще оставалось нестабильным и сложным.

В середине 1969 г. президент Бакр предпринял еще одну нерешительную попытку сблизиться с левыми партиями, в частности с ДПК. Такой сдвиг влево был продиктован обстановкой. Идеология и политика партии Баас в ходе внутривнутриполитической борьбы подверглись изменению. Исторический опыт многих стран показывает, что буржуазная идеология переживает различные фазы в зависимости от расстановки классовых сил внутри страны, от позиции буржуазии в решении важнейших социально-экономических и политических проблем, от ее связи с народными массами. Бакр и его единомышленники из партии Баас были вынуждены считаться с наличием в стране левой оппозиции. Какова бы ни была степень их ненависти к этим силам, последние играли большую роль в политической жизни, с чем нельзя было не считаться. Исходя из этого, президент Бакр в начале июля 1969 г. решил возобновить контакты с представителями левых патриотических сил. Правительство, наконец, решило сдвинуть с мертвой точки и решение курдской проблемы. Примечателен тот факт, что помимо левых сил страны часть членов правительства из числа лидеров партии Баас также вынуждена была склониться к мысли, что все более или ме-

нее серьезные политические шаги правительства обречены на провал, если не будет решена «хроническая проблема Севера».

Таким образом, есть все основания полагать, что баасовский режим склонялся в сторону мирного решения курдского вопроса вынужденно, а не потому, что это вытекало из сути его политики и идеологических установок. Просто этого требовали интересы укрепления позиций режима, стабилизации положения в стране. Такая постановка вопроса имеет принципиально важное значение для характеристики политики партии Баас по национальному вопросу, ибо одно дело, когда решение национального вопроса является естественным выражением политики правящей партии, отражает позицию данной партии и государственного строя по этому вопросу, и совсем другое, когда какая-либо партия или режим идет на то или иное решение национального вопроса вынужденно, под нажимом сложившихся обстоятельств.

В июле 1969 г. по поручению правительства член Совета революционного командования генерал Саадун Гайдан совершил поездку в Курдистан для встречи и предварительных переговоров с лидерами курдского движения. Хотя во время его визита никакого соглашения не было достигнуто, все же наметилось некоторое сближение точек зрения обеих сторон. В частности, Саадун Гайдан заявил от имени правительства лидерам курдского движения, что «Совет революционного командования готов выплатить компенсацию всем пострадавшим в ходе событий на Севере».

3 октября 1969 г. вступил в силу закон о новом административном устройстве Иракской Республики, согласно которому вся территория Ирака разбивалась на 16 губернаторств (вместо прежних 14 провинций), делящихся, в свою очередь, на округа (казы) и районы (нахие). Во исполнение закона 4 октября были созданы две новые административные единицы — курдское губернаторство Дохук (в Курдистане) и арабское — Эс-Самава (на юге)²⁰. Руководители новых административных единиц (губернаторы) наделялись некоторыми автономными полномочиями на управляемой ими территории. «При разработке закона, — писала 5 октября 1969 г. газета „Аль-Джумхурия“, — правительство приняло во внимание законные требования курдского народа относительно местной администрации под флагом национального единства»²¹. Внимательное изучение заявления правительства, сделанного в начале октября 1969 г., и принятого им закона показывает, что в качестве основы для решения курдского вопроса правительство намеревалось положить «План децентрализации», который был отвергнут курдами в 1963 г., а в соглашении от 29 июня 1966 г. его положения были представлены лишь в качестве предварительной основы для дальнейших переговоров.

Начавшиеся после опубликования закона контакты между представителями правительства и ДПК, принявшие особенно

оживленный характер в конце года, были прерваны в январе, в связи с новой попыткой противников Баас совершить 21 января 1970 г. государственный переворот.

Оживление деятельности оппозиции толкало президента Бакра и его правительство на налаживание связей с левыми силами. В конце 1969 г. президент Бакр реорганизовал правительство, включив в его состав деятелей, известных своими прогрессивными взглядами. В состав правительства вошли, в частности, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», известный иракский общественный деятель Азиз Шериф, который был назначен на пост министра юстиции, и активная участница женского движения Сауди Халиль Исмаили, получившая пост министра высшего образования.

Два министерских портфеля были предоставлены курдам: профессор архитектуры Ихсан Шерзад был назначен министром муниципалитетов, а Мухсин Диззай — министром без портфеля. Азиз Шериф и Ихсан Шерзад играли активную роль в переговорах правительства с ДПК.

В начале 1970 г. напряженность в отношениях между курдами и правительством значительно ослабла. Переговоры вступили в решающий этап. Правительство давало знать, что готово урегулировать «проблему Севера» на взаимоприемлемой основе. «В настоящее время, именно сейчас, страна подошла к такому рубежу, когда от решения курдского вопроса фактически зависит судьба всей революции в Ираке»²², — заявил в январе 1970 г. заместитель председателя Совета революционного командования Ирака Саддам Хусейн. Большая заслуга в достижении взаимопонимания принадлежала руководству ДПК.

«Урегулирование курдской проблемы, — заявил Барзани представителю газеты „Правда“, — должно стать частью общего демократического процесса в Иракской Республике и, следовательно, должно способствовать укреплению национальной независимости Ирака»²³.

В решениях состоявшегося в 1969 г. VII съезда иракской партии Баас излагались основные исходные пункты предполагаемого соглашения с курдами.

После длительных и конструктивных переговоров между делегациями правительства и курдов в начале марта 1970 г. была выработана общая платформа, содержащая основные принципы урегулирования курдской проблемы в Ираке.

11 марта 1970 г. в Ираке произошло событие огромной важности. В этот день президент Иракской Республики Ахмед Хасан Бакр объявил о достижении соглашения о мирном и демократическом решении курдской проблемы и изложил содержание манифеста, текст которого мы приводим целиком.

«1. Курдский язык должен быть официальным языком наряду с арабским языком в тех провинциях, где большинство населения составляют курды. В этих провинциях преподавание

должно вестись на курдском языке. В остальных провинциях Ирака курдский язык должен быть вторым языком в рамках существующего закона.

2. Участие наших курдских братьев в управлении и равноправие между курдами и арабами на занимаемых постах, включая важные и ответственные посты в государственном аппарате, ведомствах, армии и т. д.

3. а) В связи с отставанием курдского населения в культуре и образовании в прошлом необходимо выработать план ликвидации отсталости путем ускорения выполнения решений, принятых Советом революционного командования, в области национального языка и культурных прав курдов;

б) все учащиеся, которые были отчислены из учебных заведений и вынуждены были приостановить занятия ввиду имевших место в этом районе беспорядков, должны быть возвращены в учебные заведения, и эта проблема должна быть окончательно решена;

в) необходимо увеличить количество школ в Курдистане и повысить уровень обучения в них, принимать курдских студентов в университеты, армейские школы, колледжи и другие учебные заведения на равных основаниях с арабами.

4. В административных районах, где большинство населения составляют курды, сотрудниками административных учреждений должны быть курды или же те, кто хорошо владеет курдским языком.

Необходимо произвести назначения на такие ответственные должности, как губернатор, помощник губернатора, начальник полиции и т. д.

5. Правительство подтверждает право курдского народа на создание организаций студентов, молодежи, женских организаций, организаций учителей и т. д. Эти организации будут равноправными членами внутри подобных национальных организаций Ирака.

6. а) Всеобщая амнистия всем тем, кто принимал участие в событиях в этом районе, будет объявлена со дня выхода в свет этого манифеста;

б) все рабочие и служащие, как гражданские, так и военные, должны быть возвращены на прежнюю работу.

7. а) Необходимо в ближайшее время принять должные меры для развития Курдистана во всех областях. Необходимо выделить для этого специальный бюджет;

б) при разработке экономического плана развития страны необходимо принимать во внимание равноправное положение всех районов Ирака, а также отсталость Курдистана;

в) выдать денежные пособия семьям тех курдов, которые были убиты во время междоусобной войны между арабами и курдами;

г) разработать специальные мероприятия по ликвидации безработицы.

8. Вернуть курдов и арабов на их прежние места жительства.

9. Ускорить претворение в жизнь Закона об аграрной реформе в Курдистане, внести необходимые дополнения к этому закону с целью ликвидации феодальных отношений, помочь крестьянам получить подходящие участки земли и освободить их от чрезмерно высоких налогов, которые взимались в прошлом.

10. Достигнуто соглашение о внесении следующих дополнений во временную конституцию Ирака:

а) иракский народ состоит из двух основных национальностей — арабов и курдов. Конституция подтверждает национальные права курдов и других национальных меньшинств в рамках иракского единства;

б) курдский язык является официальным языком наряду с арабским;

в) два вышеуказанных пункта должны быть закреплены в постоянно действующей конституции.

11. Все средства радиовещания и военная техника должны быть возвращены правительству.

12. Один из вице-президентов должен быть курдом.

13. В текст данного манифеста должны быть внесены дополнения, касающиеся законодательства провинций.

14. После выхода этого манифеста Верховным комитетом должны быть приняты необходимые меры, так как он является ответственным за претворение в жизнь этого манифеста.

Это следующие меры: объединение провинций и административных районов, в которых курды составляют большинство, согласно официальной переписи населения. Правительство будет направлять свои усилия на развитие этих районов, на углубление и расширение участия курдов в этом процессе и будет гарантировать права курдов на самоопределение.

До того момента, когда будет достигнуто административное объединение в этом районе, координирование всех курдских проблем будет осуществляться путем периодических консультаций между Верховным комитетом и губернаторами северных провинций.

Поскольку самоопределение курдов будет осуществлено в рамках Иракской Республики, эксплуатация национальных ресурсов в этом районе будет находиться в компетенции центральных органов республики.

51. Курды будут участвовать в законодательных органах иракского государства в соответствии с процентным составом всего населения»²⁴.

В заявлении иракского правительства, опубликованном после обнародования приведенного манифеста, говорилось: «Сегодня достигнута большая победа для этих двух народов, которая гарантирует мир и братские, дружественные отношения между этими двумя народами... *Решение курдской проблемы не будет являться лишь временным перемирием, как это было до сих*

пор. Настоящее решение курдской проблемы — это принципиальное политическое решение, которое будет закреплено в постоянно действующей конституции»²⁵.

Было достигнуто также соглашение по одному из важнейших вопросов, тесно связанных с дальнейшей судьбой курдского революционно-демократического движения. Речь идет об отрядах «пешмерга». Курдская сторона добилась того, чтобы эти отряды численностью 13 тыс. человек не расформировывались; на основании взаимной договоренности на них возлагались обязанности по обеспечению внутренней безопасности в некоторых курдских районах, а также функции пограничных войск²⁶. Часть «пешмерга», примерно 6 тыс. человек, подлежала расформированию. Курдская сторона решительно настаивала на сохранении отрядов «пешмерга», что легко было понять. При нестабильном положении в Ираке, в условиях, когда противники мирного решения курдского вопроса и манифеста 11 марта представляли значительную силу, сохранение отрядов «пешмерга» было необходимой гарантией против возможных попыток повернуть ход событий вспять.

Вслед за обнародованием соглашения о мирном решении курдской проблемы Багдадское радио передало текст поздравительной телеграммы генерала Мустафы Барзани на имя президента Иракской Республики и членов Совета революционно-го командования.

Соглашение 11 марта 1970 г. получило одобрение прогрессивных сил Ирака и мира. Говоря о значении манифеста 11 марта 1970 г., первый секретарь ЦК ИКП Азиз Мухаммед заявил: «Решение о мирном и демократическом урегулировании курдской проблемы — победа всех прогрессивных сил Ирака. В то же время это большой успех международного демократического и прогрессивного движения»²⁷.

Достижение соглашения о мирном урегулировании «проблемы Севера» в Ираке и провозглашение национальной автономии курдов были одобрены всеми прогрессивными силами мира, заинтересованными в демократическом, прогрессивном развитии арабских стран. В адрес иракского правительства поступили поздравительные телеграммы от правительств социалистических стран, а также стран с прогрессивными режимами, от коммунистических и рабочих партий и др.

В телеграмме, направленной президенту Ирака руководителями Советского государства, отмечалась важность этого события, положившего конец братоубийственной войне. «Мы убеждены, — говорилось в телеграмме, — что выполнение этого важного соглашения будет способствовать укреплению национального единства и дружбы между двумя братскими народами Иракской Республики — арабами и курдами.

Мирное урегулирование курдской проблемы в Ираке поднимает международный авторитет Иракской Республики и ее правительства, является важным вкладом в дело консолидации

единства арабских стран в их общей борьбе против сил империализма, за ликвидацию последствий израильской агрессии»²⁸.

М. Барзани и другие руководители курдского революционно-демократического движения высоко оценили дружественную позицию Советского Союза по отношению к курдскому народу, его усилия, направленные на установление мира в Ираке. Прибывший в Москву на торжества в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Генеральный секретарь ЦК ДПК заявил: «Наш иракский народ — арабы и курды высоко ценят благородные усилия дружественного Советского Союза в деле прекращения братоубийственной борьбы между сыновьями одной страны в деле восстановления спокойствия и мира в Ираке»²⁹.

Соглашение от 11 марта 1970 г. получило положительный отклик во многих арабских странах. Примечательно, что с поддержкой манифеста выступили не только революционно-демократические силы, но и представители тех буржуазно-националистических кругов, которые проявляли реалистический подход к решению конфликта в Ираке. Так, тунисская газета «Аксъён» писала: «Все позволяет надеяться на установление в Ираке эры братства и примирения, которая даст возможность иракцам мобилизовать все свои силы для экономической и национальной реконструкции страны. Арабский мир также выбил из рук своих противников оружие, которое наносило большой ущерб репутации и интересам арабов»³⁰.

Декларация (манифест) 11 марта 1970 г. выгодно отличалась от всех прежних соглашений по курдскому вопросу. Она предусматривала удовлетворение почти всех основных требований курдского автономистского движения.

Прекращение войны и достижение соглашения о мирном урегулировании курдского вопроса в Ираке стало возможным главным образом благодаря поистине героической борьбе курдского народа, в первую очередь крестьянства, рабочих и революционной интеллигенции. Их усилия объединяла и направляла Демократическая партия Курдистана, революционно-демократическая программа и практическая деятельность которой обеспечила ей авангардную роль в борьбе курдского народа за свои национальные права. Созданная по инициативе и при активнейшем участии ДПК военно-политическая и административно-хозяйственная система в освобожденных районах Курдистана стала фактором первостепенного значения, обеспечивающим успех борьбы курдов.

Эта победа была бы невозможной без поддержки со стороны арабских революционно-демократических и прогрессивных сил. В обеспечении этой поддержки ведущую роль играла Иракская коммунистическая партия, которая в невероятно трудных условиях проводила в Ираке, в том числе и Иракском Курдистане, через курдскую секцию компартии большую работу по разъяснению целей курдского движения среди трудящихся и мобилизации их на борьбу. В результате многие ара-

бы (и не только коммунисты) с оружием в руках боролись в одном ряду с курдами.

Хотя курдское автономистское движение и преследовало цели достижения внутренней национальной автономии в пределах Ирака, оно получило широкое международное признание. Морально-политическая поддержка социалистических стран, в первую очередь Советского Союза, оказала неоценимую помощь курдским борцам за национальные права. Справедливые требования участников курдского движения горячо поддерживались всеми коммунистическими, рабочими партиями мира, в том числе и компартиями арабских стран.

Практическое решение проблемы национальной автономии курдов было связано с целым комплексом вопросов. Нужно было найти форму осуществления положений декларации 11 марта. Поэтому для осуществления соглашения 11 марта был образован специальный Комитет мира. 25 марта 1970 г. под председательством члена регионального руководства Баас состоялось первое заседание комитета. В работе комитета приняли участие: генерал Саадуи Гайдан — член Совета революционного командования, Азиз Шариф — министр юстиции, Ганем Керим — губернатор Киркука, Халед Халим — губернатор Эрбиля и члены Политбюро ЦК ДПК Дара Тоуфик, Нури Шавис, Мухаммед Махмуд Рахман.

В начале апреля 1970 г. в г. Галала состоялся чрезвычайный пленум ЦК ДПК. Пленум одобрил мероприятия руководства ДПК по установлению постоянных контактов между ДПК и Баас, расценив их как важнейший фактор для преодоления трудностей, возникающих на пути практического осуществления декларации 11 марта. Одновременно пленум отметил необходимость обеспечения тесного союза всех патриотических сил страны. «Сотрудничество между партией Баас и ДПК осуществляется в самых широких рамках, — заявил на пленуме Барзани. — Однако благосостояние страны и укрепление ее могущества требуют объединения всех политических сил в едином национальном фронте»³¹. По мнению лидера курдского движения, этот фронт, «в котором должны участвовать все национальные силы, необходим в интересах страны и для того, чтобы все разделяли ответственность и могли преградить путь противникам режима»³².

Осуществление положений соглашения 11 марта было связано с определенными трудностями. Одним из спорных вопросов, возникших в ходе осуществления соглашения, был вопрос об определении административных границ курдского автономного района. Речь шла в первую очередь о Киркуке, нефтяном центре Иракского Курдистана, дающем $\frac{2}{3}$ нефтедобычи страны. Согласно принципам соглашения 11 марта вопрос о включении Киркука в арабскую или курдскую зону Ирака должен был быть решен путем проведения переписи и определения национального состава Киркукской провинции. В связи с этим воз-

ника сложная проблема возвращения курдского населения в те районы, откуда оно было выселено во время военного конфликта (а на их места были поселены кочевники-бедуины).

Затягивалось также решение вопроса об участии представителей курдского движения в правительстве. После обнародования декларации 11 марта пять курдских министров были включены в состав правительства. Однако вопрос о вице-президенте — курде все еще оставался нерешенным. Правительство предлагало курдам один из двух постов вице-президента, однако Барзани и другие лидеры курдского движения настаивали на том, чтобы был учрежден лишь один пост вице-президента, который должен был занять курд.

Осуществление декларации 11 марта осложнилось и противодействием реакционных сил, не заинтересованных в развитии страны по пути радикальных социально-экономических преобразований. В самом правительстве и в Совете революционного командования имелась значительная оппозиция мирному урегулированию курдской проблемы.

После заключения соглашения важным событием в жизни страны стал созыв VIII съезда ДПК, состоявшегося в июле 1970 г. в Навпардане. Съезд прошел под девизом сплочения всех сил для последовательного осуществления положений мартовского соглашения³³.

Задачи, выдвинутые съездом, отвечали интересам широких слоев народа, они были проникнуты духом объединения всех революционно-патриотических сил страны. Одобряя политическую линию руководства партии на установление контактов с партией Баас, съезд в то же время отметил, что первейшей задачей ДПК является создание объединенного фронта всех прогрессивных сил, и в первую очередь ДПК, Баас, ИКП и Национально-демократической партии. По этому поводу первый секретарь ЦК ДПК заявил: «Мы не сомневаемся, что интересы страны требуют ускорения создания национального фронта... Мы добиваемся включения в состав национального фронта всех тех партий, которые верны принципам соглашения 11 марта»³⁴.

VIII съезд ДПК призвал иракское правительство как можно быстрее создать условия для избрания верховной и местной администрации, в которой курды должны были «получить представительство соответственно своей численности»³⁵. Другим важным вопросом, обсуждавшимся на съезде, был вопрос о внесении изменений в Закон об аграрной реформе — чтобы нанести решительный удар по позициям реакционных феодально-помещичьих кругов. Для осуществления аграрных преобразований в Курдистане предлагалось создать специальную комиссию³⁶.

В ходе революционно-демократической борьбы курдского народа ДПК превратилась в серьезную политическую силу, признанную не только в Ираке, но и далеко за его пределами. В частности, ее представители стали приглашаться на съезды

и форумы многих коммунистических и рабочих партий. Что же касается VIII съезда ДПК, то в его адрес были получены приветственные послания от центральных комитетов Коммунистической партии Советского Союза, Венгерской социалистической рабочей партии, Социалистической единой партии Германии, Польской объединенной рабочей партии и многих других.

В условиях, когда было достигнуто соглашение о мирном решении курдского вопроса, многое зависело от позиций Баас как правящей партии страны. Руководство Баас отдавало себе отчет в том, что демократическое движение в арабских и курдских районах представляло большую силу, с которой нельзя было не считаться. При намерении повести страну по пути прогрессивных политических и социально-экономических перемен партии Баас необходимо было заручиться поддержкой ИКП, ДПК и других прогрессивных организаций. Все четче стали вырисовываться перспективы тесного союза между тремя ведущими политическими партиями — Баас, ИКП и ДПК.

После достижения соглашения о мирном урегулировании курдского вопроса главное содержание борьбы ДПК состояло в том, чтобы добиться его последовательного осуществления.

Важным событием периода было присоединение к ДПК отколовшейся от нее в 1964 г. оппозиционной группы. Лидеры этой группы Ибрагим Ахмед и Джелаль Талабани заявили о своей готовности приложить усилия для осуществления положений декларации о курдской автономии.

Одной из главных трудностей на этом пути являлось наличие в стране противников курса мирного урегулирования курдской проблемы. За время, истекшее после заключения перемирия, было сделано немало для создания атмосферы доверия между руководством ДПК и правительством, но правые силы всеми средствами старались вбить клин между правительством и ДПК.

В сентябре 1971 г., например, группа «религиозных деятелей», нанеся «дружественный визит» Барзани, попыталась убить лидера курдского движения. Злоумышленники проникли в ставку Барзани в составе делегации, которая приехала в Хадж Омран (местопребывание Барзани, близ иранской границы) из Багдада, с тем чтобы приветствовать лидера курдского движения и вручить ему подарки. К счастью, механизм в бомбе замедленного действия сработал преждевременно.

Покушение на Барзани показало, что силы, выступавшие против мартовского соглашения, не сложили оружия и пытались повернуть колесо событий вспять. Действия реакционных сил облегчались тем, что в стране все еще отсутствовали условия для сплочения левых сил.

Иракская компартия, ДПК и другие левые настаивали на обеспечении условий для нормальной деятельности патриотических партий и на создании национального фронта как важнейшего условия организации отпора реакции и мобилизации тру-

дящихся на осуществление задач данного этапа развития страны.

После достижения соглашения о мирном решении курдской проблемы, когда вопрос решался уже не на поле боя, а посредством контактов между руководством ДПК и правительством Ирака, многое зависело от согласованных действий этих сил, в частности правящей партии Баас. Характерной чертой идеологии и деятельности партии была ее двойственность и противоречивость. Политика военного решения курдского вопроса, за которую выступали правоэкстремисты, не один раз терпела крах. Однако по мере укрепления позиций правящего режима все больше давали о себе знать тенденции ужесточения политики по отношению к курдским национально-демократическим силам. Все это находило свое выражение в стараниях правящего режима придать автономии курдов куций характер, и все больше вырисовывались намерения применения силы для усмирения демократических сил в Курдистане.

Для полного осуществления декларации об автономии курдов был установлен четырехгодичный срок. Правительство Ирака предприняло ряд шагов на этом пути. Еще до обнародования соглашения 11 марта 1970 г., на основании соглашения от 29 июня 1966 г., в Сулеймании был открыт Курдский университет. В ноябре 1970 г. согласно мартовской декларации была основана курдская Академия наук. Было официально разрешено издание и распространение курдской периодики по всему Ираку. ДПК получила право легальной деятельности не только в Курдистане, но и во всем Ираке. Ее отделения открылись в крупных городах, в том числе в Багдаде, где издавался ее партийный орган — газета «Ат-Таахи». Отряды «пешмерга» в соответствии с мартовским соглашением не были распушены, они стали частью сил, обеспечивающих внутреннюю безопасность страны. Им была поручена, в частности, охрана северо-восточного отрезка иракской границы. Пять курдских министров, как уже говорилось, вошли в центральное правительство (из них трое были членами руководства ДПК). В четыре северные провинции были назначены губернаторы-курды. Из иракского бюджета были выделены средства на ликвидацию последствий, вызванных военными действиями, на строительство домов для инвалидов, на возведение школ, преподавание в которых велось уже на курдском языке. Все перечисленные мероприятия правительства были проведены в порядке осуществления мер, обеспечивающих национальную автономию курдов.

Однако как осуществление автономии курдов, так и налаживание контактов между прогрессивными силами страны происходило в острой внутриполитической обстановке. Реакционные силы то и дело предпринимали шаги по срыву мартовского соглашения. С большими трудностями преодолевались преграды на пути сплочения прогрессивных сил в национально-патриотический фронт.

В 1971 г. в стране была отмечена волна террора против коммунистов³⁷. Правые силы всячески старались помешать созданию сплоченного национального фронта с участием прогрессивных партий страны. Этому в известной степени мешала также и атмосфера недоверия, все еще существующая между ДПК и правительством. Решение курдского национального вопроса было нелегкой задачей, особенно если учесть, что в данном случае речь шла о застарелой ране, о конфликте, который длился долго.

Иракская компартия убедительно доказывала, что правительство и партия Баас будут не в состоянии выстоять против натиска внутренней реакции и внешнего давления, пока патриотические силы будут разъединены. Она прилагала большие усилия по сплочению всех патриотических сил на выполнение общенациональных задач. При этом она делала упор не на те моменты, которые разделяли эти силы, а на те, которые объединяли их. Однако сотрудничество и компромисс были необходимы не в ущерб целям общей борьбы, а в интересах их осуществления. «Задача истинно революционной партии,— писал В. И. Ленин,— не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь пронести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче...»³⁸.

В середине ноября 1971 г. президент Ахмед Хасан аль-Бакр огласил проект национальной хартии страны³⁹. Сотрудничество национальных прогрессивных сил Ирака, указывалось в этом документе, должно основываться на принципах усиления борьбы против империализма и сионизма. Согласно проекту, в стране на основании ранее принятого закона будет создано национальное собрание и принята постоянная конституция. Проект национальной хартии в основном имел прогрессивный характер и свидетельствовал о желании пойти по пути прогрессивного развития. Одной из важнейших черт этого документа была его антиимпериалистическая направленность.

В национальной хартии выражалась готовность правительства «укрепить всесторонние отношения Ирака с социалистическими странами, развить связи с национально-свободительными движениями народов во всем мире»⁴⁰. Весьма важно, что в этом программном документе подчеркивалась необходимость решения курдской проблемы мирными средствами, на основе претворения в жизнь всех пунктов соглашения 11 марта 1970 г., путем сотрудничества между партией Баас и Демократической партией Курдистана.

В мае 1972 г. ЦК ИКП выступил с заявлением, в котором давал свое согласие занять два министерских поста в правительстве Ирака.

Имея поддержку ИКП, других прогрессивных сил, а также помощь социалистических стран, правительство Ирака приняло

решение о национализации находящейся на ее территории собственности «Ирак петролеум компани». «Иракская коммунистическая партия и Демократическая партия Курдистана выразили полную поддержку действиям правительства... Таким образом, правящая партия арабского социалистического возрождения, Коммунистическая партия, Демократическая партия Курдистана выступили единым фронтом в борьбе за освобождение Ирака от засилья империалистических монополий»⁴¹.

В 1966—1972 гг. Баас осуществила ряд важных мероприятий, направленных на углубление аграрных преобразований в интересах крестьянства, кооперирование сельского хозяйства, усиление госсектора в сельском хозяйстве, а также прогрессивные преобразования в промышленности. Развивалось тесное сотрудничество с социалистическими странами.

Последовательное осуществление мартовской декларации могло создать благоприятные условия для реализации планов прогрессивных социально-экономических преобразований в Курдистане. Однако этот политический курс был торпедирован обстановкой, сложившейся в связи с конкретизацией плана автономии курдского народа.

Воспользовавшись некоторыми спорными моментами в планах осуществления курдской автономии, правые элементы в ДПК толкали партию на изоляционистские позиции, что имело весьма отрицательные последствия как для самой партии, так и для курдского движения в целом. Правые элементы в ДПК своими действиями наносили удар по одному из главнейших источников силы партии — по ее связям и сотрудничеству с другими прогрессивными силами страны, главным образом с ИКП.

К сожалению, в этой критической ситуации многие видные, преданные делу освободительной борьбы курдского народа деятели ДПК также проявили политическую близорукость и оказались в одном ряду с правыми.

Генеральный секретарь руководства Партии арабского социалистического возрождения Ирака Ахмед Хасан аль-Бакр и первый секретарь ЦК ИКП Азиз Мухаммед 17 июля 1973 г. подписали совместное коммюнике о принципах сотрудничества в рамках Национального прогрессивного фронта. Создание фронта призвано было обеспечить закрепление и углубление уже совершаемых в Ираке прогрессивных социально-политических преобразований.

Руководство партии Баас и ИКП призвали ДПК войти в состав Национального прогрессивного фронта. Однако руководство ДПК отклонило это предложение, мотивируя отказ тем, что Багдад не выполнил всех пунктов мартовского манифеста, по которым между сторонами существовали расхождения.

Разногласия по этим вопросам еще более обострились при подготовке закона о предоставлении автономии курдскому народу в Ираке.

11 марта 1974 г. правительство Иракской Республики опубликовало закон об автономии курдского народа. Автономия осуществлялась на следующих принципах (приводим сокращенный текст закона).

Ст. 1. а) Район (мантика), именуемый Курдистан, получает автономию согласно данному закону;

б) согласно тексту соглашения 11 марта всеобщая перепись определит границы района, где преобладает курдское население. При этом в основе этого решения будут поставлены также и данные переписи 1957 г.;

в) этот район считается отдельной административной единицей, пользующейся правами самоуправления в рамках экономического, политического и юридического единства Иракской Республики;

г) этот район является неотъемлемой частью Ирака, а его народ является неотделимым элементом иракского народа;

д) г. Эрбиль будет административным центром автономного района;

е) органы самоуправления составляют часть органов Иракской Республики.

Ст. 2. а) В этом районе курдский язык объявляется официальным наряду с арабским;

б) обучение ведется на курдском языке для курдов, а преподавание арабского языка будет проводиться на всех ступенях обучения;

в) в районе создадутся учебные заведения для арабов, где преподавание курдского языка также считается обязательным;

г) независимо от родного языка населению района предоставляется право выбирать любую школу;

д) учебное дело на всех ступенях подчиняется общей учебно-воспитательной политике государства.

Ст. 3. а) Права и свобода арабов и других национальных меньшинств в этом районе обеспечиваются конституцией, законом и другими соответствующими решениями, а автономная администрация обязана осуществлять их;

б) арабский народ и национальные меньшинства должны быть представлены во всех органах самоуправления соответственно их числу.

Ст. 4 касается структуры и деятельности органов юстиции. Далее определяются финансовые права автономного района (ст. 5). В частности, отмечается, что автономный район «является самостоятельной единицей в общей государственной системе». Указываются источники доходов автономного района.

Законодательный совет (ст. 10) является избираемым органом законодательной власти автономного района. Его основные, организация и деятельность определяются законом.

Члены Законодательного совета избирают председателя, его заместителя и секретаря (ст. 11). Законодательный совет обладает автономными правами в политической, экономической и

культурной областях. Законодательный совет контролирует деятельность Исполнительного совета.

Функции исполнительной власти осуществляет Исполнительный совет (ст. 13). Этот орган состоит из председателя, его заместителя и 14 членов. Президент республики поручает одному из членов Законодательного совета формировать Исполнительный совет и руководить им. Председатель и члены Исполнительного совета пользуются правами министров. Президент республики имеет право освободить председателя Исполнительного совета от занимаемой должности, после чего совет распускается.

В автономном районе на местах создаются следующие управления: просвещения и образования, труда и расселения, сельского хозяйства и аграрной реформы, внутренних дел, связи и транспорта, молодежи и культуры, муниципалитетов и курортов, общественных дел, финансов и экономических дел, вакфов.

Ст. 15 определяет полномочия Исполнительного совета. В законе указано, в частности, что Исполнительный совет осуществляет контроль над деятельностью всех местных органов автономного района.

Третий раздел декларации об автономии курдов касается взаимоотношений между центральной властью и руководством автономного района. В ст. 16—17 сказано: «Несмотря на полномочия, предоставленные автономному району... во всех частях Ирака приоритет принадлежит центральным ведомствам или их представителям. Органы внутренних дел и госбезопасности подлежат контролю министерства внутренних дел».

Центральная власть назначает государственного министра, который координирует действия центральной власти и органов самоуправления. Решения органов автономной власти должны быть переданы государственному министру вслед за их опубликованием.

Далее определяются формы и методы контроля над деятельностью органов самоуправления со стороны центрального правительства. Отмечается, в частности, что Мандатная комиссия иракского кассационного суда, составленная из председателя суда и четырех членов, контролирует законность решений автономной администрации. Эта комиссия избирается из числа членов кассационного суда сроком на три года. Члены этой комиссии могут быть избраны на второй срок (ст. 19).

Министр юстиции и государственный министр имеют право опротестовать решения автономной администрации и передать их на рассмотрение Мандатной комиссии. Мандатная комиссия выносит решение по этому вопросу не позднее 30 дней, и оно является окончательным. Решения автономной администрации, объявленные незаконными Мандатной комиссией, считаются недействительными.

В ст. 20 отмечается, что президент республики имеет право

распустить Законодательный совет, если он не в состоянии действовать вследствие отставки половины его членов, отсутствия юридических основ или неподчинения решениям Мандатной комиссии.

В случае роспуска Законодательного совета Исполнительный совет выполняет его полномочия не более 90 дней до формирования нового Законодательного совета.

Ст. 21 констатирует, что «настоящий закон вводится в действие со дня его опубликования в официальной прессе».

Закон об автономии курдов обнародован в Багдаде 17 сафара 1394 г. Хиджры, или 11 марта 1974 г., и подписан председателем Совета революционного командования Ахмед Хасаном аль-Бакром ⁴².

Закон об автономии курдов вызвал неодинаковую реакцию в рядах курдских национальных сил. Член Политбюро ДПК Азиз Акрауи и некоторые другие курдские деятели выразили готовность сотрудничать с центральной властью для осуществления Закона об автономии Курдистана. Однако большинство в руководстве ДПК заняло негативную позицию по отношению к Закону 11 марта. Свою позицию они мотивировали тем, что, во-первых, в высшем руководящем органе Национально-патриотического фронта баасисты сохраняли за собой столько мест, что в любом случае могли навязать свою волю другим партиям, входящим в Фронт (напомним, что из 16 членов этого руководящего органа 8 мест принадлежало баасистам, 3 — ИКП, 3 — ДПК, 2 — независимым националистам). Во-вторых, по мнению руководителей ДПК, Киркук, район Ханекина и Шангала (Синджара) как «исконно курдские территории должны были быть включены в состав автономного района».

Казалось, что существовавшие между правительством и ДПК разногласия по отдельным статьям Закона об автономии будут урегулированы посредством переговоров. Первоначально даже было объявлено, что спорные положения и детали могут быть согласованы в течение 15 дней. С этой целью руководство ДПК составило делегацию во главе с главным редактором газеты «Ат-Таахи», Дара Тауфиком.

Однако эти контакты и срок, установленный для устранения разногласий, не дали желаемых результатов. Более того, «Ат-Таахи» перестала выходить, а курдские министры и многие высокопоставленные чиновники покинули Багдад и ушли в горы. Таким образом, после четырехлетнего мира, достигнутого столь дорогой ценой, вновь дело дошло до военного конфликта, в котором руководство ДПК потерпело поражение. Вооруженное выступление курдов на этот раз кончилось провалом.

* * *

После событий 1974—1975 гг. ситуация в Ираке и Иракском Курдистане резко изменилась. Подавив вооруженное восстание

курдов, Партия арабского социалистического возрождения (Баас) фактически стала полноправным хозяином в стране. До этого многие свои срывы, неудачи, непоследовательность социально-экономических и политических мероприятий она нередко объясняла «интригами империализма и сионизма, помогающих северным сепаратистам», т. е. курдам. После разгрома курдского восстания Баас оказалась перед необходимостью продемонстрировать истинные свои намерения как по общеиракским, так и по курдской проблемам.

Хотя ИКП находилась в союзе с Баас, что само по себе вряд ли было оправданным, тем не менее, позиции Иракской коммунистической партии и Баас, входивших в Прогрессивный национально-патриотический фронт (ПНПФ), по отношению к движению за национальную автономию в Иракском Курдистане в 1974—1975 гг. в какой-то степени различались. ИКП выступила с критикой политики и действий Демократической партии Курдистана, но в то же время признавала законность требований борющегося курдского народа; она была заинтересована в том, чтобы подлинно демократические силы в Курдистане сохранили свои позиции.

Баас относилась к этому иначе. Выступая с программой, предусматривавшей куцую автономию курдов и не отражавшей всех требований декларации 11 марта 1970 г., правящие круги Ирака, вопреки своим неоднократным обещаниям, одновременно старались разжечь вооруженный конфликт, чтобы покончить с курдским демократическим движением. Учитывая общую направленность национальной политики баасовского режима, нетрудно прийти к выводу, что режим этот, несмотря на разногласия с курдскими экстремистскими элементами, был заинтересован прежде всего в ликвидации объективно крепнувших радикальных революционных течений в Иракском Курдистане. Не случайно поэтому террор и репрессии в Курдистане в 1975-м и последующих годах носили, по существу, тотальный характер. Ликвидировав вооруженное курдское движение, иракские власти расправились не только с правыми элементами, но и с теми курдскими левыми национальными силами, которые, по их мнению, представляли опасность для правящего режима в дальнейшем. Началось массовое переселение курдов из Курдистана в различные отдаленные арабские районы Ирака, где они фактически подпали под постоянный надзор местных властей. Спасаясь от преследований, страдая от тяжелейших лишений, нехватки пищи, жилья, отсутствия медицинской помощи, безработицы, десятки тысяч семей иракских курдов перебрались в Иранский Курдистан.

Практика показала, что война не может быть путем решения курдской проблемы. Именно поэтому баасистами был выдвинут план «мирного» решения курдского вопроса. Важно подчеркнуть, что правительство Багра—Саддама действовало осторожно и предусмотрительно, учитывая неудачи, которые постиг-

ли правобаасистский военно-диктаторский режим (в 1963 г.), а также последующие правительственные кабинеты при попытках решить курдский вопрос. Этим вызваны были хитроумные шаги правящего режима.

Первоначально с целью дискредитации ДПК и Барзани правящая партия старалась продемонстрировать свое дружелюбие по отношению к отколовшимся от ДПК деятелям во главе с Азизом Акрауи, которые сотрудничали с правительством, надеясь таким путем добиться осуществления Закона об автономии. В это время были образованы исполнительные и законодательные органы курдского автономного района (КАР).

Баас старалась сохранить, хотя бы внешне, дружественные связи также с ИКП. На страницах официальной печати часто публиковались материалы, свидетельствовавшие о намерениях Ирака «поддерживать стратегические связи с социалистическими странами». Для поднятия своего авторитета Баас провела в 1976—1978 гг. несколько международных конференций, на которых обсуждались проблемы национально-освободительной борьбы на современном этапе, сотрудничества с социалистическими странами и были утверждены санкции против «предательской» политики А. Садата. Есть основания полагать, что все это отчасти делалось для того, чтобы отвлечь внимание мировой прогрессивной общественности от антидемократических планов иракского правительства, не допустить его критику и воспрепятствовать его изоляции на международной арене. Но развитие событий в Ираке и Иракском Курдистане после декларации 11 марта 1970 г. и введение в действие закона № 33 от 11 марта 1974 г., оценка деятельности Баас, ИКП и ДПК в новых условиях, позиция социалистических стран и ряд других вопросов — предмет нашего специального исследования.

Сейчас же рассмотрим лишь коротко некоторые меры баасистского правительства (объявившего себя «противником расизма, колониализма и национального угнетения»), касающиеся ведущего национально-освободительную борьбу курдского народа.

Подавив в середине 70-х годов массовое вооруженное движение в Курдистане, баасисты предприняли меры по ликвидации возможностей его возобновления. Для осуществления этой цели они направили усилия на то, чтобы: 1) изменить национальный состав населения Иракского Курдистана (для чего надо было переселить как можно больше курдов в южные и центральные районы Ирака); 2) создать в пограничной полосе с Турцией и Ираном так называемый арабский пояс (своего рода преграду существующим контактам между курдами Ирака, Ирана и Турции); 3) посредством террора, арестов и высылки лишить движение курдов его авангарда — курдских демократов, коммунистов и др.; 4) наладить отношения с бывшими союзниками Ирака по Багдадскому пакту (Ираном и Турцией) и, используя их заинтересованность в совместной борьбе против

«курдской опасности», добиться ликвидации возможности нового подъема курдского национально-демократического движения.

В публикациях ДПК, Иракской компартии и различных организаций курдских демократов, а также международных организаций были преданы гласности многие материалы, свидетельствующие о жестоком и антидемократическом характере политики правящих кругов Ирака как в отношении курдов, так и всего иракского народа. Добившись некоторого укрепления своих позиций, баасисты уже с 1976 г. начали кампанию против своих союзников по ПНПФ — коммунистов, тем самым доказав ошибочность тактики ИКП в отношении совместного с баасистами фронта в предложенной ими форме. Национально-патриотический фронт, который, по словам президента Ирака А. Х. аль-Бакра, должен был носить «не временный, а стратегический характер», превратился в орган, призванный проводить политическую линию только баасистов. Коммунисты и курдские демократы лишились возможности самостоятельно действовать в рамках Фронта. Более того, как бы отвечая на критику коммунистов по поводу роли и задач ПНПФ, Саддам Хусейн в своем выступлении 7 марта 1979 г. поставил под вопрос целесообразность акта, благодаря которому в 1973 г. был учрежден указанный Фронт. Он, в частности, заявил: «Создание национального фронта в условиях, когда во главе государства находилась Баас, не было настоящей необходимостью»⁴³.

Переселившись в Багдад, основатель партии Баас М. Афляк, известный своими правонационалистическими и антидемократическими взглядами, получил широкую поддержку со стороны местного режима и активизировал свою антидемократическую деятельность. Антисоветская кампания стала проводиться в Ираке все более открыто. Репрессии против коммунистов приняли массовый характер, во многом напоминая события мрачного 1963 г. Ряд офицеров иракской армии были расстреляны по обвинению в принадлежности к коммунистическому движению. Подверглись преследованию и были арестованы многие представители ИКП, работавшие в местных отделениях ПНПФ⁴⁴.

Дискриминационные меры по отношению к коммунистам и курдским демократам распространились на систему образования. Учебно-воспитательная работа была перестроена в духе «баасизации». Право представлять «нацию», «народные массы» имела только Баас. В университетах Багдада, Мосула, Басры и Сулеймании началась кампания чистки преподавателей от демократов и симпатизирующих им⁴⁵.

В Иракском Курдистане баасисты проводили политику, по своей жестокости превосходящую террор 1963 г. Среди антикурдских акций баасистов особо выделялась своей бесчеловечностью массовая депортация более 700 тыс. курдов из родных мест⁴⁶. Для высланных курдов иракские власти создавали спе-

циальные «жилые комплексы», охраняемые вооруженными отрядами. В новых местах жительства курдские переселенцы владели жалкое существование. Как отмечает бюллетень ИКП «Ирак леттер», эти «жилые комплексы» своими ужасными условиями, жестокостью обращения с поселенцами стали напоминать пресловутые «стратегические деревни», созданные американцами во время войны во Вьетнаме, и «концентрационные лагеря» времен господства французов в Алжире⁴⁷. Так, курдам были запрещены контакты между отдельными семьями; им не разрешалось покидать места жительства. Демонстрации и протесты против режима в «жилых комплексах» жестоко подавлялись. О масштабах насилия, чинимого над курдами, свидетельствует тот факт, что район, откуда выселялись курды, по размерам оказался равным территории современного Ливана⁴⁸. Согласно сообщению бюллетеня ИКП, с 1974 по 1978 г. в провинциях Дияла, Сулеймания, Эрбиль, Киркук, Дхок и Мосул обезлюдели 1222 деревни; часть из них была сожжена или стерта с лица земли бульдозерами и танками. Последующее переселение арабских кочевников в курдские села привело к резкому обострению отношений между арабами и курдами.

Одновременно по указанию властей курдские школы закрывались и заменялись арабскими. В настоящее время в подавляющем большинстве школ Иракского Курдистана преподавание ведется на арабском языке, хотя декларацией 11 марта 1970 г. и Законом № 33 от 11 марта 1974 г. об автономии курдов официальным языком в Курдистане был провозглашен курдский язык. Вопреки положению декларации о праве курдского населения иметь школы с преподаванием на родном языке, а курдских студентов — учиться во всех университетах и военных колледжах, только в одном 1978/79 учебном году в половине курдских школ были введены программы арабских школ. Учебники на курдском языке заменялись арабскими. По распоряжению иракских властей названия большинства школ, а также сельскохозяйственных кооперативов, гостиниц и ресторанов в Иракском Курдистане были заменены на арабские. В 1978 г. была закрыта курдская Академия наук. Что касается университета в Сулеймании (в настоящее время в Эрбиле), призванного «быстрыми темпами обеспечить подготовку курдских национальных кадров», то и он, по существу, перестал быть курдским, ибо число обучающихся в нем курдов было сведено к минимуму.

Как же выглядят органы власти курдского автономного района, призванные хотя бы формально подтвердить автономию курдов? Всеми делами района фактически руководит государственный министр по делам координации. Члены законодательного органа КАР в нарушение Закона № 33 об автономии курдов не избирались населением, а назначались официальными иракскими властями. От руководства автономными органами власти отстранили даже тех деятелей ДПК, которые во

время событий 1974—1975 гг. выступали против курса Барзани и ДПК, сотрудничали с Баас. Баасисты провели массовую чистку органов самоуправления КАР, изгнав из них деятелей, имеющих заслуги в организации и проведении борьбы за автономию. В законодательном и исполнительном органах места заняли люди, известные своими реакционными взглядами, на различных этапах выступавшие против движения курдов за автономию. Среди них было немало феодалов, «джашей» и других приспешников баасистского режима. Хотя во время подготовки Закона об автономии ряд исконно курдских районов не был включен в состав КАР, тем не менее это не удовлетворило баасистов. С 1976 по 1979 г. по решению правительства некоторые районы КАР были переданы под контроль арабских провинций Ирака.

Насильственное массовое переселение курдов создало дополнительные экономические трудности в Иракском Курдистане. Сельскохозяйственное производство, особенно земледелие и животноводство, вступило в глубокий кризис.

Для усиления борьбы против курдского движения иракское правительство (после урегулирования пограничных разногласий с Ираном в марте 1975 г.) предприняло шаги по сближению с Турцией. Ссылаясь на турецкую газету «Миллиет» от 25 августа 1978 г., «Ирак леттер» отмечал антикурдский характер иракско-турецкого соглашения, заключенного после визита Ахмеда Хасана аль-Бакра в Турцию в 1978 г. Обращалось внимание, в частности, на ст. 4 соглашения, которая касается координации усилий двух стран в борьбе против курдов. В апреле 1979 г. состоялся визит тогдашнего начальника генерального штаба турецкой армии Эврена в Ирак, где он вел переговоры о координации действий по подавлению курдского движения⁴⁹.

С осени 1979 г. в политике Ирака по курдскому вопросу появились новые нюансы, которые, очевидно, были вызваны подготовкой к войне с Ираном. Осенью 1979 г. Саддам Хусейн посетил Иракский Курдистан, в частности г. Сулейманию, где вновь постарался предстать сторонником «автономного района», где курды могли бы иметь свой законодательный совет. Одновременно он объявил, что тысячам курдов будет разрешено вернуться из южных районов страны назад в Курдистан⁵⁰. В 1980 г. состоялись выборы в Иракском Курдистане, проведенные с учетом его «автономии». В результате, в так называемый Законодательный совет были избраны 50 «депутатов»⁵¹, главным образом представителей курдских феодалов и духовенства, поддерживающих тесные контакты с официальными властями.

Все перечисленные, а также другие меры иракского руководства свидетельствовали о его цели ослабить недовольство курдов, заручиться в какой-то мере их поддержкой накануне ирако-иранского конфликта.

Из всего сказанного можно заключить, что предоставление

автономии курдам Ирака в известной степени воспринималось баасистами как формальный акт, без признания демократических свобод, без ограничения преследований компартии и других демократических организаций и партий, которые фактически были лишены всех прав. Однако решение курдского вопроса имело и имеет для Ирака исключительно важное значение. В Ираке больше, чем в любой другой многонациональной развивающейся стране, национальный (курдский) вопрос серьезно влияет на внутривнутриполитическую ситуацию. Очень важно, что именно в Ираке (впервые в практике развивающихся стран) была предпринята попытка решить курдский национальный вопрос путем предоставления национальной автономии, хотя и формальной, во многом ограниченной и урезанной. Даже в таком виде этот акт представляется весьма важным шагом по пути решения данной проблемы.

Своеобразие национальной автономии курдов в Ираке заключается в том, что идея этого мероприятия и инициатива исходили не от правящей партии и установленного ею режима. Право национальной автономии не было предоставлено курдам «сверху», но завоевано «снизу», в ходе длительной и упорной борьбы.

Последнее обстоятельство вынуждало Баас к решительному противодействию курдскому демократическому движению. Сдвиг Баас вправо был довольно резким. В данном конкретном случае мы имеем возможность выявить те общие черты, которые типичны для деятельности национальных демократов ряда развивающихся стран и их партий: двойственный характер политики, большая амплитуда колебаний то влево, то вправо, склонность к применению силы и т. д. Если учесть, что мотивы, побудившие иракских баасистов пойти на временный союз с ИКП, осуществить первые шаги по пути признания автономии курдов, возникли главным образом под влиянием объективных обстоятельств и фактически вынудили их действовать определенным образом, то можно утверждать, во-первых, что безосновательны утверждения о якобы прогрессивном характере баасистского режима и, во-вторых, что иракские коммунисты и левые курдские демократы при выборе форм и методов сотрудничества с правящей партией, очевидно, допустили ряд тактических просчетов.

При оценке деятельности партии Баас следует иметь в виду и еще одно важное обстоятельство, а именно: одно дело, когда национальные демократы действуют при отсутствии в стране более радикальных, последовательно революционных сил и совсем другое дело, когда демократы действуют рядом с представителями указанных сил и даже против них. Поскольку и в отношении социально-политических проблем, и по национальному вопросу у подлинных демократов, как правило, более радикальные программы, отвечающие интересам широких слоев народа, борющиеся за свои интересы массы ара-

бов и курдов по мере роста их политического самосознания все решительнее идут за ними. Именно поэтому баасисты видят в этих силах опасность своему господству и стараются подавить их.

Практика показывает, что формального объявления национальной автономии курдов в Ираке, соответствующих официальных заявлений лидеров господствующего режима, опубликованных ими программных документов и даже принятия Закона об автономии — всего этого недостаточно для того, чтобы национальный вопрос в Ираке можно было бы считать хотя бы частично решенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане имеет длительный и упорный характер. Его подъемы и спады, политика правящих режимов по курдскому вопросу, позиция стран региона и западных держав, расстановка социально-классовых сил в курдском движении — эти и ряд других моментов дают богатую пищу для размышлений, выводов и заключений.

При такой постановке вопроса напрашивается прежде всего вывод о том, что нерешенность курдской национальной проблемы — результат политики буржуазно-шовинистических кругов Ирака, а также сопредельных стран, получающих в этом деле поддержку ряда государств мира. Острота и запутанность национального вопроса особенно заметна на Ближнем и Среднем Востоке. Уходящая своими корнями во времена арабомусульманской экспансии и тюрко-монгольских нашествий, эта проблема еще больше осложнилась в эпоху империализма.

Наличие в Ираке нерешенного курдского национального вопроса, независимо от степени его остроты, играло отрицательную роль, не давало возможность в полную силу решать социально-экономические задачи, давало повод империалистическим державам для вмешательства во внутренние дела страны. Национальный антагонизм, несомненно, в значительной степени тормозил процесс демократизации общественно-политических отношений в стране. Здесь невольно вспоминается мысль, высказанная в решении ЦК ИКП по курдскому вопросу еще в 1962 г.

Давая отпор буржуазно-националистическим кругам, утверждавшим, что предоставление автономии курдам приведет к ослаблению позиций Ирака, ЦК ИКП вполне обоснованно констатировал, что не автономия курдов, а ее отсутствие приведет к ослаблению Ирака.

Одним из важнейших результатов длительной борьбы курдов в Ираке явилось дальнейшее сближение курдских национально-демократических сил с арабским демократическим движением.

Выражением этого примечательного явления является доминирующее в среде курдских борцов за национально-демократические права убеждение в том, что достижение автономных национальных прав неосуществимо без совместной борьбы с арабскими демократическими силами, без подлинной демократии в Ираке в целом. С этим теснейшим образом связан и

вопрос о возможности решения курдского национального вопроса в виде автономии.

Опыт борьбы курдов Ирака за автономию дает основание заключить, что национальная автономия не может быть осуществлена при отсутствии демократического правопорядка в стране в целом. Этим обусловлена жизненность лозунга, отражающего эту идею, под которым ведется борьба курдских национально-демократических сил.

Другим важнейшим результатом борьбы курдов за национальные права является радикализация ее характера. Длительная борьба привела к росту национального и классового самосознания участников, что нашло свое отражение в программных документах курдских национально-демократических партий и организаций, в выдвижении не только национальных, но и важнейших социальных задач, антиимпериалистических лозунгов и целей.

Не может быть сомнений в том, что важнейшей вехой в истории курдской национальной проблемы в Ираке является официальное провозглашение автономии курдского народа в Иракской Республике. Впервые в одной из стран, в состав которой входят курды, официально были признаны их автономные права. В то же время жизнь показала, насколько важно, чтобы официально провозглашенное равноправие было подкреплено конкретными мерами.

История борьбы курдов за национально-демократические права убедительно доказала, что все попытки насильственного решения курдской проблемы обречены на провал. Размах курдского национально-демократического движения, его организованность, провозглашенные цели и задачи, тот факт, что оно объективно является составной частью демократического движения всего иракского народа и получает морально-политическую поддержку прогрессивных революционных сил в международном масштабе, дают основание для утвердительного ответа на вопрос о благоприятном исходе национальной борьбы курдов в Ираке и в целом, а также для заключения о том, что национально-освободительная борьба курдского народа представляет весомый резерв революционной борьбы на Ближнем и Среднем Востоке как в современных условиях, так и в перспективе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Малек Юсеф. Курдистан, или страна курдов. Пер. с араб. Бейрут, 1945, с. 45.
- ² Wilson A. T. Mesopotamia: 1919—1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record. L., 1931, с. 57.
- ³ Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М., 1958, с. 68.
- ⁴ Edmonds C. J. Kurds, Turks and Arabs. L., 1957, с. 80—81. Вследствие весьма низкого жизненного уровня и отсутствия медицинского обслуживания в Курдистане и до войны был очень высок процент заболеваемости и смертности. «Детская смертность в Курдистане,— писал английский офицер Хей,— достигла невиданных размеров» (Hay W. R. Two Years in Kurdistan. Experiences of a Political Officer 1918—1920. L., 1922, с. 43).
- ⁵ Мэпп Н. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии).— ЗВОРАО. Т. XX, 3. СПб., 1911.
- ⁶ Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата. М., 1969, с. 35.
- ⁷ Vernier Bernard. L'Irak d'Aujourd'hui. P., 1963, с. 89.
- ⁸ Ленин В. И. Доклад о мире*.— Т. 35, с. 14.
- ⁹ См., например: Всемирная история. Т. VIII. М., 1961, с. 451—452.
- ¹⁰ Ленин В. И. Доклад о мире, с. 14.
- ¹¹ Rossi Pierre. L'Irak des Revoltes. P., 1962, с. 81.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Rambout L. Les Kurdes et le Droit. P., 1947, с. 49.
- ¹⁵ «Шейх Махмуд (1882—1956) происходил из влиятельной религиозной семьи, которая занимала в Курдистане видное общественное положение еще в XIX в., со времен распада курдских феодальных княжеств» (Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане. Баку, 1967, с. 69). Крупный собственник, Махмуд Барзинджи обладал блестящими способностями, был поэтом, общественным деятелем и всю жизнь отдал борьбе за освобождение своего народа.
- ¹⁶ Wilson A. T. Mesopotamia, с. 52.
- ¹⁷ Сауд Амин. Восстания арабов в XX в. М., 1964, с. 183.
- ¹⁸ Ghassemlou A. R. Kurdistan and Kurds. Prague, 1965, с. 44.
- ¹⁹ Международная жизнь. 1925, № 1, с. 27.
- ²⁰ Wilson A. Mesopotamia, с. 127.
- ²¹ Малек Юсеф. Курдистан, или страна курдов, с. 25.
- ²² Wilson A. Mesopotamia, с. 127.
- ²³ Hamilton A. M. Road through Kurdistan. L., 1949, с. 201.
- ²⁴ Цит. по: Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание в Ираке, с. 186.
- ²⁵ The Times. 08.11.1919.
- ²⁶ Курд Оглы. Курды и империализм.— Бюллетень прессы Среднего Востока. Таш., 1932, № 3—4, с. 115.
- ²⁷ См.: Gavan S. S. Kurdistan. Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 20.
- ²⁸ Аграрные проблемы. М., 1931, № 9—10, с. 88—100.

* Все работы В. И. Ленина приведены по Полному собранию сочинений.

- ²⁹ Gavan S. S. Kurdistan, с. 30.
- ³⁰ Kinnan Derk. The Kurds and Kurdistan. L., 1964, с. 35.
- ³¹ Wilson A. Mesopotamia, с. 129.
- ³² Там же.
- ³³ Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs, с. 29.
- ³⁴ Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание в Ираке, с. 83.
- ³⁵ Wilson A. Mesopotamia, с. 132.
- ³⁶ Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание в Ираке, с. 83—84.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Wilson A. Mesopotamia, с. 90.
- ⁴⁰ Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs, с. 32.
- ⁴¹ Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата, с. 193.
- ⁴² Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs, с. 32.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 7, л. 26.
- ⁴⁵ Arfa Hassan. The Kurds. A Historical and Political Study. L., 1966, с. 112.
- ⁴⁶ Wilson A. T. Mesopotamia, с. 142.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание в Ираке, с. 106.
- ⁴⁹ История международного рабочего и национально-освободительного движения. Ч. II. М., 1962, с. 410.
- ⁵⁰ Ирандуст. Борьба за Мосул.—Международная жизнь. 1924, № 4—5, с. 99.
- ⁵¹ Gavan S. S. Kurdistan, с. 30.
- ⁵² Wilson A. T. Mesopotamia, с. 142.
- ⁵³ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 80.
- ⁵⁴ Gantner S. Le mouvement National Kurde.—Orient. P., 1964—1965, № 32—33, с. 54.
- ⁵⁵ [Bell Gertrude]. The Letters of Gertrude Bell. Vol. II. L., 1927, с. 485.
- ⁵⁶ Wilson A. T. Mesopotamia, с. 144—145.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957, с. 317.

Глава II

- ¹ Белякевич И. Национально-освободительное движение в Ираке и английский империализм.—Революционный Восток. 1930, № 9—10, с. 269.
- ² Там же.
- ³ Times. 23.08.1920.
- ⁴ Temps. 22.08.1920.
- ⁵ Times. 06.10.1920.
- ⁶ Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание в Ираке, с. 140.
- ⁷ The Morning Post. 21.03.1920.
- ⁸ Бюллетень НКВД. 1920, № 36, с. 42.
- ⁹ The Letters of Gertrude Bell, с. 430. Цит. по: Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 92.
- ¹⁰ Longrigg St. Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History. L., 1953, с. 130.
- ¹¹ Махмуд ад-Дурра. Аль-Кадия аль-Курдия валь каумия арабия фи махарьяка Ираки. Бейрут, 1963, с. 13 (на араб. яз.).
- ¹² Erskine Beatrice. King Faisal of Iraq. L., 1933, с. 178.
- ¹³ Левин И. Ирак. М., 1937, с. 116.
- ¹⁴ Erskine Beatrice. King Faisal of Iraq, с. 178.
- ¹⁵ Longrigg St. Iraq, с. 135.
- ¹⁶ Daily Herald. 03.01.1922.
- ¹⁷ Vernier B. L'Irak, с. 181.

- ¹⁸ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 122.
- ¹⁹ The Observer. 01.01.1931.
- ²⁰ Бюллетень НКВД. 30.01.1922, с. 4.
- ²¹ Daily Herald. 03.01.1922.
- ²² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 4, ед. хр. 2, л. 18.
- ²³ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 123—125, 248.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Times. 18.08.1921.
- ²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 7, ед. хр. 3, л. 5.
- ²⁷ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 246.
- ²⁸ *Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане*, с. 100.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Longrigg St. Iraq*, с. 203.
- ³² *Махмуд ад-Дурра. Аль-Кадия аль-Курдия*, с. 63.
- ³³ *Hamilton A. Road through Kurdistan*, с. 203.
- ³⁴ Times. 28.01.1931.
- ³⁵ *Safrastian A. Kurds and Kurdistan. L., 1948*, с. 81—82; *Лахути. Курдистан и курды*.— Новый Восток. 1923, № 4, с. 5; Правда. 28.04.1923.
- ³⁶ *Hamilton A. Road through Kurdistan*, с. 200—201.
- ³⁷ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 290—292.
- ³⁸ *Gavan S. S. Kurdistan*, с. 32.
- ³⁹ *Ала ад-Дин Суджади. Шоршакани курд ва курди кумари Ирак. Багдад, 1959*, с. 93 (на курд. яз.).
- ⁴⁰ *Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане*, с. 104.
- ⁴¹ См.: *Ключников Ю. В. и Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. Ч. III. М., 1929*, с. 188—189.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 7, л. 26.
- ⁴³ Цит. по: *Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане*, с. 108—109.
- ⁴⁴ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 296.
- ⁴⁵ *Гурко-Кряжин В. А. Национально-освободительное движение на Арабском Востоке*.— Новый Восток. 1922, № 2; *Курд Оглы. Курды и империализм*.— БПСВ. 1932, № 3—4; *Таги Заде. Горе побежденным*.— БПСВ. 1930, № 8—9 и др.
- ⁴⁶ См.: *Международная жизнь. 1924*, № 4—5, с. 99.
- ⁴⁷ *Лахути. Курдистан и курды*, с. 58.
- ⁴⁸ *Международная жизнь. 1924*, № 4—5, с. 99.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Hamilton A. Road through Kurdistan*, с. 103.
- ⁵¹ Правда. 17.02.1923.
- ⁵² Правда. 26.01.1923.
- ⁵³ *Махмуд ад-Дурра. Аль-Кадия аль-Курдия*, с. 77.
- ⁵⁴ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 227.
- ⁵⁵ Там же, с. 346.
- ⁵⁶ *Махмуд ад-Дурра. Аль-Кадия аль-Курдия*, с. 77.
- ⁵⁷ *Edmonds C. I. Kurds, Turks and Arabs*, с. 347.
- ⁵⁸ Заря Востока. 05.07.1923.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Рунахи. Багдад, 1960, № 1, (на курд. яз.). Цит. по: *Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане*, с. 118.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Правда. 22.06.1923.
- ⁶³ Письмо подписали шейх Махмуд, мэр Сулеймании Саид Керим, Бекбаш Риза, Абдул Керим, Хаджи Расул и др.
- ⁶⁴ Правда. 27.07.1960.
- ⁶⁵ Хабат. 07.02.1960.
- ⁶⁶ Ленин В. И. Доклад о мире, с. 14.
- ⁶⁷ См.: *Гурко-Кряжин В. А. История революции в Турции. М., 1923. Для*

этой и ряда других работ Гурко-Кряжина по курдскому вопросу характерны схематичность, вульгарный социологизм, игнорирование специфических особенностей курдской проблемы, преувеличение значимости кемалистского движения в регионе, подчинение курдского вопроса интересам кемализма, наличие оскорбительных по отношению к курдам и их национальной борьбе буржуазно-националистических выражений и др. См. также: *Раскольников Ф. А.* Контрреволюционное восстание в Турции.— *Павлович М., Гурко-Кряжин В., Раскольников Ф.* Турция в борьбе за независимость. М., 1926. Эти и ряд других авторов, с энтузиазмом восхваляя кемализм, справедливо критикуя империалистические планы западных держав в регионе, предают забвению интересы народов и национальностей, страдавших под варварским игом Османской империи и не получивших облегчения и при кемалистах.

⁶⁸ Ленин В. И. Доклад о мире, с. 15.

⁶⁹ Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата, с. 163.

⁷⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 7, л. 26.

⁷¹ Котлов Л. Н. Подъем национально-освободительного движения в Ираке в 1918—1924 гг.— Великий Октябрь и народы Востока. М., 1957, с. 314.

⁷² Международная жизнь. 1924, № 4—5, с. 101.

⁷³ Times. 26.08.1956.

⁷⁴ Перлин Л. Борьба за Мосул.— Социалистическое хозяйство. Кн. II. [Б., м.], 1925, с. 257.

⁷⁵ Международная жизнь. 1926, № 1, с. 135.

⁷⁶ Там же, с. 136—137.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Morning Post. 13.08.1925.

⁷⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 7, л. 40—41.

⁸⁰ Арач. Париж, 19.08.1925 (на арм. яз.).

⁸¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 5, л. 7.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, л. 5.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Арач. 25.09.1925.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Lord Birdwood. Nouri as Said. L., 1959, с. 141.

⁸⁹ Арач. 05.11.1926.

⁹⁰ Gantner S. Le mouvement National Kurde, с. 47.

⁹¹ Заря Востока. 09.04.1926.

Глава III

¹ Gantner S. Le mouvement national kurde, с. 47.

² Там же.

³ Брукс Майкл. Нефть и внешняя политика. М., 1949, с. 101.

⁴ Левин И. Ирак. М., 1937, с. 110.

⁵ Там же.

⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 4, ед. хр. 2, л. 2.

⁷ Там же, л. 77.

⁸ Там же.

⁹ Longrigg St. Iraq, с. 193.

¹⁰ Семья Барзани известна своими богатыми традициями борьбы за освобождение родного народа. Под руководством представителей этого семейства курды не раз выступали против турецкого, а затем иракского хашимитского режима. В 1916 г. турки повесили шейха Абдул Салаяма Барзани, выдающегося руководителя антитурецкой борьбы.

¹¹ Некоторые авторы, например Ст. Лонгригг, высказывают мнение, что Ахмед Барзани проповедовал идею отречения от мусульманства, поскольку оно затуманивает национальное самосознание курдов (под своим флагом долгое время вело курдов в фарватере политики восточных деспотий).

¹² Longrigg St. Iraq, с. 194.

- ¹³ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 140.
- ¹⁴ Там же, с. 142.
- ¹⁵ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени. Ч. III. М., 1929, с. 304—305.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, с. 310—311.
- ¹⁹ Maine E. Iraq from Mandate to Independence. L., 1935, с. 136.
- ²⁰ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 147.
- ²¹ Там же.
- ²² Муслим Аутлук. 15.09.1930.
- ²³ Near East. 15.01.1931.
- ²⁴ Baghdad Times. 22.01.1931.
- ²⁵ Арач. 20.03.1931.
- ²⁶ Арач. 27.01.1931.
- ²⁷ Заря Востока. 21.03.1930.
- ²⁸ Айреник. Нью-Йорк, 25.02.1931 (на арм. яз.).
- ²⁹ Арач. 08.05.1931.
- ³⁰ Арач. 21.05.1931.
- ³¹ Заря Востока. 02.06.1931; Арач. 23.05.1931.
- ³² Заря Востока. 02.06.1931.
- ³³ Айреник. 25.02.1931.
- ³⁴ Заря Востока. 02.06.1931.

Глава IV

- ¹ Times. 17.06.1931.
- ² БПСВ. 1931, № 9—10, с. 46.
- ³ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 52, ед. хр. 7, л. 10.
- ⁴ Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата, с. 229.
- ⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 52, ед. хр. 8, л. 2.
- ⁶ Longrigg St. Iraq, с. 196.
- ⁷ The New Statesment and Nation. 24.09.1932.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Арач. 14.04.1932.
- ¹⁰ Мирский Г. И. Ирак в смутное время. М., 1961, с. 79.
- ¹¹ Арач. 17.08.1932.
- ¹² Малек Ю. Курдистан, или страна курдов, с. 23.
- ¹³ Заря Востока. 12.07.1933.
- ¹⁴ Арач. 07.07.1932.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Мирский Г. И. Ирак в смутное время, с. 80.
- ¹⁷ Арач. 25.09.1932.
- ¹⁸ Times. 09.10.1932.
- ¹⁹ Цит. по: Бронштейн В. и Розенблюм В. Нефтяная эпопея. Л.— М., 1936, с. 443.
- ²⁰ Арач. 18.09.1934.
- ²¹ Мирский Г. И. Ирак в смутное время, с. 92.
- ²² Там же, с. 93.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Заря Востока. 14.03.1936.

Глава V

- ¹ Оганесян Н. О. Национально-освободительное движение в Ираке. Ер., 1976, с. 306.
- ² Иттихад аш-Шааб. 14.08.1960.

- ³ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость. М., 1970, с. 94.
- ⁴ Там же, с. 95.
- ⁵ *Rambout L. Les Kurdes et le Droit*, с. 45.
- ⁶ *Ала ад-Дин Суджади*. Шоршакани курд, с. 17.
- ⁷ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1918—1958 гг. Докт. дис. М., 1969, с. 413.
- ⁸ *Longrigg St. Iraq*, с. 325.
- ⁹ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, дис., с. 413.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Gavan S. S. Kurdistan*, с. 37.
- ¹² Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 96.
- ¹³ *Longrigg St. Iraq*, с. 325.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Eagleton W. The Kurdish Republic of 1946. L.*, 1956, с. 52.
- ¹⁶ Темков Б. Кюрдистан. София, 1964, с. 64.
- ¹⁷ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 419.
- ¹⁸ *Суджади А.* Шоршакани курд, с. 184.
- ¹⁹ Там же, с. 181.
- ²⁰ *Rambout L. Les Kurdes et le Droit*, с. 46—47.
- ²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 1192, л. 4.
- ²² Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 98.
- ²³ *Longrigg St. Iraq*, с. 326.
- ²⁴ *Arfa Hassan. The Kurds*, с. 124.
- ²⁵ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 426.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 19—20.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Laqueur W. Z. Communism and Nationalism in the Middle East. L.*, 1965, с. 224.
- ³¹ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 98.
- ³² *Суджади А.* Шоршакани курд, с. 195.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Арабы в борьбе за независимость. М., 1957, с. 370.
- ³⁵ Демченко П. В горах Курдистана.— Современный Восток. 1960, № 1, с. 33.
- ³⁶ *Longrigg St. Iraq*, с. 327.
- ³⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 65.
- ³⁸ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 99.
- ³⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 4178, л. 66.
- ⁴⁰ Иттихад аш-Шааб. 20.02.1959.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1476, л. 17.
- ⁴² Камаль А. М. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, дис., с. 446.
- ⁴³ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 1007.
- ⁴⁴ *Longrigg St. and Stoakes Fr. Iraq. L.*, 1958, с. 210.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1630, л. 31.
- ⁴⁶ *Longrigg St. Iraq*, с. 237.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Хобат. 19.06.1960 (на араб. и курд. яз.).
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 447.
- ⁵² *Les Balkans et le Mouen Orient. 1955, № 4—5*, с. 10.

Глава VI

- ¹ The Daily Telegraph. L., 03.06.1947.
- ² Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1960, с. 191.
- ³ Турецко-иракское соглашение о дружбе и добрососедских отношениях 1946 г. [Б. м., б. г.].
- ⁴ The World Review. 14.06.1946.
- ⁵ *Rambout L.* Les Kurdes et le Droit, с. 125.
- ⁶ Там же, с. 127.
- ⁷ Les Balkans et le Mouen Orient. 1955, № 25, с. 20.
- ⁸ Коммунист. Ер., 16.03.1947.
- ⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 2021, л. 35.
- ¹⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 2022, л. 3.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Longrigg St.* Iraq, с. 335.
- ¹³ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 2022, л. 19.
- ¹⁴ *Агбашян Ов.* Арабакаан азгаин азатагракан зартонк. Бейрут, 1959, с. 84 (на арм. яз.).
- ¹⁵ Nineteenth Century and After. 1948, № 4, с. 2.
- ¹⁶ The Cristian Science Monitor. 30.09.1954.
- ¹⁷ Foreign Report. 22.03.1951.
- ¹⁸ Les Balkans et le Mouen Orient. 02.05.1955.
- ¹⁹ Лива аль-Истикляль. Багдад, 24.01.1947 (на араб. яз.).
- ²⁰ Эко Ирак 11.10.1955.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 1182, л. 170.
- ²⁴ Эко Иран. 11.10.1955.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Department of State Publication. 6572, 1958, с. 15.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Аль-Джамаль аль-доктур М. Фадиль.* Мин вакиха ас-сияса иль-Ираккия. Бейрут, 1956, с. 34 (на араб. яз.).
- ²⁹ Les Balkans et le Mouen Orient. 1959, № 24, с. 20.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Милованов С. и Сейфуль-Мулюков Ф.* Ирак вчера и сегодня. М., 1959, с. 44.
- ³³ Les Balkans et le Mouen Orient. 1955, № 25, с. 30.

Глава VII

- ¹ Подробно об этом см.: *Альбадри А.* Фронт национального единства в Ираке.— Народы Азии и Африки. 1965, № 6, с. 72—73.
- ² *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970, с. 140.
- ³ *Rossi P.* L'Irak, с. 186.
- ⁴ *Марунов Ю. В., Потемкин Ю. В.* Арабо-турецкие отношения на современном этапе. М., 1961, с. 62.
- ⁵ См., например: *Morris Y.* The Hashemite. Kings. L., 1959.
- ⁶ *Rossi P.* L'Irak, с. 253.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Laqueur W.* The Soviet Union and Middle East. L., 1959, с. 312.
- ⁹ *Rossi P.* L'Irak, с. 243.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 221.
- ¹² *Rossi P.* L'Irak, с. 246.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Вафси Тахер был из тех офицеров в монархической армии, которые пользовались доверием Нури Саида. Однако он долгое время поддерживал

связи с офицерами-реформистами и был активным членом их группы (*Rossi P. L'Irak*, с. 250).

¹⁵ *Dann Uriel. Iraq under Qassem. A Political History 1958—1963*. N. Y., 1964.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Заявление ДПК от 16 июля 1958 г. (на араб. яз.).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *The New York Times*. 28.07.1958.

²² Там же.

²³ Иракская Республика. Материалы и документы 1958—1959 гг. Составил А. Бендик. М., 1959, с. 20.

²⁴ *The Iraq Times*. 27.11.1958.

²⁵ Аль-Билад. Багдад, 20.03.1959 (на араб. яз.).

²⁶ Там же.

²⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19017, л. 22.

²⁸ Там же.

²⁹ *Kinnane D. The Kurds*, с. 76.

³⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19015, л. 91.

³¹ *Абдель Керим Касем*. Цели революции. 1958, с. 9.

³² Там же.

³³ Аль-Джумхурия. Багдад, 19.07.1958 (на араб. яз.).

³⁴ СССР и арабские страны. 1917—1960. Документы и материалы. М., 1961, с. 516.

³⁵ Там же.

³⁶ *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 223.

³⁷ *Globe and Mail*. Toronto, 15.07.1958.

³⁸ *Tribune*. L., 18.08.1958.

³⁹ *Vatan*. Ankara, 18.11.1962.

⁴⁰ Примечательно, что после создания ОАР в начале 1958 г. турецкое правительство поспешно «обратилось к своим союзникам по Багдадскому пакту с требованием гарантировать Турции поддержку в случае, если ОАР от нее потребует возвращения Александреттского санджака» (*Марунов Ю. В., Потемкин Ю. В.* Арабо-турецкие отношения на современном этапе. М., 1961, с. 67—68).

⁴¹ СССР и арабские страны. Документы и материалы, с. 521.

⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19015, л. 5.

⁴³ Там же, л. 1—2.

⁴⁴ Там же, л. 75.

⁴⁵ *Правда*. 18.07.1958.

⁴⁶ Цит. по: *Правда*. 26.07.1958.

⁴⁷ *Правда*. 16.07.1958.

⁴⁸ *Daily Express*. L., 15.07.1958.

⁴⁹ О позиции Турции в отношении Иракской Республики и проблемы курдов подробнее см. нашу работу «Турция и проблема курдской национальной автономии в Ираке» (Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. V. Турция. Ер., 1970, с. 217—237).

⁵⁰ *Daily Express*. 15.07.1958.

⁵¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19015, л. 80.

⁵² Там же.

⁵³ *Марунов Ю. В., Потемкин Ю. В.* Арабо-турецкие отношения, с. 71; ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19015, л. 99.

⁵⁴ СССР и арабские страны. Документы и материалы, с. 518.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 522.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, с. 526.

⁵⁹ Там же, с. 550.

⁶⁰ Там же, с. 528—542.

⁶¹ Там же, с. 545.

- ⁶² Rossi P. L'Iraq, с. 252.
- ⁶³ Иракская коммунистическая партия. Наша политика и путь решения курдской национальной проблемы в Ираке. Багдад, 1962, с. 18 (на араб. яз.).
- ⁶⁴ Решение ЦК ИКП см.: Аль-Ахбар. Бейрут, 28.11 и 06.12.1964 (на араб. яз.).
- ⁶⁵ Суджади А. Шоршакани курд, с. 342.
- ⁶⁶ Резолюция пленума ЦК ДПК, октябрь 1958 г., с. 8 (на араб. яз.).
- ⁶⁷ Хабат. Багдад, 1960, № 268.
- ⁶⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19015, л. 102.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Пешкаутен. Багдад, 16.08.1958, № 21, с. 1 (на курд. яз.).
- ⁷¹ Аль-Джумхурия. 05.11.1958.
- ⁷² Фаттах Шакр. Курдская женщина. Багдад, 1958, с. 10 (на курд. яз.).
- ⁷³ Kurdistan. November 1958, с. 9.
- ⁷⁴ Kurdistan. 1959, № 4, с. 12.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Parez Vanly. Aspect de la Question Nationale Kurde en Iran. P., с. 23.
- ⁷⁷ На пути в Багдад М. Барзани сделал остановку в Каире, где был принят президентом ОАР Гамаль Абдель Насером.
- ⁷⁸ Кублицкий Г. Мечи и колос. М., 1959, с. 19.
- ⁷⁹ Эттелаат. Тегеран, 06.10.1958.
- ⁸⁰ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 231.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Хайят Дж. Иракская деревня. М., 1953, с. 54.
- ⁸³ Проблемы мира и социализма. 1959, № 4, с. 57.
- ⁸⁴ Эйфари Абдель Захра. Аграрный вопрос в Ираке и перспективы его решения. Автореф. канд. дис. М., 1967, с. 5.
- ⁸⁵ Экономика стран мира. М., 1968, с. 143.
- ⁸⁶ Хасбак Шакир. Курды и курдский вопрос. Багдад, 1959, с. 25 (на араб. яз.).
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Statistical Abstract. Baghdad, 1956, с. 81.
- ⁹⁰ Уоринер Д. Земельные реформы в странах Ближнего Востока (Египет, Сирия, Ирак). М., 1958, с. 211.
- ⁹¹ Хабат. 04.07.1960.
- ⁹² Мухаммед Сальман Хасан. Иракская экономика. Бейрут, 1966, с. 16 (на араб. яз.).
- ⁹³ New Statements and Nation. L., 1954, № 6, с. 15.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Зарка М. А. Национальная экономика Ирака. Пер. с араб. Багдад, 1948.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Эйфари Абдель Захра. Аграрный вопрос в Ираке, с. 5.
- ⁹⁸ Революция 14 июля. Первый год. Багдад, 1959, с. 84 (на араб. яз.).
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Алитовский С. Н. Аграрный вопрос в современном Ираке. М., 1966, с. 138.
- ¹⁰¹ Аграрная реформа. Изд. ИКП. Багдад, 1961, с. 4 (на араб. яз.).
- ¹⁰² Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века.— Т. 17, с. 59.
- ¹⁰³ Революция 14 июля. Первый год, с. 84.
- ¹⁰⁴ Иттихад аш-Шааб. 06.01.1960.
- ¹⁰⁵ Проблемы мира и социализма. 1961, № 3, с. 65.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Заки Хайри. Доклад по вопросам аграрной реформы. Багдад, 1960, с. 63 (на араб. яз.).
- ¹⁰⁸ Программа ДПК.— Хабат. 18.01.1960.
- ¹⁰⁹ Хабат. 30.09.1960.
- ¹¹⁰ Мухаммед Хусейн Абу-ль-Ис. Аграрная революция в Ираке. Багдад, 1959, с. 4.
- ¹¹¹ Условия, которые должны быть учтены при распределении земли в ливе Сулеймания.— Хабат. 04.07.1960.

- ¹¹² Там же.
¹¹³ Иттихад аш-Шааб. 20.06.1960.
¹¹⁴ Программа ДПК.— Хабат. 04.07.1960.
¹¹⁵ Там же.
¹¹⁶ Заки Хайри. Закон об аграрной реформе в Иракской республике.— Проблемы мира и социализма. 1959, № 4, с. 57.
¹¹⁷ Хабат. 08.04.1960.
¹¹⁸ Алитовский С. Н. Аграрный вопрос в современном Ираке, с. 144.
¹¹⁹ Оганесян Н. О. Национально-освободительная борьба в Ираке. Ер., 1964, с. 174 (на арм. яз.).
¹²⁰ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 233.
¹²¹ Иттихад аш-Шааб. 07.05.1959.

Глава VIII

- ¹ Khadduri Majid. Republic of Iraq. A study in Iraqi Politics since the Revolution of 1958. L., 1965, с. 87.
² Цит. по: Махмуд ад-Дурра. Аль-Кадия аль-Курдия, с. 143.
³ The Iraq Times. 18.08.1958.
⁴ Dann U. Iraq under Qassem, с. 35.
⁵ «Во время этой беседы разгневанный Ареф выхватывает револьвер... Касем вызвал на помощь офицеров. Тогда Ареф заявил, что будто бы хотел покончить с собой. Касем ответил ему: „Это вы могли бы сделать у себя дома“» (Rossi P. L'Irak, с. 92).
⁶ Азади. Багдад, 05.10.1960 (на курд. яз.).
⁷ Там же.
⁸ Цит. по: Хабат. 27.10.1960.
⁹ СССР и арабские страны. Документы и материалы, с. 692.
¹⁰ Rossi P. L'Irak, с. 262.
¹¹ Исторически преглед. София, 1966, № 1, с. 73 (на болг. яз.).
¹² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 19020, л. 18.
¹³ Там же, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 34.
¹⁴ Там же.
¹⁵ СССР и арабские страны, с. 690.
¹⁶ Там же, с. 703.
¹⁷ Милованов И., Сейфуль-Мулюков Ф. Ирак вчера и сегодня. М., 1959, с. 96.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Rossi P. L'Irak, с. 265.
²⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 47.
²¹ Шавваф, начальник его штаба полковник Махмуд Азиз, Абдель Шехаб и их приближенные предварительно арестовали 13 офицеров, известных своими прогрессивными взглядами и симпатиями к коммунистам. Их пригласили в штаб-квартиру, чтобы «обсудить вопрос о мобилизации народных сил в Мосуле». Там они были арестованы (ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 53).
²² ЦГАОР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 56.
²³ Там же, л. 57.
²⁴ Там же, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 120.
²⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 71—72.
²⁶ Там же, л. 58.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же, л. 67.
²⁹ Там же, л. 179—188.
³⁰ Rossi P. L'Irak, с. 267.
³¹ Там же.
³² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 69.
³³ Там же.
³⁴ Там же, л. 127.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же, л. 96.
³⁷ Ан-Нида. 10.03.1959.

- ³⁸ Хабат. 28.12.1959.
- ³⁹ Иттихад аш-Шааб. 18.02.1959.
- ⁴⁰ Kurdish Facts and West Asian Affairs. 1961, April, № 5, с. 6.
- ⁴¹ Хабат. 27.10.1969.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 63.
- ⁴³ Там же, л. 61.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 122.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же, оп. 1 ед. хр. 1993, л. 63.
- ⁴⁹ Там же, л. 69.
- ⁵⁰ Там же, л. 65.
- ⁵¹ Démocratie Nouvelle. P., 1961, № 11, с. 20.
- ⁵² Iraqi Review. № 1, 28.05.1959, с. 1.
- ⁵³ Иттихад аш-Шааб. 11.03.1959.
- ⁵⁴ Иттихад аш-Шааб. 29.03.1959.
- ⁵⁵ The Iraq Times. 21.03.1959.
- ⁵⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19989, л. 75.
- ⁵⁷ Там же, оп. 1, ед. хр. 19987, л. 121.
- ⁵⁸ Там же, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 108.
- ⁵⁹ Там же, л. 113.
- ⁶⁰ Там же, л. 143.
- ⁶¹ Там же, оп. 1, ед. хр. 19017, л. 250.
- ⁶² Там же, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 135.
- ⁶³ Там же, оп. 1, ед. хр. 19990, л. 42.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Иттихад аш-Шааб. 11.04.1959.
- ⁶⁶ Иттихад аш-Шааб. 27.04.1959.
- ⁶⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 200.
- ⁶⁸ Саут аль-Ахрар. Багдад, 28.04.1959 (на араб. яз.).
- ⁶⁹ Ахмед Февзи. Ханаджр ва Джабал, Касем ва акрад. Бейрут, 1961, с. 100.
- ⁷⁰ Egiptien Gazette. 30.04.1959.
- ⁷¹ Principles of 14-th July Revolution. Baghdad, 1959, с. 12.
- ⁷² Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 239.
- ⁷³ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19989, л. 82.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Иттихад аш-Шааб. 25.05.1959.
- ⁷⁶ Иттихад аш-Шааб. 25.05.1959.
- ⁷⁷ News Chronicle. 28.05.1959.
- ⁷⁸ Хабат. 28.12.1959.
- ⁷⁹ Иттихад аш-Шааб. 30.12.1959.
- ⁸⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 7, ед. хр. 19910, л. 71.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, л. 47.
- ⁸⁶ Иттихад аш-Шааб. 05.08.1959.
- ⁸⁷ Исторически преглед. 1966, № 1, с. 73.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 1.
- ⁹⁰ Ан-Нида. 22.07.1959.
- ⁹¹ Ленин В. И.— Т. 24, с. 132.

Глава IX

- ¹ Сийасатына ва тарикина, с. 22.
- ² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 19017, л. 228.
- ³ Forum. Ankara, 1959, т. 10, № 115, с. 13.

- 4 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 1993, л. 21.
- 5 Там же.
- 6 Rossi P. L'Irak, с. 297.
- 7 Аль-Ахрам, 09.10.1959.
- 8 ЦГАОР СССР, Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 20938, л. 3—5.
- 9 Press Interviews Granted by Major—General Abdul Kerim Qassim. Baghdad, 1960, с. 15.
- 10 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 20938, л. 6.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Iraqi Review. Baghdad, 1960, Jan. 25, vol. 1, № 23, с. 10.
- 16 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 20938, л. 32.
- 17 Там же, л. 153.
- 18 Там же.
- 19 Иттихад аш-Шааб. 21.03.1960.
- 20 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 20939, л. 242.
- 21 Iraqi Review. 1960, Apr. 13, vol. 1, № 27, с. 6.
- 22 Правда. 15.04.1960.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Хабат. 13.06.1960.
- 26 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 1, ед. хр. 20939, л. 210.
- 27 Иттихад аш-Шааб. 26.05.1950.
- 28 Хабат. 13.08.1960.
- 29 Там же.
- 30 Rossi P. L'Irak, с. 287.
- 31 Там же.
- 32 ЦГАОР СССР, Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 35.
- 33 Там же.
- 34 Правда. 10.02.1961.
- 35 См.: Новое время. 1961, № 14, с. 20.
- 36 Там же.
- 37 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 40.
- 38 Ас-Саура. Багдад, 17.02.1961.
- 39 Хабат. 22.02.1961.
- 40 Аш-Шарк. 13.03.1961.
- 41 Cahiers du Communisme. P., 1961, № 4, с. 796.
- 42 ЦГАОР СССР. 4459, оп. 24, ед. хр. 2117, л. 82.
- 43 Kurdish Facts and West Asian Affairs. 1961, № 5, April, с. 9.
- 44 Iraqi Letter. 1962, № 6, с. 23.
- 45 Pradier J. Les Kurdes, с. 71.
- 46 Kinnane D. The Kurds, с. 61.
- 47 Там же.
- 48 Проблемы мира и социализма. 1961, № 10, с. 40.
- 49 Новое время. 1961, № 14, с. 20.
- 50 Аль-Ахд аль-Джадида. Багдад. 25.08.1961.
- 51 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 78.
- 52 Там же.
- 53 Касем Абдель Керим. Аль-Джумхурия аль-Фаластиния. Багдад, 1961, с. 4.
- 54 Там же.
- 55 Свое требование присоединения Кувейта к Ираку Касем аргументировал тем, что во времена Османской империи Кувейт входил в состав Басорского вилайета (см.: Longrigg St. The Claim of Kuwait.— Petroleum Times. L., 1961, July, vol. 65, 1668, с. 448).
- 56 Там же.
- 57 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 81.
- 58 Там же.
- 59 Там же, л. 82.

- 60 *Gantner S. Le Mouvement Nationale Kurde*, с. 82.
- 61 Там же.
- 62 *Pradier J. Les Kurdes*, с. 72.
- 63 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 90.
- 64 См.: *Pradier J. Les Kurdes*, с. 71; *Rossi P. L'Irak*, с. 280.
- 65 *Ахмед Фавзи*. Ханаджар ва джабаль, с. 132.
- 66 Там же.
- 67 *Emir Kamuran Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan du Sud dit «Kurdistan d'Irak»*. Р., 1965, с. 13.
- 68 Цит. по: *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 249.
- 69 *Kinnane D. The Kurds*, с. 62.
- 70 Там же.
- 71 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 14.
- 72 Там же.
- 73 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 98.
- 74 Рисалат аль-хизб аль-димукрати аль-Курдистани ила аль-Хукумити аль-Иракия хаула вадиха филь-Курдистан, 1961'.
- 75 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 14.
- 76 Там же.
- 77 Аль-Мустакбаль. Багдад, 16.09.1961 (на араб. яз.).
- 78 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 9—10.
- 79 Там же.
- 80 *Kinnane D. The Kurds*, с. 67.
- 81 *Rossi P. L'Irak*, с. 301.
- 82 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 23.
- 83 Там же.
- 84 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 98.
- 85 *Kinnane D. The Kurds*, с. 65.
- 86 Там же.
- 87 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 100.
- 88 Аль-Ахд аль-Джадида. 19.09.1961.
- 89 Аш-Шарк. 04.10.1961.
- 90 Там же.
- 91 Аш-Шарк. 14.12.1961.
- 92 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 100.
- 93 Аль-Такадум. Багдад, 27.11.1961 (на араб. яз.).
- 94 Там же.
- 95 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 110.
- 96 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 23.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 *Kinnane D. The Kurds*, с. 65.
- 100 Там же.
- 101 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 105.
- 102 Ас-Саура. 01.01.1962.
- 103 Аль-Иттихад. Хайфа. 05.01.1962 (на араб. яз.).
- 104 Там же.
- 105 *Демченко П.* Иракский Курдистан в огне. М., 1963, с. 34.
- 106 Там же.
- 107 *Emir K. Bedir Khan. Le Dossier du Kurdistan*, с. 29—30.
- 108 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2548, л. 109.
- 109 Iraqi Letter. 1960, № 6, с. 23.
- 110 Iraqi Letter. 1962, № 4—5, с. 1—6.
- 111 *Kinnane D. The Kurds*, с. 67.
- 112 Аль-Иттихад. 04.05.1962.
- 113 Там же.
- 114 Аль-Иттихад. 18.05.1962.
- 115 Там же.
- 116 Аль-Баян. Багдад, 26.04.1962 (на араб. яз.).
- 117 Аль-Айям. Багдад, 09.05.1962 (на араб. яз.).
- 118 Там же.

- 119 Аль-Ахд аль-Джадида. 10.05.1962.
- 120 Аль-Иттихад. 29.05.1962.
- 121 Там же.
- 122 Ан-Нида. 03.06.1962.
- 123 Там же.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Цит. по: Новейшая история арабских стран. М., 1968, с. 194.
- 127 *Pradier J. Les Kurdes*, с. 95.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 Ас-Сияса. Бейрут, 29.05.1962 (на араб. яз.).
- 131 *Le Monde*. 25.05.1962.
- 132 Ас-Саура. 12.06.1962.
- 133 *Milliyet*. 15.06.1962.
- 134 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 25, ед. хр. 12156, л. 17.
- 135 *Shmidt D. A. Journey among Brave Men*. Toronto, 1964, с. 210
- 136 Там же.
- 137 *Kinnane D. The Kurds*, с. 68.
- 138 Там же.
- 139 *Pradier J. Les Kurdes*, с. 233.
- 140 Там же, с. 81.
- 141 Там же.
- 142 Правда. 15.11.1962.
- 143 *Yeni Sabah*. Istanbul, 12.09.1962.
- 144 Цит. по: Правда. 15.11.1962.
- 145 Там же.
- 146 *Adamson D. The Kurdish War*. N. Y., 1964.
- 147 Там же.
- 148 Ан-Наср. Дамаск, 20.10.1963.
- 149 *Shmidt D. A. Journey among Brave Men*, с. 310.
- 150 Аль-Ахбар. Бейрут, 28.11.1964 (на араб. яз.).
- 151 *Kinnane D. The Kurds*, с. 69.
- 152 Аль-Джумхурия. 29.12.1962.
- 153 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 50.
- 154 Там же.
- 155 Аль-Ахбар. 28.12.1964.
- 156 Сийасатына ва тарикина, с. 6.
- 157 Там же, с. 3.
- 158 Там же.
- 159 Там же, с. 9.
- 160 Там же, с. 15.
- 161 Там же, с. 20.
- 162 Там же, с. 15.
- 163 Там же, с. 22.
- 164 Там же, с. 22—24.
- 165 Цит. по: *World News. L.*, 1962. Oct. 27, vol. 9, № 43, с. 513.
- 166 Решение ЦК ИКП см.: Аль-Ахбар. 28.11, 06.12.1964.
- 167 Там же.
- 168 *Frankfurter Allgemeine*. 13.08.1963.
- 169 Аль-Ахбар. 28.11.1964.
- 170 Там же.
- 171 ЦГАОР СССР, Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 279.

Глава X

- 1 Новое время. 1963, № 33, с. 5; Проблемы мира и социализма. 1963, № 4, с. 38; *Оганесян Н.* Национально-освободительная борьба в Ираке, с. 220.
- 2 *Le Monde*. 11.10.1968.
- 3 Решение ЦК ИКП.— Аль-Ахбар. 28.11.1964.
- 4 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 58.

- ⁵ *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*. [Б. м.], 1965, с. 17—18.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, с. 21.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Le Monde*. 12.03.1963.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ан-Нида. 14.02.1963.
- ¹² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 63.
- ¹³ Жизнь, отданная борьбе. М., 1966, с. 286.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, с. 290.
- ¹⁶ ЦГАОР СССР, Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 87.
- ¹⁷ Там же, л. 93, 94, 95.
- ¹⁸ Там же, л. 85.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Ан-Нида. 04.03.1963.
- ²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 76.
- ²² Там же, л. 105.
- ²³ *Демченко П.* Иракский Курдистан в огне, с. 42.
- ²⁴ *Emir K. Bedir Khan.* Le Dossier du Kurdistan, с. 46—48.
- ²⁵ Там же, с. 49.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *La Question Kurde en Iran.*— *Afrique Asie*. P., 1964, № 67, с. 32.
- ³⁰ Аль-Джарида. 04.03.1963.
- ³¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 101.
- ³² Там же.
- ³³ *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 23.
- ³⁴ *Le Monde*. 07.03.1963.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Полный текст «Плана децентрализации» см.: *Adamson D.* The Kurdish War, с. 208—211.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, с. 211.
- ⁴⁰ Военно-исторически преглед. София, 1967, № 3, с. 105.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 59, ед. хр. 2016, л. 45.
- ⁴² *Ленин В. И.* Речь по национальному вопросу.— Т. 31, с. 433.
- ⁴³ *Ghassemlou A. R.* Kurdistan and Kurds, с. 228.
- ⁴⁴ Сепехр. Тегеран, 10.02.1963.
- ⁴⁵ Атеш. Тегеран, 12.02.1963.
- ⁴⁶ *Vatan*. 18.10.1962.
- ⁴⁷ Мармара. Стамбул, 24.04.1963 (на арм. яз.).
- ⁴⁸ *Cumhuriyet*. 24.04.1963.
- ⁴⁹ *Vatan*. 15.03.1963.
- ⁵⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 290.
- ⁵¹ Кейхан. Тегеран. 17.06.1963 (на перс. яз.).
- ⁵² *Dünya*. 18.04.1963.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Аль-Хакаи. Каир, 11.04.1963.
- ⁵⁵ Ад-Дунья аль-Джадида. Бейрут: 03.04.1963.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Правда. 11.08.1964; *Cumhuriyet*. 04.07.1963.
- ⁵⁸ *Ghassemlou A. R.* Kurdistan and Kurds, с. 228.
- ⁵⁹ *Cumhuriyet*. 04.05.1963.
- ⁶⁰ *Milliyet*. 04.05.1963.
- ⁶¹ См.: *Les Balkans et le Mouen—Orient*. 1955, № 25, с. 20.
- ⁶² *Ghassemlou A. R.* Kurdistan and Kurds, с. 228.
- ⁶³ *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 27.
- ⁶⁴ Там же.

- 66 Там же.
- 66 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 285.
- 67 *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 27.
- 68 *Edmonds C. The Kurdish War in Iraq: the Constitutional Background.—*
The World Today. L., 1965, vol. 24, № 12, с. 515.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 250.
- 72 *Демченко П. Иракский Курдистан в огне*, с. 50.
- 73 Там же.
- 74 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 290.
- 75 *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 29.
- 76 *Демченко П. Иракский Курдистан в огне*, с. 50.
- 77 The Sunday Express. 16.04.1963.
- 78 Ан-Нида. 17.06.1963.
- 79 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 301.
- 80 Там же.
- 81 Там же.
- 82 The Patriot. 19.07.1963.
- 83 Kurdistan. 1965, № 9—10, с. 5.
- 84 Аль-Ахрам. 07.11.1963.
- 85 Аль-Баас. 17.06.1963.
- 86 *Крестьев Р. СЕНТО и Иракский Курдистан.— Армейски коммунист. Со-*
фия, 1965, № 6, с. 78.
- 87 Там же.
- 88 Мармара. 20.06.1963.
- 89 Там же.
- 90 Milliyet. 17.06.1963.
- 91 Цит. по: *Крестьев Р. СЕНТО и Иракский Курдистан*, с. 78.
- 92 Там же.
- 93 Аль-Хурия. Бейрут, 18.08.1963 (на араб. яз.).
- 94 Аш-Шахаб. 27.08.1963.
- 95 Там же.
- 96 *Крестьев Р. СЕНТО и Иракский Курдистан*, с. 78—79.
- 97 Там же.
- 98 Правда. 11.08.1963.
- 99 Там же.
- 100 Цит. по: Армейски коммунист. 1969, № 6, с. 79.
- 101 Правда. 11.08.1963.
- 102 The New York Times. 09.05.1963.
- 103 Правда. 11.07.1963.
- 104 *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 31.
- 105 Там же.
- 106 Там же.
- 107 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2115, л. 302.
- 108 Tribune. 01.08.1963.
- 109 Цит. по: Правда. 11.07.1963.
- 110 The Daily Telegraph. 19.06.1963.
- 111 Там же.
- 112 БИКИ. 06.08.1963.
- 113 L'Aurore. 11.08.1963.
- 114 *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 31.
- 115 Там же.
- 116 Там же.
- 117 Там же.
- 118 Правда. 16.06.1963.
- 119 Правда. 09.07.1963.
- 120 Правда. 10.07.1963.
- 121 *Vanly I. Ch. The Revolution of Iraqi Kurdistan*, с. 34.
- 122 Там же.
- 123 *Темков Борис. Курдистан. София, 1964*, с. 87.

- ¹²⁴ Support and Sympathy for Kurds.— Kurdistan. 1965, № 9—10, с. 19—20.
- ¹²⁵ L'Humanite. 24.04.1963.
- ¹²⁶ Аш-Шааб. 27.08.1963.
- ¹²⁷ Iraq and its Morth. Baghdad, 1965, с. 5.
- ¹²⁸ Аль-Джумхурия. 11.06.1963.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Новое время. 1963, № 33, с. 6.
- ¹³¹ Le Monde. 10.07.1963.
- ¹³² ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 24, ед. хр. 2915, л. 300.
- ¹³³ Новейшая история арабских стран. М., 1967, с. 199—200.
- ¹³⁴ Statistical Abstract. Baghdad, 1964, с. 25.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Аль-Фаджр аль-Джадида. 23.12.1962.
- ¹³⁷ Еженедельный обзор зернового комитета. 1964, № 291, 1, с. 26 (пер. с араб.).
- ¹³⁸ По предварительным данным Центрального банка Ирака, Бюллетень № 47, 1964, с. 8—40 (см.: ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 25, ед. хр. 2010, л. 19).
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 25, ед. хр. 2010, л. 20.
- ¹⁴¹ Там же, ед. хр. 2916, л. 20.
- ¹⁴² Ан-Нида. 16.08.1963.
- ¹⁴³ Iraqi News. L., 1963.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Аль-Ахрам. 07.10.1963.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Только 25 октября правительство Ирака впервые официально заявило, что «в районе Северного Ирака вместе с иракскими войсками действуют против курдских повстанцев и сирийские войска» (The New York Times. 25.10.1963).
- ¹⁴⁸ Цит. по: Новейшая история арабских стран, с. 200.
- ¹⁴⁹ L'Humanite. 12.10.1963.
- ¹⁵⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 2916, л. 28.

Глава XI

- ¹ Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970, с. 157.
- ² Аль-Ахбар. 28.11, 06.12.1964.
- ³ L'Orient. 30.11.1963.
- ⁴ Ан-Нида. 02.12.1963.
- ⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 70.
- ⁶ Adamson D. The Kurdish War, с. 250.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Der Stern. 1964, № 1, с. 36.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 6.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Democratie Nouvelle. P., 1964, № 4, с. 85.
- ²⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 34—35.
- ²¹ Там же.
- ²² Правда. 13.02.1964.
- ²³ Аль-Ахбар. 28.11, 06.12.1964.
- ²⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 41.

- 25 Там же.
- 26 Там же, л. 178—179.
- 27 Там же.
- 28 Там же, л. 185.
- 29 Там же, л. 210.
- 30 Там же, л. 208.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же, л. 210.
- 34 Там же, л. 211.
- 35 Там же.
- 36 Там же, л. 213.
- 37 Там же.
- 38 Le Monde. 07.07.1964.
- 39 Там же.
- 40 Democratie Nouvelle. 1964, № 4, с. 85—86.
- 41 Le Monde. 07.07.1964.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Edmonds C. J. The Kurdish War in Iraq, с. 516.
- 47 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 2, ед. хр. 3083, л. 211.
- 48 Там же, л. 211—212.
- 49 Там же.
- 50 Pradier J. Les Kurdes, с. 212.
- 51 Там же.
- 52 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1192, л. 182.
- 53 Pradier J. Les Kurdes, с. 216.
- 54 Там же.
- 55 Там же.
- 56 См., например: The Sunday Telegraph. 24.10.1964.
- 57 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1192, л. 182.
- 58 Там же, л. 204.
- 59 Новейшая история арабских стран, с. 204.
- 60 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1130, л. 20.
- 61 Там же.
- 62 Из беседы Насера с Тахером Яхьей в начале апреля 1965 г. (см.: Le Monde. 15.04.1965).
- 63 World Today. L., 1968, vol. 24, № 12, с. 517.
- 64 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1130, л. 41.
- 65 Le Monde. 15.05.1965.
- 66 Известия. 12.05.1965.
- 67 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1130, л. 49.
- 68 Там же.
- 69 Тарик аш-Шааб, июнь 1966.
- 70 Политический манифест VII национального съезда Баас, 25 декабря 1964 г., с. 34 (пер. с араб.).
- 71 Там же.
- 72 Решение ЦК ИКП о внутривластическом положении в стране.— Тарик аш-Шааб, июнь 1965.
- 73 ЦГАОР СССР. Ф. 4459, оп. 3, ед. хр. 1130, л. 60.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Edmonds C. The Kurdish War in Iraq, с. 517—518.
- 77 Там же, с. 518.
- 78 The Economist Intelligence Unity Limited. L., 1966, № 1, с. 10.
- 79 Там же.
- 80 Iraq: Official Statement of Policy on Internal, Arab and Foreign Affairs. Baghdad, 1965, с. 14.
- 81 The Economist Intelligence Unity Limited. 1966, № 1, с. 20.

- 82 Хабат. № 474, февраль 1966.
- 83 Там же.
- 84 Проблемы мира и социализма. 1966, № 4, с. 94.
- 85 Там же.
- 86 Там же.
- 87 La Croix. 24.09.1966.
- 88 Аль-Манар. 20.01.1966.
- 89 Facts Concerning the Iraqi-Iranian Frontier. Baghdad, 1966, с. 34—36.
- 90 The Economist Intelligence... 1966, № 1, с. 6.
- 91 Правда. 07.02.1966.
- 92 Там же.
- 93 Kurdish Facts. 1966, № 8, с. 9.
- 94 Kurdistan. 1966, vol. XIII, с. 41.
- 95 Appeal from General Barzani to the World Opinion and the Great Powers.— Iraqi Kurdistan, may 1966.
- 96 Хабат, март. 1966.
- 97 Военно-исторически преглед. 1967, № 3, с. 108.
- 98 Rene Mauries. Le Kurdistan au la Mort. P., 1967, с. 172.
- 99 Pesh Merga. [Б. м., б. г.], с. 36—37.
- 100 Там же.
- 101 Mauries R. Le Kurdistan ou la Mort, с. 177.
- 102 Там же.
- 103 Pesh Merga, с. 37.
- 104 La Croix. 27.09.1966.
- 105 Там же.
- 106 Там же.
- 107 Pesh Merga, с. 36—37.
- 108 Pradier J. Les Kurdes, с. 95.
- 109 La Croix. 29.06.1966.
- 110 Известно, что одним из основных стимулов, толкавших военных на этот путь, была выплата двойных и даже тройных окладов офицерам на Севере. А ведь оклады офицеров в Ираке и без того были высокими.
- 111 Аль-Джумхурия. 17.06.1966.
- 112 Centre d'Etudes Kurdes. Informations sur la Kurdistan. P., 1966, с. 5—6.
- 113 Там же.
- 114 Dossier des Cahiers de L'Orient Contemporain. P., 1969, № 74, с. 8.
- 115 On Kurdish Question. Printed by Committee for the Advancement of Kurdistan in UK. L., 1967, с. 16—19.
- 116 Хабат, июль 1966.
- 117 La Croix. 29.09.1966.
- 118 Le Monde. 12.10.1968.
- 119 Заявление Иракской коммунистической партии, июль 1966 (пер. с араб.).
- 120 Там же.
- 121 Известия. 04.08.1966.
- 122 Там же.
- 123 Ан-Нида. 22.01.1966.
- 124 Там же.
- 125 Герасимов О. Иракская нефть. М., 1963, с. 137.
- 126 Text of the Ministerial Programm. Baghdad, 21.08.1966. [Б. м., б. г.].
- 127 Там же, с. 1—2.
- 128 Аль-Джумхурия. 06.09.1966.
- 129 Pradier J. Les Kurdes, с. 128.
- 130 Там же.
- 131 Там же, с. 132.
- 132 Там же.
- 133 Там же, с. 246—247.
- 134 Там же.
- 135 Правда. 18.01.1967.
- 136 Там же.
- 137 Pradier J. Les Kurdes, с. 98.

- ¹³⁸ Kurdish Facts. 1967, vol. VI, № 12, July, с. 1.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Ат-Таахи. 03.05.1967.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Kurdish Facts. 1967 (67), 10 May, с. 3.
- ¹⁴³ Аль-Ахрам. 30.05.1967.
- ¹⁴⁴ Аль-Джумхурия. 31.05.1967.
- ¹⁴⁵ Ат-Таахи. 16.05.1967.
- ¹⁴⁶ Le Monde. 12.10.1968.
- ¹⁴⁷ Le Monde. 11.10.1968.
- ¹⁴⁸ Iraq: Official Statements of Policy on Internal, Arab and Foreign Affairs. Baghdad, 1967, с. 10.
- ¹⁴⁹ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 289.
- ¹⁵⁰ Le Monde. 09.10.1968.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Kurdish Facts. 1966, vol. VI, № 12, с. 3.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Pradier J. Les Kurdes, с. 138.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Известия. 03.02.1968.
- ¹⁵⁹ Kurdish Facts. 1967, vol. VI, № 13, с. 8.
- ¹⁶⁰ Тарик аш-Шааб, январь 1968.

Глава XII

- ¹ Kurdish Facts. 1968, vol. VII, № 9, с. 4.
- ² Le Monde. 09.10.1968.
- ³ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 290.
- ⁴ Le Monde. 11.10.1968.
- ⁵ Ат-Таахи. 10.10.1968.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Тарик аш-Шааб, сентябрь 1968.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Le Monde. 11.10.1968.
- ¹⁰ Vernier B. La Constitution Provisoire du 28 September 1968 en Irak.— Cahiers de L'Orient Contemporain. P., 1969, № 74, с. 8—12.
- ¹¹ Аль-Ахбар. 17.11.1968.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Правда. 05.04.1969.
- ¹⁶ Правда. 14.06.1969.
- ¹⁷ См. подробнее: Хизби Шиуи аль-Ираки. Аукафа архаб фи-ль Ираки. [Б. м.], 1971.
- ¹⁸ Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость, с. 295.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Правда. 29.01.1970.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Заявление 11 марта в действии. Сб. док. Багдад, 1972, с. 2—23 (на араб. яз.).
- ²⁵ Там же, с. 22.
- ²⁶ Там же, с. 125.
- ²⁷ Правда. 05.04.1970.
- ²⁸ Правда. 19.03.1970.
- ²⁹ Правда. 28.04.1970.
- ³⁰ Аксьён. 15.04.1970.

- ³¹ Ат-Таахи. 15.04.1970.
³² Там же.
³³ Политический доклад VII съезда Демократической партии Курдистана. 1970 (на араб. яз.).
³⁴ Там же, с. 10.
³⁵ Там же, с. 13.
³⁶ Там же, с. 15.
³⁷ Аукафа архаб фи-ль-Ираки, с. 10.
³⁸ Ленин В. И. О компромиссах.— Т. 34, л. 133.
³⁹ Мисак аль-амали аль-Ватани. Багдад, 1972 (на араб. яз.).
⁴⁰ Там же, с. 4.
⁴¹ Правда. 03.06.1972.
⁴² Ас-Саура. 12.03.1974.
⁴³ Le Monde. 11.10.1968.
⁴⁴ Iraqi Letter. 1979, № 1, с. 27—28.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Avanti. 20.09.1980.
⁴⁷ Iraqi Letter. 1979, № 1, с. 48.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же, с. 58.
⁵⁰ Time. 1979, vol. 114, № 20, с. 30.
⁵¹ Times. 02.10.1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Национально-освободительное движение в Южном Курдистане в начальный период после распада Османской империи	7
Глава II	
Установление в Ираке мандатного режима и курдское национально-освободительное движение	23
Глава III	
Борьба за Мосульский вилайет и курдский национальный вопрос . . .	51
Глава IV	
Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане после отмены английского мандата	64
Глава V	
Борьба Иракского Курдистана за самоуправление в годы второй мировой войны	73
Глава VI	
Участие курдов в антиимпериалистической национально-освободительной борьбе иракского народа в послевоенные годы	87
Глава VII	
Антиимпериалистическая революция 1958 г. в Ираке и позиция курдских национальных сил	97
Глава VIII	
Роль курдских национально-демократических сил в защите и упрочении республиканского строя	126
Глава IX	
Обострение обстановки в Курдистане. Начало вооруженной борьбы за автономию	150
Глава X	
Эскалация военных действий в Курдистане. Курдский вопрос в международных организациях	188
Глава XI	
Тактика лавирования в политике правящего режима по курдскому вопросу и планы раскола рядов курдских национально-демократических сил	226
Глава XII	
Декларация 11 марта 1970 г. и проблема действительной автономии курдского народа	272
Заключение	301
Примечания	303

Научное издание

Мгои Шакро Худоевич

**КУРДСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В ИРАКЕ**

в новейшее время

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН АрмССР*

Зав. редакцией *С. В. Полтавская*
Редактор *Т. К. Гарушянц*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *А. П. Дегтярев*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 16553

Сдано в набор 17.09.90. Подписано к печати 13.02.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 20,5. Усл. кр.-отг. 20,75. Уч. изд. л. 23,34. Тираж 1900 экз. Изд. № 6962. Зак. № 373. Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

вышла книга

**Аристова Т. Ф. Материальная культура курдов
XIX — первой половины XX в. 18 л.**

Первое в советской литературе этнографическое исследование традиционной материальной культуры курдского народа, компактно расселенного в нескольких странах Ближнего Востока. Проводятся сравнительные параллели между традиционной культурой курдов этих стран и традиционной культурой курдов Закавказья. Проблема традиционно-культурной общности рассматривается на обширном полевом и музейном материале.

**ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ
КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192,
МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3
(«КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».**

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука»
можно предварительно заказать в книготорговых
организациях всесоюзной фирмы «Академкнига»**

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

Магазины «Книга — почтой»

252208 КИЕВ, пр-т Правды, 80а;
197345 ЛЕНИНГРАД, ул. Петрозаводская, 7;
117393 МОСКВА, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2;
700043 ТАШКЕНТ, ул. Дружбы народов, 6.

**Магазины «Академкнига» с указанием отделов
«Книга — почтой»**

480091 АЛМА-АТА, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 БАКУ, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 ВИЛЬНЮС, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»);
690088 ВЛАДИВОСТОК, Океанский пр-т, 140 («Книга — поч-
той»);
320093 ДНЕПРОПЕТРОВСК, пр-т Гагарина, 24 («Книга — поч-
той»);
734001 ДУШАНБЕ, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 ЕРЕВАН, ул. Туманяна, 31;
664033 ИРКУТСК, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 КАЗАНЬ, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 КИЕВ, ул. Ленина, 42;
252142 КИЕВ, пр-т Вернадского, 79;
252025 КИЕВ, ул. Стретенская, 17;
277012 КИШИНЕВ, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 КРАМАТОРСК, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Кни-
га — почтой»);
660049 КРАСНОЯРСК, пр-т Мира, 84;
443002 КУЙБЫШЕВ, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);

- 191104 ЛЕНИНГРАД, Литейный пр-т, 57;
199164 ЛЕНИНГРАД, Таможенный пер., 2;
194064 ЛЕНИНГРАД, Тихорецкий пр-т, 4;
220012 МИНСК, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»);
103009 МОСКВА, ул. Тверская, 19а;
117312 МОСКВА, ул. Вавилова, 55/7;
630076 НОВОСИБИРСК, Красный пр-т, 51;
630090 НОВОСИБИРСК, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
142284 ПРОТВИНО, Московская обл., ул. Победы, 8;
142292 ПУЩИНО, Московская обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 СВЕРДЛОВСК, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700047 ТАШКЕНТ, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 ТАШКЕНТ, ул. Газеты «Правда», 73;
700100 ТАШКЕНТ, ул. Ш. Руставели, 43;
634050 ТОМСК, наб. реки Ушайки, 18;
450059 УФА, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 УФА, ул. Коммунистическая, 49;
720000 ФРУНЗЕ, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 ХАРЬКОВ, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

Ш. Х. Мгой

Курдский национальный вопрос в Ираке

Предлагаемая книга является первой в новейшее время попыткой научного изложения истории национально-освободительной борьбы иракских курдов и помимо научной имеет еще и большую политическую значимость, ибо обобщает историю борьбы, которая и в наши дни значительно влияет на политический климат региона.
